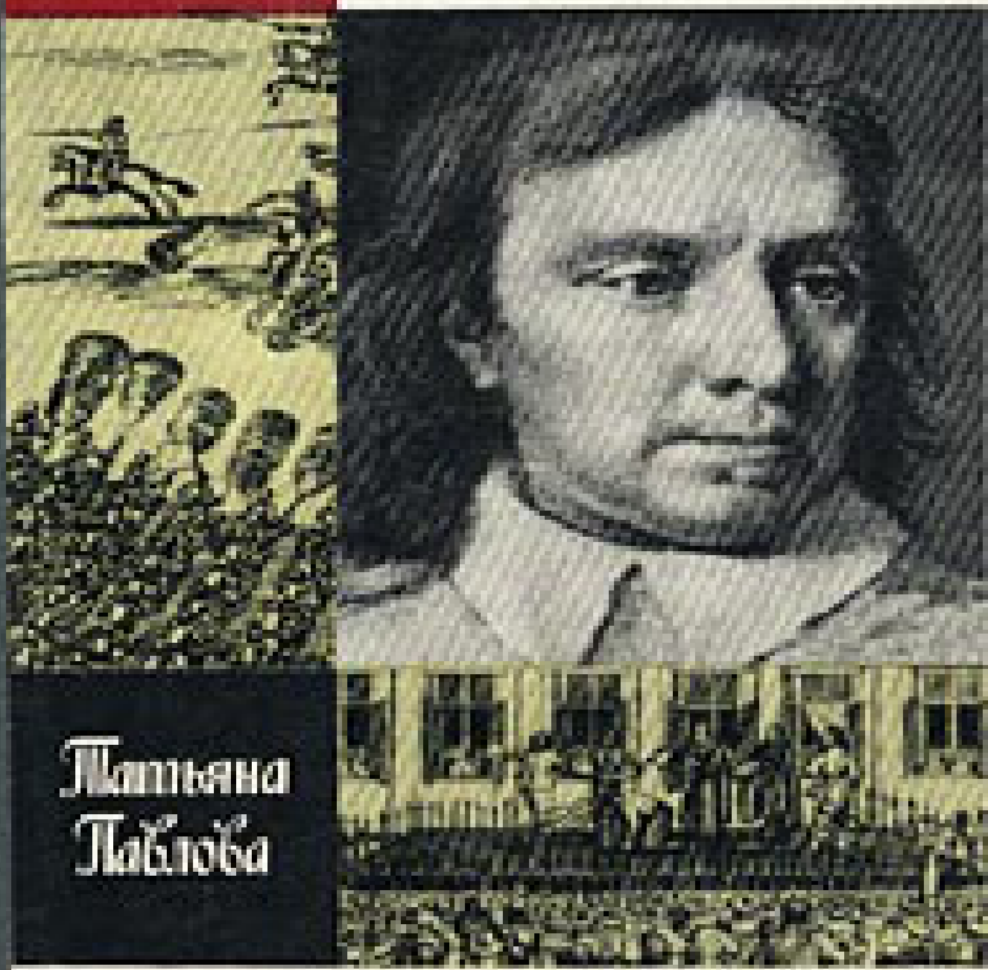
КРОМВЕЛЬ



Татьяна Павлова

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга кандидата исторических наук Т.А. Павловой посвящена жизни и судьбе выдающегося деятеля английской буржуазной революции Оливера Кромвеля, событиям, имевшим решающее значение в истории Англии XVII века; гражданской войне, провозглашению республики, восстанию в Шотландии и диктатуре Кромвеля, приведшей к реставрации династии Стюартов. Книга написана по историческим материалам и документам, мало известным широкому читателю.

- Татьяна Павлова
  - Пролог
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
    - 1. Агитаторы
    - 2. «Народное соглашение»
  - Глава VI
    - 1. «Зловредная война»
    - 2. Насилие над парламентом
    - 3. Верховный суд справедливости
    - Глава VII Республиканец
  - Глава VIII
    - 1. Ирландия
    - 2. Шотландия
  - Глава IX
    - 1. «Охвостье»
    - 2. «Святые» у власти
  - Глава X
    - 1. Констебль
    - 2. «Смиренная петиция и совет»
  - Эпилог
  - Основные даты жизни Кромвеля и главных событий революции
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11

Татьяна Павлова
КРОМВЕЛЬ

Пролог

Каждый человек — загадка. Историческая личность — загадка вдвойне: мы лишены возможности непосредственного общения и вынуждены проникать во внутренний мир человека через не всегда надежные, отрывочные свидетельства его собственных писем, дневников, пристрастных отзывов окружающих — друзей и недругов. А в бесконечной веренице замечательных фигур, сыгравших свою роль в мировой истории, выделяются несколько особенно таинственных, особенно непонятных. Такой загадочной личностью был Оливер Кромвель — вождь английской буржуазной революции XVII века.

Уже сама судьба его необычайна: никому не известный, небогатый провинциальный джентльмен стал выдающимся полководцем, добился казни законного монарха и сам, по существу, занял его место: сделался неограниченным владыкой Англии, грозой европейских держав, вершителем мировой политики того времени. До сих пор не умолкают споры об этом удивительном человеке; исследователи пристрастны, как и современники, их оценки разноречивы, подчас одно мнение полностью исключает другое. Одни утверждают, что он был «лицемерным тираном», «злонамеренным узурпатором», который с самого начала умело пользовался революционными лозунгами и религиозным пафосом пуританского движения для достижения личной славы, богатства, а главное — власти. Другие считают, что это был искренний революционер, борец на благо народа, рыцарь идеи, которого лишь обстоятельства вынуждали прибегать к диктаторским методам. Кто объявляет Кромвеля отступником и предателем, изменившим делу народа, кто величает его Героем с большой буквы, христианским подвижником, посланцем свыше, спасавшим Англию от многочисленных врагов. Либералы полагают, что он либерал и реформатор, теоретики «исключительности» английского буржуазного демократизма называют его пионером парламентской системы; кое-кто именует его «консервативным диктатором». Наконец, есть люди, которые пытаются доказать, что Кромвель — просто сельский джентльмен, чье имение пришло в упадок; потому он и возглавил «революцию разрушения», чтобы вернуть Англию к безвозвратно уходившим в прошлое феодальным порядкам.

Такая несовместимость оценок не лишена оснований. Если мы обратимся к поступкам и высказываниям Кромвеля самим по себе, то столкнемся с такой массой противоречий, которая неминуемо заведет нас в тупик. Долгие, мучительные колебания,

промедления, нерешительность — и бешеные взрывы энергии; удивительная способность к действию, внезапные крутые повороты, неожиданные поступки. Очевидная трусость, стремление остаться в тени, страх за свою жизнь — и безоглядная смелость, отвага на поле боя, умение взять на себя всю ответственность за сокрушительные политические акты. Экзальтированная религиозность, постоянные «поиски бога», склонность к мистике — и трезвый политический ум, расчет, практицизм. Умение говорить на одном языке с народом, понимать его нужды — и бескомпромиссное подавление народных движений, отождествление «бедного человека» с «плохим человеком». Нежность к родным; забота о друзьях, о солдатах; великодушие к врагам — и жестокость.

Эту противоречивость нельзя понять, не углубившись в события, где Кромвель играл такую выдающуюся роль, — в события революции. Без революции Кромвеля не постичь: в некотором смысле он был творцом ее, но еще в большей степени его самого вел ход событий. Сила и подъем революции, а затем удушение новыми правителями ее наиболее демократических течений и сделали Кромвеля тем, кем он стал в истории. Непонятную на первый взгляд смену его поступков и даже страстей можно объяснить, только внимательно следуя за каждым поворотом в движении революции.

Английская буржуазная революция середины XVII века была, по выражению К. Маркса, первой буржуазной революцией «европейского масштаба». Она явилась тем потрясающим по силе и результатам событием, которое нанесло сокрушительный удар господству феодальной системы во всей Европе. Этот «громовой удар» возвестил рождение нового общественного строя, привел к власти новые классы, разрушил старый общественный порядок. Она не была исключительно английской; подобно Великой французской революции конца XVIII века, она означала «победу нового общественного строя, победу буржуазной собственности над феодальной, нации над провинциализмом, конкуренции над цеховым строем, дробления собственности над майоратом, господства собственника земли над подчинением собственника земле, просвещения над суеверием, семьи над родовым именем, предприимчивости над героической ленью, буржуазного права над средневековыми привилегиями».

Революция в Англии назревала исподволь, в те времена, когда английский абсолютизм, казалось, еще только переживал эпоху своего расцвета. Уже в правление королевы Елизаветы I, во

второй половине XVI века, новые классы, родившиеся в недрах феодального общества, — буржуазия и новые дворяне (джентри) — то там, то здесь демонстрировали свою силу и влияние. Развивались промышленность и торговля, в дворянских поместьях хозяйство перестраивалось на буржуазный лад: общинная земля, испокон веков служившая крестьянам, огораживалась, и на ней предприимчивый хозяин разводил овец, чтобы потом торговать шерстью и мясом и умножать свой капитал. Один и тот же человек оказывался и землевладельцем, и промышленником или купцом одновременно; в этом состояла важнейшая особенность общественного строя Англии — особенность, так ярко отразившаяся в самом характере революции.

Естественно, что этим новым людям мешали феодальные ограничения, которые сковывали свободу торговой и предпринимательской инициативы. Особенно усилилось их недовольство при королях из династии Стюартов, которые сменили на престоле Елизавету Тюдор. Яков I и его сын Карл I, стремясь пополнить казну, возрождали старые, давно забытые феодальные обычаи и поборы. Они пользовались «королевской прерогативой» — для того чтобы ослабить влияние парламентов, в которых заседали представители новых классов, а для подавления недовольства все чаще вводили в действие чрезвычайные суды — Звездную палату и Высокую комиссию.

Недовольство, однако, росло. И поскольку старый мир был еще силен и новые веяния корнями своими уходили далеко в глубь средневековья, недовольство тоже обретало средневековые формы: идейным знаменем своим оно избрало религию. Но не средневековый католицизм, тесно сращенный со старым порядком, и не англиканство, родившееся в результате реформации, проведенной английскими королями. Английская реформация «сверху», начатая Генрихом VIII и окончательно оформившаяся при Елизавете, носила ограниченный характер. Она избавляла правящую верхушку церкви и государства от миродержавного контроля римского папы, но сохраняла нетронутыми епископальный церковный строй, пышные обряды и многие догматы католицизма. Англиканская церковь стала послушной служанкой абсолютизма, а ее вероучение — его идеологической базой. Поэтому-то всякая оппозиция абсолютизму принимала антицерковную, антиангликанскую, протестантскую форму.

Идейной базой недовольных стал кальвинизм. Основателем этого религиозного учения был женевский реформатор Жан Кальвин. Кальвинизм был поистине буржуазной религией. Он разрушал грандиозное иерархическое здание католической

церкви, построенное на безграничном авторитете папства и как бы повторявшее светскую иерархию средневекового феодального общества. Не церковные постановления, а Библия, переведенная в XVI веке с малопонятной средневековой латы-пи на европейские языки, стала главным источником идеологии новых классов, их политики, главным мерилом моральных ценностей. Не обряды и таинства, представлявшие собой священную монополию католического духовенства, а вера — личная вера каждого — объявлялась основой религии. Тот, кто имеет истинную веру, учили кальвинисты, спасется, даже если не будет исполнять установленных церковью обрядов. И наоборот: ни крещение, ни причастие, ни посты, ни исповеди и отпущения грехов не помогут тому, кто не имеет в душе веры. Те же, кто верует, равны перед богом. Отсюда рождалась идея буржуазного равенства вообще: купец — такое же создание божье, как увенчанный пышным титулом лорд»; подмастерье, если он искренне верит в бога, столь же достоин спасения, как и его хозяин.

Это новое учение постепенно овладевало умами все более широких слоев англичан. Новые дворяне и финансисты, заинтересованные в развитии своего хозяйства по капиталистическому пути, крестьяне-арендаторы и лавочники, подмастерья и сельские батраки становились «пуританами» (от латинского purus — чистый), борцами за очищение церкви. Эта последняя задача казалась им главной. В освобождении религии от оков католических обрядов, в отмене епископской власти и церковных судов многие видели основную свою задачу — она от них самих подчас заслоняла более глубокие, социальные и политические требования общественного развития. Образы, аргументы, лозунги для своей борьбы они черпали из Ветхого завета, ставшего их достоянием — именно из Ветхого завета, зовущего на борьбу, угрожающего, непримиримого. «Кромвель и английский народ, — писал К. Маркс, — воспользовались для своей революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета».

Началом английской революции принято считать открытие Долгого парламента 3 ноября 1640 года. Буржуазия и новое дворянство, представленные в нем, впервые осмелились открыто выступить против произвола королевских министров, против незаконных поборов, против власти англиканской епископальной церкви, против чрезвычайных судов. В своей борьбе они опирались на широкое движение народных масс, недовольство которых особенно ярко проявилось в деле графа Страффорда. Именно народ, собравшийся к зданию Уайтхолла в мае 1641 года, заставил Карла I подписать смертный приговор своему фавориту.

Именно народ укрыл в Сити пятерых парламентских вождей и не дал их арестовать в начале 1642 года. И война, которую начал король против парламента летом того же года, была прежде всего войной против английского народа.

Первая гражданская война ясно продемонстрировала всенародный характер английской революции. Армия нового образца, созданная в значительной мере благодаря энергии и таланту Кромвеля, была на этом этапе революции поистине народной армией, воодушевленной идеалами свободы и справедливости. Она объединяла в себе разнообразные демократические силы, и великой заслугой Кромвеля явилось то, что он сумел слить свои интересы с этим всенародным движением, сумел стать вождем революционной армии и вести ее к победам вопреки воле нерешительного, склонного к компромиссу с монархией командования. Ибо уже в ходе войны в революционном лагере обнаружились разногласия.

Поскольку в те далекие времена чувства и мысли людей питались, по выражению Энгельса, исключительно религиозной пищей, то и противоречия в парламентском стане тоже выразили себя как религиозные противоречия. Зажиточные купцы, финансисты Сити, крупные землевладельцы, склонявшиеся лишь к умеренным, половинчатым реформам, осознавали себя как пресвитериане[1] — ортодоксальные кальвинисты, сторонники государственной церкви и ограниченной монархии. Средние слои нового дворянства, а также купцы, владельцы небольших мастерских и мануфактур, мелкие лавочники, подмастерья, свободные крестьяне-йомены — были индепендентами, то есть независимыми; они считали, что государство не должно вмешиваться в дела религии, и выступали за широкую веротерпимость. К индепендентам принадлежал и Кромвель.

Однако и индепенденты не были едины. В 1647 году со всей ясностью обнаружилось уже политическое, а не религиозное различие между шелковыми индепендентами, или грандами, как их в насмешку именовали на испанский лад, и левеллерами, что по-английски значит «уравнители». Гранды, к которым принадлежало высшее офицерство, а значит, более почтенные, зажиточные представители нового дворянства, подобные самому Кромвелю, не были демократами. Они выступали за решительную чистку страны от феодальных порядков, но чистку эту думали провести односторонне, только в интересах своего класса. Народных масс они боялись и отнюдь не стремились к тому, чтобы удовлетворить их нужды или дать им политические права. Левеллеры же, наоборот, стремились к широким демократическим преобразованиям: они выступали за

республиканское устройство, за всеобщее избирательное право, за избираемые ежегодно однопалатные парламенты. Левеллеров поддерживали массы простого люда, и именно благодаря этому революционному напору масс гранды решились на величайший, невиданный во всей предшествующей истории акт: они судили и казнили короля, а затем провозгласили в Англии республику. Энгельс писал: «Исключительно благодаря вмешательству… йоменри и плебейского элемента городов борьба была доведена до последнего решительного конца и Карл I угодил на эшафот».

Однако этим «революционность» буржуазно-дворянских вождей и ограничилась. Воспользовавшись победами народа и придя к власти, они стали заботиться прежде всего о своих личных, узкоклассовых интересах. Обогащение стало теперь их богом. Оставив прежние идеалы, забыв собственные демократические лозунги, они двинули республиканскую армию на завоевание чужих земель, прежде всего Ирландии, затем Шотландии. Завоевание Ирландии стало той скалой, о которую, по выражению Маркса, разбилась английская республика. Оно имело два важнейших результата: во-первых, привело к разграблению ирландских земель, обогащению за их счет новых классов, которые превратились в конечном итоге в контрреволюционную силу и привели к реставрации Стюартов. Во-вторых, ограбление Ирландии превратило революционную народную армию в захватчиков и беспринципных наемников, охваченных жаждой наживы. Революционная инициатива народа была таким образом нейтрализована.

А левеллеры? Они тоже потерпели поражение. Их идеалы были в существе своем мелкобуржуазными, ограниченными: они провозглашали только политическое равенство. Они решительно отмежевались от тех, кто стремился к равенству имущественному. Такое движение, вдохновленное социалистической идеей всеобщего труда и обобществления собственности, идеей «нового мирового порядка», где нет эксплуатации, тоже существовало в английской революции: его носителями были диггеры и их вождь Джерард Уинстенли. В их лице явило себя самостоятельное движение «того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата». Однако это движение было слишком незрелым. И тот факт, что левеллеры решительно отвергли свою причастность к нему, твердо подчеркнув свое чисто политическое «уравнительство», привел к расколу внутри народного, крестьянско-плебейского лагеря и обусловил его поражение. Последним революционным актом, совершенным Кромвелем под давлением народных масс, был разгон охвостья Долгого парламента, превратившегося в

своекорыстную олигархическую клику.

Однако за этим последовал еще более крутой поворот вправо. После неудачного эксперимента с «парламентом святых» — собранием малосведущих в политике и государственных делах представителей индепендентских религиозных общин — Кромвель уступает нажиму высшего офицерства и соглашается на установление в Англии протектората, который, по существу, представлял собой военную диктатуру буржуазии и нового дворянства. Эти классы теперь стремились удержать за собой власть и противопоставить силу кромвелевского меча угрозе реставрации монархии, с одной стороны, и попыткам народных масс продолжить революционные преобразования — с другой. Вынужденный постоянно обороняться с этих двух сторон, протекторат становился все более и более консервативным. Внутри страны он проводил политику, которая напоминала политику Якова I и Карла I Стюартов: пресекал всякие попытки недовольства, разгонял парламенты, выкачивал прибыли, часто обходя законы, раздавал монополии, поощрял сгон крестьян с земли. Во внешнем же мире он стремился завоевать господство Британии на морях, добивался торговых привилегий английским купцам, вел захватнические войны, грабил чужие земли.

Однако классовая база этого режима становилась все более узкой: народ отшатнулся от буржуазно-дворянской республики еще в 1649 году, когда Кромвель подавил левеллерское движение; новые же собственники, разбогатевшие за счет роялистских и ирландских земель, начинали склоняться в сторону монархической власти как более «законной», устойчивой, способной лучше оградить их интересы. Не случайно Кромвелю в 1657 году предложили принять корону. И он готов был уже принять ее, но офицеры, желавшие сохранить военную диктатуру, вынудили его ответить отказом. В последние годы его жизни режим протектората близился к краху, и только могучий личный авторитет Кромвеля удерживал страну от новой смуты. Вскоре после его смерти английские собственники, консерваторы по самому своему существу, обратились к веками испытанному институту монархии. В страну вернулись изгнанные Стюарты. 30 января 1661 года, в годовщину казни Карла I, прах Кромвеля был извлечен из могилы и предан поруганию. Буржуазная революция закончилась. Отошла в область истории.

Пройдут века, и мы вновь будем пытаться понять Кромвеля изнутри, понять противоречия его характера, силу и слабость, верность идеалам и отступничество, демократизм и консерватизм. Как проникнуть в сложный, столь непохожий на нас, столь своеобразный мир этого замечательного человека? Как

постичь его победы и промахи, терзания его совести и взрывы страстей? Углубимся в его речи и письма; перечтем воспоминания и отзывы о нем современников; с придирчивым вниманием изучим его многочисленные биографии; разбудим свое воображение — и тогда он заговорит с нами, как живой.

Глава I
Джентльмен по рождению

По рождению я был джентльменом и жил не в особенно высоких кругах, но и не в безвестности.
Кромвель

Мальчик родился в три часа утра 25 апреля 1599 года в скромном, но добротном доме на окраине провинциального городка Хантингдона, что в Средней Англии. Рождение его было ничем не примечательным. Он даже не был первенцем: Роберт и Элизабет Кромвель имели уже четверых детей. По обычаю на пятый день, 29 апреля, мальчика крестили в городской церкви и нарекли ему имя Оливер в честь дяди — сэра Оливера Кромвеля, который в качестве крестного отца присутствовал тут же, сопровождаемый многочисленной челядью.

Этот дядя был человек замечательный. Он с полным основанием гордился своим не очень, правда, старинным, но знатным и славным родом. Предки его были выходцами из Уэльса. Они возвышались вместе с возвышением королевского дома Тюдоров. В ясный майский день 1540 года на пышном празднестве в честь четвертого по счету бракосочетания короля Генриха VIII эсквайр и.) Гламорганшира Ричард Вильямс, принявший имя своего могущественного дяди, канцлера королевства Томаса Кромвеля, весьма отличился на рыцарском турнире и потешил глаза стареющего сластолюбца стремительными атаками и доблестной защитой. В награду эсквайр Ричард Вильяме (он же Кромвель, плащ из белого бархата) был пожалован в рыцари. Сам король, расчувствовавшись сказал: «Прежде ты был мой Дик; теперь ты будешь мой диамант[2]», — и подарил ему перстень с бриллиантом. Так говорят старинные хроники.

Очередной брак короля оказался опять неудачным, и устроитель его, канцлер королевства Томас Кромвель был через два месяца казнен на Тауэр-хилле как еретик и государственный изменник. Опала, однако, не коснулась Ричарда Вильямса, сумевшего стать полезным королю в качестве сэра Кромвеля. Он вовремя сообщил правительству о готовящемся заговоре католиков и принял участие в его подавлении; послужил королю

своей шпагой и войне с французами; женился на дочери лондонского мэра и изрядно нажился на богатствах распускаемых монастырей. За это он в добавление к бриллиантовому перстню получил солидные земельные владения в Лондоне, Уэльсе и графстве Хантингдон. Владения эти также были в прошлом собственностью монастырей, которые так старательно разрушал его дядя.

Сын Ричарда, сэр Генри Кромвель, приумножил славу отца. Он выстроил в унаследованном поместье Хинчинбрук, на берегу Уза, роскошный замок, украсил его заморскими гобеленами, картинами и вазами; он жил широко, гостеприимно, был верным другом англиканской церкви и более всего преклонялся перед королевой Елизаветой. Она пожаловала его в рыцари и удостоила Хинчинбрук своим посещением, о чем долго еще после того вспоминала вся округа. «Золотого рыцаря», как прозвали сэра Генри, любили за великолепие и щедрость. Он был членом парламента, шерифом Кембриджа и Хантингдона; женой его стала опять-таки дочка лондонского мэра.

Своим детям (шесть сыновей и пять дочерей) этот сельский магнат оставил неплохое состояние. Хинчинбрук унаследовал старший сын Оливер, тот самый дядя и крестный отец родившегося в 1599 году младенца. Он перенял широкие замашки, гостеприимство и щедрость отца, но был лишен его расчетливости и умения наживаться. Бесконечные роскошные пиры в Хинчинбруке чередовались с многодневными соколиными охотами; турниры и маскарады сменяли друг друга. Гости в доме не переводились.

Однажды сэру Оливеру довелось принять в своем замке совсем особенного гостя. Золотое солнце блаженной памяти королевы Елизаветы закатилось. Прямых наследников «королева-девственница» не оставила, и английский престол перешел к шотландскому Якову VI, сыну Марии Стюарт, которая была казнена в 1587 году за постоянные козни против своей венценосной сестры.

И вот 27 апреля 1603 года обитатели Хинчинбрука завидели издали растянувшийся королевский обоз. Яков VI, ставший Яковом I Английским, переселялся из Шотландии в Лондон и по дороге остановился на несколько дней отдохнуть и погостить в доме сэра Оливера Кромвеля.

С каким великолепием гостеприимный хозяин обставил эту встречу! Весь замок, превосходный парк, его окружавший, конюшни и псарни, склады и амбары были приведены в образцовый порядок. На торжество пригласили всех именитых людей Хантингдона и Кембриджа. Роскошный пир с дорогими

испанскими винами, с музыкой и представлениями; рыцарский турнир на лугу перед замком — зрелище, достойное королевских очей; охота на благородного оленя — ничто не было забыто. Растроганный король, маленький тщедушный человечек с большой головой и кривыми ногами, опоясал хозяина мечом, посвятив его в рыцари. Покидая веселый замок, он получил поистине королевские дары: массивную золотую чашу, чистокровных арабских скакунов, в которых сэр Оливер знал толк, свору лучших борзых и стаю ловчих соколов. Не забыли и свиту: золото без счета падало в руки придворных.

Таков был сэр Оливер. Он не умел считать деньги, чем вызывал невольное осуждение своего младшего брата Роберта, жившего в скромном, но добротном доме на окраине Хантингдона.

Роберт Кромвель совсем другой человек. Он был из тех, кого называли в то время пуританами и кто всем своим обликом отличался от придворных вельмож и живущих на широкую ногу магнатов вроде сэра Оливера. Эти люди — пуритане — появились в Англии еще при королеве Елизавете. Они вели себя странно: не пили вина, не божились, не плясали в праздники на улицах, не играли в карты и в кости; лица их выражали сосредоточенность и благочестие. Они были сухи в обращении и скупы на слова; речь их постоянно пересыпалась библейскими выражениями. Детей своих они называли ветхозаветными именами: появлялись маленькие Иеремии, Исааки, Руфи… По внешнему виду пуритане тоже резко выделялись среди пестрой толпы: они носили простой черный костюм с белым полотняным воротником, без кружев и иных украшений. Они не терпели веселья, танцев, смеха, пения (кроме пения библейских псалмов); не посещали театров, не участвовали в спортивных играх, которые расценивали как сплошной грех, легкомыслие, дьявольское наваждение. Они очень много и прилежно работали; много и усердно молились.

Их вера пришла из Женевы и называлась кальвинизмом. Созданная при Генрихе VIII и выпестованная при Елизавете, англиканская церковь с ее многочисленными праздниками, в которые нельзя было работать (а значит, наживать деньги!), с ее пышными обрядами, для которых требовалось столько драгоценных риз, икон и украшений (стоивших денег!), не удовлетворяла этих людей. Она сохранила слишком много католических черт — и во внутренней своей структуре, и в пышности ритуалов. Пуританам, которые хотели делать дело и приумножать свое достояние в скромных поместьях, мастерских

или торговых конторах, нужна была совсем другая церковь — дешевая, простая, очищенная от дорогостоящих излишеств.

Библия была их главной и часто единственной книгой. Переведенная на английский язык и усилиями женевских конгрегаций распространенная в Англии к концу XVI века, она дала пуританам огромную пищу для размышлений, толкований, поисков. В Библии можно было найти ответ на любой вопрос, подобрать десятки примеров для обоснования той или иной мысли, выбрать суровые обличающие или уничижающие слова, которые достигали самого сердца. Ветхий завет угрожал, пророчествовал, звал к борьбе, и потому он был гораздо ближе пуританам, для которых настал час борьбы с уходящим феодальным миром, чем Евангелие с его духом всепрощения. Ветхий завет стал для них основным авторитетом в делах не только и не столько духовных, но и в делах житейских — политических, общественных.

Все люди у кальвинистов делились на избранных — от века предназначенных ко спасению и райскому блаженству, и проклятых, обреченных адскому пламени. Но узнать с достоверностью, кто спасен, а кто проклят, в этой жизни было невозможно. Оставалось строить догадки и искать знаков божьей милости или немилости в реальной людской жизни. И пуритане полагали, что благочестие, бережливость, а также преуспеяние в деле свидетельствуют об избранничестве, о божьей милости. И наоборот: расточительность, беспорядочность, разорение с неопровержимостью говорят о том, что впереди человека ждет геенна.

Таким последовательным пуританином и считал себя Роберт Кромвель. Губы его были всегда сжаты, лицо серьезно. Оно носило печать заботы и сосредоточенности. Такой человек постоянно чувствует свою ответственность перед семьей, перед своим делом, перед богом. Как бы бросая вызов старшему брату, он вел подчеркнуто скромную, деловую жизнь: выращивал скот на бывших церковных, а ныне принадлежащих ему пастбищах, сеял хлеб и варил пиво. Дела его шли неплохо: в то время как брат расточительствовал и разорялся, он богател (доходы его достигали 300 фунтов в год) и завоевывал уважение соседей. Ему не пришлось остаться в безвестности: он был избран в парламент, служил мировым судьей.

Жену его звали Элизабет. Девичья фамилия ее была Стюард, что дало кое-кому основание утверждать впоследствии, что она имела отношение к королевскому дому Стюартов. Вряд ли это верно: Элизабет родилась в семье преуспевающего норфолкского джентльмена, как и Кромвели, разбогатевшего на роспуске

монастырей. В приданое она принесла своему мужу годовую ренту в 60 фунтов стерлингов и пивоварню. Ее брат Томас Стюард, другой примечательный дядя маленького Оливера, считался богатым землевладельцем и жил в Или, графство Кембридж.

Она не была красива: небольшие темные глаза, длинный нос, мясистые щеки. Но крупные, хорошо очерченные губы таили нежность, а взгляд был волевым и умным. Ей минуло 34 года, когда родился Оливер. После него у нее появилось еще пятеро детей, но вот беда: оба мальчика — Генри и Роберт — умерли в младенчестве. Оливер рос один в окружении шести сестер, и на него, своего дорогого Нолли, мать обратила все надежды, всю любовь. Она, без сомнения, как и ее муж, придерживалась пуританской веры, любила и тщательно вела домашнее хозяйство, сама или с помощью мистрисс учила детей читать и заучивать молитвы. К ней, вероятно, можно было применить слова одного лондонского пуританина, Неемии Уиллингтона, писавшего о своей матери: «Она была очень любяща и покорна своим родителям, любяща и добра к своему мужу, очень нежна к своим детям, она любила все добродетельное и сильно не любила злое и легкомысленное. Она была образцом скромности и очень редко выходила из дому куда-нибудь, кроме церкви; когда другие развлекались по праздникам или в иное время, она брала шитье и говорила: „Вот мое развлечение…“ Бог одарил ее выдающимся умом и превосходной памятью. Она прекрасно изучила все библейские рассказы, а также все истории мучеников и умела хорошо рассказывать их». Вдобавок Элизабет обладала еще сильным характером и изрядной долей ума, практицизма и деловой сметки.

В такой семье рос Оливер Кромвель. Множество легенд о его детстве родилось впоследствии, когда он уже нес на себе бремя славы, или даже еще позднее, в XVIII веке, когда жизнь его стала достоянием истории. Говорили, что в комнате, где он родился, висел гобелен с изображением Страшного суда и лик дьявола — было первое, что он увидел, явившись на свет. Еще утверждали, будто в раннем детстве, во сне или полудреме ему привиделся некий исполинский посланец, объявивший: он будет самым великим человеком в Англии, «вроде короля». Сохранился рассказ об обезьянке, которая утащила младенца из колыбели, когда он гостил вместе с родителями в Хинчинбруке, и к ужасу всей семьи взобралась с ним на крышу замка.

Но самая знаменитая легенда — это рассказ о встрече четырехлетнего Оливера с трехлетним принцем Карлом, будущим королем Карлом I. Будто во время пребывания Якова в

Хинчинбруке весной 1603 года принц Карл и маленький Оливер затеяли веселую игру, а потом подрались, как это часто бывает у мальчиков, и Оливер (о великое предзнаменование!) до крови разбил нос будущему наследнику престола.

Оставим эти легенды на совести их сочинителей. Правдой было то, что Оливер Кромвель родился и воспитывался в скромном, но добротном пуританском доме на окраине городка, затерявшегося среди великой равнины болот. Выходя из дому, он видел широкое низкое небо, почти всегда покрытое облаками, видел шпили четырех городских церквей, в ближайшую из которых, церковь святого Иоанна Крестителя, его водили по воскресеньям.

Хантингдон в самом облике своем имел нечто пуританское. Старые темные дома с островерхими крышами вытянулись вдоль длинной разбитой дороги, уходившей в бескрайнюю, кое-где слегка всхолмленную равнину. Сразу за домами начинались поля и огороды. За околицей пастбища чередовались с лугами и чавкающими торфяниками, среди которых тек полноводный Уз, всегда мутный, с илистым дном. Солнце заходило в тумане, часто шли дожди, болотные тростники шумели под ветром.

Дома отец наставлял его в своей вере. Вечерами семья собиралась у камина, и шестилетний мальчик, сидя на низенькой скамеечке у отцовских колен, слушал поразительные истории и строгие поучения из толстой книги — главной книги в их жизни. Некоторые места особенно врезывались в его память. «Бойся, сын мой, господа и царя, — читал отец. — Даже в мыслях твоих не злословь царя, ибо птица небесная может перенести слово твое, и крылатая — пересказать речь твою».[3] Бога и не менее далекого, сказочного короля следовало бояться: бояться надо было и некоторых людей, злых и алчных. «Есть род, у которого зубы — мечи, и челюсти — ножи, чтобы пожирать бедных на земле и нищих между людьми».

Книга учила заступаться за слабых и смутно кому-то угрожала. Пламя камина завораживало взор, глаза сладко слипались; малыш все теснее приваливался к коленям отца. В ушах звенели, бессознательно запоминаясь, слова: «Открывай уста твои за безгласного и для защиты всех сирот. Открывай уста твои для правосудия и для дела бедного и нищего… Любите справедливость, судьи земли, право мыслите о Господе, и в простоте сердца ищите его…» Голос отца звучал все громче, все напряженнее: «Горе тебе, опустошитель, который не был опустошаем, и грабитель, которого не грабили! Когда кончишь

опустошение, будешь опустошен и ты; когда прекратишь грабительства, разграбят и тебя… Ибо Тофет давно уже устроен; он приготовлен и для царя, глубок и широк; в костре его много огня и дров; дуновение господа, как поток серы, зажжет его…»

«Что такое Тофет?» — встрепенувшись, спрашивал мальчик. И узнавал, что было под древним Иерусалимом такое место, куда жители свозили нечистоты и тела умерших, недостойных погребения. Там их сжигали, и пламень тот был подобен огню ада.

Понятно, что после таких чтений мальчик спал плохо, видел тревожные сны. Физически он был крепким ребенком, любил бегать, возиться с сестрами, но характер имел неровный, слезы часто набегали на глаза, впечатлительность была необычайной. По ночам, в сумраке детской ему могла померещиться гигантская фигура, которая, подобно древним пророкам, предрекала ему славу.

По праздникам он гостил с семьей у дяди в Хинчинбруке и видел совсем другую жизнь — пышную, изобильную, беспорядочную. Ему доводилось играть там с разодетыми в шелка и кружева кузенами, сыновьями сэра Оливера, наблюдать турнир на лужайке или представление заезжего театра, пробовать изысканные блюда. Раз или два он мог встретить там и самого короля Якова, которому полюбилось гостеприимство кромвелевского дворца. Сам дядя, обаятельный и щедрый, являл собой некий вариант шекспировского Фальстафа. Он с громким смехом опорожнял серебряные кубки, был душой всех празднеств и нет-нет одаривал крестника какой-нибудь диковинной вещицей.

Впрочем, Оливер очень рано понял из разговоров и молчаливого осуждения взрослых, что та жизнь, жизнь Хинчинбрука, хоть и притягательна, но порочна. Она «не для них» — людей скромных, трудолюбивых, бережливых. Он рано научился с легким презрением смотреть на эти картины в золоченых рамах, кружева на манжетах, серебряные блюда. Иной идеал складывался у него в душе.

Когда ему было семь или восемь лет, отец отвел его учиться. Хантингдонская начальная школа размещалась неподалеку от дома Кромвелей, в старом кирпичном здании с остроконечной крышей и высокими готическими окнами: оно строилось еще в XIII веке. Это была «свободная» городская школа, находившаяся в ведении городской корпорации: монастырские и кафедральные учебные заведения к тому времени уже исчезли. В школе имелась только одна классная комната — для детей всех возрастов, и

только один учитель.

Учитель, впрочем, был незаурядный. Доктор Томас Бирд — заметная фигура в городе. Выпускник пропитанного пуританизмом Кембриджа, он служил также приходским пастором в той самой церкви святого Иоанна Крестителя, которую посещала семья Кромвелей, и сочинял латинские пьесы на богословские темы. В 1597 году вышла в свет его книга «Театр божьих кар, переведенный с французского и снабженный более чем 300 примерами». В ней доказывалось, что за все свои прегрешения люди несут достойное наказание уже в своей земной жизни. Множество примеров подкрепляли эту идею. Вся жизнь человеческая изображалась как непрестанная борьба между богом и силами тьмы: и лишь избранники божьи, живущие по его закону, в борьбе побеждают.

Особое внимание уделялось королям и правителям, «наиболее скорым на грех» и плохо поддающимся исправлению. Одна глава показывала, «сколь редко встречались во все времена добрые правители». В другой говорилось, что владыки мира сего, даже самые могущественные и великие, не избегнут кары за свои беззакония. Бог не взирает на лица: он помогает и бедным и богатым. Что касается царей земных, то они не выше закона: они подчинены закону, основанному на праве и справедливости. Не сообразно с законом божеским и человеческим, писал Бирд, если царь облагает народ налогами сверх меры, если он отнимает имущество у своих подданных.

Доктор Бирд скоро стал другом семьи Кромвелей. В 1616 году он посвятил старому сэру Оливеру новое свое сочинение, где доказывал, что римский папа не кто иной, как сам антихрист. Влияние такого учителя было огромным.

Доктор Бирд согласно обычаю учил Оливера и других его сверстников читать букварь и первые английские книги: стихотворное переложение псалмов, Евангелие, Катехизис, молитвенник. Позднее к этому присоединилась латынь: переводы басен, речи Цицерона, Овидий, Вергилий и, наконец, Плавт, Гораций, Ювенал. Дети обучались арифметике и геометрии, начаткам логики и риторики, может быть, греческому. Доктор Бирд, кроме того, сочинял и разыгрывал с учениками короткие нравоучительные пьесы.

Оливер видел своего учителя не только в школе. По воскресным дням он со всей семьей отправлялся в церковь послушать проповедь досточтимого доктора.

Проповедь для пуритан — главное в церковной службе. Они не придавали особого значения пению молитв, ритуалам, таинствам — остаткам «папистского идолопоклонства». Зато

проповедь — другое дело. Она говорила о сегодняшнем дне, о том, что было важно для каждого слушателя: об отношении человека к богу и человека к человеку. Вдобавок в провинции проповедь была единственным средством узнать последние новости.

Оливер видел, с каким вниманием слушал проповедника отец. Новый король не оправдал ничьих ожиданий. Он не знал и не любил страну, которой ему выпало править. Его трактаты о божественном происхождении королевской власти и абсолютной независимости ее от закона, сочиненные еще в Шотландии, ни у кого не вызывали сочувствия. Английский парламент с каждым годом набирал силу; его члены, среди которых все большее место занимали новые дворяне[4] — люди, подобные Роберту Кромвелю, — не желали мириться с самовластием.

В 1605 году проповедник в церкви обрушивался но проклятых папистов, подложивших под здание парламента 36 бочонков пороха, чтобы взорвать его вместе с королем и палатой лордов. Он благословлял членов нижней палаты, которые отказывались голосовать за новые налоги, пока король не подтвердит прав палаты общин и по откажется от самодержавной политики.

Конечно, доктор Бирд остерегался прямо осуждать короля со своей кафедры — иначе бы ему несдобровать. Но достаточно было процитировать речь Якова в парламенте — и слушателям все становилось ясно. «Рассуждать о том, что бог может и чего не может, есть богохульство. — Яков словно отвечал пуританам, которые только тем и занимались, что читали, перечитывали, толковали Писание. — А рассуждать о том, что может и чего не может государь, — бунт. Я не позволю рассуждать о моей власти. Монархический порядок есть самый высший на земле порядок. Монархи — наместники бога. Сам бог называет их богами».

Какой уничтожающий ответ на такие речи мог найти проповедник в Библии! «Но когда он сядет на престоле царства своего, должен списать для себя список закона, и пусть он читает его во все дни жизни своей и старается исполнять все слова закона сего, чтобы не надмевалось сердце его пред братьями его и чтобы не уклонялся он от закона ни направо, ни налево, дабы долгие дни пребыл на царстве своем».

Король, не получая согласия парламента на ввод новых налогов и желая пополнить вечно пустую казну, взимал незаконные штрафы, налагал пошлины на ввозимые и вывозимые товары, продавал за деньги государственные должности и титулы, раздавал патенты и монополии — и на это у проповедника находилось громовое разящее слово: «Мерзость для царей — дело беззаконное, потому что правдою утверждается престол».

А что говорить о расточительной жизни двора, о бесконечных танцах, непристойных маскарадах (сама королева являлась на бал с лицом и руками, вымазанными сажей), о роскошных охотах, фейерверках, вельможных фаворитах, на которых тратились тысячи фунтов! И гремели под сводами старой церкви огненные слова, и гневом переполнялись сердца слушающих: «Как сделалась блудницею верная столица, исполненная правосудия! Правда обитала в ней, а теперь — убийцы. Серебро твое стало изгарью, вино твое испорчено водою; князья твои законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гоняются за мздою; не защищают сироты, и дело вдовы не доходит до них!»

Библию можно было толковать по-разному; каждый мог найти в ней аргументы, подтверждающие его правоту. Но раньше этим драгоценным орудием владели лишь образованные, знающие латынь священнослужители и богословы; они и толковали ее в интересах монархии и крупных лендлордов, которые их поддерживали. Теперь священная книга вышла из-под их влияния и стала достоянием масс: каждый, кто умел читать, волен был истолковывать древние тексты так, как ему представлялось правильным. И росло число добровольных проповедников, и оборачивались на службу новому, восходящему миру пламенные и непримиримые слова ветхозаветных пророков.

Порой Оливер видел доктора Бирда в доме дяди или отца и слушал его полные убедительной силы речи. С трепетом он начинал постигать, что бог — не надмирная далекая сила, скрытая в небесах за облаками и ждущая смерти человека, чтобы свершить над ним свой суд. Бог доктора Бирда, наоборот, со страстью и интересом следил за каждым поступком людей, за каждым движением их духа и совести; чуть что, он тут же вмешивался в их жизнь, поощряя благочестивых, сурово карая злых и жестоких. Он помогал воюющим армиям, сокрушал троны недостойных правителей и незримо участвовал в самых повседневных событиях жизни каждого человека.

Этот бог и стал богом Оливера. До конца дней своих он был убежден, что провидение лично управляет миром, и во всем, что случалось с ним, искал некоего знака свыше, проявления божьего одобрения или порицания. Как и его родители, как и большинство пуритан в Англии того времени, он воспринимал мир как постоянную битву между богом и дьяволом, между Христом, на сторону которого встали его отец и его учитель, и «маммоной неправедности», которому служили король, придворные, епископы.

Учился Оливер не блестяще, хотя латынь он усвоил настолько, что в бытность свою лордом-протектором свободно объяснялся с послами иностранных держав. Но быстрый, неровный характер мешал усидчивости. Он, конечно, отдал щедрую дань обычным мальчишеским забавам. В резвых играх он делал успехи, был силен, хорошо бегал, рано научился скакать на лошади. Он любил собак, ловчих соколов, играл в мяч, в кегли, а иногда с ватагой сверстников воровал яблоки в чужих садах. Доктор Бирд по доброму старому обычаю не упускал случая воспользоваться розгой, и Оливеру частенько доставалось. Но иногда мальчик впадал в мрачность, терял интерес ко всему, на глаза его набегали беспричинные слезы. Слезы сменялись внезапной буйной смешливостью или столь же неожиданной вспышкой гнева. Матери было с ним трудно.

К семнадцати годам Оливер вытянулся, стал высоким, плечистым юношей. Красотой он не блистал, носил простой деревенский костюм и вряд ли чем-нибудь выделялся среди сверстников, приехавших, как и он, весной 1616 года поступать в Кембриджский университет. Его записали в число студентов 23 апреля — в тот самый день, когда в Стратфорде-на-Эйвоне умер великий Шекспир. В качестве дара колледжу юный Кромвель по обычаю принес серебряную кружку.

Вероятно, по совету доктора Бирда для юного Оливера был избран самый молодой из кембриджских колледжей — Сидни-Сассекский колледж, основанный в 1596 году. Он был построен из красного и белого кирпича на развалинах бывшего монастыря Серых братьев. Из монастырских строений на территории колледжа сохранилась трапезная, служившая студентам скромной домовой церковью. По пуританскому обычаю в ней но было ни икон, ни витражей. На месте некогда величавого готического собора была теперь лужайка, на которой студенты играли в мяч и кегли.

Сидни-Сассекский колледж выбран был, конечно, не случайно. Если Кембридж еще при Елизавете признавался средоточием пуританского духа, то Сидни-Сассекс был самым пуританским из всех колледжей. Его статуты гласили, что он готовит студентов к поприщу служителей церкви и является просторным лугом, где молодые люди, подобно пчелам, сбирают мед со всех цветов, чтобы потом, вылетев из улья стройным роем, лететь в церковь и раздавать там набранные сокровища.

Все преподаватели были злейшими врагами папистов. Правила для студентов запрещали ношение длинных или завитых волос, пышных воротников, бархатных панталон и тому подобных

ненужных украшений. Бои быков, медвежьи травли и другие буйные развлечения возбранялись. Студентам не дозволялось посещать городские таверны и увеселительные заведения, играть в кости и карты. Короче говоря, этот колледж был самым достойным заведением, и родители со спокойной душой отправили туда своего трудного, неуравновешенного, подверженного всяким опасностям Оливера, о котором постоянно болело материнское сердце.

Его новым учителем стал профессор богословия доктор Сэмюэль Уорд. Это был очень ученый и заметный в пуританских кругах человек. Он участвовал в переводе Библии на английский язык, был делегатом кальвинистского собора в Дордрехте и известен как автор антикатолических трактатов. Колледж под его началом стал, по недовольному замечанию архиепископа Лода, «рассадником пуританства». Уорд был добросовестен до педантизма; от учеников он требовал строжайшей дисциплины и подробного пересказа всех проповедей, которые они прослушали. При малейших проступках их секли в зале публично в назидание остальным.

Богословие не было единственным предметом изучения в колледже. Студентам преподавали также арифметику, геометрию, начатки астрономии, риторику, логику, древние языки. Сидение за книгами не особенно привлекало живого, склонного больше к деятельности, чем к размышлению, юношу. Хотя занятия в колледже не проходили для него даром. К языкам Оливер не имел способностей, но зато преуспел в математике, астрономии и истории. Его занимало движение небесных светил и стройная их упорядоченность. Это говорило о гармонии, которой так недоставало его душе, о подчинении мира строгим законам, о величии и стройности божьего замысла. Ему казалось, что люди должны следовать примеру звезд, четко знать свое место в мире и выполнять предназначенное свыше.

Из книг он особенно полюбил «Всемирную историю» Уолтера Рэли, тщательно соотнесенную с событиями, описанными в Библии. Позднее, уже будучи лордом-протектором, он советовал своему сыну обязательно прочесть эту книгу: «Она содержит полное изложение истории и даст тебе гораздо больше для целостного ее понимания, чем отдельные отрывки».

Но книги не могли долго удержать его внимания. Природная непоседливость, жажда действия мешали углубиться в занятия, а ум не имел склонности к логическим конструкциям. Крепко сложенный, сильный, импульсивный юноша, лишенный отцовской опеки, отдавал дань невинным школярским забавам: с азартом гонял мяч, смело фехтовал, стрелял из лука, плавал.

Если устраивалась охота, он был непременным ее участником; страстно любил верховую езду.

И более спокойные занятия были ему не чужды: как все эмоциональные натуры, он очень чувствовал музыку и любовь к ней сохранил на всю жизнь. Рассказывали, что он участвовал в студенческом спектакле и поразил товарищей, надев на голову бутафорскую корону и экспромтом произнеся несколько величественных, как бы королевских, слов.

Пребывание в университете оборвалось внезапно. Едва минул год, как пришло обведенное траурной каемкой письмо, известившее его о смерти отца. Через несколько недель скончался и дед его — отец матери. Мальчишество кончилось раз и навсегда: отныне он делался главой семьи, эсквайром, хозяином дома, где слезы убитой горем матери смешивались с рыданиями шести сестер. Одна из них только что вышла замуж, а младшей было всего шесть. Оливер покинул Кембридж и поспешил домой.

Дома настроение было подавленное. Мало того что семья потеряла кормильца, ей теперь грозила опасность попасть под королевскую опеку. Оливеру, старшему сыну, до совершеннолетия оставалось еще три года, и королевские чиновники готовы были прибрать к рукам наследство, оставленное Робертом. А что значила королевская опека — все знали: бесконечные платежи, штрафы, повинности — в Англии господствовало феодальное право. Когда Оливеру стукнет двадцать один, он должен будет еще выкупать свое имение — платить за ввод в право наследования, если у него к тому времени останется чем платить.

Но Роберт недаром слыл осторожным и разумным человеком: он завещал все свое состояние не сыну, а жене Элизабет. И ей удалось доказать в суде с помощью влиятельных родственников, что выкуп за имение уже сделан — когда умер сэр Генри, «золотой рыцарь», и Роберт, его сын, вступал во владение.

Судебный процесс стоил, конечно, немало денег и нервов для всей семьи, еще не оправившейся от потерь. Он показал: для того чтобы быть сквайром в сельской Англии и уметь защититься от произвола королевских чиновников, надо хорошо знать право и разбираться в тонкостях земельных отношений. Оливера было решено послать в Лондон, в Судебное подворье, чтобы он постиг там эту премудрость. Мать обещала управиться с хозяйством сама. В конце концов и пивоварня, ее приданое, еще приносила доход, и рента шла исправно.

И вот Оливер, уже новый Оливер, возмужавший и серьезный,

едет в Лондон. Усвоенная с детства пуританская мораль приучила его смотреть па превратности судьбы как на божье бремя, которое нужно нести без жалоб Он сознает всю ответственность свою за мать и сестер, за отцовское дело. Но он полон жажды жизни и здорового юношеского любопытства. Огромный мир только еще открывается перед ним.

Провинциальному грубоватому юноше в неуклюжем домотканом костюме, с обветренным деревенским лицом столица показалась невероятно роскошной, многолюдной, огромной. В лабиринте улиц этого всеевропейского Вавилона — улиц деловых в Сити, застроенных богатыми особняками в аристократических кварталах, улиц торговых и ярмарочных, улочек портовых, кривых и темноватых, выходящих к широченной, грязной, несущей множество судов Темзе, — легко было заблудиться. Масса удивительных вещей — пышный королевский дворец Уайтхолл; величественные здания Вестминстера, где заседал парламент (Оливер не исключал, что когда-то и ему придется подняться по этим ступеням); огромный мрачный Тауэр — крепость-тюрьма, перед ней на холме порой казнили государственных преступников; ульем гудящая многолюдная Биржа; разноязычный порт, где ежедневно выгружались корабли из всех стран мира; Лондонский мост с его толчеей и магазинами; заречные театры и цирки, — да мало ли еще что могло поразить воображение юного джентльмена из провинции! Свобода кружила голову, соблазны были велики и многочисленны. И как трудно было бороться с собой, со своей необузданной, горячей натурой! Хотелось испробовать все, побывать везде, изведать самые разные, пусть даже запретные, наслаждения.

И Оливер окунулся в столичную жизнь. Он посещал бои быков и медвежьи травли, бывал в театрах, пил вино в портовых тавернах, целовал хорошеньких служанок и, говорят, даже пристрастился к игре. Чуть что — он хватался за шпагу, и не одна потасовка считалась на его совести.

Вряд ли занятия правом в Линкольнс-Инн шли успешно. Но они тем не менее приносили немалую пользу. Судебное подворье посещали в то время видные, талантливые люди — такие, как Оливер Сент-Джон, Дензил Холльз, Эдмунд Уоллер, Артур Гезльриг, Томас Фэрфакс, будущие вожди революции. Люди были интереснее книг. Там можно было познакомиться с последними политическими новостями: услышать о войне, которую вели на континенте доблестные протестанты против католиков-папистов, о предполагаемом браке принца Уэльского Карла с испанской

инфантой — ярой католичкой. Там велись и опасные речи о том, что король ведет страну к разорению.

О, как отличался кривоногий, тщедушный, ничтожный Яков, Яков Вонючий, как окрестили его втихомолку, от великой Елизаветы! В нем не было ничего от ее достоинства, величия, патриотизма. До судеб Англии ему не было дела — лишь бы жить спокойно, развлекаться балами и маскарадами, собирать побольше денег с народа и на досуге пописывать трактаты о божественном праве королей. Спокойная жизнь, которую он так любил, значила для него жизнь без ограничений и без ответственности. Целью этой жизни было удовлетворение малейших своих прихотей и прихотей всесильного фаворита герцога Бекингема. А божественное право королей — не что иное, как право собирать с народа любые налоги и тратить их как вздумается.

Спокойная жизнь означала и мир с иностранными державами — мир вопреки чести и интересам Англии. И Яков заключал союзы с ненавистной католической Испанией, которая грабила английские торговые суда и не пускала их в Вест-Индию, — с Испанией, на борьбу с которой столько сил положили англичане при королеве Елизавете. Еще не хватало, чтобы наследник престола женился на испанке!

Такие речи Кромвель слышал в Судебном подворье и в домах своих родственников, куда он захаживал вечерами. Родственников у него в Лондоне оказалось много — одна его тетка была замужем за сэром Баррингтоном, другая за Гемпденом, третья за Уолли. Все это были известные фамилии. В родстве с ним находились и Септ-Джоны, и Гоффе, и Хэммонды, и Ингольдсби — новые люди; их дела шли в гору, и взглядов они придерживались самых передовых. В их домах Оливер познакомился со своими многочисленными сверстниками-кузенами, которые тоже начинали горячо интересоваться политикой.

Оливер слышал, что парламент еще в 1604 году дал отпор притязаниям чужеземного монарха, заявив ему: «Ваше величество было бы введено в заблуждение, если бы кто-либо убедил вас, что король Англии имеет какую-либо абсолютную власть сам по себе, либо — что король может единолично изменить существующие законы страны». Общины отказывались разрешать королю сбор новых налогов. Они требовали прекратить незаконные аресты, отменить произвольные поборы и пошлины, продажу монополий на торговлю отдельными товарами внутри страны: ведь откупщики, как пиявки, сосут народную кровь, беспрестанно повышая цены на свои товары.

Король не соглашался и, пытаясь добыть деньги, распродавал любимчикам коронные земли, воскрешал давно забытые феодальные повинности, торговал титулами и государственными должностями. Он принуждал купцов и землевладельцев получать рыцарское звание: ведь за эту честь полагалось выложить изрядную сумму денег.

Он притеснял честных пуритан — за малейшую попытку протеста их бросали в тюрьмы. Король, пришедший из протестантской Шотландии, теперь явно склонялся к папизму и по образу мыслей своих, и по образу действий.

Вот чему учился Кромвель в Лондоне.

И еще одно важное событие произошло в его жизни. В доме родственников он встретил Элизабет Буршье — миловидную девушку с пышными светлыми волосами и высоким лбом. Глаза у нее были огромные, прозрачные, широко поставленные, губы складывались в чуть насмешливую улыбку, на щеках играли ямочки.

Она была старшей дочерью богатого лондонского купца-меховщика, соседа тетки по имению в Эссексе. Будучи почти на два года старше Оливера, Элизабет имела куда более положительный и ровный характер. Вскоре молодого сквайра приняли в доме Буршье на Криппльсгейт, и Оливер зачастил туда.

Что ж, Элизабет была прекрасной партией: происхождение, строгое пуританское воспитание, красота, солидное приданое — все говорило в пользу этого брака. Венчание состоялось 22 августа 1620 года в церкви святого Джайлса, неподалеку от дома Буршье. В книге записей жених, верный преданиям своего клана, начертал оба родовых имени: брачуется Оливер Кромвель, оп же Вильямс, из Хантингдона.

Вскоре после свадьбы молодые покинули Лондон для того, чтобы окончательно поселиться в Хантингдоне, в старом доме на окраине, где ждала их мать — поседевшая и постаревшая Элизабет.

Глава II
Хозяин болот

Что человек, когда он занят только
Сном и едой? Животное, не больше.
Тот, кто нас создал с мыслью столь обширной,
Глядящей и вперед, и вспять, вложил в нас
Не для того богоподобный разум,
Чтоб праздно плесневел он…

Шекспир. Гамлет

Вы знаете, каков был мой образ жизни. О, я жил во тьме и ненавидел свет. Я был великим — величайшим грешником. Это поистине так; я ненавидел благочестие, но господь смилостивился надо мною.

Кромвель

Нет, не было ничего необычного, ничего хоть сколько-нибудь примечательного и в последующие годы. После пуритански скромной свадьбы он вернулся с женой в родной дом и стал жить как все. Наследство досталось ему небольшое, но все-таки неплохое; приданое милой Элизабет послужило хорошим подспорьем. Но достояние следовало умножать, — так испокон веков было велено человеку. И Оливер занялся хозяйством.

«Женился — переменился», — говорят в народе. Молодой Кромвель посерьезнел. Надо было по-новому устроить дом, войти во все мелочи хозяйства, позаботиться о незамужних сестрах и о будущем потомстве. Элизабет оказалась хорошей женой: скромна, домовита, бережлива. Оливера умиляла ее наивная хозяйственность и бесконечно радовало такое же как у него, пренебрежение к нарядам и побрякушкам. Истинная пуританка по духу, она видела в исполнении домашних обязанностей свой

христианский долг — перед богом и перед мужем.

Благословенны кров и труд того,
Кто горницу с молитвою метет, —

писал поэт. Горницы у Элизабет всегда мелись чисто, миски блестели, очаг пылал весело и ярко.

Мужа она любила всем сердцем, кротко и преданно, как и подобает доброй христианке. Словом, это был счастливый брак, вскоре увенчавшийся рождением первенца. В честь деда, не дожившего до радостного дня, его назвали Робертом.

Счастливому отцу не пристало сидеть сложа руки: с появлением наследника забот прибавилось. Нанять управляющего Кромвель не мог — не позволяли средства, и приходилось самому договариваться с батраками, выслушивать жалобы арендаторов, следить за тем, чтобы весной вовремя сеяли зерно, чтобы скот был ухожен и накормлен, — да мало ли еще каких дел найдется у рачительного сквайра, владеющего двумя акрами пастбищ, четырьмя акрами лугов и еще пахотным наделом впридачу. И спозаранок, в простой деревенской одежде, он вскакивал на коня и мчался в тумане по чавкающим болотам — проведать амбары, посмотреть стадо коров на дальнем выгоне, заключить новый контракт об аренде.

Времена шли тугие. Цены на зерно и мясо упали. Два подряд неурожайных года заметно снизили ренту. Приходилось на деле исполнять заветы Кальвина: трезвиться, довольствоваться малым, считать каждую копейку.

Семейство росло: в 1623 году родился второй сын, его Элизабет захотела назвать Оливером; в 1624-м появилась дочь Бриджет, в 1626-м еще один сын, Ричард.

Сам Оливер возмужал, раздался в плечах, вошел в полную силу. Роста он был скорее высокого, чем среднего, статен, густые каштановые волосы обрамляли привлекательное, крупное, полногубое лицо. Здоровая деревенская жизнь с утра заряжала его буйной энергией: крутясь по хозяйству, он успевал и охоты затевать многодневные, травя зайцев и лис с борзыми или гоняясь за болотной птицей с соколами, которых очень любил. По вечерам в таверне он игрывал в карты. Он мог и всласть повеселиться с друзьями, и тут был неистощим на выдумки, на всякие озорные проделки. И хотя пил он немного — в основном слабое домашнее пиво, — веселье его подчас бывало диковатым, чрезмерным. Грубые деревенские шутки, фиглярничанье даже, пристрастие к соленым словечкам — наедине с собой он краснел, вспоминая некоторые свои выходки. И, стремясь к очищению, шел

в церковь святого Иоанна принести покаяние.

Все чаще глубокая внутренняя неудовлетворенность охватывала его. Благополучный брак, дети, хозяйственные заботы, немудреные сельские развлечения — изо дня в день, из года в год… до смерти? Эта жизнь — его долг, так определено ему богом, и он, как трудолюбивый червь, будет без конца взрывать родную болотистую землю, добросовестно хлопотать о возделывании полей, уборке урожая, аренде… Во имя чего? Может быть, эта жизнь и есть проклятие, то извечное проклятие, на которое обречен человек? Но что тогда спасение? И как узнать, спасен он или проклят?

Периоды бесшабашной веселости чередуются теперь с днями мрачного уединения. Тревожа Элизабет, он запирается в комнате, снова и снова углубляется в Библию. Мучительные раздумья о спасении становятся вдруг его страстью, его болезнью. По ночам его терзают предчувствия адских мук — и Тофет, страшный, отвратительный Тофет, памятный с детства, встает перед его взором. Он чувствует себя величайшим грешником, он проваливается в бездну, он умирает… В холодном поту он вскакивает с постели, кричит, падает… До смерти перепуганная, бледная Элизабет посылает за доктором. Разбуженный среди ночи серьезный доктор качает головой: у мистера Кромвеля черная меланхолия.

В другой раз в полночь ему мерещится огромный крест, воздвигнутый посреди Хантингдона, и этот крест почему-то наводит такой ужас, что снова приходится будить домашних, посылать за доктором, пить успокоительный отвар.

Не один Кромвель в эти годы задает себе мучительные вопросы о смысле жизни, о спасении, о вере. Предопределение и искупление, грядущий суд божий и второе пришествие Христа на землю обсуждались со страстью и серьезностью по всей Англии. Число пуритан росло — они задавали тон в парламенте, наводняли рынок мрачноватыми памфлетами, где кары небесные призывались на голову того, кто пляшет по воскресеньям, участвует в маскарадах, ходит в театры. Они проповедовали в церквах, в тавернах, на базарных площадях — и не только звали к покаянию, но и обличали: роскошь и праздные утехи двора, ограбление бедняков, повышение налогов, свирепую власть епископских судов. Обращение к «истинной вере» переживала вся страна, и это обращение было чревато бурей.

«Моему достохвальному доброму другу, господину Генри Даунхоллу.

Хантингдон, 14 октября 1626 г.

Милый сэр!

Вы очень меня обяжете, если согласитесь быть крестным отцом моего ребенка. Я должен был бы сам приехать к вам, чтобы пригласить вас по всем правилам, но обстоятельства мне не позволяют, извините меня.

Днем ваших хлопот будет следующий четверг. Позвольте просить вас прибыть в среду.

Получается, что я опять покушаюсь на вашу благосклонность, тогда как следовало скорее выразить вам мою благодарность за ту любовь, которую я уже нашел в вас. Но я знаю, что ваше терпение и вашу доброту не сможет исчерпать

ваш друг и слуга

Оливер Кромвель».

Огонь в камине весело плясал, разгоняя тьму ненастного октябрьского вечера. Пламя оплывающих свечей поблескивало на вычищенных медных подсвечниках, на оловянных кубках. За ужином сидели приехавший из Кембриджа Генри Даунхолл, когда-то однокашник Кромвеля по университету, доктор, только что навестивший Элизабет (она с новорожденным мальчиком четырех дней от роду лежала наверху), проповедник, с ним Кромвель теперь водил большую дружбу, и сам хозяин дома. Дорогому гостю, проделавшему ради завтрашних крестин шестнадцать миль по осенней слякоти, была уже приготовлена комната: простыни пахли лавандой, под одеялом лежала оплетенная шелком глиняная грелка.

О чем говорили за столом? Конечно, о новом короле, Карле I. Год назад он вступил на престол после смерти Якова — и уже сумел вызвать недовольство. Еще в бытность его принцем Уэльсским добрые англичане очень опасались, что он женится на католичке-испанке. И какая была радость, когда его авантюрная, неразумная поездка с любимчиком Бекингемом в Мадрид окончилась провалом! В Сити даже звонили в колокола и зажгли праздничные огни. Но, став королем, Карл поступил ничуть не лучше: взял в жены пятнадцатилетнюю француженку, дочь Генриха IV и сестру Людовика XIII Генриетту-Марию. Легкомысленная смазливая девчонка была тоже паписткой, и вместе с ней в Англию явились католические священники, слуги и соглядатаи антихриста-папы. Дошло до того, что в английском королевском дворце теперь служат мессы. Красавец Бекингем, этот разряженный шут, выскочка, бездарное ничтожество, по-прежнему в большом фаворе — похоже, что это он правит страной, а не законный король!

Сам-то Карл поначалу всем понравился: внешности привлекательной, манеры изящные, воспитан, одет со вкусом, любит спорт, живопись. Но первые же его шаги разочаровали.

Вместо быстрой победоносной войны с Испанией — долгая, дорогая, невыгодная война на континенте, да еще, к позору Англии, в союзе с католической Францией и против протестантов. Вместо решительной борьбы с католиками — потакание им во всем. Вместо сокращения налогов и выполнения разумных требований парламента — увеличение пошлин и всяких боковых, в обход парламента, поборов. Неудивительно, что парламент открыто выразил ему неудовольствие и отказал в субсидиях. Джон Элиот осмелился напасть на Бекингема, на его глупую, авантюрную, вредную политику. «Наша честь попрана, наши корабли потоплены, наши люди погибли — и не от руки врага, не от несчастного случая, а от руки тех, кому мы доверяли», — говорил он. Палата потребовала привлечения к суду Бекингема, разорителя национального достояния. В ответ Карл высокомерно, под стать отцу, заявил: «Парламенты всецело в моей власти, и от того, найду я их полезными или вредными, зависит, будут ли они продолжаться или нет». Он распустил свой первый парламент и прибег к принудительному займу. Но ходят слухи, что многие отказываются давать ему деньги, и пять человек за это уже посадили в тюрьму, а еще нескольких отдали в солдаты и послали на войну, на континент.

А экспедиция в Кадис, снаряженная Бекингемом, позорно провалилась. Да, славные времена королевы Елизаветы, одним великолепным ударом расправившейся с чудовищной армадой, ушли безвозвратно. Теперь Англия терпит поражения — и на море, в борьбе с Испанией, и на суше, у Ларошели, где Бекингем пытался помочь французским протестантам — гугенотам, и опять неудачно.

Серо-зеленые глаза двадцатисемилетнего Оливера лихорадочно горят, он говорит горячо и толково. Иногда он чувствует в себе дар проповедника — библейские цитаты сами срываются с его уст, благочестивые помыслы все больше овладевают его страстной натурой.

Время идет, вот уже и Ричард стоит, пошатываясь на некрепких еще ножках, а в колыбели пищит новорожденный Генри. Кромвель по-прежнему горяч и энергичен, тайный пламень в груди разгорается все ярче и сжигает его изнутри. Его все еще мучают ночные кошмары, мучают какие-то неясные боли. Его тело высыхает, лоб сводят морщины — теперь не только он, но и домашние думают, что он близок к смерти. Но это болезнь не плоти, а духа. Сознание своего греха опаляет его, заставляет корчиться по ночам, а днем совершать странные поступки.

Раз он встречает на улице старого знакомого, с которым когда-то играл и бражничал в таверне. «Пойдемте со мной», — говорит ему Кромвель, зазывает к себе в дом и вручает изумленному господину 30 фунтов стерлингов.

— Я выиграл их у вас в карты, — говорит он. — Я получил их незаконным путем. Мой грех, что я до сих пор их вам не отдал.

С особым вниманием и уважением он относится к пуританским проповедникам — лекторам, которые, подобно древним пророкам, зовут людей к покаянию и не желают подчиняться установлениям епископальной церкви. Он регулярно посещает проповеди, приглашает лекторов к себе в дом, помогает им деньгами. Его дом становится пристанищем для преследуемых пуритан.

В саду, в большом сарае, он устраивает молельню — там они собираются, проповедуют, спорят, распевают псалмы.

Он тесно сближается со своим бывшим учителем и наставником доктором Бирдом. В 1627 году они вместе сражаются против королевского чиновника Барнарда, притесняющего пуритан. Соседи проникаются к нему уважением. «Благочестивый и серьезный джентльмен» достоин того, чтобы защищать их интересы — интересы провинциальных пуритан — в парламенте. В 1628 году Кромвеля избирают в парламент — третий парламент Карла I.

Сырой мартовский ветер гонит невысокую волну на Темзе, Лондон, как и десять лет назад, полон спешащего, деловитого народу. Все та же толчея на мосту среди лавок, все тот же разноязыкий гомон в порту. А Кромвель уже не тот. Не деревенский неоперившийся юнец с изумлением и любопытством присматривается к столичной жизни и пробует ее на вкус, а зрелый двадцатидевятилетний муж и отец, хозяин, определивший свое отношение к миру, поднимается по древним ступеням Вестминстера, чтобы занять в парламенте пусть скромное, где-то в задних рядах, но по праву доставшееся ему место. И сразу же парламентская борьба захватывает его, втягивает, ошеломляет.

Сессия и впрямь началась бурно. Холеный надменный король открыл ее речью, полной вежливых угроз. Если ему откажут в требуемых субсидиях, говорил он, он сумеет прибегнуть к особым, врученным ему самим богом средствам. В ответ поднялся знаменитый борец против королевских злоупотреблений Джон Элиот. Еще три года назад он выступил в парламенте с разоблачением бесчестной политики Бекингема и уже дважды успел побывать в Тауэре за свои пламенные опасные речи. И в

этот раз, похоже, Элиот не собирается отступать. «Здесь оспариваются, — говорит он, — не только наше имущество и наши земли, но и все, что мы называем своим. Те права, те привилегии, которые сделали наших отцов свободными людьми, сейчас поставлены на карту».

Подавшись вперед, внимательно слушает Кромвель знаменитых ораторов. После Элиота выступает спокойный, трезвый, уверенный в себе пуританин Джон Пим — другой вождь оппозиции. А вот и его, Кромвеля, кузен — Джон Гемпден. Как твердо, как гладко он говорит, как бесстрашно бросает обвинения всесильному фавориту! Он тоже уже сидел в тюрьме за отказ платить незаконные налоги. Полны достоинства и превосходного знания правовой истории слова восьмидесятилетнего старца Эдуарда Кока, бывшего главного судьи королевства, толкователя старинных статутов. Он тоже с теми, кто не желает мириться с произволом. Выделяется среди ораторов и йоркширский дворянин Томас Уэнтворт. Он, безусловно, талантлив и говорит очень хорошо. Его речи не столь остры и вызывающи, как речи Элиота или Гемпдена, но он тоже защищает права парламента, протестует против незаконных поборов, требует прекращения произвольных арестов.

Кромвелю не нужно выбирать. Он с самого начала всей душой сочувствует этим смелым обличителям, этим новым дворянам, речи которых словно выражают его собственные мысли. И когда они, подзадоренные королевским упрямством (на главах у всех Карл милостиво протянул руку для поцелуя презренному Бекингему!), принимают «Петицию о праве», Кромвель ликует. Эта петиция, будто возрождая славные времена короля Джона и Великой хартии вольностей, провозглашает:

« — Народ Англии не должен быть против своего желания принуждаем к займам и уплате налогов, не утвержденных парламентом;

— никто не может быть арестован и лишен имущества, иначе как по законному приговору суда и закону страны;

— незаконные аресты должны быть прекращены, как и постои солдат в частных домах».

«Петицию о праве» король воспринял как оскорбление и клевету на правительство и его должностных лиц. Он посылает в палату строгое письмо, воспрещающее подобные акции. Спикеру приказано лишать слова всякого, кто порочит королевских министров. Похоже, дело кончится роспуском парламента. Встает Эдуард Кок, он пытается говорить, но слезы душат его; тряся седой головой, старый судья садится на место. Выдержанный обычно Пим тоже мешает слова со слезами, даже спикер не может

удержаться от слез.

— Если нам нельзя говорить об этих вещах в парламенте, — звучит чей-то голос, — встанем и уйдем отсюда или будем сидеть здесь праздными и немыми!

Палата бурлит, возмущение нарастает. Нет, говорить надо, теперь или никогда! К лордам посылают гонцов, депутаты в беспорядке вскакивают с мест, на голову герцога Бекингема сыплются обвинения.

Но отчаяние общин преждевременно: ведь деньги королю они еще не утвердили! А без этого распустить парламент он не может, деньги нужны ему как никогда. И — о радость! — 7 июня король нехотя уступает: он утверждает «Петицию о праве». В этот день палата торжествует; ее решения печатаются и распространяются в народе; город радостно возбужден. В Сити гудят колокола, народ высыпает на улицы, зажигают праздничные огни.

Ободренная палата общин начинает требовать дальнейших уступок: следует отстранить от власти Бекингема, предать его суду, отменить таможенные пошлины. Это уже слишком. Король распускает парламент на каникулы — осенью, может быть, их страсти немного остынут.

Но страсти разгораются. Они бушуют не только в палате, не только в Сити, но по всей стране. Словно вода в котле закипает — бурлит, волнуется вся Англия. И вот уже первый клинок обагряется кровью: 28 августа в Портсмуте офицер-пуританин Джон Фелтон вонзает свой кинжал в грудь ненавистного временщика. Бекингем убит наповал, лондонская толпа встречает схваченного властями Фелтона цветами и благословениями.

На многих это событие наводит ужас. Томас Уэнтворт, что так гладко говорил в парламенте вольнодумные речи, открыто переходит на сторону короля и сразу получает титул барона и место в Государственном совете. Гонитель пуритан Уильям Лод назначается архиепископом Лондонским.

…Кромвель разбит, удручен, издерган. Приступы болезни учащаются, ему снова становится страшно. В сентябре он идет на прием к известному столичному врачу Теодору Майерну. Богатый, успешно практикующий доктор внимательно выслушивает молодого человека, который жалуется на постоянные боли в желудке через три часа после еды — их не может снять никакое лекарство, на нытье в левом боку, бессонницу. Молодой человек худ, глаза его блестят, плоть суха и горяча. Но нет, как доктор ни ощупывает больного, он не находит в его теле признаков болезни. Это пламенный дух, нервная впечатлительность, внутреннее недовольство сжигают его. «Valde melancholicus» — «крайне подвержен меланхолии», — записывает

он в своей тетради.

Вторая сессия парламента открылась в январе 1829 года и началась опять с атаки парламентских лидеров. На этот раз критике подверглась церковная политика короля. Еще в ноябре он заявил, что требует прекращения всяческих религиозных пререканий и безусловного подчинения единой, незыблемой, им управляемой и ему всецело подвластной англиканской церкви. За этими формулами угадывалась твердая рука архиепископа Лода.

Не могли снести этого парламентские пуритане и, в свою очередь, обрушились на католические порядки, которым все больше потворствует король. В феврале принимается резолюция, где говорится, что католицизм угрожает миру во всей Европе, и прежде всего в Англии; мало того что паписты свили себе уютное гнездо при дворе, они наводнили Ирландию, они вот-вот победят протестантов в Европе и продадут Англию папе. А среди высшего англиканского духовенства господствуют арминиане — соглашатели, готовые уступить католикам не только в обрядности, но и в делах поважнее.

Этот вопрос уже совсем близко касался Кромвеля. Дома он довольно насмотрелся на поставленных сверху проповедников, пытавшихся протащить в церковь католические взгляды. Они притесняли честных пуритан, не давали им собираться и молиться богу так, как те считали нужным и единственно возможным. Они открыто провозглашали, что королевская власть установлена в стране не по договору, не по закону или обычаю, а по прямому соизволению божьему. Таким проповедям пора положить конец.

Сердце у Кромвеля забилось, горло перехватило, он попросил слова. Это было его первое выступление в парламенте — еще сбивчивое, горячее, нескладное. «Доктор Алабастер, — говорил он, — в церкви святого Павла проповедовал открытый папизм. Достопочтенный доктор Бирд хотел его урезонить, тогда епископ Винчестерский вызвал его к себе, выразил недовольство и приказал не перечить Алабастеру». Страстная речь молодого оратора произвела впечатление. Парламентский комитет выпустил протест против «чрезвычайного роста папизма» в Англии, Шотландии и Ирландии.

К этому прибавились выступления против налогов на каждый фунт и каждую тонну вывозимых товаров. Парламент не утверждал эти налоги — значит, они незаконны!

Все это походило уже на открытый мятеж. Король не мог стерпеть такого попрания его прерогативы. 2 марта он приказал

парламенту отсрочить заседания. Но произошло неслыханное: общины отказались повиноваться. Когда спикер, сэр Джон Финч, поднялся с места и направился к выходу, к нему подбежали Холльз и Валентайн, два члена палаты. Они схватили его за руки и вернули на место.

— Клянусь богом, вы будете сидеть до тех пор, пока мы не позволим вам встать! — прорычал Холльз.

Спикера силой удерживали в кресле, а Элиот в это время читал парламентскую протестацию:

« — Всякий, кто стремится привносить папистские новшества в англиканскую церковь, должен рассматриваться как главный враг этого королевства;

— всякий, кто советует королю взимать пошлины и налоги без согласия парламента, должен рассматриваться как враг своей страны;

— всякий, кто добровольно платит не утвержденные парламентом налоги, должен быть объявлен предателем свобод Англии».

Каждый пункт сопровождался громкими голосами одобрения.

— Сюда идут солдаты! — вдруг крикнул кто-то. — Король решил применить силу!

В считанные мгновения двери палаты замкнуты на ключ, протестация ставится на голосование.

Властный стук сотрясает двери. Пришли!.. Элиот подносит свои записки к свече — они пылают. Холльз по памяти повторяет предложения; дверь вот-вот подастся под тяжелыми, грохочущими ударами… Предложения приняты единогласно! Теперь депутаты могут покинуть зал заседаний с чистой совестью. Двери распахиваются, и члены палаты, среди них Кромвель, медленно выходят между рядами пикейщиков. Всем ясно, что это конец парламента, быть может, на многие годы.

Последствия не заставили себя ждать. Девятерых членов палаты, среди них Элиота, Холльза, Валентайна, Селдена, бросают в тюрьму. В особой декларации Карл заявляет, что не допустит вмешательства в область королевской прерогативы. «Мятежных и злонамеренных» членов оппозиции он называет преступниками и врагами королевства; это они повинны в том, что англичане терпят поражения на континенте — ведь они так долго не соглашались вотировать субсидии! Никому, кроме бога, король не обязан давать отчет в своих действиях.

Тучи на политическом горизонте Англии сгустились и целиком закрыли небосвод. Наступила реакция. Кромвелю пора было возвратиться домой.

В Хантингдоне жизнь шла своим чередом. Дом, хлопоты по хозяйству, аренда, пахота — он снова окунулся в свои нехитрые заботы. Вскоре по его приезде Элизабет счастливо разрешилась от бремени еще одним ребенком — на этот раз девочкой. Почему именно на эту дочь Кромвель изольет впоследствии столько нежности? Чем она покорила его сердце? Тем ли, что ее, как и мать его, как и жену, как и великую королеву, перед памятью которой он всегда преклонялся, звали Элизабет? Или тем, что она была так похожа на юную дочку меховщика еще в год его жениховства — круглолица, наивна, голубоглаза? Что-то в этой девочке притягивало его сильнее, чем в других детях. Только первенца своего, Роберта, любил он с такою же силой.

Угрюмость его не проходила; то, что он увидел в парламенте, не прошло даром. В нем зрела неведомая доселе решимость.

Случай не замедлил представиться. Оставшийся без первого министра король, раздраженный к тому же строптивостью общин, повел наступление на права англичан. Он заключил мир с Испанией и Францией и тем облегчил свое положение. Начались аресты — в тюрьму сажали тех, кто, повинуясь призыву парламента, отказывался платить налоги. Вопреки постановлению палаты общин взимались таможенные пошлины. Был выискан и введен в действие древний статут, согласно которому каждый англичанин, имеющий землю с доходом более 40 фунтов стерлингов в год, обязан принять рыцарское звание и, следовательно, платить определенную пошлину. С какой гордостью, с каким трепетом предки Кромвеля — «золотой рыцарь» сэр Генри или дядя сэр Оливер — принимали из рук короля знаки рыцарского достоинства! Но сейчас для Кромвеля это звание — пустой звук, а попытка навязать его — насилие над его свободой. В 1630 году он решительно отказывается стать «сэром» и после неоднократных понуждений со стороны властей платит за это штраф — 10 фунтов стерлингов.

Абсолютистские поползновения короля доходят и до провинциального Хантингдона. Раньше городком управляли два бейлифа[5] и общинный совет из 24 членов, избиравшийся ежегодно. С 15 июля 1630 года согласно королевской хартии этот совет распускался («для предотвращения беспорядков») и заменялся мэром и двенадцатью олдерменами, избираемыми пожизненно. Имена первых правителей были перечислены тут же в хартии. Кромвель, Бирд и Барнард назначались мировыми судьями.

Итак, на смену прежнему демократическому управлению шла олигархия, городок обрекался на захирение. Поднялось

недовольство: жители Хантингдона не без оснований опасались, что новый совет посягнет на общинные земли, станет штрафовать по любому поводу и управы на него не найдешь.

Кромвель не мог молчать. Он поднял голос в защиту сограждан. На одном из городских собраний он обрушился на Барнарда и нового мэра; в гневе, не в силах сдержать себя, наговорил им резкостей. Недавние парламентские бури еще звенели у него в ушах, он кричал, топал ногами и сыпал грубые оскорбления прямо в лицо ненавистным королевским прихвостням.

Дело обернулось плохо: новые олдермены написали жалобу в Тайный совет. 2 ноября Кромвеля арестовали и повезли в столицу. Граф Манчестер, разбиравший дело, осудил его за грубость, но иск прекратил, так как Кромвель был согласен извиниться и кончить все миром.

Раскаяние еще долго мучило его. Он знал за собой этот грех — вспышки безумного внезапного гнева, доходящего до исступления. Охваченный диким порывом, он не мог совладать с собою, не мог остановиться и долго неистовствовал. А после всегда краснел и стыдился самого себя.

Противники формально примирились, Кромвеля отпустили, но позор ареста и разбирательства в Тайном совете лег на его совесть и его репутацию в городе несмываемым пятном. О том, чтобы попасть от Хантингдона в новый парламент, не могло быть и речи. Три года назад разорился и продал свой прекрасный замок, отраду его детства, старый дядя, сэр Оливер. Доход с земли падал. Кромвели скудели. Жизнь, люди, городок с его низким небом и унылым перезвоном колоколов — все вдруг опротивело Оливеру.

А не сняться ли всей семьей, не махнуть ли за океан? В Новом Свете, говорят, пуританам жить вольготно. Многие, многие уже сквайры, и йомены, и ремесленники, для которых родина стала мачехой, покинули земли предков, продали лавки и мельницы и вручили себя, своих жен и малых детишек неверной палубе корабля, колеблющейся под ногами, чтобы обрести там, за океаном, новый мир, новую свободу. Вот и кузен его Гемпден подумывает об отъезде, многие члены парламента уже двинулись по морю в дальние края, а у государственного секретаря Генри Вэна в Америку сбежал старший сын и наследник, блестящий юноша, подающий большие надежды.

Как бы то ни было, оставаться в Хантингдоне больше невозможно. Весной 1631 года Кромвель продает дом, имущество, землю и переезжает с семьей в городишко Сент-Айвз, пятью милями ниже по течению Уза. Там он арендует пастбища и

разводит скот.

Но и Сент-Айвз совсем не был похож на землю обетованную: то же низкое, покрытое облаками небо, те же широкие луга, чавкающие болота и торфяники под ногами, тот же мутный, илистый Уз. А жизнь там, пожалуй, тяжелее, чем в Хантингдоне. На тучных пастбищах, арендуемых вдоль реки, Кромвель разводит коров. Он ведет жизнь простого скотовода, тесно связанную с природой. Сырыми зимами Уз разливается, затопляя луга; летом наступает жара, засуха, глинистая земля под ногами трескается. Сохнет, загорает, покрывается морщинами его лицо, сохнет и болит горло, голос становится хриплым — по воскресеньям он ходит в церковь, обернув шею красным фланелевым платком.

Положение в стране все ухудшается. Парламент разогнан, реакция наступает со всех сторон. Парламентские борцы замолчали: одни сидят тихо в своих поместьях, занимаются хозяйством, другие — и среди них Ним, Гемпден, Сент-Джон, Баррингтон — посвятили себя торговой и колониальной деятельности.

Король требует все новых платежей — теперь вышел указ платить сверх прочего еще какие-то «корабельные деньги». В незапамятные времена их собирали с приморских графств на строительство кораблей. Сейчас требуют, чтобы этот побор платила вся страна. Незаконные вымогательства, плохие урожаи заставляют туже подтянуть пояс, еще строже урезать семейный бюджет.

Хуже, кажется, некуда. Но не бывает ли так, что именно в самый тяжкий момент, в самой безысходности жизненного падения откуда ни возьмись является помощь, берутся силы и луч света пронизывает потемки? Может быть, именно пережитое до глубин потрясение — разгон парламента, провал борьбы против королевской хартии, арест и вызов в Тайный совет, продажа дома и имущества, жизнь в безвестности — и открывает в душе Кромвеля источник света; тогда-то и завершается в нем начертанный Кальвином процесс обращения. Беспощадный суд над собой, скорбь и терзания от собственной греховности, раскаяние, надежда на избранничество и, наконец, уверенность в спасении — вот ступени этого процесса. Когда мир. отвратителен, когда он являет только пороки и язвы — тогда самое время, как проповедовал Кальвин, обратиться к богу, почувствовать «Христа в себе», его любовь и милосердие к ничтожной твари.

В это именно время Кромвель становится «святым», как

называли всех новообращенных. Недуг его отходит, перед ним открываются новые благодатные горизонты. Позднее он напишет об этом так: *«…Бог не оставил меня. Бог снизошел в сердце мое, и я буду прославлять его за это… В скудной и каменистой пустыне, где нет воды, он дал мне росу… Душа моя с первенцами его, тело мое покоится в надежде, и, если мне выпадет честь прославить бога моего делом или страданием, я буду счастлив».* Об этом он ведет долгие беседы с другом своим Генри Даун-холлом, который служит теперь (случайно ли?) викарием в сент-айвзской церкви.

Но не только об этом. Одно замечательное событие снова взбудоражило всю Англию. Кузен Кромвеля бекингемширский сквайр Джон Гемпден открыто отказывается платить «корабельные деньги». Он требует, чтобы суд, куда его вызвали, доказал ему законность этого налога. Имя его гремит, и многие следуют его примеру. Ходят какие-то темные слухи о готовящихся мятежах против лордов. Быть буре.

В 1636 году Оливеру Кромвелю наконец-то улыбнулась судьба. Его дядя Томас Стюард, брат матери, скончался бездетным, оставив все свое наследство племяннику. Из захолустного скотовода-арендатора Кромвель вдруг превратился в состоятельного собственника, почтенного гражданина города Или, что в соседнем графстве Кембридж. Девяносто акров[6] церковной земли, восемь акров пастбищ, доходы от церковной десятины, хорошая усадьба в Или с большим домом, где родилась его мать, конюшней, амбарами, огородами — целое богатство! Все это приносило четыре или пять сотен фунтов в год, давало солидное положение в городе, и Кромвель воспрянул духом. Рядом с домом располагалась церковь святой Марии, чуть поодаль возвышалась громада кафедрального собора. Сам дом был просторным и добротным, хотя и не блистал роскошью.

Земля была все та же — сырая, широкая, болотистая земля Великой равнины. Жители городка разводили здесь скот и пасли его сообща, на обширных ничейных пастбищах, не перегороженных заборами. Их быт мало чем отличался от быта далеких предков, которые с незапамятных времен вот так же пасли скот на тучных лугах, ловили угрей в Узе (отчего, по преданию, и пошло название Или[7]) и охотились на болотную птицу.

Здесь Кромвель наконец почувствовал себя здоровым. Главный вопрос его жизни был решен. Он был полон веры, что избран богом; он должен и может послужить орудием священной воли Провидения. И не явилось ли это чудесное обретение богатства знаком божьей милости к нему? Пора переходить от размышлений к делу — и не просто своему извечному хозяйскому

делу, а к поприщу более широкому, значительному, славному. Он знает теперь, зачем он живет.

Прежде всего Кромвель окончательно порывает с местным духовенством — продажными епископами и священнослужителями, угодливо выполняющими волю короля. В кафедральный собор он даже и не показывается, на службы не ходит, обрядов не исполняет, чем вызывает недовольство кое у кого в городе. Но он уверен, что ему не нужно посредников для общения с богом, и пренебрегает шушуканьем за спиной. Интересы Англии, правительственная политика, права народа — вот что его теперь волнует.

Королевский абсолютизм набирает силу. Порядок внутри страны; деньги, которые надо собирать без санкции парламента; твердая церковная политика, дабы неповадно было рассуждать и умствовать, — вот три главные его задачи.

За выполнение первых двух берется один из недавних вождей оппозиции, а ныне королевский барон, президент Северного совета, лорд-наместник Ирландии Томас Уэнтворт. Это способный, умный, деятельный человек. С тем же жаром, с которым еще недавно он отстаивал права парламента, Уэнтворт подчиняет ныне Ирландию власти английской короны. Годы его правления там — яркая и страшная страница в истории английского абсолютизма. «Черный граф», как прозвали его впоследствии, безжалостно сгоняет жителей с земли. Он пользуется любым способом, чтобы выжать из Ирландии как можно больше денег для короля: при нем процветают всякого рода незаконные поборы, штрафы, подати. Тюрьмы наполняются недовольными, чиновники свирепствуют, парламент становится в руках Уэнтворта послушным орудием. Непокорных выставляют у позорного столба, им протыкают язык, клеймят раскаленным железом, вешают. Такими способами в Ирландии насаждаются английские суды, обычаи, обряды англиканской церкви. А для лучшего усмирения создается регулярная армия, которая — кто знает? — может со временем пригодиться и в Англии.

А король доволен. Никогда еще Ирландия не давала столько дохода, никогда еще не водворялось там такого умиротворения, такой молчаливой покорности. Уэнтворт сделал чудо: он установил в этой стране порядок, от которого Англия получала теперь только барыши.

Задача духовного усмирения Англии возлагается на Уильяма Лода. В 1633 году король назначает его на высшую церковную должность — архиепископа Кентерберийского. Трудно было найти менее подходящего человека. Шестидесятилетний Лод мелочен до упрямства, самолюбив, ограничен, недалек,

жестокосерден. Более всего он привержен не букве даже Писания и, уж конечно, не духу его, а чисто внешней, идолопоклонской обрядности. Стол для причастия должен стоять непременно у восточной стены храма; не дай бог, если священник произносит проповедь просто в рясе: нет, он должен облачиться в торжественную ризу, иначе ему несдобровать. Всяк входящий в церковь должен осенить себя крестным знамением, положить столько-то поклонов, преклонить колени, когда надо — произносить молитвы, а когда надо — петь их, почитать иконы и молиться не как вздумается, а по раз и навсегда установленному канону — по «Книге общих молитв».

Ничто не могло вызвать большего возмущения пуритан, чем эти узколобые предписания. Как, после того что было уже завоевано, вновь вернуться к старым «папистским» обрядам! Вновь кланяться, повторять за священником бессмысленные слова, терпеть эти ризы, чаши, покрывала, драгоценные образа, органную музыку! Давно уже жители городов и сел отвергли подобное идолослужение, давно уже по воскресеньям слушали они не невежественных епископских прихвостней, поставленных сверху, а своих лекторов, которых они нанимали сами, из собственных кошельков собирая им плату.

И вот теперь архиепископ Кентерберийский повел наступление на пуританских проповедников. Епископы по его предписанию стали запрещать проповеди «вольноопределяющихся» лекторов по воскресеньям, и прихожанам вменялось в обязанность слушать официального священника, толкующего всегда об одном и том же — о беспрекословном повиновении королю и властям предержащим. Тексты этих проповедей составлялись в архиепископской канцелярии и рассылались по приходам.

Королева, привыкшая к изящным галльским забавам, желала играть в театре и танцевать по воскресеньям. В угоду ей Лод отменяет запреты на воскресные развлечения. А против недовольных пускает в ход высочайшие суды — Звездную палату и Высокую комиссию, которые судят людей в обход закона, в обход общего права. Кромвель, живя в Или, то и дело узнавал о пытках и бичеваниях, о чудовищных штрафах и арестах честных пуритан. В жарком июле 1637 года по приговору Звездной палаты адвокат Уильям Принн, доктор Джон Баствик и священник Генри Бертон были выставлены у позорного столба в Лондоне, на Тайбернском холме. Они осмелились в своих памфлетах осуждать епископскую власть. Раскаленное железо выжигает на лицах позорное клеймо, нож палача отрубает уши. У Принна нечего отрубать — он потерял уши уже три года назад, когда бесстрашно

заклеймил театральные выступления королевы. Ему режут обрубки ушей, и он исступленно кричит королю:

— Все равно я сильнее тебя!

Казни и пытки только разжигают недовольство. Толпа осыпает мучеников цветами, провожает до тюрьмы. Вскоре за ее толстые стены по одному, по два проникают ученики и приверженцы. Юный подмастерье Джон Лилберн берется тайно перевезти из Голландии отпечатанные там памфлеты героев, а через год и он идет, привязанный к повозке, обливаясь потом и кровью, содрогаясь под треххвостой плетью палача. Но головы не склоняет, гордо отказывается отречься от своих убеждений.

Чем сильнее давление сверху, тем неколебимее и отчаяннее народное возмущение. И пусть судят, пусть сажают в тюрьму Джона Гемпдена, отказавшегося платить незаконный налог, — громкий процесс по его делу лишь разжигает недовольство, и у Гемпдена находятся все новые и новые последователи.

Кромвель в эти годы собран, стремителен, энергичен. Жизнь для него — служение справедливости. Новое положение в городе и графстве дает ему возможность отстаивать не только свои права, но и права соседей, права всех обиженных. «Открывай уста твои за безгласного и для защиты всех сирот. Открывай уста твои для правосудия и для дела бедного и нищего…»

Еще до приезда Кромвеля, в 1634 году, граф Бэдфорд предпринял в графстве Кембридж осушение болот: по наилучшей голландской системе через торфяники были проложены дренажи. Осушенные земли не будут служить, как раньше, общественными выгонами — часть их станет собственностью осушителей, другая часть перейдет королю. В 1637 году работы были окончены, и на просторных лугах стали появляться изгороди. Местные землевладельцы лишились общинных выгонов, а разный мелкий люд остался без куска хлеба.

Пастухов с их тучными стадами стали гнать со старинных пастбищ: это-де земля графа Бэдфорда! Собралась толпа. Вооруженные косами и вилами крестьяне начали теснить осушителей: «Не трогайте наших коров, убирайтесь откуда пришли!»

Словно боевой конь, почуяв боками безжалостную остроту шпор, ринулся Кромвель в битву. Он сумел усмирить толпу. Пусть крестьяне заплатят ему по мелкой монете за каждую корову, выводимую на общинные земли, а он подаст прошение об отсрочке передачи земли на пять лет. Эти пять лет они свободно смогут пользоваться общинными выгонами, а там придумаем что-

нибудь еще!

Пока прошение проходило через волокиту разбирательства, еще в нескольких местах Великой равнины болот вспыхнули крестьянские мятежи против осушителей. Правительству пришлось отступить. Ходатайство Кромвеля было исполнено, и в глазах округи он стал Хозяином болот, могучим и благочестивым заступником слабых.

Его семья растет. В 1637 году на свет появляется Мэри, в 1638-м — еще одна дочь, Фрэнсис.

А в следующем году Кромвеля постигает тяжкий удар: его первенец и надежда, нежно любимый и любящий, богобоязненный и светлый Роберт, умный, способный мальчик, умирает, едва достигнув семнадцати лет. На всю жизнь запомнит отец эту страшную потерю. Двадцать лет спустя, сам находясь на смертном одре, он еще раз скажет: «Когда мой старший сын умер, это пронзило, как кинжалом, мое сердце».

Незыблемый абсолютистский порядок дал наконец трещину. Первая ласточка прилетела с севера — из суровой горной страны, откуда вел свое происхождение проклятый богом род Стюартов. Еще в прошлом веке огненные, приводящие в трепет проповеди шотландского Кальвина — Джона Нокса — обратили эту страну к протестантской вере. Они принудили в конце концов бежать сломя голову и искать спасения у Елизаветы королеву-католичку Марию Стюарт. Древние кланы, раздираемые внутренней враждой, в вопросах веры оказались едины: так они лучше всего могли отстоять свое национальное достоинство перед вечным и сильнейшим врагом — Англией. Они созвали Генеральную ассамблею — всеобщее собрание членов церкви, и она стала поистине национальным органом власти. Новый король, несмотря на свое шотландское происхождение, не знал и не любил эту страну. Впервые он посетил ее лишь в тридцатитрехлетнем возрасте и вынес очень неблагоприятное впечатление от этого нищего, сумрачного, варварского, неуемного народа. Он постарался выжать из Шотландии сколько возможно денег, а для установления порядка (по совету, конечно же, архиепископа Лода) ввел там обязательное англиканское богослужение.

Но не такой это был народ, чтобы позволить безнаказанно попирать свою веру. Когда же Лод распорядился усилить шотландский епископат, глухое недовольство перешло в угрожающий ропот.

Однако тупой церковный служака, которому важны были прежде всего цвет облачения и количество поклонов, не унимался. В 1637 году по его указу в Шотландии была введена «Книга общих молитв» — все-де должно совершаться по единому

образцу во всем королевстве!

И Шотландия поднялась. Попытки служить в церквах по английским требникам вызывали крики возмущения, свист, топот ног; самые отчаянные бросались на священника и, злорадно ухватив за полы торжественного облачения, стаскивали его с кафедры, пинками изгоняли из храма. Новые молитвенники рвали в клочки, сжигали. «О, сколь попрана святая шотландская церковь! — в голос кричали пуританские проповедники, подражая неистовым обличениям Нокса. — Ее милый лик покрыт поганым глянцем блудницы! Ее стыдливое чело отмечено знаком зверя! Ее прекрасные локоны закручены на антихристов манер! В ее целомудренные уши вопят сообщники великой шлюхи!..»

Весной 1638 года по всей стране шло подписание Национального Ковенанта — документа, который требовал управления страной согласно закону, соблюдения парламентских норм, а кальвинизм признавал «единственно истинной и угодной богу верой»; за нее следует сражаться и «защищать ее… до конца своей жизни всеми силами и средствами».

В ноябре того же года Генеральная ассамблея отменила в Шотландии власть епископов, «Книгу общих молитв» и ввела в стране пресвитерианский церковный строй.

Карл негодовал. Эти варвары посмели ему сопротивляться! Нет, их надо обуздать как можно скорее. «Пока этот Ковенант в силе, — сказал он, — я имею в Шотландии не большую власть, чем какой-нибудь дож венецианский. Скорее я умру, чем потерплю это». Он приказал приступить к созданию карательного войска.

Между тем в феврале 1639 года двадцатидвухтысячная шотландская армия, набранная и вооруженная на местные средства, перешла границу и вторглась в Англию. Началась война.

Английские пуритане ликовали. Вот как надо бороться за свою веру! С убийственной иронией наблюдали они за тем, как Карл поспешно набирает войска из всякого сброда, даже не зная толком, чем им платить. В результате, когда дело дошло до первых стычек, королевские войска разбежались врассыпную, как крысы, завидя воинственные отряды опытного полководца генерала Лесли, который служил на континенте под знаменами самого Густава Адольфа.

Война была позорно проиграна, и летом 1639 года Карл поспешно заключил мир, обещав шотландцам полную амнистию, свободу их пресвитерианской «кирке» и скорый созыв парламента. Но кто верил этим обещаниям, плохо знал Карла. Надменный властелин никогда — ни до, ни после — не считал

себя обязанным выполнять собственные обеты. Мир с Шотландией был для него всего лишь необходимой отсрочкой. Едва подписав договор, он тут же послал своим епископам в Шотландии тайный приказ протестовать против действий Генеральной ассамблеи, а сам вступил в секретные сношения с вождями горных кланов, которыми предводительствовал маркиз Монтроз.

Армия, добрая регулярная армия — вот что прежде всего было нужно королю. Он вызвал из Ирландии верного и находчивого Томаса Уэнтворта и 12 января 1640 года пожаловал ему титул графа Страффорда.

До конца тридцатых годов Кромвель вряд ли задумывался о судьбе ближайшего северного соседа Англии. Он знал, что суровый народ его принял пуританскую веру и отвергает англиканские порядки. Возможно, он встречал шотландских проповедников или покупал скот у шотландских купцов, но внутренние дела этой дикой страны мало его интересовали. Теперь вдруг далекие северные горы осветились для него новым светом, а их народ стал союзником.

Когда в его доме на постой расположились английские офицеры, шедшие на север сокрушать врага, Кромвель открыто выразил им недовольство. Он не нашел нужным скрывать от них свое строгое, сосредоточенное пуританство и чуть ли не молился в их присутствии о победе шотландцев. Офицеры недоуменно пожимали плечами, а соседи с восхищением рассказывали друг другу о его смелости и благочестии. Растущая популярность в графстве подогревала его рвение.

Каждая неделя приносила новые вести. Король конфисковал у лондонских банкиров все золото и серебро, хранимое в Тауэре. Их возмущение было настолько бурным, что королю после некоторых проволочек пришлось вернуть им большую часть сокровищ.

Никто не хотел платить налоги, теперь уже не только «корабельные деньги», но и другие королевские поборы — ведь они не санкционированы парламентом. Король пытался занять денег у Испании, у иезуитских купцов и даже у папы — тщетно! Усмиритель Ирландии Уэнтворт вызывал к себе для беседы крупнейших лондонских финансистов. Он угрожал им, требуя займа, пытался запугать. Но Англия — не Ирландия. Здесь даже Уэнтворт не смог ничего добиться: в деньгах было отказано.

И наконец весной 1640 года радостная, будоражащая новость: созывается парламент! Одиннадцать долгих лет реакции, мрака,

тирании позади; снова представители английских графств и городов смогут высказать свою волю в старинных залах Вестминстера.

Кромвель полон воодушевления, ему нужно во что бы то ни стало войти в этот парламент. Он исполняет некоторые формальности и становится гражданином Кембриджа, жители которого хотят выдвинуть его в парламент.

И вот он опять в Лондоне. Парламент открылся 13 апреля. Кромвель снова видит на деревянных скамьях палаты общин спокойного и уверенного в себе пятидесятипятилетнего Пима, пламенного бесстрашного Гемпдена — вся оппозиция тут. И хотя скончался в тюрьме достославный Элиот, хотя Уэнтворт — теперь уже граф Страффорд — перешел на сторону короля, ряды противников тирании не уменьшились, а вроде бы даже и прибыли. Они прекрасно понимают, что королю нужны от них только деньги и на требование немедленных субсидий отвечают решительным «нет». Сначала следует наказать «дурных советников», прекратить злоупотребления и аресты, восстановить нарушенные права парламента.

Пим говорит в течение двух часов. Он требует ежегодного, обязательного созыва парламента. «Опасность шотландского вторжения, — гремит голос депутата, — менее грозная опасность, чем произвольное правление в стране. Первая находится далеко, а та опасность, о которой я буду говорить, находится здесь, дома!»

За спиной короля парламент вступил с шотландцами в переговоры. Он решил принять и выслушать шотландских представителей, выяснить мотивы их действий.

Кромвель не успел выступить. Роспуск парламента последовал 5 мая — через три недели после созыва. На следующий день возмущенный лондонский люд, бурля, стал собираться ко дворцу ненавистного Лода с криками «Долой епископов! Долой церковные суды!». 14 мая волнения повторились снова — толпа слуг, подмастерьев, ремесленных учеников напала на здание тюрьмы, пытаясь освободить тех, кто был посажен туда 6 мая.

Парламент прозвали Коротким и с горькой усмешкой, разочарованные и возмущенные, разъехались по домам. Впрочем, кое-кто довольно потирал руки. «Все хорошо, — сказал один из вождей оппозиции, Сент-Джон. — Чем хуже сейчас, тем лучше будет потом. Этот парламент никогда не сделал бы того, что нужно».

Многим, многим членам палаты казалось, что это не конец, а начало, что в судьбе Англии наступает великий поворот,

пугающий и радующий одновременно, что иная война грядет — и бог один знает, что принесет она каждому из них.

Летом война с шотландцами возобновилась. Главнокомандующим английской армии был назначен граф Страффорд. Набранное с жестокой поспешностью войско, которому платили больше угрозами и обещаниями, чем деньгами (казна была совершенно пуста), завидя врага, обратилось в позорное бегство. Шотландцы заняли север Англии. Местные жители, в большинстве своем пуритане, не желали им сопротивляться. Ни для кого не было секретом, что и в Лондоне у шотландцев было много сторонников. Раздавались разумные и встревоженные голоса: войну надо прекратить, с Шотландией помириться, созвать парламент. Карл получал петиции от пэров, от лондонских горожан, от жителей графств. Приходили известия о беспорядках: крестьяне бунтуют, разрушают изгороди в королевских владениях, ремесленники-пуритане выражают недовольство. 28 августа армия короля была окончательно разбита при Ньюберне-на-Тайне, на следующий день капитулировал Ньюкасл.

И король сдался. Осенью 1640 года он вторично в этом году издал приказ о созыве парламента.

Глава III
Член парламента

Мне кажется, что я вижу, как просыпается ото она благородная и могучая нация… мне кажется, что я вижу, как она, подобно орлу, приучает к полету свое могучее молодое поколение, как ослепшие глаза крепнут в ярком блеске лучей полуденного солнца, очищая и проясняя в сиянии небесной лазури свой взор, который так долго держали во тьме; а тою порой целая стая боязливо сбившихся в кучу птиц и созданий мрака носится кругом, изумленная необыкновенным явлением…

Мильтон

Я могу сказать вам, господа, чего я не хочу; а чего хочу — нет.

Кромвель

Сэр Филип Уорик подошел к зеркалу. В высоком венецианском стекле он увидел перед собой молодого человека лет тридцати с холеным надменным лицом, длинными завитыми локонами, рассыпанными по плечам, во всем блеске парадного придворного туалета. Он с видимым удовольствием окинул себя взглядом: изысканное голландское кружево воротника и манжет было хорошо накрахмалено и отглажено; из прорезей на рукавах, обрамленных золотым шитьем с жемчугом, выглядывало тончайшее белоснежное полотно рубашки; колет сидел как влитой, и то же можно было сказать о бархатных панталонах, украшенных таким же шитьем, что и рукава: золото с жемчугом. Шпага с золоченой рукоятью висела, где ей и положено, на левом боку, поддерживаемая самой модной в этом сезоне французской перевязью с тиснением и пряжкой. На сапогах с отворотами немного ниже колена и высокими, почти женскими каблучками спереди были приделаны огромные четырехлопастные кожаные банты. Все было как надо. Оставалось кликнуть слугу, уже ожидавшего со шляпой и плащом в руках, и можно было

отправляться в парламент.

Парламент открыл свои заседания всего шесть дней назад — 3 ноября, но уже теперь было ясно, что он собирается идти напролом. В него попали все бунтовщики прежнего, Короткого парламента; и число их приверженцев еще увеличилось. Среднее землевладельческое джентри — честь и опора нации и в то же время наиболее грозная оппозиционная королю сила — вот кто составлял большинство среди этих пятисот с лишним человек, заполнявших ступенчатые скамьи нижней палаты. Интересно, что и многие лорды были заодно с недовольными: графы Бэдфорд, Эссекс, Манчестер, лорд Дигби — их всех сэр Филип очень высоко ставил — поддерживали оппозиционеров.

Все так же лидером их был Джон Пим; он, казалось, еще более располнел, но сохранял прежнюю боевую активность. С самых первых дней заседаний он настроил своих сторонников на решительную борьбу. Он не просил, а обвинял — в его программной речи звучали требования соблюдать привилегии парламента, оградить от искажений истинную религию, отстоять свободу подданных от произвольных арестов, штрафов, поборов — всех этих корабельных, лесных, рыцарских денег, таможенных пошлин, монополий.

И они сразу стали требовать освобождения из тюрем попавших туда по приговору чрезвычайных судов пуритан: Принна, Баствика, Бертона. Ни для кого не было секретом, что все оппозиционные выступления вдохновлял именно он, Джон Пим. Он жил ближе всех к палате, в доме за Вестминстер-холлом, и у него каждый день в складчину обедали другие вожди оппозиции — Гемпден, Гезльриг, Сент-Джон.

Гемпден был его правой рукой. По всей стране прогремело это имя, когда он в открытую отказался платить «корабельные деньги», и теперь Гемпден пожинал и умело использовал плоды своей популярности. Он не был таким хорошим оратором, как Пим, но был умнее его и гибче, в решительности и энергии не уступал никому и прекрасно владел собой. На него смотрели как на лоцмана, способного провести корабль политической борьбы через все бури и рифы, к желанной цели — свободе. Заодно с ним всегда выступали Сент-Джон, Холльз и Строд, ученые юристы. Из молодежи к ним примыкали Натаниель Файнес, молодой сектант Генри Вэн, недавно вернувшийся из-за океана, сэр Артур Гезльриг и Генри Мартен, известные своими смелыми взглядами.

Сэр Филип Уорик вошел в зал заседаний и огляделся. Было очень тихо. Все с большим вниманием слушали высокого плотного человека, что-то быстро и горячо говорившего резким, хрипловатым голосом. Этот человек не был знаком сэру Филипу.

Лет ему было около сорока. Сэр Филип взглянул на костюм оратора и презрительно скривил губы: простое темное платье сидело мешковато — должно быть, его сработал немудрящий деревенский портной; прямой полотняный воротник был, кажется, не очень-то чист… Шляпа без ленты… Шпага туго притянута к боку. Одутловатое лицо выступавшего было красно, видно, он вкладывал в свою речь все силы души. Он требовал свободы тому подмастерью, Джону Лилберну, который два года назад был подвергнут бичеванию, выставлен у позорного столба и затем заключен в тюрьму по приговору Звездной палаты. Ему, кажется, вменялось в вину распространение в Англии нелегальных пуританских трактатов…

Сэр Филип не мог бы сказать, что оратор говорил очень гладко или блестяще; но речь его была резкой и пылкой; слушали его почему-то с большим вниманием. Уважение сэра Филипа к этому собранию сильно поубавилось.

Давешний оратор был неизвестен не одному сэру Уорику. Когда заседание окончилось и объявили перерыв, лорд Дигби, спускаясь по лестнице вместе с Гемпденом, тихо спросил его:

— Кто этот человек? Я вижу, он с нами, он так горячо говорил сегодня.

— А, неряшливый малый, которого вы видели перед собой и который никак не украсил свою речь! — Гемпден усмехнулся. — Если мы когда-нибудь порвем с королем

(от чего боже упаси), — этот самый неряха, говорю я вам, станет одним из величайших людей в Англии!

Так прошло первое выступление Кромвеля в новом парламенте. Партия оппозиции, к которой он принадлежал всей душой, усиливалась и крепла. Сознание причастности к общему делу вдохновляло. Он не был одиноким, никому не известным новичком в палате: многих депутатов знал уже в лицо, с восемнадцатью из них его связывали родственные узы. Он с восхищением смотрел на Пима и всегда внимательно слушал его речи — и в парламенте, и во время обедов, на которые приходил вместе со знаменитым своим кузеном Гемпденом. «У нас теперь должно быть другое настроение, — говорил Пим, с аппетитом обгладывая жирную гусиную ногу, — не такое, как в прошлом парламенте. Мы должны не только начисто вымести палату снизу, но и смести всю ту паутину, которая висит сверху и по углам, чтобы не разводилась пыль и грязь в палате; у нас сейчас есть возможность сделать страну счастливой, устранить все обиды и вырвать с корнем их причины, если только все будут

честно исполнять свой долг».

И Кромвель старался исполнять свой долг, взывая к справедливости и требуя освобождения невиновных. И радовался потом вместе со всеми, когда вышедшие на свободу узники — престарелый Баствик, несгибаемый Принн с дважды отрубленными ушами и клеймом на щеке, Бертон, — ошеломленные от света, шума, воздуха, под восторженные клики толпы проезжали по городу.

Но мало было освободить невинных. Надо было наказать преступников — тех, по чьей вине страдали многие сотни людей. С трепетом наблюдал Кромвель, как Пим бесстрашно замахнулся на самого главного, самого могучего и опасного врага — Страффорда.

Одно имя его наводило ужас. Все помнили, как он самолично осудил на смерть лорда Маунтнорриса всего только за несколько неосторожно сказанных слов. А чтобы унять всеобщее негодование, послал королю солидный куш — ни много ни мало шесть тысяч фунтов стерлингов — и тем замял дело. Его не только не наказали, но даже дозволили разделить между своими людьми имущество осужденного. Страффорда ненавидела вся страна — все плательщики незаконных поборов, все преследуемые в королевских судах и застенках. Вожди оппозиции понимали, что, если они не нанесут всесильному царедворцу быстрого и решительного удара, им несдобровать. Накануне созыва парламента он убеждал Карла: «Идите напролом! В случае крайности вы можете сделать все, на что у вас хватит силы, в случае отказа парламента вы оправданы перед богом и людьми. Вы обладаете армией в Ирландии, и вы вправе использовать ее здесь, чтобы привести это королевство к повиновению».

Страффорд чувствовал, что против него готовится обвинение, и принял меры. Он задумал объявить вождей оппозиции государственными изменниками, он медлил ехать в Лондон с севера, хотя парламент послал ему вызов. Только Карл настоял на его приезде. «Я не могу обойтись здесь без ваших советов, — написал он любимцу. — Вам нечего бояться — это так же верно, как то, что я английский король. Никто не посмеет тронуть волоса на вашей голове».

9 ноября Страффорд прибыл в Лондон и долго совещался с королем. 11 ноября он должен был занять свое место в палате лордов, чтобы выдвинуть против Пима, Гемпдена, Сент-Джона и других парламентских вождей обвинение в государственной измене и потребовать их ареста.

Кто знает, как сложилась бы дальше судьба Кромвеля, если бы этот план удался. Но Пим недаром слыл умнейшим,

хитрейшим человеком. В этот день он поднялся в палате общин и объявил, что имеет сообщить сведения чрезвычайной важности. Он просит запереть двери палаты, дабы ничто не помешало ее решению. Двери были заперты, и Пим в напряженной тишине начал говорить. Он говорил о произволе судей, о жестокости тюремщиков, о разоренных семьях, об опустевших деревнях. Он клеймил монополии и незаконные поборы, на которых наживаются казнокрады. Страна доведена до крайности. Но пусть никто не подумает, что он, Пим, хочет сказать что-нибудь плохое о короле. Нет, король не может быть повинен в этих злодействах. Он набожен и справедлив. Во всем виновны дурные советники — люди, которые втерлись в доверие к королю и извратили самые благие его начинания. И главный из них, превзошедший всех своим влиянием, властью, гордыней, своекорыстием, — это первый министр короля, главнокомандующий армии, лорд-лейтенант Ирландии граф Страффорд! Всюду, куда король дозволял ему вмешаться, приносил он горе, страх и невыносимые страдания подданным его величества, вынашивал и осуществлял планы, пагубные для английского государства.

— И на основании всего вышесказанного, — голос Пима возвысился и зазвенел в напряженной, страшной, готовой вот-вот взорваться тишине, — я предлагаю немедленно представить палате лордов обвинение графа Страффорда в государственной измене. Предлагаю тотчас же заключить графа под стражу на все время ведения следствия.

Тишина взорвалась. Палата разом загудела, со всех сторон послышались выкрики. Кто-то, кажется Фокленд, попытался протестовать, но ему не дали говорить. Предложение Пима было одобрено почти единогласно. Двери распахнулись, и Кромвель вместе с другими поспешил в палату лордов, чтобы вручить ей заранее составленный текст обвинения. В решении лордов можно было не сомневаться — даже те, кто не дружил с нижней палатой, имели достаточно оснований ненавидеть всесильного графа.

Страффорд был вызван в палату лордов в тот же день. Его подвели к барьеру и заставили преклонить колени, пока спикер зачитывал текст обвинения. Прямо оттуда в казенной карете он был отправлен в Тауэр.

Дни бежали стремительно, и каждый приносил что-то новое. Через месяц был обвинен в государственной измене другой ненавидимый народом прислужник тирании — архиепископ Лод, за ним еще несколько близких королю лордов. Парламент принимал и разбирал бесконечное число жалоб, прошений,

петиций. Кромвель втягивался в его жизнь, со страстью отдавался каждому порученному делу. А дел таких становилось все больше — и вот он уже член комитета по разбору дела об осушении болот, член комитета по пересмотру обвинений Звездной палаты и Высокой комиссии, член субкомитета по делам религии. Рука об руку с ним в этих комитетах работают Пим, Гемпден, Гезльриг, Строд, Уолтон. Кромвель постепенно входит в первые ряды парламентских борцов.

Он придирчиво вникает в тонкости церковного устройства, нападает на притеснителей, требует наказания виновных, удовлетворения жалоб милых его сердцу пуритан. Он защищает проповедников, разбирает их петиции, выступает против преследователей-епископов. Здесь он единодушен с массами простых людей Англии: 11 декабря в палату подается петиция о полном уничтожении «древа прелатства с корнем и ветвями», подписанная пятнадцатью тысячами человек.

В декабре же было предложено созывать парламенты каждый год — и Кромвель поддерживает эту идею. 30 декабря он выступает в парламенте в пользу билля о ежегодном созыве представителей общин. Это имеет лишь частичный успех: после долгих прений 15 февраля парламент принял «Трехгодичный акт». Согласно ему король обязан созывать парламент каждые три года.

И снова религиозные, церковные дела выступают на первый план. Они именно потому так волнуют, что тесно смыкаются с делами политическими. 9 февраля обсуждается «Акт об отмене суеверий и идолопоклонства и о лучшем поддержании истинного богослужения». Некий Джон Стрэйнджуэйс, защищая власть епископов, заявил:

— Если мы установим равенство в церкви, мы должны будем прийти и к равенству в государстве. Ведь епископы — это одно из трех сословий в королевстве, они имеют свой голое в парламенте.

Этого Кромвель стерпеть не мог. Епископы не должны выделяться среди других сословий! Они такие же слуги господни, как все остальные честные англичане! Они не могут претендовать на исключительную власть. Знакомый, неодолимый прилив ярости поднял его с места, он с трудом узнал свой голос, резко, вызывающе прокричавший:

— Ну уж нет! Где взял этот джентльмен резон для таких предположений и выводов? Я его не знаю!

Спикер застучал молотком по столу. Ярость Кромвеля заразила противников.

— Как он говорит! Непарламентский язык! — раздалось с разных сторон. — К решетке его! Пусть принесет извинения!

Встал Пим, и шум тотчас же заглох.

— Если джентльмен сказал что-то, что вызывает возражения, — как всегда, веско и уверенно заявил он, — пусть объяснится на своем месте.

Его поддержал Холльз:

— Зачем по каждому поводу вызывать к решетке? Пусть говорит с места!

Кромвель уже успел овладеть собой, краска от щек отлила, но ярость все еще клокотала внутри, добавляя в его объяснение яд сарказма.

— Я не понимаю, — сказал он, — почему джентльмен, который только что говорил, заключает о равенстве в государстве из равенства в церкви, и не вижу никакой необходимости в столь высоких доходах епископов. Я сейчас более, чем когда-либо, уверен в неправомочности существования епископов — ведь они, как и римские иерархи, не допустили бы пересмотра своего положения!

Пуританские депутаты одобрительно зашумели. По сути дела, эта речь наносила епископам куда более ощутимый удар, чем бессвязные выкрики, которые чуть не довели Кромвеля до парламентского суда[8] — вызова к решетке для объяснений. Но требуемый стиль был соблюден, и сторонникам епископата не к чему было придраться.

Страна бурлит, возмущение вырывается наружу то здесь, то там. Уже вспыхивают крестьянские мятежи, люди дрекольем ломают возведенные лордами изгороди; в парламент бесконечным потоком идут жалобы на осушителей, огораживателей, притеснителей. А парламент, подогреваемый всеобщим недовольством, берется за неслыханное дело — суд над бывшим первым министром. 22 марта начинается знаменитый процесс над Страффордом — продолжается он целых восемнадцать дней — по 10 апреля. Опытный, ловкий юрист, Страффорд умело защищается. На стороне его — двор, король, многие лорды. Верхняя палата колеблется, тянет и, наконец, отказывается утвердить акт, обвиняющий Страффорда в государственной измене.

Общины возмущены. Молодой человек с аристократической внешностью и странными глубокими глазами, мистик и визионер, уже успевший побывать правителем заокеанской колонии Массачусетс, Генри Вэн-младший, просит слова. Случай помог ему обнаружить в бумагах отца, государственного секретаря, вопиющий документ, который как нельзя лучше может помочь

обвинению. Это то самое письмо, где Страффорд советует королю идти напролом и в случае чего использовать ирландскую армию против английского народа. Пим зачитывает палате это письмо. Предатель изобличен — более ясной улики искать не приходится. 10 апреля Артур Гезльриг вносит предложение издать против Страффорда чрезвычайный акт — билль об опале. Это означает смертный приговор.

Но лорды не хотят утверждать билль об опале. Они чувствуют, что опасность нависла не только над Страффордом: все сильнее звучат протесты против лордов-епископов, того и гляди и других пэров объявят «дурными советниками»! 1 мая Карл лично появляется в палате лордов. Он согласен признать, что граф «поступил дурно», но он категорически против смертного приговора.

Палата общин протестует. Вожди ее не могут, не должны смириться. На карту поставлено все: их личные судьбы, само существование парламента. Пим, Гемпден, Гезльриг, Строд почти не спят в эти дни. Пим на своей квартире то и дело принимает каких-то людей — купцов из Сити, пуритан-подмастерьев. И вот поднимается Лондон. 3 мая огромная, многотысячная толпа стекается к Вестминстеру. Она шумит, словно море, она бушует у самых стен парламента. «Правосудия, правосудия! — раздаются крики. — Смерть! Долой великих преступников!»

Напуганные члены палаты, выглядывая из окон, видят, что толпа не безоружна: кое-где поблескивают на солнце копья и клинки, кое-где щетинятся пики, подымаются в воздух доски с гвоздями. Опоздавшим на заседание лордам приходится продираться сквозь эту толпу, рискуя совсем близко увидеть разъяренное лицо народа.

Назавтра демонстрация повторяется. Она готова перейти в восстание: вот-вот, кажется, двери палаты лордов затрещат под ее напором. И лорды сдаются: 8 мая они утверждают билль об опале. Страффорд приговорен к смерти.

Но король? Поможет ли он своему любимцу? Выполнит ли обещание: «Ни один волос не упадет с головы вашей…», «Ни жизнь ваша, ни доброе имя не потерпят никакого ущерба…»?

Карл, как всегда, избегал действовать прямо. 2 мая две сотни вооруженных солдат явились к коменданту Тауэра с приказом от короля впустить их в крепость для усиления гарнизона. Он отказался открыть им ворота, справедливо подозревая, что они явились отнюдь не охранять, а скорее похитить графа. Впоследствии комендант признался, что ему предлагали две тысячи фунтов, если он обещает не препятствовать побегу арестованного: на Темзе уже стоял готовый к отплытию корабль.

Узнав, что билль утвержден лордами, Карл попросил один день на размышление. В этот день толпа, еще более огромная и грозная, стеклась к королевскому дворцу. Уайтхолл высился, словно корабль, среди бушующего моря голов, среди прибоя нарастающих криков и воинственного пения псалмов. К ночи стали зажигать факелы.

Никто во дворце не ложился в эту ночь. Солдаты гарнизона завалили двери мешками, подушками, стульями. Король все еще колебался. Королева, епископы, советники — все уговаривали его уступить.

— Но совесть, совесть, — говорил Карл. — Ведь я обещал…

— Совесть короля, — убеждал епископ Уильямс, — бывает разная: совесть для себя, частная, человеческая, и совесть общественная, для публики. И если частная совесть ваша оправдывает графа, то общественная должна обвинить его, — ведь судьи и лорды признали его виновным, и частная совесть ваша тем самым избавлена от малейших угрызений… Да и сам граф, насколько я знаю, освободил вас от данного слова и сообщил, что согласен пойти на смерть…

В самом деле, неделю назад Карл получил от Страффорда записку. «Мое согласие, — говорилось в ней, — скорее, чем что-либо другое, может успокоить вашу совесть и помирить вас с богом. Нельзя быть несправедливым к человеку, который сам ищет своей судьбы. Уж если я, по божьей милости, вполне спокойно иду на смерть, от души прощая всем ее виновникам, то для вас-то, государь, осыпавшего меня своими щедротами, я пойду на нее с радостью».

Эта записка, рыдания обожаемой королевы, уговоры епископа, а главное — грозные крики толпы, которая не переставая шумела и угрожала у самых стен дворца, — решили дело. Карл сдался. Он утвердил смертный приговор. 12 мая на площади перед Тауэром голова первого министра скатилась под топором палача. Народ, огромной массой собравшийся на площади, торжествовал победу.

Парламент словно сорвался с цепи. Весна и лето 1641 года были полны лихорадочной деятельностью. 10 мая, в тот самый день, когда король решился наконец подписать смертный приговор, у него вынудили и другую важную уступку: согласие, что Долгий парламент, как стали его называть впоследствии, может быть распущен только с разрешения самого парламента. Итак, король отныне не властен разогнать представителей общин.

Парламент наступает дальше. Многие из пуритан мечтают об отмене епископата — этого древа угнетения свободы совести, свободы проповеди слова божия. Его надо вырвать с корнем,

лишить всех его ветвей. Об этом говорилось еще в декабрьской петиции. Ненавистный Лод уже сидит в Тауэре, Страффорд мертв — никто, кажехея, не может помешать такому святому делу. И Кромвель, особо пристрастный ко всему, что связано с религией, берется за подготовку билля. Вместе с Гезльригом и молодым Вэном он внимательно изучает декабрьскую петицию.

«Власть духовенства является главной причиной и источником многих бедствий, притеснений и обид, причиняемых совести, вольностям и имуществу подданных…»

«…В университетах процветает взяточничество; среди народа почти повсюду царит громадное и прискорбное невежество; во многих местах нет священников для проповеди…»

«…Создается множество монополий и патентов, вызывающих бесчисленные злоупотребления; сильно увеличились таможенные пошлины и налоги на предметы первой необходимости и сборы корабельных денег; под бременем их тягот стонет весь народ…»

«…Наша церковь сохранила и увеличила черты большого сходства и подобия с римской церковью: в одеяниях, во внешнем оформлении, в обрядах и порядке управления…»

«…Прелаты арестовывают и задерживают людей через специальных лиц, находящихся в их распоряжении… штрафуют и сажают в тюрьму людей всякого звания; врываются в их дома и помещения для занятий, уносят их письма, книги, захватывают их имущество; устраняют от должностей; разделяют против их воли мужей и жен… Судьи страны запуганы властью и могуществом прелатов, и людям негде искать от них защиты…»

Да, епископат следовало отменить, и чем скорее, тем лучше. В конце мая билль о корнях и ветвях стараниями авторов проекта ставится на обсуждение парламента. Но вот диво: многие в палате отнюдь не в восторге от предлагаемой решительной меры. Вновь выплывает убийственный аргумент Джона Стрэйнджуэйса, в свое время вызвавший такую ярость Кромвеля: равенство в церкви означает равенство в государстве.

— Я смотрю на епископов, — говорит депутат от Корнуолла, — как на своего рода внешний защитный вал; когда народ овладеет этим валом, перед ним разоблачится тайна, и нам придется тогда непосредственно переходить к защите нашей собственности. Если народ добьется равенства в церковных делах, следующим его требованием будет аграрный закон и равенство в делах светских. Мое мнение таково: епископат нужно реформировать, а не отменять.

К сожалению, слишком многие еще смотрели на епископат подобным же образом. Гайд, Фокленд, Селден — наиболее осторожные депутаты — стали формировать либерально-

конституционную оппозицию. Они боялись за себя, а этот страх победить трудно. О лордах уж и говорить нечего — они почти все были против отмены прелатства. Едва ли не треть их сами носили епископскую мантию.

Но зато дело политического ограничения королевской тирании продвигалось успешно. В июне была распущена армия, набранная Карлом для войны с Шотландией, и король начисто лишился военной опоры в Англии. В июне же парламент отменил таможенные пошлины. В июле были упразднены Звездная палата и Высокая комиссия, чрезвычайные суды, наводившие страх на всех и каждого. В августе отменили рыцарские штрафы, лесные налоги и нашумевшие в связи с делом Гемпдена «корабельные деньги». От короля потребовали удаления оставшихся «дурных советников» и католиков, королеве не позволили совершить поездку на континент. Государственные финансы да фактически вся исполнительная власть теперь принадлежали парламенту.

Карлу надо было спасать свое положение. 10 августа он срочно выехал в Шотландию с тайной целью: превратить северного соседа из врага в союзника, овладеть шотландской армией и обернуть ее против парламента.

Пока Карл добирался до северного сурового соседа, пока он пытался договориться с упрямыми вождями шотландских кланов, пока парламент в его отсутствие обсуждал болезненные и деликатные церковные вопросы, разразилась еще одна буря — на этот раз в Ирландии.

Жестокая политика «черного графа» принесла свои страшные плоды. Чем безжалостнее было давление «сверху», тем ожесточеннее вспыхнула борьба. Восстание началось в Ольстере — именно там, в северной провинции, угнетение было особенно бесчеловечным. Узнав о казни лорда-наместника Страффорда, доведенные до отчаяния ирландцы развернули католические хоругви против английских протестантов. Пламя вспыхнуло 23 октября. Восставшие не щадили ни женщин, ни детей, они врывались в мирные дома и вырезали всех поголовно — от хозяина до последней служанки. Обезображенные трупы плыли по рекам, неприбранные валялись вдоль дорог. Дома горели, повсюду стояли виселицы. Полураздетые беженцы гибли от голода и холода на подступах к Дублину, который оставался еще в руках англичан. Католические священники провозглашали анафему англичанам и грозили адскими муками всем, кто окажет им помощь.

Такие слухи доходили до Лондона. А сколько было

погибших? Пятьдесят тысяч, говорили одни, нет, сто, сто пятьдесят тысяч, двести тысяч англичан зверски убиты в Ирландии. Слухи росли, становились все ужаснее. В Лондоне поднялся ропот. «Проклятые паписты! Ирландские собаки! Иезуиты! Они, видно, в сговоре с королевой!» Кто-то шептал о заговоре, в котором замешаны очень высокие круги: не заявил разве главарь восставших О'Нейл, что он имеет полномочия от самого короля? Сейчас король в Шотландии — он хочет набрать там войско против парламента; кто знает, может быть, и ирландский мятеж поднялся с его молчаливого одобрения?

Все были единодушны: мятеж надо подавить как можно скорее. Как только известия о беспорядках в Ольстере достигли столицы, то есть в первых числах ноября, Пим предложил парламенту взять дело восстановления порядка в Ирландии в свои руки. 6 ноября Оливер Кромвель заявил, что командование всеми английскими вооруженными силами южнее Трента следует передать графу Эссексу, тем самым отняв его у короля. А чтобы отомстить за пролитую кровь и заодно получить компенсацию, в парламенте решено было конфисковать два с половиной миллиона акров ирландских земель и передать их англичанам.

Под залог этих земель был объявлен заем — ведь для подавления восстания надо было создать и вооружить армию. Дело сулило большие выгоды, и многие члены парламента, дельцы Сити, сквайры подписывались на заем с большой охотой. Среди подписавшихся стояло имя Оливера Кромвеля — он пожертвовал на подавление ирландского восстания 500 фунтов стерлингов — сумму, равную своему годовому доходу.

Шел уже десятый час вечера и седьмой час с начала заседания. Прения в палате общин затянулись. Несколько стариков, которых непобедимо клонило ко сну, уже докинули потихоньку зал; поднялся и величественно удалился вслед за ними государственный секретарь Николас, А прения все продолжались. Кромвель вчера ошибся, предполагая, что они не затянутся.

Обсуждалась Великая ремонстрация. В двухстах четырех пунктах перечисляла она все беды и злоупотребления, которые выпали на долю несчастной Англии с начала последнего правления. Народ должен знать, чем недоволен парламент, и прийти ему на помощь. Он должен знать, против кого направлен гнев парламента: против обнаглевших папистов, сговорившихся с ними епископов и «дурных советников» короля.

Одно чтение этого документа заняло несколько часов.

Вспомянуто было все: и неудача под Ларошелью, и провал экспедиции в Кадис, и роспуски парламентов, и произвольные аресты, штрафы, жестокие тюремные заключения, и монополии на мыло, соль, вино, кожу, каменный уголь — предметы наиболее ходовые и необходимые… «Большое количество общинных земель и отдельных участков были отобраны у подданных без и вопреки их согласию…» «Были созданы новые судебные трибуналы без законных на то оснований…» «Епископы и остальная часть высшего духовенства преуспевали, производя отстранение от должностей, отлучение, понижение различных ученых и благочестивых священников…» «Высокая комиссия в своей суровости и жестокости дошла до таких эксцессов, что почти не уступает римской инквизиции, и тем не менее во многих случаях архиепископ своею властью усиливал наказание еще больше, встречая в том поддержку Тайного совета…» «Пуритане — наименование, под которым они объединяют всех тех, кто хочет сохранить законы и вольности королевства и держать религию во власти последнего, — должны быть, по их мнению, либо выброшены из королевства силой, либо вытеснены из него страхом…»

И вот который уже час шло обсуждение. У каждого находилось что сказать, каждый пункт подвергался придирчивой проверке — кому хотелось усилить обвинения, кому — ослабить. Кромвель чувствовал голод — палата забыла про ужин, про то, что на дворе давно уже стояла ночь. Конца прениям не предвиделось.

— Это будет приговор проголодавшихся присяжных, — хихикнул кто-то неподалеку.

Около полуночи ремонстрацию наконец поставили на голосование. И вот странно, она проходит со скрипом! 159 голосов — за, 148 — против. Кто же против? Те, кто боится последствий. Те, кто боится решительных мер. Их в палате становится все больше. Вон они сошлись возле Гайда, Фокленда, Кольпеппера, Пальмера. Это сторонники постепенных, мягких реформ, сторонники договоров и переговоров. Но не они все-таки победили сегодня!

Заседание, однако, не кончено. Встает Гемпден.

— Я предлагаю издать приказ, — начинает он, и шум как по команде стихает, — немедля напечатать ремонстрацию!

Так вот оно что! Вместо того чтобы посылать ее на утверждение лордам, он хочет прямо обратиться к народу! Не слишком ли это смело? Ведь без утверждения лордов документ никогда не считался действительным. Шум снова, разрастаясь, кругами идет по залу.

— Мы знаем, — кричат ему, — вы хотите возмутить народ и освободиться от содействия лордов!

Встает полноватый, умный, умеренный Гайд. Лицо его выражает притворную кротость; но видно, что он на что-то решился.

— Не в обычае палаты, — говорит он, — обнародовать таким образом свои акты. По-моему, такое решение незаконно; я боюсь, оно приведет к гибельным результатам. Если оно будет принято, позвольте мне протестовать.

— И я буду протестовать! — тут же вскочил Пальмер.

— Протестуем, протестуем! И мы протестуем! — закричали с их стороны.

Шум поднялся невообразимый. Даже Пим не может его успокоить. Напрасно он говорит что-то о незаконности подобных протестов — его прерывают бранью. Он настаивает — ему отвечают угрозами. Депутаты вскакивают с мест, руки тянутся к эфесам, Кромвель не замечает, как клинок сам собой оказывается у него в руке, он что-то кричит, еще минута — и кровь польется на парламентский пол…

Но свара так и не переходит в драку. Два часа утра.

— Господа, — говорит Гемпден охрипшим голосом, — до чего мы дошли! Что за унизительный беспорядок! Предлагаю отложить заседание до следующего дня.

Он прав. Сейчас уже ни до чего не договоришься. Депутаты расходятся.

Кромвель догоняет Фокленда. Еще вчера он уверял его, что ремонстрация не вызовет дебатов.

— Ну как? — устало усмехается тот. — Были дебаты?

— В другой раз буду вам верить, — тоже усмехается Кромвель. И вдруг, наклонившись к самому уху Фокленда, шепчет даже с некоторой торжественностью: — Если бы ремонстрацию отвергли, я завтра бы продал все, что я имею, и никогда больше не увидел бы Англию! Я знаю многих других честных людей, которые сделали бы то же самое.

Через два дня в Лондон вернулся король. Он был не в духе: подписать договор с шотландцами так и не удалось. Парламент вручил ему предлинную ремонстрацию, начиненную грозными обвинениями и оскорбительными для королевской прерогативы требованиями. С холодным презрением Карл отверг ремонстрацию и принял негласные, но решительные меры: сменил коменданта Тауэра, удалил парламентскую охрану; Гайд, Фокленд, Кольпеп-пер получили солидные правительственные

посты.

Но парламент не дремлет тоже. Охрана палаты снята? Прекрасно, депутаты будут приводить с собой на заседания вооруженных слуг. Жерла пушек с Тауэра направлены на Сити, это грозит безопасности Лондона — пусть же Лондон сам ответит на эту меру.

И Лондон приходит в движение. Ремесленники и подмастерья снова высыпают на улицы, толпа грозно волнуется на площади возле королевского дворца. «Долой епископов! Привилегии парламента!» — слышатся крики. Лорды не пожелали изгнать из своей страны епископов — за них это сделает сам народ. 11 декабря из толпы, осаждающей здание Вестминстера, выделяется делегация. Она вручает палате лордов петицию, подписанную 20 тысячами человек. Изгнать епископов из палаты лордов — вот основное требование петиции. 27 декабря толпа не пускает лордов-епископов на заседание палаты. Только двоим депутатам в епископской мантии удается пробраться на заседание. То, что не смогли провести парламентским путем, сделано самим народом. Лидеры нижней палаты ликуют. «Боже упаси, — предостерегает Пим, — если общины чем-нибудь разочаруют народ и ослабят его воодушевление».

В эти дни весь Лондон на разные лады повторяет словечки, родившиеся в запале уличной ненависти: те, кто за короля, кто одет в шелк и бархат, кто носит длинные локоны, — «кавалеры» (намек на связи с папистской Испанией); те, кто одет в простой рабочий костюм, кто стрижет волосы коротко, по старому обычаю, — это «круглоголовые», сторонники парламента.

Король больше не желает терпеть. С оппозицией надо покончить единым ударом — именно так советовал ему в свое время граф Страффорд. Приходится пожалеть, что он не внял тогда этому совету! Сейчас на том же настаивают придворные епископы, члены Тайного совета, сама обожаемая королева. В Лондоне уже стало известно о ее переговорах со своим братом, королем французским, о вооруженной помощи и еще об интригах ее с дворами Голландии, Дании, даже Рима. Это дело нешуточное. Парламент со дня на день мог обвинить ее в государственной измене. И Карл решается. Правда, монарх только что обещал парламенту полную неприкосновенность, но мало ли что он обещал! Страффорду Карл тоже обещал: «Ни один волос…» Нет, этот удар надо нанести разом.

3 января нового, 1642 года против Пима, Гемпдена, Гезльрига, Холльза и Строда, а также против лорда Манчестера выдвинуто обвинение в государственной измене. Пусть тот же камень, что они бросили в Страффорда, падет теперь на их

головы. Их дома опечатаны, прокурор явился в палату и потребовал ареста обвиняемых. Но члены парламента хорошо знали свои привилегии. Они Отказались выдать обвиняемых.

Карл пришел в бешенство. Это бунт против королевской воли! Это неслыханное покушение на права монарха! Он сам пойдет в палату и потребует выдачи обвиняемых. Пусть по древнему обычаю ему не дозволено переступать порог нижней палаты! Они не стесняются нарушать обычаи — он тоже может их нарушить. Через час, как обещал жене, он вернется властелином своего королевства.

Бледный, взбешенный, оставив за спиной четыреста вооруженных солдат, Карл вступает в зал заседаний. Со шляпой в руке, он проходит меж рядами к креслу спикера. Тот поспешно встает и уступает место. Депутаты поднимаются и обнажают головы. Все молчат.

Карл обводит глазами ряды. Но что это? Среди депутатов нет ни Пима, ни Гемпдена… Он еще раз пристально всматривается в лица и понимает, что проиграл, безнадежно проиграл: негодяи успели скрыться. Он пытается говорить, заикаясь больше обычного:

— Господа, я очень огорчен случаем, приведшим меня сюда. Но вчера я приказывал арестовать людей, обвиненных в государственной измене, и ожидал повиновения… Ни один король не заботится так о ваших привилегиях, как я. Но в случае государственной измены привилегии не существует. Я сам пришел арестовать их. Вы можете сказать мне, мистер спикер, где они?

— Ваше величество, — спикер Ленталл опускается на колени, руки его сами собой складываются умоляющим жестом, — у меня нет здесь глаз, чтобы видеть, и языка, чтобы говорить, пока мне не прикажет это палата, ведь я ее слуга…

— Так, — произносит Карл, и губы его еще больше бледнеют. — Я вижу, что птицы улетели. Я надеюсь, как только они появятся, вы тотчас же пришлете их мне. В противном случае я приму меры для их отыскания.

Он встал и медленно, не теряя величественной осанки, пошел к выходу.

— Привилегию! — вдруг хрипло выкрикнул чей-то голос.

— Привилегию! Парламентские права! Привилегию! — раздалось со всех сторон.

Вместе со всеми, не помня себя от ярости, кричал и Кромвель.

Предупрежденные кем-то за полчаса до прихода короля, лидеры успели вовремя покинуть палату и укрыться в Сити.

Парламент временно отложил заседания на неделю, но главный комитет его тоже перенес свои заседания в Сити. Королю пришлось пережить еще одно унижение: мэр города, которому он лично нанес визит, тоже отказался выдать обвиняемых. Это было полное, сокрушительное поражение. Столица отныне не повиновалась королю. Еще на пути из парламента его карету осаждала грозно шумевшая толпа. В Сити, куда он прибыл без конвоя, он чувствовал себя как во враждебном лагере: всюду его встречали суровые лица, скопища народа, угрожающие крики: «Привилегии парламента! Право неприкосновенности!»

10 января Карл с королевой и детьми отбыл в Гемптон-Корт, а оттуда отправился в Виндзор. В Уайтхолл он вернется только через семь долгих лет, и вернется уже пленником.

А Лондон торжествовал победу. На следующий день после отъезда короля пять обвиненных членов парламента в сопровождении шерифов и отрядов милиции[9] сели в лодки и по реке торжественно отправились к Вестминстеру. Тысячи людей шли вдоль берега, приветствуя их радостными возгласами и выкрикивая угрозы в адрес епископов и лордов-папистов. На барках и шлюпках, которыми кишела Темза, развевались нарядные вымпелы, и арбалетчики стояли в полном вооружении, словно готовясь к бою.

Отъезд короля означал разрыв. И хотя он предложил парламенту перечислить вкратце все жалобы и обещал разом положить конец несогласиям, всем было ясно, что надо готовиться к войне. 14 января Кромвель внес в палате билль о создании комитета обороны. Билль был одобрен. В конце февраля стало известно, что королева, захватив с собой принадлежащие английской короне бриллианты, отбыла на континент. Она искала поддержки у брата. Король тем временем отправился в Йорк, ожидая помощи северных графств.

Война близилась — это ощущалось на улицах, в тавернах, церквах. 23 февраля проповедь перед парламентом читалась на тему 23-го стиха пятой главы «Книги судей»: «Будь проклят каждый, — гремел голос проповедника, повторяя древние слова, — кто удержит руки свои от пролития крови!»

5 марта парламент издает указ о милиции — все годные к военной службе должны явиться в распоряжение лордов-лейтенантов графств. Король отвечает запретом собирать милицию без его согласия. Идет пока еще «памфлетная война» — обе враждующие стороны лихорадочно обмениваются посланиями, требованиями, приказами, декларациями. 2 июня парламент суммирует свои требования в «Девятнадцать предложений» и посылает их королю. Карл негодует, он уязвлен и

рассержен. «Если я соглашусь на это, — говорит он, — передо мной будут снимать шляпу, целовать руку, называть „ваше величество“, носить булаву или меч, позволят мне забавляться короной и скипетром, но я буду лишь тенью, лишь видимостью власти, пустым призраком».

И правда: общины требуют, чтобы все главные вопросы в государстве — назначение министров, послов, советников, церковные дела, командование вооруженными силами, распоряжение судами и юстицией, внешняя политика — решались не иначе как с утверждения парламента. Под его контроль отдавалось даже воспитание королевских детей. «Nolumus Legos Angliae mutari» — «Не дозволим менять законы Англии», — отвечает король.

Готовясь к войне, парламент набирает средства — будто бы для подавления ирландского мятежа. Оливер Кромвель вносит триста фунтов. Позднее он подписывается еще на пятьсот фунтов — «в защиту парламента».

Он очень деятелен. Плотная фигура его мелькает в комитете по делам Ирландии, в палате лордов, в служебных помещениях Вестминстера, даже в Тауэре, где он ведет переговоры с комендантом о безопасности Лондона (ходят слухи, что роялисты готовятся захватить Тауэр). Он становится известен: его посылают к лорду-мэру, назначают в комитет по приему ответа короля на «Девятнадцать предложений», к нему обращаются за поддержкой проповедники-пуритане. Он не оратор, как Пим, не политик, как Гемпден, не законник, как Уайтлок, не республиканец, как Мартен или Гезльриг, не пресвитерианин, как Холльз. Он человек действия — волевой, способный, трудолюбивый. Для Пима и его партии он полезный исполнитель, толковый организатор сопротивления королю.

О том, что будет дальше, он пока не думает. Он твердо знает, что надо делать сейчас — бороться всеми силами против королевского произвола, за права парламента, права народа. Пресекать тиранию епископов, искоренять папистские обряды из церкви. Не допустить, чтобы лагерь короля стал сильнее, чем лагерь парламента.

А опасность такая есть: в королевскую столицу, Йорк, стекаются оружие, деньги, съезжаются кавалеры со всех концов страны. Королю не удалось захватить Гулль — верный парламенту командир гарнизона поднял мосты и отказался сдать крепость, — но зато люди короля захватили Портсмут и Ньюкасл — морские ворота на континент. Университеты Оксфорд и Кембридж собирают свое старинное серебро, подношения студентов — его решено послать королю на военные нужды. Этого

парламент не может допустить. В университеты отправлены приказы — задержать серебро.

Кромвель возмущен: его графство, его университет, столь славный пуританскими традициями, готов изменить делу парламента. В начале августа, заручившись инструкциями палаты, он скачет на север, в родные места, в Кембридж. Его энергия кипит: он вербует добровольцев, организует отряды, ставит кордоны на всех дорогах. Под бой барабанов, с развернутыми знаменами вступает его войско на землю старинного университета как раз в тот момент, когда обоз с двадцатью тысячами унций серебра уже готов к отправке. В королевской охране — кузен Кромвеля Генри, сын старого сэра Оливера. Когда-то, мальчишками, они вместе играли в Хинчинбруке. Ныне семья разделилась: братья вот-вот обнажат шпаги. «И встанет народ на народ и брат на брата…» Но кровопролития не происходит: обоз мирно сдается в руки парламента.

Палата благодарит Кромвеля и приказывает денно и нощно держать на всех мостах и дорогах вокруг Кембриджа вооруженную охрану, дабы ни оружие, ни снаряжение, ни денежные средства не попали на север, в королевскую ставку.

В июле парламент подписывает приказ о создании армии «для защиты особы короля, обеих палат парламента и всех тех, кто подчинится их повелениям, а также для охранения истинной веры, законов, гражданской свободы и мира в соединенных королевствах».

Похоже, гражданская война уже началась.

Глава IV
Воин

Европа никогда не видела ничего подобного в искусстве вождения войск.
Дэвид Лесли

Только религиозные и благочестивые люди годятся для защиты правого дела.
Кромвель

Гром еще глухо ворчал вдали, но грозная сила его угасла. Резкий штормовой ветер рвал плюмажи на шляпах, парусами вздувал плащи свиты, нещадно трепал завитые локоны. Низкие темные облака стремительно проносились над холмами Ноттингемского графства.

Процессия из нескольких сот пестро одетых всадников вслед за королем Карлом и знаменосцем выехала на центральную площадь замка. Огромное старинное знамя с девизом «Воздайте кесарево кесарю» билось и трепетало, вот-вот готовое вырваться из рук.

Загремели барабаны, зазвучали трубы, и герольд начал читать королевскую прокламацию. По обычаю предков Карл призывал верных вассалов выйти за него на битву с непокорным парламентом. «…Мы выполним наш долг в такой степени, что господь снимет с нас вину за ту кровь, которую должно будет пролить при этом…» Когда чтение было окончено, шляпы полетели в воздух и нестройные голоса прокричали: «Боже, храни короля!» Знамя было укреплено на вершине одной из башен Ноттингемского замка.

Король был печален. Его свита казалась ничтожной; денег не было; миссия супруги на континенте пока не приносила успеха. Ни один пехотный полк не был еще набран, оружие и амуниция застряли в Йорке. Правда, его поддерживали почти целиком северо-западные графства, а также Уэльс и Корнуол; все родовитые и знатные фамилии изъявляли ему свою преданность; но зато самые развитые, деловые, близкие к Европе области и порты, весь юго-восток страны, а главное — Лондон с его могучими финансами, запрятанными в Сити, — все были за парламент.

Немного утешал лишь приезд из Германии нового доблестного воина. Племянник Карла, сын его сестры, богемской королевы, и супруга ее, курфюрста Пфальцского Фридриха, двадцатидвухлетний принц Руперт с жаром уверял, что они одним махом покончат с презренными «круглоголовыми» — сбродом, осмелившимся бунтовать. Немудрено, что принцу сразу же по прибытии был пожалован орден Подвязки.

Ах, как он был красив, горяч, дерзок, принц Руперт! Как любили художники рисовать породистое, надменное, прекрасное лицо, аристократические руки в пене кружевных манжет, великолепные локоны, ниспадающие на драгоценный Еоротник! Такой блестящий, стремительный военачальник как раз и нужен был нерешительному, меланхоличному, слабому Карлу.

…Штормовой ветер к ночи усилился, и, проснувшись утром па следующий день, 23 августа 1642 года, король не увидел своего знамени на башне: его свалило ветром. Гражданская война началась с дурных предзнаменований.

Армии не было и у парламента. В Англии вообще не было регулярной армии. Длительный мир, который царил в стране вот уже второе столетие, делал ее ненужной. Местное же ополчение — милиция, созываемая в случае опасности, воевать, по сути дела, не умела. Из этих доморощенных, плохо обученных, привязанных к родному селу или городку отрядов надо было создать армию, способную сразиться с кавалерами.

Уже в конце августа Кромвель начинает собирать отряд кавалеристов среди своих земляков в Хантингдоне и Кембридже. К нему идут арендаторы, которые помнят его заступничество и чувство справедливости; крестьяне-йомены; городские ремесленники и подмастерья; все, конечно, благочестивые пуритане. В сентябре Оливер Кромвель уже капитан отряда из 60 добровольцев, еще неуклюже сидящих на своих привычных к полевой работе лошадках.

Набор добровольцев идет повсюду, и армия графа Эссекса, главнокомандующего парламентских войск, насчитывает около 20 тысяч человек. Но что это? Граф Эссекс, сын печальной памяти фаворита королевы Елизаветы, будто и не настроен на битву? Он важен и скорбен. Ему нелегко возглавлять армию, рвущуюся в бой против божьего помазанника, самого короля. Он медлит, колеблется; а когда наконец 9 сентября выступает из Лондона — в обозе везут по его приказу похоронные принадлежности: гроб, саван, фамильные гербы.

Промедление парламентской армии дает королю

возможность сплотить свои силы. Карл выступает на юг, к Лондону, и по пути к нему стекаются все кавалеры со своими слугами, все вояки, сражавшиеся на континенте, наемники, искатели военной славы. Войско Эссекса идет на север, а войско короля — на Лондон; лишь разминувшись с ним, Эссекс спохватывается. Он поворачивает вдогонку королю, теряет по дороге значительную часть артиллерии и, наконец, холодным днем 23 октября у холма Эджхилл, недалеко от Оксфорда, настигает противника.

Оба войска, численностью каждое около 14 тысяч человек, выстроились друг против друга в боевом порядке: пехота с мушкетерами и копейщиками посредине, кавалерия на флангах. В два часа пополудни принц Руперт выхватил из ножен клинок и дал шпоры коню. Его кавалеристы, сверкая шпагами в морозном воздухе, стремительно понеслись навстречу темной массе парламентского войска. В считанные минуты правый фланг кавалерии «круглоголовых» был смят, опрокинут, обращен в бегство. Рупертова конница с гиканьем понеслась им вдогонку, по дороге налетела на обоз и, расстроив собственные ряды, принялась грабить. Руперт считал свое дело сделанным.

Пока пехота, дымя фитилями, перезаряжала мушкеты, последовал удар кавалерии на другом фланге. Тут уж парламентские отряды не подкачали: их полковнику удалось не только выдержать натиск роялистов, но и перейти в наступление. Лондонская милиция, составлявшая ядро парламентской пехоты, держалась стойко. Несколько кавалерийских отрядов подкрепили ее успех, и кавалерам пришлось туго: их атаковали и с фланга и с тыла.

Уже вечерело, когда «победоносный» Руперт вернулся на поле сражения, где царила полная неразбериха. Многие не могли понять, с кем и за кого сражаются. Он бросился на помощь королевской пехоте и с грехом пополам отбил атаки «круглоголовых».

Ночь наступила; бой окончился, но никто не знал, кто победил. На следующий день удивлению не было границ: граф Эссекс дал приказ отступать к Уорику. Король со своей армией, ободренный успехом, отошел к Оксфорду, занял его и устроил там, в тридцати милях от Лондона, свою штаб-квартиру.

Кромвель был всего лишь кавалерийским капитаном. Он с болью видел, как дружная атака Рупертовой кавалерии сломала, смяла ряды парламентских солдат, он кусал губы от стыда за своих нерешительных командиров. Нет, не такое войско нужно было парламенту.

— Что ждать от ваших кавалеристов? — с жаром говорил он

Гемпдену. — Большинство их — старые, опустившиеся военные служаки, и к тому же пьяницы. А их отряды — это сыновья джентльменов и благородных людей. Неужели вы думаете, что всякий сброд будет в состоянии бороться с джентльменами, которые обладают твердостью и храбростью, которых вдохновляет честь? Вы должны набрать себе людей такого духа, которые ни в чем не уступали бы джентльменам, а иначе вас будут бить постоянно!

Умный Гемпден качал головой. Все это так, и хорошо бы иметь солдат, по духу равных джентльменам. Но где их взять? Как обучить? Кузен Кромвель смел и горяч, он ищет добра, но его предложение невыполнимо.

Гемпден недооценивал своего кузена. Уязвленный поражением и — кто знает? — может быть, плененный безоглядной удалью великолепного Руперта, он берется за дело. Он уже знает, что нужно для победы: найти людей высокого духа, которые знают, за что они идут в бой, которые окрылены в битве не жаждой наживы или славы, а куда более высоким порывом: порывом к справедливости, добру для всех, порывом к богу. Он знал таких людей. За ними не надо было далеко ходить: их суровые, правдой дышащие лица он видел в церквах Хантингдона и или, где читали по воскресеньям Писание, на базарных площадях, где они со вниманием слушали пуританского проповедника, в собственном доме. Это праведники, «святые», готовые отдать жизнь за свою веру. Их идеалы выше суетных устремлений кавалеров. Только такие люди, должным образом организованные и обученные, могут победить в правом деле.

И Кромвель начинает создавать новую армию. Его небольшой кавалерийский отряд, набранный в бесконечных поездках по восточным графствам, объединившимся теперь в Ассоциацию по борьбе с королем, становится основным ядром. Его солдаты ненавидят королевский произвол; они никому не позволят вмешиваться в дела их совести, навязывать ту или иную веру. Они честны и неподкупны. Они суровы и непритязательны и так же готовы подчиняться начальникам своим, как подчиняются законам евангельским. А без такого подчинения, думает Кромвель, нельзя быть хорошим человеком. Сказано ведь: «Будьте покорны всякому человеческому начальству для господа…»

К январю 1643 года отряд уже набран, и парламент жалует Кромвелю чин полковника. Это еще увеличивает его рвение: солдат и их неповоротливых лошадей, привыкших к плугу, надо обучить равнению, поворотам, различным аллюрам. И Кромвель с утра до вечера, не жалея себя, занимается с полком. Он сам учит новобранцев быстро заряжать мушкет, правильно держать пику,

перестраивать ряды, слушаться команды. Он учит их безоговорочному повиновению и беспощадности в бою. «Какой бы враг ни стоял передо мною, будь то сам король, — говорит он, — я застрелю его, как любого другого. Если совесть запрещает вам сделать то же самое, идите куда-нибудь еще». То окриком, то соленой шуткой, над которой раскатисто хохочет вместе с ними, он добивается послушания, стройности, единства действий. Да, он будет стремителен и беспощаден, как Руперт, но его солдаты не будут тотчас после атаки рассыпаться и грабить. Нет, они соберутся, построятся вновь и в боевом порядке снова ринутся на врага, чтобы победа была полной.

Забот еще много: солдат надо хорошо кормить, обуть, одеть, снарядить. Словно добрый отец и рачительный хозяин, Кромвель входит во все их нужды. Он и собственных денег не жалеет — уже больше тысячи фунтов вложил он в полк; и комитеты графств постоянно теребит он письмами, просит, убеждает, требует:

«Моя часть выросла. Я имею прекрасных соратников… Но я слишком беден, чтобы помогать деньгами, и уже отдал, что мог. Теперь, с помощью божьей, отдам только свою шкуру; то же сделают и мои люди». «…Я прошу денег не для себя. Если бы речь шла обо мне, я и рта не раскрыл бы в такое время. Но другие не будут удовлетворены. Умоляю вас, поспешите с присылкой ассигнований. И не забудьте о проповедниках». «…Джентльмены, дайте возможность жить и содержать себя тем, кто желает пролить кровь свою ради вас».

И в Лондон, члену парламента Сент-Джону летит письмо:

«Я не тревожил бы вас по денежным делам, если бы тяжкие нужды моих солдат не угнетали меня сверх всякой меры. Мои отряды выросли. У меня прекрасные товарищи: если бы вы их узнали, вы бы со мной согласились. Они не анабаптисты, они честные, умеренные христиане: они ожидают, что с ними будут поступать по-человечески».

Удивительно ли, что солдаты души не чаяли в своем полковнике!

Но и этого мало. Полк надо разбить на отряды, а во главе каждого из них поставить способного и надежного командира. С этим еще труднее. От веку повелось, что начальником должен быть человек знатный, благородного происхождения, образованный. Конечно, хорошо бы иметь таких командиров. Но где они? В полк к Кромвелю они не просились.

И он решается на невиданный шаг: назначает командирами простых мужиков, обнаруживших сметливый ум, упорство и хватку, но никогда не бывавших рыцарями. Над ним смеются, его укоряют. Но ничто не может поколебать его убежденность.

«Если вы изберете в качестве капитанов божьих праведных людей, — пишет он, — *благочестивые люди последуют за ними… я предпочитаю простоватого капитана в грубошерстном кафтане, который знает, за что он сражается, и любит то, что он знает, тому, кого вы называете джентльменом и который больше ничего из себя не представляет».*

Капитанами назначаются извозчик, сапожник, котельщик, корабельный шкипер.

Но что было обязательно для командира — это верность пуританским идеалам. Капитан должен быть не только хорошим солдатом, но и хорошим проповедником. Пламенная вера, умение поднять дух войска, воодушевить его горячими, от сердца идущими словами — Кромвель не знал ничего, что давало бы в бою большую смелость и уверенность. Он выдвигал в командиры не только умеренных пуритан, но даже крайних сектантов. Он знал этот народ и не боялся его. Правда, они нередко громили соборы, разбивали цветные стекла, жгли иконы и священные книги. О них поэтому шла дурная слава. Но зато они, как и он, горели ненавистью к тирании, а свобода их убеждений делала их даже более гибкими и смелыми воинами, чем приверженные догме пресвитериане.

Кромвель говорил своим солдатам о царстве вечной справедливости, о торжестве истины и веры над ложью и идолопоклонством. Долг, общее дело, идеал служения добру и свободе — вот знамя, за которым шли его солдаты.

К марту полк — около двух тысяч всадников — был готов сразиться с врагом. Это был удивительный полк. В газете про него написали: «Что до Кромвеля, то он имеет 2000 храбрых и хорошо дисциплинированных воинов. Если кто из них побожится — платит штраф в 12 пенсов; если напьется, его сажают в колодки или еще того хуже; если один назовет другого „круглоголовым“, его увольняют со службы; так что в тех местах, куда они приходят, все от них в восторге и присоединяются к ним. Какое было бы счастье, если бы все наши силы были так же дисциплинированны».

И вот первые стычки, первые испытания в бою. 13 мая 1643 года. Вечер. Большое поле близ местечка Грэнтем в Линкольншире, где кавалеры развернули 21 роту кавалерии и четыре роты драгун.

«Как только мы услышали тревогу, — писал в тот же день Кромвель, — *то вывели наш отряд, состоящий из двенадцати рот, из коих некоторые находились в таком жалком состоянии, что трудно представить. Эту горсточку богу было угодно бросить на чашу весов. Некоторое время мы стояли на расстоянии выстрела*

от неприятеля, и драгуны с полчаса или немного больше вели огонь. Видя, что неприятель на нас не движется, мы сами решились его атаковать и после многих выстрелов с обеих сторон устремились на него довольно крупной рысью. Они держались стойко, но с божьей помощью были весьма быстро опрокинуты и побежали, а мы их преследовали две или три мили».

28 июля 1643 года. Окрестности городка Гейнсборо в том же графстве. *«Неприятельский отряд стоял на вершине высокого холма, над нашими головами. Кое-кто из наших попробовал взобраться на холм; враг сопротивлялся. Мы опрокинули его и сумели взобраться на холм».* Оказалось, что за авангардом в резерве стоит целый конный полк роялистов. *«Прежде чем мы успели привести наш отряд в порядок, неприятель бросил на нас свои главные силы… Мы тоже атаковали его. Я был на правом крыле. Сойдясь вплотную, конь к коню, мы долго дрались мечами, сохраняя добрый порядок, и никто не мог одолеть. Но наконец противник поколебался, наши люди нажали на него посильнее, он подался, и мы его вскоре одолели, все их войско; одни побежали в одну сторону, другие в другую, в большом беспорядке».*

10 октября. Уинсби, Линкольншир. Здесь стоят главные силы роялистов — около трех тысяч человек. Да и парламент стянул сюда примерно столько же. Здесь и командующий войсками Восточной ассоциации граф Манчестер, и командир северных войск парламента Томас Ферфакс. Битва начинается с атаки парламентских драгун. Почти тотчас же раздается дружное, к небу летящее пение. Звучит псалом:

> Боже, царь мой!
> С тобою избодаем рогами врагов наших;
> Во имя твое попрем ногами восстающих на нас.
> Ибо не на лук мой уповаю, и не меч мой спасет меня;
> Но ты спасешь нас от врагов наших и посрамишь ненавидящих нас.

Это идут в бой отряды Кромвеля. В прозрачном осеннем воздухе далеко разносятся суровые мужские голоса.

Кромвель сам ведет свою кавалерию. Стремительность его удара не уступает Рупертовой. Мушкетеры роялистов дают залп, и Кромвель чувствует, что падает. Тяжелое тело убитого коня придавливает его к земле. Но сам он жив, цел, и могучая сила поднимает его, он бежит вперед, снова падает, встает и бежит. В сумятице боя уже трудно разобраться. Мимо проносится чья-то лошадь с пеной на удилах, без седока. Кромвель успевает схватить ее под уздцы, вскочить в седло — и вот он снова в гуще

сражения. Что-то кричит солдатам, подбодряя их, выравнивает ряды. Противник дрогнул — и вот уже бегут прочь роялистские солдаты, бросая оружие. Победа полная: захвачены тридцать пять знамен и около тысячи пленных. Большая часть Линкольншира очищена от кавалеров.

Но что это? Победы армии будто и не радуют парламент. В нем царит совсем иной дух, чем в славные дни Великой ремонстрации. Он обезглавлен: мужественный, благородный Гемпден смертельно ранен в стычке 18 июня; старина Пим болен, и смерть его не за горами; непримиримый отважный Мартен сидит в тюрьме. Теперь делами заправляют осторожные, консервативно настроенные пресвитериане, которые боятся всенародной войны. Лучше бы, считают они, миром договориться с королем — он уже получил хороший урок. Не то кто знает, до чего может довести народная стихия. Они полагают, что следует договориться с шотландцами и прекратить смуты в королевстве. А для этого установить единые, приемлемые для всех церковные порядки, подобные шотландскому пресвитерианскому устройству. Ненавистный всем епископат упраздняется, а во главе каждой церковной общины ставятся пресвитеры — старейшины, мудрые и солидные люди. Они избирают синод — высший церковный орган, который осуществляет надзор в делах религии и карает отступников. С этими планами было согласно и большинство в Сити»

Усилиями пресвитериан в сентябре 1643 года был подписан договор с шотландцами. Он назывался «Священная Лига и Ковенант» и официально вводил в Англии пресвитерианское церковное устройство. Выполняя условия Лиги, шотландская армия под командованием генерала Ли-вена в январе 1644 года вступила в Англию.

Но в парламенте были и недовольные, которые помнили вольный воздух свободы, нахлынувший в 1641 году. Они не хотели мириться с узколобым пресвитерианством, мало чем отличавшимся от епископата. Их не могли удовлетворить «реформы», проведенные парламентом: все эти начетнические указы, в которых запрещались театральные представления, медвежьи травли, майские пляски, хоровое пение в церкви и тому подобное. Они стремились к свободе вероисповедания, к независимости суждений, к продолжению политических реформ и, значит, к продолжению войны. Это были индепенденты — независимые. Генри Вэн-младший, Оливер Сент-Джон, Артур Гезльриг стали их вождями.

Конечно, Кромвель всей душой был с ними. Правда, он, как и все остальные офицеры, подписал Ковенант и тем самым официально согласился на пресвитерианское устройство церкви, но это было вынужденное согласие. Парламент 5 февраля издал указ, в котором приказывалось всем англичанам, достигшим восемнадцати лет, подписать Ковенант. Но на этом нельзя было останавливаться. Сейчас, когда он чувствовал, что бог уже вложил в его руки замечательное орудие победы — его кавалерию, — он понимал, что надо идти вперед, закрепить достигнутое, иначе враг снова пойдет на Лондон и все надежды могут рухнуть. Надо всемерно укреплять армию. Он спорит, убеждает, настаивает. *«Если бы я мог сказать такие слова, которые пронзили бы ваши сердца,* — пишет он власть имущим, — *я бы это сделал… Если мы что-нибудь упустим, вы у видите, армия Ньюкасла*[10] *сядет нам на голову». «… Сейчас не время выбирать или думать о том, что приятнее. Надо служить делу. Отдавайте приказы и добивайтесь повиновения! Господь да усилит ваше и наше усердие!»*

Он видит, что командиры парламентских войск стараются затянуть войну. Он видит, что почти весь север и запад — три четверти страны — находится в руках короля, а парламент владеет лишь пятью графствами Восточной ассоциации. Эссекс вообще перестал сражаться, граф Манчестер, аристократ-пресвитерианин, медлит с созданием армии, парламент ведет переговоры с королем.

Этого Кромвель не может терпеть. Он действует. Утром его видят в одном графстве ассоциации, вечером — в другом. Он увлекает, уговаривает, угрожает. *«Не о чем больше рассуждать! Вооружайтесь и выходите все, кто может! Образуйте отряды, собирайте волонтеров, каких только можете, запасайте лошадей. Спишитесь тотчас с Норфолком, Сеффолком и Эссексом! Умоляю вас, не тратьте времени, будьте энергичнее, прилежнее. Неприятеля можно остановить только кавалерией. Действуйте живее, работайте не отвлекаясь, не щадите сил, пользуйтесь всеми средствами!»*

Он узнает, что майор-генерал Кроуфорд, начальник штаба графа Манчестера, разжаловал и выгнал из своего полка офицера только за то, что он был анабаптистом. К Кроуфорду летит длинное письмо. *«Вы поступили неправильно,* — убеждает Кромвель, — *прогнав такого верного делу и способного к службе человека. Позвольте сказать вам, что я с вами совершенно не согласен. Я не могу себе представить, как это вы решаетесь предпочесть пьяниц, ругателей и порочных людей такому человеку, который боится клятвы, боится греха. Разве потому только, что он анабаптист. А уверены вы в этом? Ладно, пусть так, но разве*

это делает его неспособным служить обществу?.. Сэр, государство, выбирая людей к себе на службу, не должно обращать внимание на их религиозные воззрения; если они готовы верно служить ему, этого довольно… Берегитесь дурно обращаться с людьми, которые провинились только в том, что не разделяют ваших религиозных убеждений…»

Он весь погружен в военные дела, он занят по горло, и смерть второго сына, Оливера, от оспы в войсках парламентской армии уже не выбивает его надолго из колеи: это потеря войны. В начале 1644 года Кромвель получает чин генерал-лейтенанта.

«Две могучие армии, каждая из которых состояла более чем из двадцати тысяч кавалеристов и пехотинцев, приготовлялись к бою, развернув свои колышущиеся зна-

мена и глядя друг другу в лицо… Нашим отличительным знаком была белая бумага или носовой платок на шляпах; нашим лозунгом был «С нами бог!». Знак неприятелей заключался в том, что они были без лент и шарфов, их лозунгом был «Бог и король!».

Расположение нашей армии, когда она выстроилась, было таково: большая часть конницы генерала Лесли совместно с конницей генерала Фэрфакса составляла правое крыло. Конница графа Манчестера с частью шотландцев составляла левое крыло. Пехотинцы поместились в центре».

Так свидетельствовал очевидец.

Конницу графа Манчестера возглавлял генерал-лейтенант Кромвель. На вересковой пустоши Марстон-Мур, в пяти милях южнее Йорка, встретились сырым ветреным днем 2 июля две могучие армии: силы принца Руперта, соединенные с войсками Ньюкасла, против сил парламента. Роялисты насчитывали около 18 тысяч человек, «круглоголовые» — более 22 тысяч. У солдат парламента с утра не было крошки во рту: обоз с провиантом почему-то не подоспел вовремя, и, мучимые жаждой, они запрокидывали головы, ловя ртом дождевые капли.

Солнце, то и дело заслоняемое бегущими рваными облаками, из которых накрапывал дождь, уже склонялось к закату, когда трубы протрубили сигнал к бою. С парламентской стороны ударили пушки, и кавалеры, стоявшие на расстоянии мушкетного выстрела, услышали вдруг низкие суровые звуки, от которых мурашки побежали по спинам: две с половиной тысячи кавалеристов на левом фланге запели псалом.

Его подхватила пехота, наполовину скрытая от глаз высокой мокрой рожью.

Принц Руперт с улыбкой обернулся к генералу Ньюкаслу:

— Битвы сегодня не будет. Они будут петь и молиться. А я пойду ужинать. Мы сегодня и так прошли достаточно.

Он соскочил с коня и отправился к своему шатру. Ньюкасл, с сомнением покачав головой, последовал за ним, уселся в карету и приказал раскурить трубку.

Небо потемнело — приближалась гроза. Дождь пошел сильнее, удар грома расколол небо над томящимися солдатами. Было около семи часов вечера.

В этот миг левое крыло парламентской армии внезапно пришло в движение, прогремел мушкетный залп, и темная, сплоченная, будто единое тело неведомого чудовища, масса кавалеристов ринулась вниз с холма, не прекращая грозного пения. Кромвель повел своих людей в атаку. Это была совсем новая, невиданная атака: быстрая, повинующаяся каждому жесту своего командира. Поводья не отпускались; стремена были коротко подвязаны: кавалеристы скакали сомкнутым строем, крупной рысью, совсем близко один от другого.

Этого кавалеры не ожидали. Руперт, бросив недоеденный ужин, поднял свои войска и с бешеной стремительностью двинулся навстречу. Два врага, два знаменитых командира — юный лихой красавец и сорокапятилетний коренастый, простоватый, с обветренным красным лицом Кромвель встретились лицом к лицу. Страшный удар рукопашной смешал на короткое время обе конницы. Ожесточенный звон клинков, ржанье лошадей, вскрики раненых — и громовые удары сверху, с неба, где бушевала гроза, — и впрямь в этой битве участвовали не только земные, но и небесные воинства. Руперт был поражен, взбешен: в первый раз противник не рассеялся, не побежал от его удара, а лишь подался немного назад, не расстроив своих рядов.

Вспышка от близкого выстрела на мгновение ослепила Кромвеля, и он почувствовал, что ранен в шею: горячая кровь обагрила воротник. Но разве это могло остановить его! Он не помнил, кто, торопясь, перевязывал ему рану, нетерпение боя все горело в нем, и вот он уже снова на коне, и солдаты его дружным возгласом приветствуют командира. Он с ними, он снова ведет их. Сомкнутым строем, колено к колену, они бросаются на Руперта опять и — о чудо! — прославленная кавалерия принца дрогнула… Она уступает… Она бежит!

Победа!

Но Кромвель недаром так ревниво, так придирчиво изучал тактику Руперта. Теперь главное — не увлечься преследованием, не покинуть поле боя, а собраться, оглянуться вокруг: как идет сражение в других местах, кому нужна его помощь?

А помощь нужна, очень нужна: правый фланг кавалерии разбит, шотландцы со слезами молятся об избавлении от гибели, пехота в центре едва держится под ударами Ньюкасла. Свои перемешались с чужими, ожесточение боя дошло до предела, до ослепления. Кто-то дрожит и плачет, кто-то, пытаясь улизнуть, спрашивает дорогу в ближайшую деревню, кто-то лежит на земле в полном изнеможении, и не знаешь, убитый это, раненый, или просто до смерти усталый, безразличный ко всему человек.

Вот тут-то и сказались долгие часы полевой муштры; часть кавалерии, повинуясь одному знаку руки командира, бросается вдогонку за Рупертом, а другая, большая часть, с неожиданной стороны бьет по войскам Ньюкасла, оставленным без прикрытия кавалерии.

Этот маневр решает судьбу сражения. Вражеская пехота дрогнула и прекратила атаку. Кавалеры, бросая оружие и знамена, побежали.

Длинный летний вечер подходил к концу. Гроза прошла. Темнело. Ошеломленные победой, счастливые, забывшие о голоде солдаты собрались вместе, обнажили головы, запели благодарственную молитву.

Ночевать приходилось тут же, на поле. Часов около одиннадцати граф Манчестер бродил от костра к костру и извинялся за то, что не может накормить их ужином. Он обещал завтра же с утра позаботиться о провианте. Солдаты посмеивались. «С нами бог! — говорили они; — Да мы готовы еще три дня не ужинать, лишь бы побеждать так, как сегодня!»

Поговаривали, что Руперт, спасаясь от преследования, забился в бобовое поле и сидел там, не смея высунуть носа. Больше трех тысяч роялистов было убито, полторы — взято в плен, захвачено сто знамен, вся артиллерия Руперта, все обозы и снаряжение.

На следующее утро по полю бродила женщина, разыскивая тело убитого мужа. Она остановилась возле группы солдат, которые раздевали убитых и делили их вещи. Ее-муж был кавалером, и она ждала, когда солдаты уйдут, чтобы потом осмотреть трупы. Какой-то офицер спросил, что ей нужно, и она объяснила.

— Не надо вам тут стоять, — мягко сказал он. — Мы сейчас будем собирать и хоронить тела убитых и, когда найдем вашего мужа, сообщим вам.

Он взял ее под руку, подвел к лошади и помог взобраться в седло. Затем подозвал солдата и велел проводить женщину до дому. Прощаясь, она спросила:

— Как имя ваше?

— Кромвель, Оливер Кромвель, — ответил он.

Он был упоен победой.

Ему казалось, что небывалая, невиданная сила увлекает его вперед, ведет единственно правильным, чудесным, свыше назначенным путем. Командир шотландцев Лесли, не один год воевавший на континенте, сказал, что подобных солдат нет сейчас во всей Европе. О его искусстве вождения войск громко заговорили повсюду. Сам Руперт назвал его «железнобоким», и скоро так стали именовать все его войско. Через несколько дней сдался Йорк.

Заседание военного совета затягивалось. Казалось, все генералы недовольны друг другом, каждый имеет свое особое мнение и ни в чем не хочет уступить другому. Настроение у всех было под стать промозглому ноябрьскому вечеру. Граф Манчестер вел заседание небрежным тоном, плохо скрывая неловкость и боязнь осуждения. Осенняя кампания не в пример летней шла из рук вон плохо. Армия Уоллера на юге едва не подверглась полному разгрому; Эссекс на западе был совершенно беспомощен.

Кромвель сидел набычившись, его лицо было красно. В свое время он предлагал пойти на выручку к Эссексу; он готов был лететь туда на крыльях, но натолкнулся на холодное «нет». Граф Манчестер, его непосредственный начальник, казалось, нарочно затягивал войну, избегал сражения как раз тогда, когда парламентские войска имели явные преимущества. Он пренебрегал распоряжениями объединенного командования, поступал вопреки мнению военного совета — словом, он не хотел победы парламента. Кромвелю казалось, что после Марстон-Мура Манчестер его боится и сознательно не дозволяет проявить инициативу.

Еще тогда, летом, окрыленный успехом победы, Кромвель пытался убедить его. «Милорд, — говорил он, — станьте решительно на нашу сторону. Не говорите, что надо быть умеренным ради достижения мира, что надо щадить палату лордов, бояться отказов парламента: какое нам дело до мира и до лордов? Дела до тех пор не пойдут на лад, пока вас не будут звать просто мистер Монтэгю. Если вы сблизитесь с честными людьми, то скоро станете во главе армии, которая будет предписывать законы и королю и парламенту». Может быть, именно эти смелые речи и напугали тогда графа до полусмерти. После этого разговора он стал еще более труслив, нерешителен, бездеятелен.

Результат был плачевным: пехота Эссекса в начале сентября сложила оружие, а сам главнокомандующий бежал на корабле. А

несколько дней назад у Ньюбери парламентская армия, хотя и имела почти двойное численное превосходство, не сумела одержать победу. Король занял крепость Деннингтон и овладел большими запасами оружия и артиллерии.

Кромвель чувствовал, как знакомая ярость закипает в горле. Он прижмет этого холеного графа к стене, он заставит его высказаться прямо!

— Сэр, — голос его сделался хриплым, брови насупились больше обычного. — Вы говорили о трудностях. Да, солдаты наши болеют, лошади шатаются от плохого корма. Но известно ли вам, что французы готовы помочь королю не только деньгами и оружием? Известно ли вам, что войска их, многие тысячи солдат, вот-вот высадятся на нашем берегу, чтобы выступить на стороне короля? Должны ли мы прекратить наступление в этих условиях?

Генералы переглянулись. Удар попал в цель.

— Ну, эти слухи лишены всякого основания, — попробовал обороняться Манчестер.

Генералы зашумели. Высадка французских войск — дело серьезное. Об этом уже давно поговаривали в армии; в последнее время слухи усилились. Короля надо разбить немедленно, пока к нему не подоспела помощь с континента.

— Сражение, решающее сражение, вот что нам нужно! — заговорили все разом.

Граф Манчестер выпрямился. От его напускной вялости не осталось и следа. Глаза его сверкнули, голос зазвенел:

— Разбить короля, говорите вы! Пусть так! Но если мы разобьем короля девяносто девять раз, он все-таки останется королем, как и его потомки, а мы — его подданными. А если он разобьет нас хотя бы один раз, нас всех повесят, а потомки наши станут рабами!

— Милорд! — Кромвель уже успокоился. Манчестер был пойман в ловушку, и ответить ему было совсем просто. — Милорд, если это действительно так, зачем же было вообще поднимать оружие? Значит, нам совсем не следует сражаться? Если так, давайте заключим мир с королем, как бы ни были унизительны его условия!

О мире, конечно, не могло быть и речи. Война продолжалась. Но вялая, трусливая тактика Манчестера граничила с преступлением. 15 ноября 1644 года парламентские войска оставили Ньюбери и отступили. Карл победителем вошел в Оксфорд.

Этому следовало положить конец. Кромвеля возмущала не медлительность Манчестера, не лень, не небрежение, не то, что он постоянно, словно нарочно, упускал прекрасные возможности

напасть на врага, не ошибки его — кто на войне не делает ошибок? Нет, больше всего бесила его всевозраставшая уверенность в том, что за всеми этими слабостями и пороками стоит полное, непреоборимое равнодушие к делу. Против него нет оружия. Манчестеру просто не хотелось действовать, и, даже если его принудить, все равно это будет лишь видимость дела, увиливание от него, сознательное нежелание довести его до конца.

Не один Манчестер был таким. Похоже, что гибельной трусостью, преступным равнодушием заражено большинство парламента. Они, эти осторожные толстосумы-пресвитериане, хотели мира с королем на выгодных для себя условиях. Они уже начали с ним переговоры. Но на их условия король никогда не согласится, и война будет бесконечной, армия постепенно распадется, страна изноет от разрухи, а дело, великое дело, за которое началась битва, погибнет.

В конце ноября Кромвель покидает армию и едет в Лондон.

25 ноября он встает со своего места в палате общин и начинает говорить. За ним — правота и сила, за ним — его победы, его кровь, пролитая в сражениях. За ним — его солдаты, равных которым нет в Европе. Это придает его речи вес, уверенность, убедительность. Он перечисляет все неудачи парламентских войск, все позорные просчеты, все поражения.

— И больше всех виноват в этих неудачах и вытекающих из них дурных последствиях граф Манчестер! Все это произошло не из-за каких-нибудь случайных или частных обстоятельств и не из-за простой непредусмотрительности, а из-за принципиального нежелания его светлости превратить эту войну в победу. Он сам не раз заявлял, что ему не нравится эта война и он предпочел бы мир с королем.

Манчестер тоже не желает молчать. Он выступает в палате лордов три дня спустя. Его гнев разражается потоком обвинений против Кромвеля: он-де и склонен к неповиновению, и способен на мятеж, и готов уничтожить корону и аристократию. Он сказал ему, Манчестеру, однажды: «Дело не пойдет на лад, пока вас не будут звать просто мистер Монтэгю». Он против пресвитериан и шотландцев и готов поднять на них оружие. Он говорил, что надеется дожить до такого дня, когда в Англии не будет аристократов. Он грозился застрелить короля, как любого другого врага, если тот окажется перед ним. Он пытался дезертировать! Он покровительствует сектантам, мистикам, визионерам, которые тоже ненавидят лордов только за то, что они лорды!

Скандал в парламенте разгорался. Лорды, конечно, поддержали Манчестера. В общинах пресвитериане хранили

осторожное молчание, но было ясно, что их симпатии на его стороне. За Кромвеля стояли индепенденты.

Кромвель настолько чувствовал за собой силу, настолько был уверен в правоте своей, что забыл об осторожности. Не только в парламенте, но и вне его, при встречах не только с близкими, но и с весьма далекими и даже не совсем доброжелательными к нему людьми он открыто возмущался поведением Манчестера, осуждал шотландцев и уверял, что и без них можно одержать победу, а если они вздумают мешать ему, он сам выгонит их из Англии. Наконец, он в раздражении позволял себе нападать на прерогативы короля, на лордов, на государственные устои…

Подозрительная встревоженность пресвитериан росла. В начале декабря в доме Эссекса собрались Холльз, Степлтон, несколько шотландских уполномоченных. Речь шла о том, как избавиться от такого опасного человека, каким стал для них Кромвель. Перебрали все старые добрые способы: яд, кинжал, обвинение в государственной измене — ничто не казалось подходящим в должной мере. После долгих споров решили посовещаться с юристами. Тут же, поздним вечером, по знаку величественного Эссекса послали за Уайтлоком и Мэйнардом, известными своей ученостью, опытом и респектабельностью; им можно довериться: они, кажется; с сочувствием отнесутся к делу.

Через полчаса или около того Уайтлок и Мэйнард, смущенные и встревоженные столь поздним вызовом, вошли в комнату. По лицам людей, тесно сидевших вокруг стола, по особо напряженной тишине и нескольким украдкой брошенным взглядам они тотчас догадались, что от них потребуют участия в заговоре. Перед ними извинились. Говорить начал шотландский канцлер лорд Доуден. После нескольких ничего не значащих учтивых став он перешел к сути дела.

— Вы знаете, господа, — сказал он, — генерал-лейтенант Кромвель не принадлежит к числу наших друзей. Он старался всячески вредить нашим войскам, когда мы вступили в Англию. Он непочтителен к его светлости лорду-генералу. По правилам нашего Ковенанта, всякий, кто играет роль *поджигателя* между двумя королевствами, надлежит немедленному суду. *Поджигатель* по законам Шотландии — это тот, кто сеет раздоры и старается произвести пагубные смуты. Так вот, мы желаем узнать от вас, имеет ли это слово то же значение в английских законах и заслуживает ли, по вашему мнению, лейтенант-генерал Кромвель названия *«поджигателя»* ? Если заслуживает, то как с ним следует поступить?

Ах, какой трудный вопрос они задали! И Уайтлок и Мэйнард отлично понимали, какой важный выбор стоит перед ними.

Кромвель — или пресвитериане? Кромвель — или король? Новое — или старое?

Молчание затягивалось. Принесли еще свечей, часы пробили полночь.

Юристы наконец переглянулись, и Уайтлок поднял голову. Его практический ясный ум работал как хорошо отлаженная машина.

— Поскольку никто не начинает говорить, — с важностью произнес он, — я позволю себе в изъявление преданности его светлости (поклон в сторону Эссекса) выразить мое мнение. Слово *«поджигатель»* имеет у нас тот же смысл, что и в законах Шотландии. Но заслуживает ли этого названия генерал-лейтенант Кромвель, это можно узнать только тогда, когда будет доказано, что он действительно говорил или делал что-либо, клонившееся к возбуждению раздоров между двумя королевствами или смут среди нас самих. Я думаю, ни вы, милорд генерал (еще поклон в сторону Эссекса), ни вы, милорды комиссары Шотландии, не решитесь заводить дело и тем более выдвигать обвинение, не будучи полностью уверены в успехе. Кромвель — человек с умом смелым, изобретательным, гибким. Его влияние в нижней палате огромно; да и среди лордов многие его поддержат. Я не знаю, и вы здесь не привели ни одного факта, который доказал бы палате, что Кромвель действительно *поджигатель.* А потому благоразумно ли обвинять его в этом? Мне кажется, сначала нужно собрать о нем сведения, и тогда, если сочтете нужным, пригласите нас вторично. Мы выскажем свое мнение, а вы решите дело так, как вам заблагорассудится.

Лучше сказать было невозможно. Здесь было все: почтение к главнокомандующему и шотландцам, готовность помочь советом, умное, осторожное предостережение и твердый отказ участвовать. Мы разберем чисто юридическую сторону, а уж решайте и делайте все вы сами. Мэйнарду оставалось объявить, что он согласен с мистером Уайтлоком. Он добавил только одно тонкое соображение: слово *«поджигатель»* в законах английских употребляется редко и может подать повод к недоразумениям.

Надежды заговорщиков рушились. Напрасно горячились Холльз и Степлтон, доказывая, что Кромвель вовсе не имеет в палате такого влияния, которое ему приписывают, что у него много врагов, тайных и явных. Напрасно они уверяли, что охотно возьмут на себя дело публичного обвинения и приведут такие факты и слова, которые ясно изобличат его злостные намерения.

Осторожные шотландцы молчали: они поняли, что дело проиграно. Споры постепенно затухали. В два часа утра Уайтлок и Мэйнард одновременно, словно по команде, поднялись и

раскланялись. Заговор провалился.

Он имел лишь одно последствие: кто-то из участников ночного разговора (уж не сам ли Уайтлок?) известил обо всем Кромвеля. И он после этого стал еще смелее, еще энергичнее.

9 декабря он снова берет слово в парламенте. Шум в палате общин мгновенно стихает.

— Теперь время говорить или навсегда умолкнуть, — торжественно произносит он. — Дело идет о спасении нации от полного обескровления или, лучше сказать, смерти. Затягивание войны может привести к тому, что страна возненавидит нас и само имя парламента…

Он хорошо все продумал. Слова сами складывались в законченные фразы, голос гремел, неколебимая уверенность окрыляла. Он знал, что нужно для победы. Не об ошибках командования теперь речь и не о Манчестере только! Надо изменить сам принцип ведения войны, надо реорганизовать всю армию.

— Что говорят о нас враги? — продолжал он. — Что говорят о нас даже люди, которые при открытии парламента являлись нашими друзьями? Они говорят, что члены обеих палат захватили высшие должности, военные и гражданские, и благодаря своим связям в парламенте и влиянию в армии остаются бессменно у власти и не дают быстро закончиться войне, чтобы вместе с ней не пришел конец их власти. Я говорю вам это в лицо, между тем как другие говорят это за вашей спиной.

Так вот куда он клонит! Он хочет показать, что, нападая на Манчестера, не хотел добиться каких-либо преимуществ лично для себя. Но самое главное — у многих даже дух захватило, — ведь это значит, он призывает к тому, чтобы сменить все командование армии! И Эссекс, и Манчестер, и другие подобные им командиры были членами парламента. Он хочет, чтобы они сами сложили с себя руководство войной.

— Если армия, — Кромвель сделал особое ударение на этой фразе, — не будет устроена иначе, а война не будет вестись более решительно, то народ не сможет дальше выносить ее и заставит вас принять позорный мир.

Ему удалось воодушевить своих единомышленников-индепендентов и убедить колеблющихся. Даже многие из пресвитериан поддержали его. Генри Вэн заявил, что готов немедленно сложить с себя полномочия казначея флота, и Оливер после него сказал, что тоже готов отказаться от командной должности в армии. В считанные дни дело решилось.

15 декабря палата общин приняла билль о самоотречении. «В течение этой войны, — говорилось в нем, — ни один член обеих палат не должен занимать или выполнять каких-либо командных должностей, военных или гражданских». Это была победа едва ли не более крупная, чем Марстон-Мур. Все пресвитерианское руководство армии, в том числе графы Эссекс и Манчестер, должны были в сорокадневный срок отказаться от своих постов. Главнокомандующим армии был по предложению Кромвеля назначен профессиональный военный, умеренный пресвитерианин, энергичный и храбрый воин Томас Фэрфакс. Приняв командование, он вышел из парламента. Ведущими помощниками при нем стали люди, как правило, молодые, не обремененные пышными титулами и длинными родословными: набожный Филип Скиппон, немало воевавший на континенте, тридцатипятилетний сын сквайра Генри Айртон, двадцатишестилетний майор-генерал Джон Ламберт, тоже сын сквайра.

Одно ведущее место пустовало в армии — место командира кавалерии и одновременно заместителя главнокомандующего. О том, кого назначить на этот пост, речи пока не было.

В январе 1645 года парламент принял решение о создании регулярной парламентской армии — Армии нового образца. Ею должен руководить единый центр — военный совет, солдатам и офицерам платят из государственной казны. «Армия должна состоять из шести тысяч всадников, — говорилось в постановлении, — которые должны разделяться по десять полков… Для этой армии должна быть набрана тысяча драгун, разделенных на десять рот. В этой армии должно быть двенадцать пехотных полков, каждый по тысяче двести человек… Каждый полк должен быть разделен на десять рот… Каждый кавалерист получает на свои расходы по два шиллинга в день…» Общую численность армии планировали довести до двадцати одной с половиной тысячи человек; треть ее составляла кавалерия.

Кромвель стал поистине душой новой армии, а его «железнобокие» — ее ядром. Заново при его бдительном, пристрастном участии были проведены рекрутские наборы в городах и селениях, по ротам шло обучение, пехотинцам выдали одинаковые красные мундиры. Их командирами становились простые ремесленники, йомены, лавочники. Кромвелевские капитаны, которые когда-то вызывали возмущение графа Манчестера, теперь делались полковниками. Поистине в Европе не было такого войска!

Не забыли и о проповедниках: пуританские лекторы, которые так хорошо умели связать слово божье с насущными задачами сегодняшнего дня, направлялись в каждый полк. Они не отказывались носить оружие — шпага, мушкет и Библия пускались в ход с одинаковым искусством.

Устав вводил строгую дисциплину. «Всякий покинувший свое знамя, — говорил он, — или бежавший с поля боя наказывается смертью… Если часовой или дозорный будут найдены спящими или пьяными… они будут беспощадно наказаны смертью… Воровство или грабеж караются смертью…» Как отличались эти принципы от принятого тогда повсеместно воинского «кодекса чести»! Грабеж местного населения, воровство, хищения считались обычным и даже доблестным делом. Особенно отличались в этом головорезы принца Руперта. Они не щадили ни церквей, ни госпиталей, ни мирных жителей. «Принц Роббер» — «Принц-Грабитель» — звали его в народе.

С тех пор как парламентское войско стало Армией нового образца, солдаты ее преобразились. Это не были больше простые йомены и полуграмотные мастеровые, привязанные к родным местам и не желавшие воевать в чужом графстве. Новое воодушевление охватило их. Сознание, что они сражаются за правое дело, лучше поддерживало дисциплину в их рядах, чем строгости устава, просвещало их полнее школьной науки. «Среди них не были распространены пороки, — писал современник, — обычные для военного стана. Не было ни воровства, ни буйства, ни брани, ни божбы, так что прогуливаться по их лагерю было столь же безопасно, как по хорошо устроенному городу».

Проповеди, которые они слушали, убеждали их, что бог на их стороне, и они не колеблясь шли за него на смерть. Победы над врагом подтверждали эту уверенность. Самостоятельное чтение и обсуждение Писания (каждому был выдан сборничек стихотворных псалмов, у многих имелись карманные Библии) давало пищу их уму, учило выражать свое мнение, искать справедливости и добра. Они становились гражданами.

Утро 14 июня выдалось холодное и сырое. Было около восьми часов. Кромвель стоял на вершине холма севернее деревушки Нэсби, что в девяти милях от Нортгемптона, в самом сердце Англии, и пристально следил за движениями вражеских войск, которые выстраивали блестящий боевой порядок на противоположном холме среди кустов зацветающего дрока, шиповника и колючего кустарника. Его солдаты, держа коней под уздцы, выстроились за ним, образуя правый фланг парламентской

диспозиции. В центре стояла пехота генерала Скиппона в новеньких красных мундирах. Семь тысяч человек против четырех тысяч у короля. На левом фланге, прямо против кавалерии Руперта, — конница генерала Айртона, только что назначенного заместителем Кромвеля. Даже отсюда, издали, было видно, что и кавалерия у роялистов меньше парламентской. Впрочем, в кустарнике легко было спрятать весьма значительный резерв.

Только вчера Кромвель прибыл сюда, в армию Фэрфакса, и до сих пор в ушах его радостно звенели дружные клики приветствий, которыми встретили его солдаты. До самого последнего момента положение его было неясно: ведь «Акт о самоотречении», предложенный им самим в парламенте, требовал снятия с него военных полномочий. Но он не спешил с этим. Он был занят сначала организацией войск, потом мелкими стычками с кавалерами.

К лету 1645 года положение снова сделалось угрожающим: роялисты шли на Лондон. И самому Кромвелю, да и всем в парламенте и армии было ясно: без него не обойтись. Фэрфакс от имени военного совета послал в парламент ходатайство: «Всеобщее уважение и любовь, которой он пользуется среди офицеров и солдат всей армии, его личные достоинства и способности… его большая заботливость и прилежание, храбрость и верность, проявленные на службе парламента… а также постоянное присутствие и благословение божье, которое неизменно сопутствует ему, — все это делает нашу просьбу о его назначении нашей обязанностью по отношению к вам и народу…» Четыре дня назад, напуганные приближением роялистов, лорды с кислыми минами утвердили его назначение вопреки биллю о самоотречении.

Он оглянулся на свое войско. Бедные, неуклюжие солдаты в колетах из буйволовой кожи, как хорошо он знал их, как любил! Сборище простецких, неграмотных мужиков, презираемых кавалерами, — они сегодня покажут себя! Улыбка засветилась на его суровом лице, веселье наполнило сердце. Он поднял глаза к небу и произнес про себя краткое молитвенное благодарение. Он был уверен, что бог посрамит кавалеров.

В девять часов утра с той стороны послышался звук трубы. Ему нервно, будто только того и ждали, ответили трубы с парламентского холма, и первой, как всегда, ринулась в бой нетерпеливая конница Руперта. Кромвель вскочил в седло и дал сигнал к атаке.

Его «железнобокие» не подкачали. Первый же их удар смял и рассеял королевскую конницу левого фланга, погнал ее вниз с холма, за овраги, через колючки. Но нет, нет, не увлекаться

погоней! Кромвель позволил лишь горсти своих солдат гнать дальше кавалеров, а основную часть повернул и могучим железным молотом обрушил на вражескую пехоту.

Пехота уже от мушкетных выстрелов перешла к рукопашной. Генерал Скиппон умело и ловко наступал вначале и даже выбил неприятеля с его позиций, но потом неведомо откуда на него налетели кавалерийские отряды, и ему пришлось отступить. Ряды «круглоголовых» расстроились, сам Скиппон был ранен, его помощник убит, еще немного — и красные мундиры обратятся в бегство. И здесь, как и при Марстон-Муре, Кромвель спас положение. Его «железнобокие» неожиданно и разом ударили по тылам вражеской пехоты, подмяли ее конями, порубили мечами. Ободренная пехота воспрянула, нажала посильнее — и кавалеры подались.

Фэрфакс без шлема, сбитого чьей-то саблей, врезался в главные силы королевской пехоты, раскидал в стороны сгрудившихся бойцов, собственноручно заколол знаменосца и захватил знамя.

На левом фланге между тем дела обстояли совсем плохо. Руперт опрокинул отряды Айртона, сам генерал был ранен копьем в ногу, и еще — в лицо, парламентская кавалерия рассеяна. Но где был Руперт? Как всегда, он увлекся преследованием, доскакал до Нэсби и принялся грабить. Он выбыл из боя, что дорого обошлось ему: оставшаяся без прикрытия пехота под напором дружных атак Скиппона и Кромвеля пришла в замешательство и наконец побежала, бросая оружие, с остервенением продираясь через колючки, теряя людей.

Сам Карл, видя неминуемый разгром своего войска, хотел броситься в атаку: в отчаянии он выехал на скакуне вперед, призывая к бою личную гвардию, но чья-то спасительная рука схватила у него из рук уздечку, с силой повернула лошадь и умчала его к западу, подальше от пуль. За ним, не щадя шпор, понеслась вся его кавалерия, уцелевшая в битве. Скоро их догнал на обезумевшей, измученной лошади принц Руперт. Он вернулся на поле боя, когда все уже было кончено, и теперь тоже спасал свою жизнь.

Оба холма, усеянные телами людей и лошадей, оказались очищенными от кавалеров, которые бежали в беспорядке до самого Ноттингема и дальше. Они оставили город, бросили весь свой обоз. Битва закончилась менее чем в три часа. В руки парламента попало около пяти тысяч пленных, вся артиллерия, оружие, снаряжение, обоз.

День клонился к вечеру, когда Кромвель, еще не уняв возбуждения битвы, еще чувствуя ее окрыление и горячку, писал

донесение спикеру парламента:

«Сэр! После трех часов упорного боя, шедшего с переменным успехом, мы рассеяли противника, убили и взяли в плен около пяти тысяч, из них много офицеров. Также было захвачено двести повозок, то есть весь обоз, и вся артиллерия. Мы преследовали врага за Харборо почти до самого Лестера, куда бежал король.

Сэр, это не что иное, как рука божья; и ему одному принадлежит слава. Генерал Фэрфакс служил вам верно и доблестно; лучше всего его характеризует то, что в победе он видит перст божий и скорее умрет, нежели припишет себе всю славу. Честные солдаты верно послужили вам в этом бою. Сэр, это преданные люди, и я богом заклинаю вас: не расхолаживайте их. Я бы хотел, чтобы тот, кто рискует жизнью ради свободы своей страны, мог бы смело вверить богу свободу своей совести, а вам — ту свободу, за которую он сражается».

Лондон ликовал. Обе палаты парламента устроили пышный банкет в Сити, после которого все присутствующие, встав, пропели псалом.

Вместе с обозом в руки парламентской армии попала королевская канцелярия, брошенная охранниками. Вся переписка короля, в том числе его «французский кабинет», — бесценные документы, где король черным по белому заявлял о своей готовности и желании принять иностранную помощь деньгами, оружием и войсками против своего народа, — стала теперь достоянием гласности. Ее сначала прочли вслух в палате общин, а затем в Сити, перед лондонскими горожанами при большом стечении народа. Любой желающий мог подойти и убедиться в их подлинности — взять в руки, рассмотреть почерк и печати.

Невиданное возмущение всколыхнуло город. Сам король оказался предателем! Ведя с парламентом переговоры, он в то же время вероломно призывал на помощь герцога Лотарингского, французов, датчан, даже ирландцев. Он звал их вторгнуться в Англию с оружием в руках. Он, оказывается, никогда и не хотел мира; ни одна его уступка не была подлинной; ни одно свое обещание он не собирался выполнять. Он надеялся только на силу и всегда мечтал править самодержавно.

Дело короля было проиграно, казалось, навсегда. Напрасно раздавались голоса возражений против разглашения «семейных тайн»: парламент велел издать эти письма и распространить в народе. Они вышли вскоре же под названием: «Открытый портфель короля, или Некоторые письма и секретные бумаги, писанные рукою короля и захваченные на поле битвы при Нэсби,

14 июня 1645 года, победоносным сэром Томасом Фэрфаксом, которыми разоблачаются многие государственные тайны, вполне оправдывающие дело, ради которого сэр Томас Фэрфакс дал сражение в сей достопамятный день; с примечаниями».

На западе, куда бежал король, война велась короткими стычками, с неизменным успехом Фэрфакса и Кромвеля. За год они взяли более пятидесяти роялистских крепостей, в том числе важный пункт Бристоль, который отчаянно оборонял Руперт. 24 июня 1646 года пал Оксфорд — главная квартира короля. Карл, обрезав волосы и бороду и переодевшись в костюм слуги, в сопровождении двух приближенных бежал. Не решившись войти в Лондон, он направился на север и сдался на милость шотландцев. Гражданская война окончилась полной победой парламента, победой славного и могучего генерала Кромвеля.

Глава V
Предатель

Дорогой Кромвель! Да откроет бог твои глаза и сердце на соблазн, в который ввергла тебя палата общин, даровав тебе две с половиной тысячи фунтов ежегодно. Ты великий человек, Кромвель! Но если ты и впредь будешь хлопотать лишь о собственном покое, если и впредь будешь тормозить в парламенте наши петиции, то для всех нас, угнетенных и задавленных, слишком полагавшихся на тебя, избавление придет не от вас, шелковых индепендентов. Собери свою решимость, воскликни: «Если я погибну, пусть будет так!» — и иди с нами. Если же нет, я обвиню тебя в низком обмане, в том, что ты предал нас в тиранические руки пресвитериан, против которых мы сумели бы защитить себя, если бы не ты, о Кромвель. Да будет проклят день, когда им удалось купить тебя за две с половиной тысячи.

Джон Лилберн

Дела в Шотландии плохи. Как будто они лучше в Англии! У нас здесь полно разных клик, и еще того хуже.

Кромвель

1. Агитаторы

Давно с ним такого не было. После триумфа невиданных побед, после легкой, стремительной окрыленности последних лет, после радости битв и явленных знаков милости божьей — снова мрак, отчаяние, болезнь. Снова страх смерти.

Война кончилась. И как после всякого напряжения, порыва, самозабвенного горения с неизбежностью наступает расплата за высокие радости, так и теперь настала горькая пора реакций и отрезвления не только в душе и теле Кромвеля, но и в душе и теле всей нации.

Шотландцы в декабре 1646 года выдали Карла английскому парламенту за четыреста тысяч фунтов стерлингов, После этого шотландская армия удалилась восвояси. Короля, бессовестно проданного парламенту, с большим почетом, с пушечными залпами и колокольным звоном приняли английские комиссары и поместили в замке Холмби, на севере Англии. Его сторонники сложили оружие, это правда, но их было еще много, очень много, а главное — сам парламент, похоже, хотел с ним наконец договориться.

Желания короля немедленно исполнялись. Его жизнь обставили с подобающей роскошью. Ему разрешили иметь большую свиту, его слушали на коленях. Сам Фэрфакс, победитель при Нэсби, поцеловал ему руку. Пресвитерианское большинство в палате было теперь всецело на его стороне. После того как они отменили свою вассальную зависимость от короля — «рыцарское держание» — и установили пресвитерианское церковное устройство, они были полновластными хозяевами в стране. Сами себе выдавали доходные должности, беззастенчиво наживались, не скованные теперь старым феодальным правом. Без монархии им не обойтись: возвращение короля — это возвращение порядка.

Кромвель на время совершенно отошел от государственных дел. Летом 1646 года он всецело поглощен семейными заботами. Он выдает замуж за боевого товарища и единомышленника Генри Айртона свою старшую дочь Бриджет, набожную, робкую девушку. Тридцатидвухлетний Айртон, зрелый муж, отважный воин, будет ей надежной опорой.

Его доходы значительно возросли: еще осенью прошлого года парламент пожаловал ему две с половиной тысячи фунтов в год за «неутомимую и верную службу». Пора было подумать о том,

чтобы перевезти Элизабет с младшими детьми и матушку из Или в Лондон. Осенью Кромвель занят переездом — он поселяется теперь в Дру-ри-Лейн, между Сити и Вестминстером, неподалеку от таверны «Красный лев».

В конце января нового, 1647 года он заболевает. Его мучат головные боли, и врачи находят опухоль на голове, большой абсцесс, опасный для жизни. Мысли о конце вновь посещают его. Он уверен, что болезнь его незримыми нитями связана с нравственными страданиями, а они идут от упадка, от безнадежного провала того великого общего дела, за которое велась война.

Кромвель не был против монархии. Он и другие индепенденты желали только, чтобы завоеванные права и свободы были гарантированы, они желали реформ. Следует изменить порядок выборов в парламент, чтобы средние сквайры, джентри, предприимчивые купцы получили больше мест и могли заметнее влиять на политику. Следует закрепить от посягательств пресвитерианских старейшин свободу совести, свободу слова, свободу петиций — неотъемлемые права каждого англичанина, записанные еще в Великой хартии вольностей. На этих условиях и он, и Вэн, и Гезльриг согласны были вернуть короля в Уайтхолл.

Но в их лагере раздавались и иные голоса, более смелые, более беспокоящие. Они раздавались снизу, из народа. Мелкие ремесленники, торговцы, крестьяне, для которых война была настоящим бедствием, требовали решительных реформ. Парламентские индепенденты стали для них уже грандами, шелковыми господами.

Положение народа действительно было тягостным. Война вызвала разруху, торговля прекратилась, сношения между графствами нарушились. Враждебные армии, сражаясь, вытоптали посевы, съели все припасы и для людей, и для скота, отобрали лошадей. Пища вздорожала, а изделия ремесленников не находили сбыта. Война кончилась — бедствия продолжались. Акцизами были безжалостно обложены предметы первой необходимости: мясо, соль, пиво, ткани, уголь. Армия огромной обузой висела на плечах народа, лорды беззастенчиво хозяйничали в поместьях, сгоняя с земли целые деревни и огораживая поля для своих овец, пресвитерианские старшины, словно епископы, требовали церковной десятины.

Народное недовольство принимало угрожающие размеры. Кромвель столкнулся с ним еще во время войны, когда группы вооруженных крестьян, «дубинщиков», нападали на его отряды, как, впрочем, и на отряды роялистов. Он понимал, что это бедные темные люди, доведенные до отчаяния, и не был к ним строг,

хотя и оборонялся, когда возникала необходимость.

Теперь простой люд слал в парламент петицию за петицией. «Мы, веря в вашу искренность, — писали они, — избрали вас в качестве своих поверенных и защитников, мы доверили вам мир… мы предоставили в ваше распоряжение свое имущество, а вы ограбили и разорили нас; мы доверили вам свою свободу, а вы нас поработили и закрепостили; мы доверили вам свою жизнь, а вы нас убиваете и истязаете ежедневно…» «Поистине, — думал Кромвель, — дела в Англии идут хуже некуда, множество разных клик раздирают страну на части, и бог знает, чем все это кончится…» Конец общего дела и конец собственной жизни слились для него в одно: смертный приговор был, казалось, произнесен.

Выздоровление от тяжелой болезни шло медленно. Но дух уже наполнился бодростью. Еще слабой рукой сжимая перо, он писал Фэрфаксу: *«И я с полной уверенностью признаю, что господь в своем посещении явил мне силу отца своего. Я осознал в себе смертный приговор, чтобы научиться верить в Того, кто воскрешает от смерти, чтобы не полагаться на плоть свою…»*

Как-то, прогуливаясь в садах Вестминстера, ступая будто чужими, ватными ногами, он встретил Ледло. Энергичный, умный тридцатилетний Эдмунд Ледло, отличившийся в сражениях на стороне парламента и в прошлом году избранный членом палаты, был Оливеру симпатичен. Ему почему-то хотелось открыться — он умел слушать, умел внимательно смотреть в лицо собеседнику. Он сразу заметил, что Кромвель чем-то удручен, и спросил о причине.

Они свернули на боковую аллею, спешить было некуда, и Кромвель поведал ему самое сокровенное. Доблестные крестоносцы, совершившие славный поход за дело господне, превратились теперь в свору жадных псов, дерущихся из-за куска мяса. Как просто и хорошо было в армии! Как хорошо было в те дни, когда война еще не началась и члены парламента шли вместе!.. Он вспомнил Отца Эдмунда, сквайра Генри Ледло, вспомнил безоглядную смелость его речей. В мае 1642 года спикер сделал ему выговор за то, что он сказал, будто король недостоин своей должности.

— Если бы твой отец был жив сейчас, — говорил Кромвель, — он заставил бы их выслушать, чего они заслуживают. Ведь это жалости достойно — служить такому парламенту! Пусть ты был ему верен как никто, но, если какой-нибудь узколобый малый встанет там и очернит тебя, ты никогда

не отмоешься. То ли дело в армии! Если ты верно служишь своему генералу, ты огражден от всякой клеветы, от всякой зависти.

Бедная армия! В парламенте ее так ненавидели, как будто она была причиной всех неустройств в королевстве. Ей приказали не приближаться к столице менее чем на 25 миль. Войскам задолжали плату за много недель — не меньше трехсот тысяч фунтов.

Солдаты были недовольны. Их ропот нарастал, расширялся, принимал угрожающие размеры. Закаленные в битвах, умудренные политическим опытом, научившиеся мыслить, «железнобокие» стали грозной силой. О них говорили, что они против короля и против всякой власти, кроме народной. Карла они прямо называли тираном и врагом. Если они обернут свое оружие против парламента, страшно даже подумать, что произойдет в стране.

В палате отлично это понимали. Разговоры о том, как быть с армией, велись уже давно. 18 февраля 1647 года приняли решение: армию распустить, оставив только десять тысяч пехоты и 6400 кавалерии для гарнизонной службы. Главнокомандующим этих сил назначался генерал Фэрфакс, а кроме него, генералов в армии быть вообще не должно. Из числа уволенных солдат набирается новая армия в 12 тысяч человек для отправки в Ирландию. Все офицеры обязаны принять Ковенант, то есть присоединиться к пресвитерианской церкви. Членами парламента они более быть не могут.

Как ловко они это проделали! Одним махом все генералы-индепенденты — Кромвель, Айртон, Ламберт — из армии удалялись. Другой пункт — другой удар: все кромвелевские полковники и капитаны, члены индепендентских сект: Оки, Прайд, Гаррисон, Хортон, да мало ли их еще! — выбрасывались тоже; слепцу было ясно, что они не подпишут никакого Ковенанта. А на пребывание офицеров в парламенте или членов парламента в войсках налагался окончательный запрет. А кто пошумливее, кто осмеливается выражать недовольство, удаляется в Ирландию, подальше от Лондона.

Придумано было великолепно, но одно звено из цепи выпало: желание и воля самой армии. Не такие это были Солдаты, чтобы, подобно стаду овец, безмолвно подчиняться любым приказам «сверху». Они воевали за святое дело и теперь были вправе требовать того, что им полагалось. Когда 21 марта парламентские комиссары явились к войску, чтобы обсудить предварительные условия роспуска и набора сил в Ирландию, им была вручена петиция. Ее подписали многие индепендентские офицеры, в их

числе Оки, Прайд, Айртон. Они требовали немедленной выплаты жалованья, амнистии за содеянное в ходе войны, обеспечения солдатских вдов и сирот. Они требовали не принуждать их идти сражаться в Ирландию.

Трудно было Кромвелю в эти дни! Он понимал всю низость, всю злонамеренность парламентских решений и в душе не одобрял их. Он сознавал, что армия — единственная сила, способная отстоять то дело, за которое она сражалась. Но дисциплина! Не сам ли он учил своих солдат беспрекословному повиновению? Не сам ли безжалостно карал все признаки своеволия, расхлябанности? И потом главное и самое страшное: если армия взбунтуется против парламента, что будет со страной? Новая война? До каких пор? К чему она приведет?

22 марта Кромвель поднялся со своего места в палате общин и, сознавая всю значительность своих слов, слов победоносного вождя и кумира армии, сказал:

— В присутствии всемогущего бога, перед которым я сейчас стою, заверяю вас: армия разойдется и сложит оружие у ваших дверей, как только вы ей прикажете.

Его рука лежала на сердце, в глазах стояли слезы, он говорил искренне. Он был уверен в тот момент, что так и надо: смиренно подчиниться этому приказу, чтобы предотвратить еще худший хаос, возмущение, может быть, кровопролитие. Но на душе лежал камень. Что ему оставалось делать в Англии? Часть его солдат забирали в Ирландию, его собственный полк передавали другому командиру. Может быть, лучше совсем уехать? Отправиться в Германию, на помощь Фридриху Пфальцскому, вот уже который год ведшему протестантское воинство против католиков? Сам Фридрих звал его на помощь…

Но события в Англии не давали опомниться. Узнав о решении распустить армию, солдаты и младшие офицеры вышли из повиновения. Среди них появились агитаторы — самые смелые, непримиримо настроенные; они вели за собой всю массу. В войсках начались митинги. «Распускайте всех или никого, — говорили агитаторы. — Всех в Ирландию — или никого!» От каждого полка избрали по два агитатора, и они составили совет для защиты солдатских интересов.

Они быстро нашли общий язык с лондонскими ремесленниками, подмастерьями, проповедниками. Еще в сорок пятом году в Лондоне появилось несколько памфлетистов, которые стали писать о свободах и правах народа. Особенно выделялся Джон Лилберн, в прошлом ремесленный подмастерье, потом офицер в армии, тот самый Джон Лилберн, которого выставили у позорного столба еще в 1638 году за

распространение нелегальных пуританских сочинений; это о нем ходатайствовал Кромвель перед парламентом. Теперь неистовые, почти скандальные писания Лилберна имели большой успех. «Свободнорожденный англичанин» — называл он себя. Он доказывал, что высшей властью в стране является не король, не лорды, а палата общин, которая получила свои права от народа. Народ же — верховный суверен в стране и имеет право смещать негодных правителей. Парламент должен делать не то, что ему захочется, а то, что полезно для блага народного. Он заявлял, что все люди по природе равны и никто не имеет какого-либо превосходства или власти над другими. «Свобода, — писал он, — единственное сокровище, заслуживающее, чтобы люди подвергали себя любым опасностям для сохранения и защиты его против всякой тирании и гнета, откуда бы они ни исходили».

Лилберну вторили другие: Овертон, Уолвин, Уайльдман. Они обращались к палате общин и осмеливались диктовать ей свою волю. «Мы вас избрали членами парламента, — писали они, — для освобождения народа от всякого рабства и для сохранения государства в мире и счастье. Для этого мы наделили вас своею властью… Мы ваши хозяева, а вы наши доверенные лица». Конечно, они все дружно отвергали за лордами право на власть — ведь они не избраны народом, а заседают в верхней палате по праву рождения. Кое-кто осмелел настолько, что требовал осудить Карла и уничтожить монархию. «Мы ожидаем, — писал Овертон членам палаты общин, — что вы в первую очередь раскроете перед всем миром безнравственность короля Карла и, кроме того, покажете невыносимые тяготы, преступления и насилия королевской власти… Мы также ожидаем, что вы объявите короля Карла врагом и обнародуете свое решение больше не иметь королевской власти…»

В объединении этих людей с армией Кромвелю виделись страшные опасности для мира и порядка в стране. Агитаторы в армии связались с северными и западными частями; они смещали с должностей и брали под стражу несогласных с ними офицеров, подавали скандальные петиции в парламент, все время будоражили солдат. На рукавах у них появлялись алые ленты в знак того, что они кровью готовы защищать свои свободы. И не только свои, но и свободы всего народа. «Мы не сложим оружия до тех пор, — говорилось в одной из их петиций, — пока права и свободы граждан не будут защищены и утверждены». В мае они писали генералу Фэрфаксу: «Мы прошли сквозь все трудности и опасности войны ради того, чтобы завоевать для народа и для самих себя обильную жатву свобод… Но вместо этого, к великому огорчению и скорби наших сердец, мы видим, что угнетение

теперь столь же велико, как и раньше».

Нужно ли говорить, с какой ненавистью отнеслись парламентские пресвитериане к таким речам и действиям. После 28 апреля они вынесли решение о запрете солдатских петиций. Трое солдат, которые вручили очередное прошение палате, были вызваны к решетке.

Их лица выражали твердость и уверенность в своей правоте.

— Где сочинили это письмо? — спросил их спикер.

— На общем собрании полков.

— Кто написал его?

— Выборные от каждого полка.

— А ваши офицеры? Они его одобрили?

— О нем знали только немногие.

— Знаете ли вы, что только роялисты могли позволить себе подобную выходку? Не принадлежали ли вы сами когда-либо к кавалерам?

— Мы поступили в парламентскую армию еще до Эджхилла; и с тех пор не оставляли ее.

— А что значит то место в вашей петиции, где вы говорите о каких-то новых тиранах?

— Мы всего лишь депутаты от наших полков. Если палате будет угодно сделать письменные запросы, мы их доставим в полки и принесем на них ответ.

Как они были умны, как дерзки, как бесстрашны! Адский шум поднялся в палате, посыпались угрозы, брань. Кромвель наклонился к Ледло:

— Этот народ не уймется до тех пор, пока армия не схватит их за уши и не выбросит вон из палаты.

Ледло сочувствовал героям и ничего не ответил.

В мае Кромвель вместе с генералами Айртоном, Скиппоном, Флитвудом едет в армию. Необходимо срочно договориться, иначе беды не избежать. Совещание происходит в старой церкви в местечке Сафрон Уолден. Его ведет Скиппон, рядом сидит Кромвель. Бунтующих офицеров около двухсот человек. Голоса то и дело повышаются, переходят на крик, все возбуждены. Скиппону приходится все время одергивать самых горячих — то Ламберта, то Уолли призывает он к умеренности: «Да выслушайте же друг друга, господа!»

Армейцы требуют уплаты жалованья, разбора мартовской петиции, разрешения публиковать свои обращения. Пока в этих требованиях нет ничего опасного, но тон их резок, нетерпим. Кромвель встает. Он обещает, что добьется от парламента

выплаты денег за две недели. Но офицеры должны помнить, что они стоят во главе войска и подают пример солдатам. Они должны помнить, что именно парламент наделил их полномочиями, и убеждать солдат всемерно поддерживать власти предержащие. «Если власть падет, — говорит он, — ничего из этого не выйдет, кроме беспорядка». Он еще уверен, что парламент, несмотря на засилье пресвитериан в палате общин, — истинный хранитель порядка и мира в стране. Его надо во что бы то ни стало помирить с армией.

Но пресвитериане мириться не желали. Мириться — значит идти на уступки, а уступить требованиям солдат — значит поставить под угрозу собственную власть и благополучие. Армия ни за что не позволит им вернуть Карла, а они сейчас стремились именно к этому. И, нарушив обещание Кромвеля и генералов, не удовлетворив ни одного из солдатских требований, пресвитериане приняли решение немедленно, с 1 июня, начать роспуск армии по частям, чтобы избежать мятежа.

Это было уже предательством и грабежом. Овертон в очередном памфлете заявил, что роспуск армии — дело «кучки обманщиков, предателей и лжецов». 29 мая агитаторы в письме к Фэрфаксу официально отказались подчиниться приказу. Лилберн одобрил решение армии и назвал власть парламента несправедливой и тиранической. 1 июня солдаты одного из полков при приближении офицеров, несших приказ о роспуске, закричали: «Вон идут наши враги!» Они захватили оружие, вскрыли подвалы с амуницией и покинули свой лагерь, расположившись в соседнем селении. Армия назначила всеобщий съезд в Ньюмаркете.

Что было делать командованию? Не только Кромвель, но и Айртон, и сам Фэрфакс, и другие дальновидные генералы должны были выбирать: либо подчиниться власти парламента и порвать с разбушевавшейся армией, которая сметет их — в этом не могло быть сомнения, — либо встать на сторону бунтовщиков. Выбор был нелегким. И кто знает, какой путь они бы избрали, если бы не известие о переговорах пресвитериан с шотландцами. С негодованием Кромвель услышал, что лондонская милиция готовится к борьбе с армией, что пресвитериане ведут тайные переговоры с королем: он должен встать во главе объединенных сил роялистов, пресвитериан и шотландцев и вернуть себе трон.

Теперь особа короля приобрела вдруг невероятно важное значение. Всего год назад и индепенденты и пресвитериане дружно сражались против него. Теперь же, как признал Фэрфакс,

он стал «золотым мячом, брошенным между двумя партиями». Кто схватит этот мяч первым? Кромвелю иногда приходила мысль, что, если бы Карл согласился даровать народу свободу совести и гарантировал ему, Кромвелю, личную безопасность — тогда армия могла бы вернуть его на трон и навсегда разделаться с пресвитерианами…

Элизабет, как всегда, молчала, но удивление и тревога все больше охватывали ее. С тех пор как они переехали сюда, в Лондон, не было ей покоя. К Оливеру на Друри-Лейн постоянно приходили какие-то люди, они засиживались далеко за полночь и все что-то обсуждали горячими приглушенными голосами. Она выносила им, как всегда, хлеб, масло, немного домашнего пива и слышала обрывки фраз: «Короля опять передадут шотландцам…», «Если им не помешать…» «Если кавалеры и пресвитериане договорятся с шотландцами…» «Пока у нас есть солдаты…»

Иногда ее охватывал ужас: Оливер втянут в какой-то заговор, и это заговор против короля. Потом заботы о детях, привычные хозяйские хлопоты отвлекали ее, и она немного успокаивалась. Оливер был с ней нежен, как всегда, болезни его, которых она больше всего страшилась, отступили. Когда она поднимала на него полные тревожной мольбы глаза, он говорил непонятно, но успокаивающе:

— Ничего, ничего, подождем… Господь сам поведет нас…

Солнце, опускаясь за лес, вызолотило причудливые украшения, лепившиеся на карнизах замка, сверкнуло зайчиком в чердачном окошке, окрасило в розовый цвет трубы на крыше. Карл после вечерней прогулки воротился в свои покои. Слуги хлопотали над ужином, стража несла дозор в угловых башенках.

Внезапно из-за холма послышался резкий звук трубы, и топот сотен копыт сотряс землю. Стражники переглянулись. Им было приказано охранять особу короля, который с тех пор, как шотландцы выдали его парламенту, жил здесь, на севере, в замке Холмби. При нем неотлучно находились пресвитерианские комиссары. Гарнизоном командовал полковник Грейвз.

Топот копыт приближался. Скоро на дороге показался передовой отряд кавалеристов. Они подъехали к воротам.

— Кто идет? — окликнули их с башни.

Ответа не последовало. Из вечернего тумана появлялись все новые ряды кавалеристов.

— Эй, кто у вас главный? — осторожно крикнули с башни.

— Все главные. — Голос не сулил ничего хорошего.

Человек в пропыленном мундире армейского корнета выехал вперед и крикнул:

— Мое имя Джойс, со мной пять сотен драгун. Мне приказано арестовать полковника Грейвза. Раскрыт заговор: особу короля хотели похитить и перевезти в Лондон. Мне надо срочно видеть его величество.

На башне заколебались, пошептались. Потом спросили:

— Чьим приказом вы посланы?

— Приказом армии, — был ответ.

Меж тем кавалеристы все прибывали, они плотной массой сгрудились у ворот, стали вытягиваться вдоль стен, окружая замок. Быстро темнело.

Загремели цепи, заскрипело колесо, и мост, уже поднятый на ночь, стал опускаться. Передовой отряд, возглавляемый Джойсом, въехал во двор.

Когда Джойс захотел видеть коменданта, оказалось, что он исчез. Стражники, почувствовав себя свободнее, обступили прибывших, спеша узнать последние новости. Кто-то встретил знакомых, раздались приветствия. Парламентских комиссаров попросили пройти в их комнаты, у дверей поставили стражу.

Джойс и еще несколько человек, держа пистолеты наготове, прошли в дом и приказали перепуганным камердинерам провести их к его величеству. Их повели длинными коридорами на второй этаж, к спальному покою. Звон шпор тонул в мягких коврах, сапоги оставляли пыльные следы.

Королю уже доложили о случившемся и о том, что Грейвз бежал. Он, полуодетый, встал с постели и велел принять корнета. Тот вошел, по-прежнему сжимая в руке пистолет.

— Какой властью вы врываетесь ко мне в ночной час? — спросил король. — Какой властью вы требуете, чтобы я, законный монарх, подчинился вашим приказам?

Джойс указал на свой пистолет.

— Властью армии, — снова повторил он.

Солдаты уже кое-как улеглись на коврах и соломенных тюфяках, раздобытых в кладовой, а Джойс все еще не ложился. От его самоуверенности не осталось и следа. Короля он захватил, это так, но что делать с ним дальше? Точных приказов на этот счет он не имел.

Он взял клочок бумаги, обмакнул перо и написал:

«Генералу Оливеру Кромвелю.

В случае его отсутствия — сэру Артуру Гезльригу или генералу Флитвуду.

Сэр, мы захватили короля, Грейвз бежал… Поспешите

ответить нам, дайте знать, что нам теперь делать. Мы решили не подчиняться ничьим приказам, кроме генерала Фэрфакса. Пока мы здесь, мы будем следовать указаниям парламентских комиссаров, если найдем их разумными… Умоляю вас, как можно скорее рассмотрите это дело и решите, как нам дальше поступить; ни днем ни ночью мы не будем иметь покоя, пока не получим от вас вестей…»

На рассвете все были уже на ногах, Лицо Карла казалось бледнее обычного, когда он, одетый, впрочем, как всегда, тщательно, вышел на крыльцо замка. Кавалеристы уже стояли перед ним ровным каре, две кареты, запряженные четверками лошадей, были готовы к отправлению. Корнет Джойс вышел вперед с почтительным, но полным достоинства поклоном. Карл снова спросил:

— Мистер Джойс! Скажите, кто дал вам полномочия ворваться ко мне и увезти меня отсюда?

— Армия, ваше величество, — еще раз повторил Джойс. — Армия, которая хочет предупредить своих врагов и помешать им произвести новое кровопролитие.

— Но армия не есть законная власть. Я признаю законной лишь свою наследственную власть, а после нее власть парламента. Скажите мне, где и каковы ваши полномочия?

Джойс оглянул стройное каре солдат и широким жестом указал на него:

— Вот мои полномочия.

Усмешка скривила нежные чувственные губы Карла.

— Да, признаюсь, — ответил он, — мне никогда не приходилось видеть полномочий, написанных столь четким почерком. Господа эти вооружены на диво и с виду все молодцы. Обещайте, однако, что со мной будут обращаться почтительно и не потребуют от меня ничего, что было бы противно моей совести или чести.

Обещание было дано, и странный поезд не то грабителей, не то заговорщиков, не то законных и полномочных властителей двинулся на юг, к Ньюмаркету — главной ставке армии.

В следующую ночь после этих событий некий тайный гость посетил спальню хозяина дома на Друри-Лейн. Содержание их разговора осталось тайной. Известно только, что Кромвель получил от своего ночного посетителя очень важные сведения. Пресвитериане пронюхали о заговоре. Против Кромвеля возбуждается дело. Как только он утром войдет в палату общин, его арестуют и отправят в Тауэр.

Время выжидания кончилось. Выбора, всегда мучительного для Кромвеля, уже, слава богу, не оставалось. Быстро собрав вещи с помощью испуганной, но крепящейся Элизабет, Кромвель на рассвете в сопровождении одного лишь слуги выезжает из Лондона. Завтракает он уже в Уэре, в графстве Гертфорд. В тот же день он достигает расположения армии.

Армия бурлила. Как только Кромвель увидел возбужденные лица солдат, вдохнул новый воздух радостной свободы и уверенности в своей силе, которым дышала армия, он сразу понял: еще немного — и она совсем выйдет из повиновения. Ее движение надо было ввести в законное и спокойное русло и твердой рукой руководить им, иначе будет поздно. Первым его предложением было создать Всеобщий совет армии. Если уж в каждом полку и так действуют советы агитаторов, их надо объединить и поставить под контроль офицеров. Всеобщий совет должен состоять из командиров: сам Кромвель, Айртон, Фэрфакс и другие генералы войдут в него, из представителей офицерства — по два от каждого полка, и из агитаторов тоже по два. Решения будут приниматься сообща; ясно как божий день, что большинство получат офицеры и командование. В то же время армия будет объединена, а совет станет внушительным противовесом парламенту.

Это предложение было встречено приветствиями. Армия приняла торжественное обязательство не расходиться до тех пор, пока требования ее не будут удовлетворены.

Пресвитериане в парламенте ответили контрударом: они создали Комитет безопасности, который начал переформировывать лондонскую милицию, готовить вооруженные силы для борьбы с армией. Лазутчики донесли, что палата общин связалась с северной армией генерала Пойнтза, желая направить ее против главных сил армии.

Узнав об этом, солдаты потребовали похода на Лондон и расправы с предателями-пресвитерианами. Одиннадцать из них, самые ретивые, те, что в мае выступали за безусловный роспуск армии по частям, были обвинены в измене и провоцировании новой войны. 23 июня агитаторы выпустили «Новую ремонстрацию» — настоящий ультиматум парламенту, где требовали прекратить сбор вооруженных сил, уплатить жалованье солдатам и прервать интриги с королем. Если армия не получит заверений, говорилось в ремонстрации, в том, что все, на чем она настаивает, будет выполнено, она вынуждена будет пойти на чрезвычайные меры.

Солдаты хотят идти на Лондон. Кромвель снова перечитывал петицию, поданную ему агитаторами 16 июля. «Нельзя больше

медлить, — писали они. — Нельзя дать возможность врагам собрать силы для возбуждения смуты и вовлечения несчастного королевства в новую и еще более кровопролитную войну… Пребывание армии вдали от Лондона дает возможность враждебной партии оскорблять нас и действовать против нас… Пока армия не займет столицу, ничего не будет сделано для благополучия народа и самой армии…»

Он снова был в затруднении. Идти на Лондон своей волей? Свершить новое беззаконие, расправиться с парламентом? Не лучше ли сначала договориться с королем, благо он находится в руках армии, и двинуться против пресвитериан уже во главе с законным монархом?

Они уже имели несколько разговоров с Карлом, и надо признаться, что разговоры эти оставили благоприятное впечатление. Кромвель в первый раз видел короля вблизи. Это было в Чилдерли, где Карл согласился принять Фэрфакса и других генералов. Красивый, роскошно одетый человек небольшого роста с тщательно расчесанными кудрями и холодновато-величественным выражением лица сидел в богато убранном покое. Генералы вошли, и он протянул им руку для поцелуя. Фэрфакс шагнул вперед, согнулся, бережно взял руку, приложился. Кромвель и Айртон молча склонили головы, но целовать руку не стали.

Король вел себя вежливо и милостиво. Он согласился ехать вместе с армией, которая медленно передвигалась к Лондону. Но отказался принять какое-либо определенное соглашение. Он все еще чувствовал себя владыкой нации, законным вершителем ее судеб. Он видел свой главный долг в том, чтобы защищать интересы короны.

— Сэр, — воскликнул Айртон, — вы хотите быть судьей между парламентом и армией! Но вы ошибаетесь, это армия будет судьей между вашим величеством и парламентом.

Карл вежливо и холодно улыбался. Аргументы армейских офицеров не имели для него значения.

Тогда прибегли к посредникам. Из Франции вернулся приближенный королевы сэр Джон Беркли, и с его помощью переговоры пошли веселее. Кромвель загорелся: он вдруг поверил в успех. Кузен Сент-Джон даже упрекнул его, что он слишком рьяно взялся за «королевское дело». И правда, в разговоре 4 июля обе стороны уже казались вполне довольными друг другом. Кромвель устроил Карлу свидание с младшими детьми и с умилением наблюдал, как этот достойный отец играет с малышами, сколько нежности и заботы он им выказывает. «Да, это честнейший и самый добросовестный человек в своих трех

королевствах», — прошептал он Беркли, утирая навернувшуюся слезу. Незадолго до того Беркли поведал ему, что ее величество Генриетта-Мария хочет, чтобы король согласился на требования армии, насколько ему позволят совесть и честь. Кромвель горячо ответил, что армия желает лишь подчиниться ему как своему законному владыке.

— Ни один человек, — сказал он, — не сможет спокойно пользоваться своей жизнью и собственностью, пока королю не будут возвращены его права.

Он и в самом деле так думал. Новые веяния в армии, желания некоторых бунтарей установить народное правление без короля и лордов вопреки от века существующим законам, гражданским и религиозным, вопреки самому духу нации ужасали его. Столько веков в стране существовало монархическое правление — и вдруг одним махом его уничтожить?

Но армия думала иначе. 16 июля, в день вручения Кромвелю солдатской петиции, в Ридинге состоялся военный совет. Агитаторы наступали. Сексби с бешеной яростью кричал, что поход на Лондон необходим, иначе пресвитериане возьмут власть, и все погибло. Изгнать одиннадцать предателей из палаты! Освободить из тюрьмы Джона Лилберна и других борцов за свободу! Общий вывод агитаторов был таков: «Мы ничего не добьемся до тех пор, пока не двинемся на Лондон».

Кромвель и Айртон возражали. Разгул солдатской стихии страшил их. Идти на Лондон надо, но не так, не в слепой ярости, сметая и круша все препятствия. Их путь должен быть разумным, законным. Кромвель выступал снова и снова. Он убеждал:

— То, что достигнуто договором, будет прочно и продолжительно, это можно будет передать потомкам. Так мы избежим серьезных обвинений, которые выдвигаются против нас: что мы силой добились уступок от парламента, а это пятно не шуточное…

Он говорил, что парламент нужно реформировать, очистить от предателей и использовать на благо народное. Это мудрый, честный и справедливый подход.

— Право же, право, — он уже готов был выйти из себя, — то, что вы захватите силой, — это ничто для меня. Я не знаю, какую силу тут нужно применить. Наша сила — это добиться блага для всего королевства без всякого насилия…

Ему на помощь пришел Айртон. Его цепкий холодный ум был здесь как нельзя более кстати. Речь должна идти не о походе на Лондон и не о том, в чьих руках окажется власть. Надо подумать,

что армия будет делать со своей властью, если она ее получит. Какие права и свободы для народа она установит?

Он предложил составить манифест, что-то вроде конституции, где излагались бы основные принципы нового государственного устройства. Это был очень удачный ход: шел уже первый час ночи, и вопрос о походе на Лондон решено было отложить до того момента, когда выработан будет манифест.

Кромвель, Ламберт, Айртон приступили к составлению манифеста на следующий же день. Его назвали «Главы предложений, выдвинутые армией». Существующий парламент распускается. Новые парламенты собираются раз в два года. Выборы происходят таким образом, «чтобы каждое графство могло иметь число членов парламента, пропорциональное размеру его участия в общей сумме налогов и повинностей королевства, чтобы сделать палату общин (насколько это возможно) правильно составленным представительством всего королевства». У пришедших в упадок городишек право посылать депутатов в парламент отнимается, чтобы дать больше мест новым людям. Кто не платит налогов вообще, то есть не имеет собственности, в выборах участия не принимает.

Монархический строй и палата лордоз сохраняются. «После того, — гласил пункт XIV, — как изложенные ранее предложения для обеспечения и установления прав, вольностей, мира и безопасности королевства будут осуществлены, его величество король, королева и их королевское потомство восстанавливаются в условиях безопасности, почета и свободы…» Однако управление милицией и вооруженными силами передается на десять лет в руки парламента. Епископы и все прочие церковные должностные лица лишаются всякой принудительной власти; никто не должен заставлять других молиться по «Книге общих молитв», подписывать Ковенант, исполнять ту или иную форму богослужения.

На руку «новым людям» — предприимчивым джентри средней руки, купцам, сквайрам, желавшим умеренных реформ, были пункты, где требовалось установить свободу подавать петиции, которые «должны быстро рассматриваться и получать надлежащее удовлетворение»; отменить налоги на предметы первой необходимости; упразднить монополии и ограничения в торговле; реформировать судебное законодательство, «чтобы судебные процессы не были столь утомительны и дороги, как теперь…». Армии же должно было понравиться требование уплаты всех задолженностей по жалованью. Наконец, предлагалось объявить всеобщую амнистию — простить всем зло, кровопролитие, ожесточение гражданской войны.

23 июля «Главы предложений» были неофициально представлены королю. Он обещал рассмотреть их без задержки, но новые события, грозные и тревожащие, изменили ход дела. В Лондоне пресвитериане призвали на помощь толпу, и разношерстный люд — сынки роялистов, несмышленые юнцы ученики, подговоренные хозяевами, уличный сброд, всегда падкий до драк, ворвались в Вестминстер, требуя изгнания индепендентов из парламента. Спикер Ленталл, граф Манчестер и 60 депутатов-индепендентов бежали, опасаясь за свою жизнь, и прибыли в расположение армии. Одиннадцать пресвитериан, удаленных по требованию солдат, вернулись на свои места, и парламент спешно принялся реорганизовывать милицию и собирать кавалерию для обороны столицы. Разнузданные толпы бродили по улицам, требуя возвращения короля.

От этих новостей Карл воспрянул. Сам народ выступил на его защиту! Ободренный к тому же поддержкой шотландцев — в эти дни к нему прибыл граф Лодердейл, глава могущественного клана, с секретной миссией от шотландского парламента, — Карл решил отвергнуть армейские предложения. Пусть эти грубые люди поймут, что суверену не след предлагать ультиматум!

28 июля он бросил в лицо Айртону «Главы предложений», позволив себе выказать всю силу монаршего гнева.

— Вы не сможете сделать этого без меня! — кричал он. — Вы все погубите, если я не поддержу вас!

Он еще долго кричал на них, обвинял, угрожал. Напрасно Беркли пытался шепотом его успокоить, напоминал о приличиях, подобающих сану. Король бушевал. Армейские комиссары вышли от него красные, униженные, рассерженные. Полковник Рейнсборо, новая восходящая звезда в совете армии, быстро разнес по войскам новость о том, что Карл разгневался на армейские предложения.

Вопрос был решен. Во главе армии стоял теперь не король — спикер парламента Ленталл, призвавший ее к защите. Фэрфакс с одобрения Кромвеля дал приказ выступать. В ночь на 4 августа несколько полков под командованием Рейнсборо без единого выстрела овладели Саутуорком.

6 августа утром армия триумфальным маршем, с лавровыми ветвями шествовала по улицам, ведущим к Вестминстеру. Кромвель ехал во главе кавалерии. У Гайд-парка процессию поджидали мэр и олдермены. Завидя Фэрфакса, они сделали несколько шагов вперед, почтительно приветствовали его и смиренно просили извинить за недавние непорядки. От имени города они поднесли ему большую золотую чашу.

Генерал отвечал неприветливо, чашу взять отказался и

проехал мимо. Кавалерия, пехота и артиллерия шествовали за ним в идеальном порядке. Никому из жителей или властей не было причинено ни малейшего вреда, никто не был оскорблен даже словом. Еще много дней спустя лондонцы с восхищением говорили о замечательной выдержке и дисциплине солдат. По решению парламента Сити предоставило заем на 100 тысяч фунтов стерлингов для покрытия нужд армии. Самые ярые враги ее в парламенте скрылись.

2. «Народное соглашение»

Роскошный загородный дворец Гемптон-Корт, построенный еще во времена Генриха VIII, с подобающей пышностью принял своего хозяина. Забегали слуги, потянуло ароматным дымком жареной оленины, прибыли разодетые придворные. Каждый день толпа визитеров стремилась выразить королю свою лояльность, свое почтение. Конюшие не успевали разводить от крыльца богато разукрашенные кареты. Прибыли и прежние сановники, и иностранные послы. Поистине двор в Гемптон-Корте ранней осенью 1647 года выглядел не менее великолепно, чем до войны в Уайтхолле.

Но что это? Кого, почтительно сторонясь, не первый уже день пропускают вперед себя титулованные роялисты? Перед кем они склоняются в поклонах, до самого пола опуская белоснежные плюмажи шляп? Кого запросто принимает Карл, с кем подолгу милостиво беседует в своих покоях? В темных военных костюмах с белыми полотняными воротниками, в шляпах без перьев, гремя сапогами, проходят через приемные залы Кромвель и Айртон. А среди дам, среди маркиз и графинь в парижских атласных робах скромно приседает при входе его величества голубоглазая Элизабет Кромвель и рядом с ней дочери: робкая и набожная Бриджет Айртон, смешливая и хорошенькая Бетти Клейпол. Королевский советник Энгбернем ввел их в высший свет и представил королю. Эшбернем и Кромвель теперь часто встречаются и подолгу беседуют.

Злые языки утверждали, и кто знает, какая доля правды содержалась в этих речах, что Кромвель вскорости станет графом, может быть, даже графом Эссексом, его сын — пажом принца Уэльского, а зять Айртон — лордом-правителем Ирландии. Что все это значило?

С тех пор как армия заняла Лондон, Кромвель стал ее главным политическим вождем. Молчаливый Фэрфакс норовил уйти от дел, он казался удрученным и печальным. Ход событий его тревожил. Кромвель, напротив, действовал с энергией и уверенностью. Когда парламент затянул дело с отменой своих решений, принятых в отсутствие спикера, гнев овладел им.

— Эти люди никогда ничего не сделают, если армия не вытащит их за уши, — сказал он Ледло.

20 августа по его приказу кавалерийский полк расположился в Гайд-парке, в непосредственной близости от Вестминстера, а сам лейтенант-генерал, оставив у дверей палаты внушительный эскорт, поднялся в зал заседаний. Нужное решение было принято.

После этого многие пресвитериане вообще перестали посещать парламент.

— Теперь всем заправляет армия, — заявил один из них. — Парламент превратился в нуль. Он только отвечает «аминь» на решения, которые принимает военный совет. Армия стала третьим сословием в королевстве…

Кромвель мог теперь диктовать свою волю и армии и парламенту. Он держал в своих руках штурвал корабля, на борту которого стояли слова: «Судьбы Англии». Но не довольно ли кораблю носиться по бурным волнам мятежей и беззаконий? Не пора ли причалить к пристани, бросить якорь, начать мирную жизнь? Мира и безопасности для королевства ищет Кромвель. Для того он и ездит к королю, чтобы достичь наконец твердого соглашения. И король, кажется, поддается: он уже готов принять «Главы предложений», с таким гневом отвергнутые недавно.

Дело портят посланники из Шотландии: они опять начинают свои интриги. Этим фанатикам важнее всего, чтобы король принял Ковенант и согласился на пресвитерианское устройство церкви. С их прибытием Карл становится холоднее, несговорчивее. Но вот странно — теперь мягко убеждает, уступает Кромвель — владыка армии. Он настаивает на продолжении переговоров: пусть король согласится на короткое время передать милицию под контроль парламента и гарантирует веротерпимость — и он снова будет полновластным хозяином в стране.

Но армия недовольна: Кромвель, доблестный воин, их Кромвель уступает коварному Карлу! Он предал общее дело, он сговорился с пресвитерианами! Агитаторы зашевелились. В союзе с лондонскими ремесленниками и подмастерьями, с теми, кого возглавлял из Тауэра Джон Лилберн, они составили теперь особую партию. Партию эту называли левеллерами, или уравнителями. Левеллеры считали, что все люди, будь то простой крестьянин, лорд или даже сам король, равны перед богом и перед законом; все имеют право избирать органы власти, участвовать в законодательстве, быть судимы судом себе равных. Узнав, что высшие офицеры ведут переговоры с королем, Лилберн из своего заточения написал солдатам: «Не доверяйте офицерам из главного штаба, так как они вообще продажны и превратились во врагов действительных и законных свобод народа Англии, став вельможами и думая только о себе…»

Возмущение нарастало, волнами перекатывалось из лондонских предместий в армию, расположенную теперь в

пригороде Пэтни, поближе к королевской резиденции, а от армии отливало обратно, в Лондон. Какой-то аноним в памфлете «Призыв свободного народа Англии к солдатам» вопрошал: «Почему высшие офицеры так любезны с Эшбернемом и другими главными советниками короля? Почему они разрешают находиться около него ложному духовенству? Почему они становятся перед ним на колени, целуют ему руки и выслуживаются перед ним? О, позор людям! О, какое преступление перед богом! Неужели можно обращаться так с человеком, который с головы до ног обрызган кровью ваших самых дорогих друзей и солдат?»

Подлинные и мнимые доброжелатели приносили эти памфлеты Кромвелю, и он со всевозрастающим недовольством и тревогой читал обращенные лично к нему слова: «Дорогой Кромвель! Да откроет бог твои глаза и сердце!.. Ты великий человек… Собери свою решимость, воскликни: „Если я погибну, пусть будет так!“ — и иди с нами. Если же нет, я обвиню тебя в низком обмане…» Это неистовый Лилберн кричит из тауэрского каземата. А вот что пишет Уайльдман, обращаясь к солдатам от лица народа: «Если Кромвель сейчас не раскается и не изменит своих намерений, то пусть знает, что вы любили и почитали справедливого, искреннего и храброго Кромвеля, который любил свою страну и свободу народа больше жизни и ненавидел короля как Человека Кровавого; но что, если Кромвель перестанет быть таким, он перестанет пользоваться вашим расположением…»

Похоже было, что левеллеры готовятся к решительным действиям. Они переизбрали советы агитаторов в армии и стали собираться отдельно от Всеобщего совета. Они все теснее сплачивались с гражданскими левеллерами в Лондоне и других местах. Они, кажется, составили свою конституцию.

Камера была сырой и холодной. Воздух — затхлый, попахивающий плесенью. Кромвель сидел на единственном шатком табурете и тяжелым взглядом смотрел на Лилберна, который то вставал и возбужденно ходил из угла в угол по сыроватому каменному полу, то садился на соломенный тюфяк кровати. В этот день, 6 сентября, у Кромвеля имелись и другие дела в Тауэре — надо было проверить, сколь велик там запас оружия, поговорить с комендантом, — но дело, приведшее его в камеру к Лилберну, было едва ли не самым важным. Он пришел просить этого упрямого и бесстрашного человека, измученного пятнадцатью месяцами тюрьмы, прекратить свои яростные нападки на парламент.

— Вот увидите, — говорил Кромвель, — скоро произойдет примирение, и все будет улажено.

Но уговоры не действовали. Прекратить нападки на парламент? Пусть его, Лилберна, сначала судят открытым судом, пусть предъявят обвинение! Он здесь сидит уже больше года, и никто не думает разбирать его дело! Лилберн распалился, глаза загорелись неукротимым огнем. А Овертон? Его тоже держат в тюрьме с сорок шестого года, и до сих пор судом не пахнет. И парламент я генералы предали народное дело, они думают теперь только о своих выгодах и готовы лебезить перед лживым монархом, с ног до головы забрызганным кровью своего народа.

— Но право же, — оборонялся Кромвель, — все-таки мы сейчас в лучшем положении, чем до войны. Тогда все мы одинаково страдали от угнетения и тирании. Сейчас же, наоборот, если парламент и отклоняется иногда от путей правды и справедливости, то это скорее случайность или горькая необходимость.

Он говорил и сам чувствовал неубедительность своих слов. Лилберн, которого он когда-то защищал от произвола лордов и епископских судов, сверлил его теперь горящим недоверчивым взглядом, в котором Кромвель видел вражду и сознание правоты. Ему хотелось бросить в это изможденное лицо разящие, убедительные слова, а получалось жалкое бормотание:

— Реформы уже готовятся… Благоразумные люди должны проявить терпение… Дело идет об их благополучии…

Кромвель видел, что Лилберн не хочет быть благоразумным и проявлять терпение. Он наступал, он требовал суда и справедливости — беспристрастной справедливости не только для себя, но для всех людей.

— Только таким путем мы достигнем благополучия, — говорил он.

С таким человеком договориться было трудно.

А левеллеры все наступали. 18 октября генералу Фэрфаксу от имени агитаторов пяти армейских полков был вручен документ, названный «Дело армии в его доподлинном изложении». Автором был, как говорили, левеллер Джон Уайльдман, человек молодой, но уже известный как талантливый оратор и публицист. Он как бы отвечал пункт за пунктом на «Главы предложений» — манифест, составленный Кромвелем и Айртоном.

Существующий парламент следует немедленно подвергнуть чистке от роялистов и не позже чем через год распустить совсем, говорилось в «Деле армии». Новый парламент созывается раз в два года; избирать в него должны не только налогоплательщики, а все свободнорожденные англичане, достигшие 21 года. Никто не может распустить парламент без его собственного согласия.

Индепендентские «Главы предложений» сохраняли

монархическую власть и оставляли за королем право вето. «Дело армии» заявляло, что «права короля ничто и недействительны перед законом». «Следует помнить, — сказано было в нем, — что всякая власть по происхождению и по существу исходит от народа в целом и его свободный выбор представителей является основой всякого справедливого правительства». Естественно поэтому, что парламент должен быть однопалатным.

В стране вводится письменная конституция — закон, обязательный для всех правителей, для всех граждан без всяких различий: «Должны быть отменены все изъятия из действия закона для кого бы то ни было». Специальный комитет пересматривает все существующие законы. «Число законов должно быть уменьшено для того, чтобы все законы вместились в один том. Законы должны быть изложены на английском языке, дабы каждый англичанин мог их понимать».

Не только политические проблемы затрагивало «Дело армии». В нем были и экономические требования в интересах средней руки купцов, ремесленников, крестьян.

«Всякие патенты, грамоты и привилегии, мешающие осуществлению народных прав, должны быть отменены…

Должны быть уничтожены все монополии…

Следует отменить акциз на пиво, одежду и другие товары…

Справедливо распределить налоги между народом и богачами, обложив значительными налогами банкиров Сити. Налоги необходимо взимать с тех, кто имеет достаточно собственности и никак не пострадал во время войны…

Необходимо вернуть ранее огороженные земли независимо от того, кому эти земли теперь принадлежат».

Это армия диктовала свою волю. Недаром в предисловии к «Делу» было недвусмысленно заявлено, что армия взялась за оружие с сознанием того, что она борется за справедливые права и свободы народа. Она не является сборищем наемников, обязанных служить деспотической власти.

С такими документами Кромвель не желал иметь ничего общего. Как бы он ни любил свою армию, какие бы надежды на нее ни возлагал, не ее дело вмешиваться в основы государственного порядка, корежить по своей воле стройное здание правительства. 20 октября он произнес речь в поддержку законной монархической власти. Он, генерал Фэрфакс, и другие высшие офицеры не участвуют в этих затеях мятежных полков, твердо сказал он парламенту. С самого начала войны целью их было не что иное, как верно служить королю. О Карле он говорил с величайшим почтением и закончил речь призывом с наивозможнейшей быстротой вернуть его к кормилу правления.

Он все еще верил, что возвращение законной власти — на условиях умеренных и мирных — достижимо.

Именно с таким настроением он вошел утром 28 октября в церковь святой девы Марии в Пэтни — небольшую приходскую церковь на берегу Темзы. Готические своды ее уходили ввысь, где сгущался сумрак. На алтарном возвышении стоял длинный стол, за ним сидели офицеры — генерал Айртон, полковник Рейнсборо, другие. Фэрфакс отсутствовал — еще накануне он сказался больным. Были здесь и рядовые солдаты — члены совета армии, агитаторы Сексби, Аллен, Локиер, и гражданские левеллеры Уайльдман и Петти, и проповедники. С огромной шпагой на боку, весь увешанный оружием, сидел знаменитый Хью Питерс. Секретарь Уильям Кларк, двадцатичетырехлетний прилежный молодой человек, уже разложил свои бумаги и приготовился писать.

Они собрались здесь для обсуждения будущих основ государственного устройства Англии. Кромвель дал согласие на эту встречу в надежде достигнуть наконец соглашения. Пусть левеллеры выложат все, чего они хотят, — и он и Айртон сумеют им ответить.

Часы на башне начали перезвон — восемь часов утра. Кромвель прошел на председательское место. Он оглядел собрание и сразу понял, что разговор предстоит нелегкий. Это чувствовалось в сосредоточенном молчании, в суровом выражении лиц, упрямом блеске глаз. Они собрались говорить о самом главном, и каждый будет отстаивать свои принципы до конца.

— Господа, — начал Кромвель. — Настоящее собрание созвано по общественным делам. Тому, кто имеет сказать что-либо об этом, предоставляется свобода высказаться.

Сейчас же вскочил Сенсби. Он давно готовился к нападению и теперь разил беспощадно:

— Причина всех наших несчастий состоит в том, что мы стремились удовлетворить всех, и вызвали только озлобление. Мы старались угодить королю, но выяснилось, что угодить ему можно, только перерезав всем глотки. Мы стремились поддерживать парламент, а он оказался домом из гнилых досок, сборищем разложившихся членов. А лейтенант-генералу Кромвелю и генерал-комиссару Айртону я скажу только одно: доверие к вам и ваша репутация в армии сильно подорваны. И это из-за вашего отношения к королю и к парламентской власти… Я хотел бы, чтобы вы рассмотрели те предложения, которые вам

представлены. И если вы способны понимать разумные доводы, то вы объединитесь вместе с нами для того, чтобы облегчить состояние страны и успокоить дух наших товарищей солдат…

Кромвель почувствовал, как напрягся, сжался для ответного удара Айртон. Уж он-то не даст им спуску!

— Я вижу, что агитаторы, — уверенно и зло заговорил Айртон, — пришли к твердому решению считать себя партией или особым советом, отличным от Всеобщего совета армии… Они, по-видимому, ждут главным образом согласия со стороны других, сами имея мало склонности идти на соглашение путем каких-либо уступок…

Сразу после Айртона заговорил Кромвель:

— Я всегда действовал не по своей воле, а с общего согласия и по полномочию совета армии. А за действия мои в парламенте я не обязан отчитываться перед армией…

Пока спорили Рейнсборо и Айртон, Оливер вспомнил документ, который ему подали утром, — «Народное соглашение». В нем повторялись основные требования «Дела армии», и, хотя об этом не было сказано прямо, он, по существу, уничтожал и монархию, и палату лордов — основы устроения нации. Когда очередной оратор умолк, Кромвель поднялся опять:

— Те предложения, которые вы нам теперь делаете, для нас новы… Мы совершенно не имели возможности их рассмотреть, так как видим их впервые… Несомненно, однако, что документ ваш предлагает чрезвычайно большие изменения в самом существе государственного строя нашей страны. Мудрые и богобоязненные люди должны рассмотреть, каковы будут последствия этих перемен. А пути их осуществления? Готовы ли умы и чувства людей воспринять эти предложения и провести их в жизнь? Преодолеть все препятствия, которые встанут на нашем пути? А наши обязательства? Ведь армия издавала декларации, где брала на себя определенные обязательства — и по отношению к королю, и по отношению к парламенту. Должны мы их исполнять или нет?

— Обязательства! — Это говорил Уайльдман, автор «Дела армии», составитель «Народного соглашения». — Вы предлагаете вспомнить, какие обязательства лежат на нас… Но давайте сначала решим, честно ли и справедливо ли принятое обязательство или нет. Если оно несправедливо, то мы не обязаны его выполнять, хотя бы оно было дано под присягой. Более того, отказаться от него и чувствовать отвращение к нему будет тогда делом чести!

— Ну нет, я не могу с этим согласиться, — снова подал голос Айртон. — Обязательство выполняется лишь тогда, когда оно

справедливо? Ну, знаете ли, такие принципы вообще разрушительны для государства. Люди с такими принципами не будут считать себя связанными никаким законом, если, по их оценке, законы эти недостаточно хороши.

Препирательства некоторое время еще продолжались. Кромвель напряженно искал выхода: как прекратить эту распрю, как начать наконец говорить в духе мира и разума? Полковник Гоффе предложил устроить совместный молебен.

— Мы ни до чего не договоримся, — сказал он, — пока не обратимся все вместе к богу и не попросим у него помощи.

Кромвель почувствовал благодарность к своему кузену. Совместная молитва утишит страсти, поворотит дух к высокому и вечному, просветит разум. С готовностью он поддержал эту идею, страсти и вправду на какое-то время утихомирились. Все согласились, что в таком деле необходимо призвать бога на помощь. Совместный молебен назначили на завтра, на восемь часов утра.

Но не так-то просто было умерить пыл некоторых зачинщиков смуты. Они словно нарочно ищут случая сцепиться, вызвать ответную злобу. Кромвель с опаской смотрит на Уайльдмана, который вновь призывает обсудить «Народное соглашение». Его поддерживают агитаторы, и спор снова разгорается. Наступает Айртон.

— Я не хочу, — угрожающе говорит он, — присоединяться к тем, кто ищет уничтожения или парламента, или короля.

И Кромвель снова убеждает, что республика означает распад, гибель нации. Он против республики:

— Не сделает ли это Англию подобной Швейцарии, где один кантон выступает против другого? Я спрашиваю вас, кто возьмет на себя такую ответственность? Ведь это ведет к абсолютному разорению нации, а мы в то же время говорим ей: «Это для твоей свободы, для твоей выгоды, для твоего благополучия». Да и вообще, так ли уж необходимо сейчас обсуждать это «Народное соглашение»? На пути его стоят огромные трудности.

— Нет, его нужно обсуждать именно сейчас! — полковник Рейнсборо не в первый раз отваживается спорить со своим командиром. — Да, — говорит он, — мы сознаем, что на пути этой конституции лежат огромные трудности. Но это не основание для того, чтобы прекратить борьбу за ее осуществление. — Если бы мы боялись трудностей, — говорит он и смотрит прямо на Кромвеля, — я не уверен в том, что мы когда-нибудь осмелились бы взглянуть в лицо врагу. Если вы убеждены в том, что дело справедливо, я считаю, что вы обязаны его осуществить.

Кромвель упрямо наклоняет голову, глаза его наливаются кровью.

— Божьей милостью, — тихо говорит он, — я не боюсь никого из людей.

Спор на минуту затихает, но потом вспыхивает с новой силой. Какой-то джентльмен из Бедфордшира, его Кромвель видит впервые, развивает мысль о том, что английский народ вовсе не привержен к монархическому строю. Какая смелость!

— Мне кажется, — говорит этот ничем не примечательный джентльмен, — если вы сохраните правительство таким, как оно есть, и восстановите короля, для страны это будет гораздо более опасно, чем перемены в правлении. Те, кто отстаивает незыблемость монархии, предают права народа.

Это уж слишком. Айртон, не сдерживаясь, обрушивается на агитаторов с потоком обвинений. Они покушаются на единство армии. Они хотят разрушить государство. Тон его слишком резок — Кромвель видит, какое возмущение выражают лица агитаторов. Так им не договориться! Он берет слово. Конечно, говорит он, агитаторы имеют право вносить свои предложения. Но отмена королевской власти — слишком резкий скачок. Англичане уже сроднились с определенным порядком государственного устройства. Он не согласен с теми, кто полагает, что верховная власть принадлежит исключительно народу.

— А за что мы воевали? — Это снова вскочил Рейнсборо. — Я спрашиваю, разве мы не боролись против короля, за парламент?.. Гражданская война — вот вам пример нарушения негодных обязательств. И это пример разумный. А король… Что касается меня, то можно сказать, я против короля. Я против него и против любой власти, которая будет вредить народу.

Уже вечер. Свечи оплыли, огарки дымят, в старой церкви сыро и душно. Пора расходиться. Прежде чем закрыть заседание, Кромвель напоминает, что на следующее утро обсуждение конституции продолжится.

Одиннадцать часов утра. Назначенный накануне молебен окончен. Пора перейти к тому, ради чего они все сюда собрались. Кромвель дает слово секретарю. Кларк встает и начинает читать. Он читает представленное левеллерами «Народное соглашение» — проект новой конституции королевства.

Чего же они хотят? Кромвель еще раз всматривается в текст документа. Повторяется почти все, что уже заявлено в «Деле армии». Парламент распускается в течение ближайшего года, а на смену ему идет новый однопалатный парламент, избранный

всеми свободными англичанами мужского пола, достигшими двадцати одного года. Власть этого парламента ниже власти только тех, кто его избрал, то есть власти народа — верховного суверена в стране.

Этот новый парламент имеет право без согласия каких-либо других лиц или лица (намек на короля и лордов слишком прозрачен, чтобы его не поняли и тут же не переглянулись) издавать и отменять законы, назначать и смещать должностных лиц, объявлять войну и заключать мир, устанавливать отношения с иностранными государствами… Словом, делать все, чего народ, верховный суверен, не оставил в своих руках.

За народом остается неотъемлемое право самому избирать себе способ богослужения и богопочитания, то есть свобода совести. Народ не может быть принуждаем к несению военной службы. Народ не привлекается к ответственности за что-либо, сказанное или содеянное во время минувшей войны.

Законы должны быть равными для всех. Все они обязательны для каждого, и никакого рода земельные или имущественные права, жалованные грамоты, звания, происхождение или должность не дают прав ни на какое исключение из обычного порядка правосудия.

— И мы объявляем все вышеприведенное, — Кларк заканчивал, — нашими прирожденными правами, которые мы решили отстаивать всеми силами от каких бы то ни было посягательств. Нас обязывает к тому не только кровь наших предков, часто лившаяся напрасно с целью завоевания свободы, но и наш собственный горький опыт. Ибо, хотя мы долго ждали и дорого заплатили за возможность провозгласить эти ясные принципы управления государством, мы все еще вынуждены для установления мира и свободы зависеть от того человека, который стремился держать нас в оковах рабства и навлек на нас эту жестокую войну.

Кромвель поморщился (опять намек на короля!). Поднялся Айртон.

— В «Народном соглашении» сказано, что каждый, кто является жителем нашей страны, должен рассматриваться как равный другому и должен иметь равноправный голос при выборе представителей. Если это так, то я должен возразить.

Вскочил Максимилиан Петти, агитатор:

— Совершенно верно! Мы полагаем, что все граждане, не утратившие прав гражданства, должны пользоваться в Англии равным правом голоса!

— Самый бедный человек в Англии, — это говорит Рейнсборо, — вовсе не обязан подчиняться власти того

правительства, в образовании которого он не участвовал!

Айртон выразительно смотрит на Кромвеля и, как только Рейнсборо умолкает, поднимается вновь. Дело нешуточное: затронуты самые основы общественного миропорядка.

— Я считаю, что никто не имеет права на участие в управлении королевством и в избрании законодателей, если он не имеет постоянного прочного интереса, не имеет собственности. Чтобы человек в силу одного факта своего рождения в Англии получал право распоряжаться землями или движимым имуществом других людей… Как хотите, я не вижу к тому оснований. Лица, избирающие представителей для издания законов страны, должны знать ее местные интересы, то есть должны обладать собственностью. Это самая основа любой конституции, и если вы отвергнете ее, вы пойдете по пути упразднения всякой собственности…

Кромвель согласен: то, что говорит зять, просто и понятно. Человек, владеющий землей, или доходом с лавки, или мануфактурой, имеет право избирать в парламент, а неимущий по самому рождению своему лишен этого права. Но кое-кто думал иначе.

— В законах божьих я не нахожу ничего, — говорит Рейнсборо, — что давало бы лорду право избирать двадцать представителей, джентльмену — только двух, а бедняку — ни одного. Я не нахожу ничего такого ни в законах природы, ни в законах страны… Это человеческое установление, и его следует изменить.

Но это посягательство на собственность!

— На каком основании вы требуете, — горячится Айртон, — чтобы все люди имели право участия в выборах? На основании естественного права? Если вы придерживаетесь подобной точки зрения, вы должны отрицать и собственность. Ведь то же естественное право, на которое вы ссылаетесь, дает человеку возможность пользоваться всем, что он видит перед собой: пищей, питьем, одеждой, землей да всякой вещью вообще.

— Ну нет, — теперь защищается, идет на попятный Рейнсборо. — Я не имею мысли разрушить собственность. Ее установил господь своей заповедью «не укради». А что касается вас, зачем вы хотите уверить всех, что мы стоим за анархию?

— Анархия не вытекает из «Народного соглашения», — подает голос Петти. — Правда, из него можно заключить, что мы против власти короля и лордов. Правда и то, что, когда я увижу желание господа уничтожить и короля, и лордов, и собственность, я буду доволен. Но до уничтожения власти короля и лордов, я думаю, мы доживем, а до уничтожения собственности — вряд ли.

А выборы, мне кажется, все согласны, что они должны быть более полными и равными; это как раз поможет лучше сохранить собственность.

Видно, спорам конца не будет. Вопрос об избирательном праве оказался столь же неразрешимым, как вопрос о судьбе монархии. Он неразрывными нитями связан с правом собственности, и это, как всегда, когда затрагивается материальный интерес, вызывало особое ожесточение.

— У нас в королевстве пять на одного, которые не имеют собственности! — кричал полковник Рич. — Что же, всем им дать право избирать законодателей? Так они изберут таких же, как они сами, и совсем упразднят собственность!

— Все правительства создаются свободным соглашением народа, — возражал Уайльдман. — Никто не должен подчиняться такому правительству, в избрании которого он не участвовал!

Вскочил Сексби. Лицо его пылало, глаза горели, волосы были взъерошены.

— Мы воевали, — начал он говорить, постепенно все более возбуждаясь и переходя на крик, — мы жизнью рисковали, чтобы восстановить наши прирожденные права. А из рассуждений, которые мы тут слышим, вытекает, что таких прав вовсе и не существует! Мы, солдаты, не имеем в стране почти никакой собственности, но мы имеем прирожденные права. А здесь выходит так, что человек, который не имеет собственности, не имеет и прав. Удивляюсь, как нас могли до такой степени обмануть!

Он повернулся к Кромвелю и стал кричать, словно обращаясь лично к нему, словно бросая ему вызов:

— А вам я вот что скажу: я решил своего прирожденного права никому не отдавать, слышите! Что бы из этого ни вышло, что бы об этом ни подумали, я его никому не отдам!

Дело принимало совсем худой оборот. Полковник Рейнсборо, на благоразумие которого Кромвель в душе всегда надеялся, тоже потерял контроль над собой. Следом за Сексби он начал:

— Я вижу, что мы не получим никаких прав, пока не уничтожим собственность… В самом деле, за что все это время сражался солдат? Он сражался, выходит, за то, чтобы поработить самого себя, чтобы добиться власти для богатых, для людей с состоянием? Чтобы обратить себя в вечного раба?

Эти едкие вопросы, казалось, тоже были обращены прямо к Кромвелю. Он встал, голос его зазвучал твердо и в то же время успокоительно:

— Сознаюсь, что изо всех произнесенных здесь речей больше всего мне не понравилась речь мистера Сексби — она слишком

проникнута страстью. Я хотел бы, чтобы мы здесь воздерживались от этого. Ведь мы сошлись, чтобы прийти к соглашению ради безопасности королевства. Давайте не будем тратить времени на пустые споры, а обратимся к решениям.

Он обвел сидящих глазами. Его слушали очень тихо, очень внимательно. Он продолжал:

— Все согласны, что избирательный закон должен быть изменен, улучшен. Но как это сделать? Если мы будем здесь все вместе спорить, это продлится до бесконечности и мы ни к чему не придем. Лучше передать это дело в согласительную комиссию, и она выработает проект.

На следующий день заседала согласительная комиссия, которая после долгих споров приняла мало-мальски удовлетворительные решения. Парламент распускается в сентябре будущего года. Впредь парламент собирается на срок не долее двух лет и не может быть распущен без собственного согласия. В перерывах между сессиями страной управляет Государственный совет, без согласия которого король не может созвать чрезвычайный парламент. Само собой разумелось, что король и палата лордов сохраняются. Индепендентский взгляд победил и в вопросе об избирательном праве: в соответствующем пункте решений, хотя и говорилось о расширении, равенстве и свободе выборов, все же всеобщее избирательное право не провозглашалось.

У Кромвеля немного отлегло от сердца. Согласительные пункты были приняты по его настоянию; они, конечно, ближе склонялись к индепендентским «Главам предложений», чем к левеллерскому «Народному соглашению», и могли послужить приемлемой основой для переговоров с Карлом.

1 ноября заседания армейского совета возобновились. И сразу стало ясно, что надежды на примирение мало. За это время по армии разнеслись слухи о переговорах короля с шотландцами. Поговаривали даже, что он собирается бежать, что ему предложена помощь, он должен только согласиться на пресвитерианское устройство церкви. В армии начались сходки. Раздались голоса, что Карла нельзя держать в Гемптон-Корте, где он пользуется слишком большой свободой. 1 ноября стража в его покоях была усилена, многих приближенных попросили оставить дворец. Шотландские уполномоченные выразили протест. Времена наставали сомнительные и опасные, везде — в армии и в парламенте, в Сити и в сельской округе — чувствовалось сильнейшее брожение. Что-то должно было произойти.

Кромвель едва успел открыть заседание, как на него сразу обрушился поток требований. Все они касались короля и лордов: их следует лишить права вето. Самые крайние из спорщиков, казалось, готовы прибегнуть к мечу. Армия выходила из повиновения, они все забылись!

— Вопрос о праве вето, — сказал он, — это дело парламента. А я сейчас буду говорить об армии. От нее поступило несколько деклараций. Приказы главнокомандующего относительно собраний нарушаются. Дисциплина, военная дисциплина — вот что забыто в армии. Я считаю, что никакое отдельное лицо, никакая отдельная группа в армии не имеют права созывать собрание роты или полка и ни в какой мере не могут освобождать армию от приказов главнокомандующего. Такой путь гибелен для армии. — Он возвысил голос: — Вы понимаете, что мы сами себя зарежем, если не будем подчиняться правилам войны, и потому я предлагаю всем подтянуться! Армия должна заниматься своими делами, парламент — своими, или он вообще не парламент. Поэтому предоставим ему самому решать, какой образ правления установить в английском королевстве.

Что тут поднялось! Кромвель снова почувствовал, что на него смотрят с ненавистью, как на предателя. Он и сам понимал, что попытки передать дело в руки пресвитерианского парламента неудачны — это собрание столько раз их подводило! Левеллеры не желали уступать. Все они — Уайльдман, Рейнсборо, Петти, Сексби — точно с цепи сорвались. Лорды не могут быть законодателями! Король не должен иметь никаких прав!..

Дни сменялись днями, последовательность прений уже трудно было уследить, заседания превращались в сплошной кошмар все тех же обвинений, аргументов, ссылок.

И Кромвель уговаривал, мирил, грозил и опять уговаривал. После одной из самых его длинных и удачно-примирительных речей вдруг поднялся никому не известный капитан Бишоп и заявил:

— Мы все тут стараемся оберечь того самого Человека Кровавого и те основы тирании, против которых господь с небес дал столь явные знамения. Я уверен, это приведет нас к погибели.

Вскочил обрадованный Уайльдман. Конечно, он выразил горячее одобрение этому Бишопу.

— Разве это разумно и справедливо, — с гладкой напористостью опытного оратора говорил он, — наказывать смертью тех, кто, повинуясь приказаниям, вел войну, а потом говорить о милосердии к тому, кто был главным актером в этой игре, кто был великим зачинщиком всего? Не я один думаю, что сохранение короля или лордов несовместимо с безопасностью

парода…

Вот куда они вели… И остановить их было невозможно. 4 ноября они заявили, что избирательные права должны получить все граждане, кроме слуг и лиц, живущих подаянием. 5 ноября (Кромвель в этот день отсутствовал) они вынесли решение, что армия не желает новых переговоров с королем. В газетах писали: «Кромвель и левеллеры могут столь же хорошо примириться, как огонь и вода. Цель одних — народовластие, цель других — олигархия».

Всего этого было более чем достаточно. 8 ноября Кромвель приказал агитаторам и офицерам немедленно вернуться в полки, к исполнению своих прямых обязанностей. Заседания совета были прерваны, «Народное соглашение» передано комитету, составленному из одних офицеров. Совет армии прекратил свое существование.

Пока спорили, бранились, обвиняли друг друга офицеры и агитаторы, индепенденты и левеллеры, темные дела творились совсем недалеко от церкви святой девы Марии, и дела эти имели прямое отношение к тому, о чем велись дебаты. Карл, то ли монарх, то ли пленник в Гемптон-Корте, и не думал сдаваться, молчаливо ждать, пока армия решит его участь. Он, как когда-то Мария Стюарт, и в заточении был полон энергии, и тут вокруг него постоянно плелась сеть интриг и заговоров.

В этой истории все темно, и вряд ли когда-нибудь удастся разгадать ее до конца. Факты же сводились к следующему. В августе дальний родственник Кромвеля, женатый на дочери его кузена Гемпдена, полковник Роберт Хэммонд попросил отставки из армии на том основании, что «армия, по всей видимости, решила нарушить свои обещания по отношению к королю, и он не хочет участвовать в этом вероломстве». Хэммонд был, кроме того, племянником королевского капеллана. По его просьбе он был 31 августа назначен комендантом острова Уайт — тихого местечка у южного побережья Англии. Между 4 и 12 сентября остров Уайт посетил Оливер Кромвель. Цель его визита осталась неизвестной. Он долго беседовал с Хэммондом и после того поддерживал с ним постоянную переписку.

11 ноября в совете офицеров майор Томас Гаррисон, сектант и мистик, пересыпая свою речь цитатами из Ветхого завета, открыто обрушился на короля, назвал его Человеком Кровавым и потребовал привлечения его к суду за преступные деяния против своего народа. В этот же день Кромвель написал коменданту Гемптон-Корта, кузену своему Уолли, записку:

«Дорогой кузен Уолли! Здесь ходят слухи о готовящемся покушении на особу его величества. Умоляю вас поэтому позаботиться об усилении охраны, чтобы не дать свершиться такому чудовищному деянию».

Уолли немедленно показал это письмо королю — не для того, как он объяснил, чтобы напугать его, но чтобы уверить его в добром расположении офицеров.

11 ноября ночью Карл незадолго до смены караула вышел, никем не замеченный, через заднюю калитку дворцового сада. В лесу, в условленном месте, его ждали Эшбернем и Беркли с добрыми конями, и через несколько часов он был уже далеко от Лондона. Обмотав лицо шарфом, чтобы его не узнали, он скакал на юг, к морю.

Полковнику Уолли Карл оставил письмо, где сообщал, что побег его вызван не письмом Кромвеля, а чувством отвращения, которое он питал к своему положению пленника. Он просил также позаботиться о сохранении в должном порядке дворца, его любимых картин и обстановки. Последнее было похоже на издевательство.

Кромвель узнал о побеге короля в ту же ночь. Его послание спикеру парламента с сообщением о побеге короля датировано: «Гемптон-Корт. 12 ночи».

Через два дня всадники достигли южного побережья Англии. Эшбернем и Беркли посвятили во все коменданта острова Уайт Роберта Хэммонда, надеясь на его поддержку. Они просили укрыть Карла в Кэрисбрукском замке на острове или достать ему корабль и переправить на континент. Хэммонд смертельно побледнел, задрожал всем телом и воскликнул:

— О джентльмены, вы меня погубили!

Затем, несколько оправившись, заявил твердо, что вынужден взять короля под стражу. Верность парламенту (или страх перед Кромвелем?) победили личные симпатии. Король стал пленником Кэрисбрукского замка, в Лондон полетел гонец с донесением о случившемся.

Несколько дней спустя Кромвель поднялся в палате общин, чтобы сообщить о том, что король прибыл на остров Уайт и находится в надежных руках. Он говорил о том, каким честным и преданным человеком оказался полковник Хэммонд, с каким усердием он охраняет особу короля. Его веселость заставила некоторых проницательных людей подумать: «Не потому ли он так радуется, что король угодил как раз туда, куда ему, Кромвелю, было нужно?»

В самом деле, на острове Уайт король был далеко и от левеллеров, которые, того и гляди, готовы были пустить в дело

свои угрозы, и от шотландцев, замышлявших его похитить. Он был в руках родственника Кромвеля, и за Кромвелем оставалось решающее слово. Так, по крайней мере, думали многие современники.

Кромвель и сам понимал, что решающее слово теперь за ним. Он ощущал в себе огромную силу. На 15 ноября был назначен общий смотр семи полков близ местечка Уэр, в Герфордшире. Еще в Пэтни было решено, что смотр войск будет проводиться по частям — так легче договориться с солдатами.

Полкам уже известно было о побеге Карла, но где он, еще никто не знал. Во все гавани и порты разослали специальные запреты: ни один корабль не должен отплыть от берегов Англии. Тому, кто укроет у себя короля и не сообщит об этом парламенту, грозили смертная казнь и конфискация имущества.

Брожение в армии готово было перейти в мятеж. Левеллерокие памфлеты ходили по рукам. Уайльдман писал, что Кромвель и Айртон предали дело народа и отстаивают интересы его врагов. Лилберн призывал: «Добивайтесь чистки нынешнего парламента!.. Настаивайте на выплате жалованья! Требуйте уничтожения церковной десятины; отмены монополий, принятия „Народного соглашения“! Но главное — не доверяйте генералам, ибо они в сговоре с парламентом!..» Кромвелю доносили, что многие левеллеры не столь настроены против Карла, как против него, Кромвеля. А в парламенте поговаривали, что Генри Мартен готов быть вторым Фелтоном: как тот вонзил кинжал в Бекингема, так Мартен теперь жаждет обагрить свой клинок кровью победителя при Нэсби.

Кромвель и Фэрфакс ехали верхом бок о бок, не переговариваясь, с тревогой вслушиваясь в шум, доносившийся издалека, с той стороны, куда они направлялись. Когда они въехали на холм и поле, покрытое войсками, открылось перед ними, они сразу заметили, что солдат прибыло больше, чем они ожидали: вместо семи полков явилось девять. Без разрешения прибыли полки Гаррисо-на и Роберта Лилберна — брата «свободнорожденного Джона». Они пришли вопреки приказу главнокомандующего, уже это само по себе являло бунт. На многих шляпах что-то белело: это были листки с текстом «Народного соглашения» и девизом: «Свободу Англии! Права солдатам!»

Какой-то всадник отделился от войска и помчался наперерез

генералам. Кромвель узнал Рейнсборо. Весь вид его выражал независимость и решимость, на шляпе белел листок, в руке он держал текст «Народного соглашения». Кромвель сделал знак адъютанту, тот выскочил навстречу всаднику, толкнул его конем, вырвал бумагу, не дал подъехать к командованию. Полки зашумели.

Фэрфакс, взглянув на Кромвеля, тронул коня. Вместе они подъехали к первому полку, и Фэрфакс спокойным начальственным тоном произнес несколько слов. Он призывал солдат покончить с недовольствами, подписать присягу командованию и военному совету. Все обошлось мирно: солдаты дружно прокричали «ура», текст присяги пошел по рядам.

Второй, третий, четвертый полки подчинились столь же безропотно. Перед полком Гаррисона заговорил Кромвель. Возвысив голос, он перекрыл раздавшиеся было мятежные выкрики; солдаты, немного пошумев, подчинились. Белые листки со шляп исчезли.

Подъезжая к полку Роберта Лилберна, Кромвель ощутил такую враждебность, что сердце его мгновенно налилось яростью. Довольно уговоров! И в самом деле, в ответ на его хриплым голосом выкрикнутый приказ снять листки со шляп и удалиться восвояси никто не пошевелился. Он увидел близко против себя дышащие ненавистью лица солдат, мрачную решимость настоять на своем, не подчиниться. И это были его солдаты, его армия!

Он выхватил шпагу. Вы не хотите подчиниться, так я вас заставлю! Конь взвился на дыбы под его безжалостными шпорами. Солдатские лошади испуганно шарахнулись, ряды смешались, кто-то упал. Кромвель не помнил себя. Его шпага со свистом рассекала воздух, а другая рука срывала, рвала, комкала белые листки. Кого-то он ударил по лицу, с кого-то сбил шляпу.

— Хватайте зачинщиков! Вяжите их! — кричал он. — Я им покажу бунтовать!

Опомнившиеся адъютанты бросились ему на выручку, обезоружили четырнадцать человек. Тогда руки сами потянулись к шляпам, головы обнажились, листки стали исчезать. Солдаты то ли устыдились своего бунта, то ли убоялись безумного гнева командира.

Тут же устроили военно-полевой суд. В вопросах дисциплины Кромвель был беспощаден. Четырех приговорили к смертной казни, но пугающая бледность Фэрфакса, умоляющие знаки некоторых офицеров смягчили Кромвеля. Он уже начал остывать. Вместо четверых решили расстрелять одного — на кого падет жребий. Четверо солдат, уже без мундиров и шляп, протянули руки к соломинкам. Самую короткую, роковую, вытянул рядовой

Ричард Арнольд.

Забили частую дробь барабаны, грянул залп, и молодой солдат упал, дергаясь и обливаясь кровью. Кромвель и Фэрфакс, адъютанты, мятежные солдаты, арестованные и те трое, которым волею судьбы удалось избежать расстрела, молча смотрели на корчащееся на земле окровавленное тело.

Барабанная дробь затихла. Кромвель и Фэрфакс повернули лошадей, солдаты строем, стараясь не смотреть на тех, кто суетился возле убитого, стали уходить с поля.

Смотры других полков несколько дней спустя прошли без происшествий.

Парламент, выслушав отчет Кромвеля о событиях в

Глава VI
Цареубийца

…Названный Карл Стюарт был и является вдохновителем, автором и продолжателем указанных противоестественных, жестоких и кровавых войн; и потому он является виновным во всех изменах, убийствах, грабежах, пожарах, убытках ж бедствиях нашего народа, которые были произведены и совершены во время названных войн и были вызваны ими.

Из обвинительного акта

Мы низвергли тирана таким способом, о котором христиане грядущих веков будут вспоминать с почтением, а тираны — с ужасом.

Кромвель

1. «Зловредная война»

Уэре, вынес ему благодарность. И только Эдмунд Ледло голосовал против.

Дорога была еще влажной после апрельских дождей, и лошади резво бежали, ловя ноздрями благоуханный весенний воздух. Соломенные крыши лондонских предместий остались позади. Топот копыт тяжело вооруженной кавалерии не мог заглушить ликующего гомона птиц. Было начало мая 1648 года. Яркое солнце, прелесть цветущей земли, свежая зелень рощ вселяли в сердце радость и надежду. Но еще большую радость давало это упорное и быстрое движение к цели, понятной и близкой всем — от генерала до последнего новобранца из пехоты. Армия должна покончить с роялистами, которые подняли мятеж в Южном Уэльсе, и наказать предателей, переметнувшихся на их сторону. Вторая гражданская война началась.

Для лейтенант-генерала Оливера Кромвеля, в который уже раз ведшего свои войска против сторонников короля — кавалеров, это было новой огромной заботой, но и спасением. Два года прошли в мире, но что это был за мир! Последние месяцы он чувствовал себя, словно медведь на травле. Его ненавидели и подозревали все, набрасывались, словно своры собак, с разных сторон и норовили ухватить побольнее.

Роялисты на все лады повторяли его горькие слова против короля в Вестминстере и теперь обвиняли в том, что он сам хочет стать королем, — обвинение, столь часто повторявшееся после! Едкие стишки, пасквили, карикатуры на него распространялись с некоторых пор в Лондоне.

> Король придет, но какой?
> Кто сможет стать королем?
> Ах, наш милый Оливер, храбрый дюжий Оливер,
> Тонный и галантный…

Дальше, конечно, шло что-нибудь про его нос. Их убогое остроумие все вертелось вокруг самой внушительной части его лица — они не могли придумать ничего поновее. Ладно, он им уже натягивал нос не раз на поле битвы и сейчас щадить их не собирается. С кавалерами было проще всего: они были враги явные, и сражаться с ними следовало мечом, насмерть.

С парламентом дело обстояло посложнее. В ряды почтенных пресвитериан, сидящих в Вестминстере, не ворвешься со шпагой

наголо, круша направо и налево. Здесь приходилось говорить долгие речи, призывать бога в свидетели, даже слезы проливать. И все равно они его ненавидели. Пресвитериане, эти лукавые сребролюбцы, дрожавшие за свои капиталы, давно уже хотели договориться с королем и вернуть его на трон, а их было большинство. Им надоели «неустройства». 3 января, когда обсуждался отказ короля принять весьма умеренные предложения палаты, они готовы были отказаться от всех с таким трудом добытых завоеваний — лишь бы договориться. О, как возмутились тогда честные индепенденты, противники произвола! Импичмент против короля — привлечение его к суду за государственные преступления, — вот какие грозные слова впервые во всеуслышание прозвучали в парламенте. Кто-то сгоряча даже потребовал низложить монарха совсем.

Айртон, когда-то изучавший право, уверенно заявил, что раз король отказывает в покровительстве своему народу, то народ вправе отказать ему в повиновении. Кромвель слушал, слушал все это и наконец поднялся сам. Он попытался убедить их — без излишних крайностей — прекратить переговоры с коварным и ничтожным монархом. «Король обладает, — говорил он, — большим умом и большими способностями, но он такой двоедушный, такой фальшивый человек, на него не следует полагаться. Уверяя нас в своей любви к миру, он ведет тайные переговоры с шотландцами, чтобы подвергнуть народ опасностям новой войны. Настал час, когда парламент должен сам управлять государством…»

Его речь возымела действие: парламент постановил прекратить всякие сношения с королем. «Никаких обращений» — так и назвали этот билль. В нем перечислялись преступления короля: он нарушил права парламента, развязал войну против своего народа, отказался от мирных предложений. Поэтому нарушение билля будет рассматриваться как государственная измена. Но их решимости хватило ненадолго. Карл оставался для них прежде всего божьим помазанником, и они втайне трепетали перед ним, даже когда оказывали ему сопротивление.

К весне верноподданнические чувства овладели ими с новой силой. Совсем недавно, 28 апреля, они постановили, что «основы управления Англией», то есть монархическая конституция, не должны претерпевать изменений. И отменили свой собственный билль «Никаких обращений». Наоборот, приняли решение о возобновлении переговоров с «его величеством».

Больше всего они боялись армии и старались вредить ей, как только могли. 2 мая они издали «Указ о подавлении ересей и богохульства», где говорилось, что смертной казни подлежит

всякий, кто отрицает учение о Троице, о божественной природе Христа, о боговдохновенности Священного писания, о воскресении и Страшном суде. Они прекрасно знали, сколь распространены всякого рода секты и ереси в армии, и хотели дать ей почувствовать свою силу. Но этого мало. Они искали способов вообще распустить армию — оплот республиканских надежд. Для начала они упорно отказывались платить ей жалованье. Даже ему, лейтенант-генералу и признанному вождю «железнобоких» (хотя формально главнокомандующим оставался Фэрфакс), они снизили дневное содержание с четырех до трех фунтов. Он ответил им тем, что пожертвовал «на общее дело» пять тысяч фунтов и отказался от пожалованных ему денег за Ирландию. В отличие от них он был равнодушен к деньгам. Но тайные осведомители снова и снова докладывали ему, что пресвитериане в парламенте только ждут удобного случая, чтобы обвинить его в государственной измене, навсегда лишить всех должностей и влияния в армии. Тогда-то он узнал и о готовящихся покушениях на его жизнь.

Парламентских пресвитериан и толстосумов Сити можно понять: роялисты в последнее время наступали со всех сторон. На острове Уайт они попытались силой, собрав вооруженную толпу, освободить короля из темницы. 27 марта, в годовщину воцарения Карла, они на улицах Лондона открыто пили за его здоровье. И еще заставляли прохожих в скромном пуританском платье делать то же самое. Некий мясник, говорят, грозился искромсать королевского стража, капитана Хэммонда, как бычью тушу. 9 апреля лондонская чернь, вооружившись мушкетами, пиками, дубинками, заполонила улицы вокруг Уайтхолла с криками: «Да здравствует король Карл!», «Бог и король!» Им, видите ли, во исполнение парламентского указа не позволили пить и гонять шары в день господень! Пришлось пустить против них знаменитую боевую кавалерию, достойную лучшего применения. Айртон, зять и верный соратник, собственноручно убил тогда их вожака и разогнал толпу. Но они поднимали голову по всей стране — приходили известия о бунтах в Уилтшире, о том, что в Кенте игра в мяч превратилась в шумный скандал под роялистскими лозунгами, о побеге из-под стражи второго сына короля, юного герцога Йорка, о захвате Норича, об объединении вокруг герцога Ормонда в Ирландии…

Но больше всего его беспокоила армия. Его детище и оплот, его гордость — она тоже, казалось, была готова взбунтоваться против своего командира. Раздоры сеяли уравнители — левеллеры, как их называли. Мало того, что они требовали суда над королем и правления только одной палаты общин (слыханное

ли дело!), они не желали слушаться своих офицеров. Его самого, Кромвеля, они не далее как прошлой осенью объявили предателем за попытку договориться с королем.

Он попытался еще раз помириться с ними, созвав их на обед в своем доме на Кингс-стрит вместе с ведущими офицерами и вождями индепендентов в парламенте. Элизабет тогда пришлось немало потрудиться. Ее хозяйственные дарования были выше всяких похвал: обед удался на славу. Когда первый голод был утолен, речь опять зашла о форме правления. Ледло, Вэн, Хетчинсон, Гезльриг открыто заявили, что они против монархии, что короля следует призвать к ответу за пролитую кровь, и стали требовать от него откровенности.

Против монархии! Да понимают ли они, что говорят! Кромвель знал с детства, что монархический способ правления наилучшим образом отвечает общему миропорядку. Как в небесах единый владыка — господь, так и на земле, в государстве, должен править один король — божий помазанник.

Он уклонялся, отнекивался и наконец, припертый к стене, внезапно оборвал разговор: схватил подушку, с силой бросил ее в голову Ледло и выбежал на лестницу. Ледло швырнул подушку ему вдогонку, и он почти кубарем скатился вниз. Он никогда не был теоретиком, и абстрактные схемы республиканцев, их слова о свободе, равенстве, естественном праве не увлекали его, а настораживали. А их бесила его нерешительность.

И вот когда уже все, казалось, должно было обернуться против него и приходилось снова искать крайний выход (разогнать парламент и передать всю власть армии? внезапно заболеть? бежать на континент?), — вторая гражданская война грянула сразу с трех сторон, и он был спасен.

В апреле пришло известие, что в Южном Уэльсе взбунтовались отряды полковника Логарна. Мятежники подняли королевское знамя и пошли на соединение с полком Пойера к Пемброкскому замку. Пойер, фрондер и пьяница, еще в феврале отказался служить парламенту, пока ему и его гарнизону не заплатят жалованья. Вскоре весь Пемброкшир был охвачен мятежом.

Этого было мало. 2 мая в Лондоне стало известно, что пять дней назад шотландцы, предводительствуемые герцогом Гамильтоном, подвели свои войска к границе; сэр Мармадюк Лангдейл, один из главарей английских роялистов, захватил Бервик, а затем Карлайл. Ворота для нападения на Англию с севера были открыты.

Кромвель знал о тайных переговорах шотландцев с королем, узником Кэрисбрукского замка на острове Уайт. Недаром он поддерживал оживленную переписку со своим кузеном Хаммондом. В декабре шотландские лорды заключили с Карлом договор, текст которого, завернутый в свинец, был тайно закопан в саду. Король соглашался установить в Англии на три года пресвитерианское церковное устройство и делал множество уступок шотландцам, а те обещали силой оружия вернуть ему трон. В апреле шотландцы составили новый заговор о похищении короля. Теперь, 26 апреля, они прислали парламенту ультиматум: требовали обязательного введения Ковенанта во всей Англии, установления государственной пресвитерианской церкви, запрещения всех прочих пуританских религиозных течений, роспуска армии «сектантов» и возобновления почетных переговоров с королем. Более смелые требования трудно было придумать.

Но трусость парламентского большинства была беспредельна. Куда девался их боевой пыл первых лет революции! Они тут же послушно ответили: да, они согласны не изменять управления Англией посредством короля, лордов и общин. Они согласны поддержать Ковенант и объединиться с шотландцами, чтобы предложить королю — в который раз! — их старые условия.

Это было уже слишком. В конце апреля Кромвель покинул Лондон и явился в ставку армии — в Виндзор. После многих встреч и приватных бесед собрали совещание офицеров — присутствовали командиры, индепенденты, левеллерские агитаторы, сторонники самых крайних мер. Три дня прошли в покаянных молитвах и политических дебатах. Король и его приспешники вновь поднимают оружие против парламентской армии! В глазах присутствующих это было чудовищным преступлением.

1 мая единодушно решили: «Карл Стюарт, Человек Кровавый, должен быть призван к ответу за пролитую им кровь и за тягчайшие преступления против бога и народа». 5 мая совет армии постановил, что «ни этот король и никто из его потомков не будут королями в Англии».

Вот уже несколько дней Кромвель скакал на запад, в дикий Уэльс, земли которого, кстати, были недавно пожалованы ему палатой общин. В дороге он узнал, что еще один очаг роялистской смуты вспыхнул в центральных графствах, всегда верно стоявших за парламент. 4 мая жители Эссекса потребовали возобновления переговоров с королем и роспуска армии. 16 мая

семьсот или восемьсот человек от графства Серри явились в Лондон: они желают вернуть короля в Уайтхолл и передать ему всю полноту власти. Парламентская стража не хотела пускать их, и в драке было убито несколько человек. Вернувшиеся подняли восстание, захватили Сэндвич, Дувр, Рочестер. Вдобавок взбунтовался флот у берегов Кента. На подавление мятежников в южные и восточные графства отправился сам главнокомандующий Фэрфакс, на север послали способного двадцатидевятилетнего генерала Ламберта. Это были тревожные известия.

И все же он был в отличном настроении. Только что, 25 апреля, ему исполнилось сорок девять лет, но он был бодр, полон сил и радовался предстоящей встрече с врагом. Он легко вскакивал на коня, его плотное тело превосходно держалось в седле. С годами он стал все больше походить на мать: мясистые щеки, резкая складка под подбородком, лицо широкое, некрасивое, умное. Однако в отличие от материнских портретов это лицо было суровым, очень суровым, взгляд — тяжелым и меж бровей — две неизгладимые морщины, прорезанные заботами и глубокими, истовыми раздумьями.

Снова он чувствовал, что предназначен исполнить великую миссию. Он понимал преимущества парламентского лагеря: единство в борьбе против коварного Карла, единство в вере, сознание правоты своего дела, национальное единство, наконец. Против него же выступали разрозненные и враждующие между собой силы: ирландские католики, уэльские англикане, шотландские пресвитериане, английские роялисты, ненавидевшие и подозревавшие друг друга.

Утром 8 мая, не доезжая двух миль до Глостера, Кромвель остановил войска, чтобы произвести смотр. Около шести с половиной тысяч человек — кавалерия и пехота — выстроились перед ним в широкой долине. Самые верные, испытанные в боях офицеры стояли в рядах, его выученики и товарищи: Прайд, Ивер, Оки, Хортон. Утреннее солнце поблескивало на дулах мушкетов, на легких латах пехоты, на шлемах драгун. Они были прекрасно вооружены — его солдаты. Ему не хватало только тяжелой осадной артиллерии, обоз должен был прибыть позже.

Кромвель пришпорил коня и подъехал к головному отряду.

— Солдаты! — крикнул он и с удовольствием заметил, как мгновенно выровнялись и притихли ряды. — Я много раз рисковал своей жизнью вместе с вами, и вы вместе со мной. Мы боролись против общего врага нашей страны и против куда более

могучих сил, чем сейчас. И потому давайте призовем на помощь всю нашу решимость и будем биться с той же отвагой и верностью, с какой бились всегда! Вместе победим или умрем вместе!

Каски полетели в воздух, дружное «ура» было ему ответом. Ветераны Марстон-Мура и Нэсби, его «железнобокие», громкими криками выражали ему свою преданность. На поле битвы они не задумываясь готовы были жертвовать собой, сражаясь бок о бок со своим командиром. Он с чувством, похожим на раскаяние, вспомнил Уэр, треск барабанов, последние судороги залитого кровью Арнольда…

Осада Пемброка затянулась. Древний замок, заложенный еще во времена норманнского завоевания, был поистине неприступной твердыней. Он стоял на узком мысу, глубоко выступающем в море. В часы прилива волны плескались у самых его стен, уходящих ввысь на 75 футов. От суши его отделял глубокий ров. Ширина стен достигала 20 футов, но главное — замок прекрасно снабжался пресной водой: в толще известняка, на котором он стоял, имелась пещера, и в ней, в глубине, — источник. Помимо того, вода шла по трубе из города. Замок защищали около трехсот бывших солдат парламента во главе со старым циником Пойером и майор-генералом Догарном. Они знали, что, если замок падет, им, ренегатам, не дождаться пощады. Отчаянная решимость и надежда на помощь с моря придавали им силы.

Да, осада непредвиденно затягивалась, и бодрые донесения Кромвеля, полные уверенности в скором падении замка, оказывались, увы, пустыми словами. Положение его отрядов было тяжелее, чем ему хотелось бы признать. Им не хватало самого необходимого: обоз с тяжелыми пушками застрял где-то по дороге, а легкие малокалиберные кулеврины могли разве что снести несколько мельниц и поджечь два-три дома, не более. Стены же оставались неуязвимыми. Осадные лестницы оказались бесполезны: они были слишком коротки, с ними нельзя было решаться на штурм.

Его солдатам приходилось туго. Говорили, что осажденные уже поедают своих коней, но и осаждающим было немногим лучше. Те хоть жили в домах, под крышами, а тут приходилось второй месяц стоять походным лагерем, в палатках, пропитавшихся сыростью от частых дождей. С продовольствием того хуже. Страна вокруг нищая, а последние неурожайные годы и вовсе ее опустошили. Жители приносили только хлеб, и то по

непомерно высокой цене. А где взять денег, если жалованье из Лондона опять запаздывало?

В округе то здесь, то там вспыхивали мятежи, ходили слухи о каких-то заговорах…

Наконец 4 июля прибыли корабли с долгожданной тяжелой артиллерией, и осада пошла веселее. Пушки били в одну точку, от гулких ударов земля вздрагивала и рвалась из-под ног, темное пятно на стене все расширялось. Замок был обречен. В это время к Кромвелю явился неизвестный, назвавшийся Эдмундсом. Он знает, где проходит труба, по которой пресная вода течет в крепость, сказал он. Труба была перекрыта, и 10 июля Кромвель послал командиру изнемогающего гарнизона ультиматум. *«Без лишних угроз,* — писал он, — *я должен сказать вам, что, если мое предложение будет отклонено и тем самым несчастье и гибель обрушатся на бедных солдат и ваших людей, я буду знать, с кого взыскать за кровь, которая при этом прольется…»*

На следующий день замок сдался на милость парламента.

Что делалось с погодой! Видно, силы небесные вконец разгневались на бедную Англию и посылали дожди за холодами, ветры за промозглыми туманами. Лето так и не наступало, хотя стоял уже июль. По такой погоде, в грязи и сырости, Кромвель шел со своими солдатами на север. Главная угроза надвигалась теперь оттуда. Еще 1 июня перешел в руки роялистов Понтефракт — важный стратегический пункт с хорошо укрепленным замком. Мятежи вспыхнули в Норгемптоншире и Линкольншире. Но самый страшный удар последовал 8 июля: герцог Гамильтон с шотландской армией в 20 тысяч человек перешел границу. Это было уже иноземное вторжение.

Ламберт, несмотря на все свои дарования, не мог сопротивляться с четырьмя тысячами солдат и стал постепенно отходить к югу, ожидая подкреплений. Кромвелю пришлось спешить на выручку. Нельзя было допустить, чтобы великое дело, за которое сражались столь ожесточенно в течение шести лет, пало под ударами шотландцев. Ведь если они победят, король, без сомнения, будет восстановлен на троне, а английская нация порабощена.

Кавалерию Кромвель послал вперед, а сам пошел с пехотой. За его спиной, меся грязь, шагали три тысячи человек — голодные, измученные долгой осадой, неотдохнувшие. Хуже всего было с обувью: почти у всех башмаки износились, чулки были в дырах. *«Мои бедные истомленные солдаты,* — писал в донесении Кромвель, — *дошли до Глостера. Для долгого похода на север они*

крайне нуждаются в обуви и чулках». Жалованье все не приходило. Злокозненные роялистские листки утверждали, что пехота его застряла в болотах у Монмута и взбунтовалась, требуя денег. «Без денег же они, как и их офицеры, перестают быть людьми из металла, — острили роялисты. — Они вовсе не хотят идти на север, да и нос почтенного Нола смотрит на восток, к Вестминстеру».

Это были ложные слухи. Кромвелевские солдаты, голодные, в изорванных мундирах, лишенные самого необходимого, шли вперед, свято веря в правоту своего дела. Они сознавали, что от их действий зависит судьба Англии, судьба революции. Да и сам Кромвель понимал, что должен выиграть битву во что бы то ни стало — или погибнуть.

11 августа возле Лидса его армия соединилась с войсками Ламберта. Кромвель подсчитал, что в его распоряжении было теперь 9 тысяч человек, а у шотландцев (включая ирландскую армию Монро и английских роялистов) — 24 тысячи. Он, конечно, преувеличивал — на самом деле разница была не столь велика. Кроме того, шотландские войска ни в какое сравнение не шли с его «железнобокими». Значительная их часть были новобранцы; многие не умели владеть пикой или плохо держались в седле. Вооружение оставляло желать лучшего, лошадей не хватало. Снабжение было плохое, и солдаты грабили местное население, чего Кромвель никогда не допускал. Генералы ссорились между собой, а их главнокомандующий — сын старинного рода Гамильтонов — был начисто лишен способности управлять войском.

Пока Кромвель спешил на север, чтобы сразиться с врагами английской независимости, пресвитериане в парламенте продолжали плести свои злостные интриги. Окрыленный боевыми победами Кромвель во главе победоносной армии представлялся им куда опаснее короля. Его замыслили уничтожить. 2 августа некто Хентингдон, майор из собственного кромвелевского полка, явился в парламент с доносом. Он обвинял лейтенант-генерала в государственной измене. Дело было нешуточное: Кромвель, говорилось в бумаге, вел частные переговоры с королем якобы для того, чтобы достигнуть мира; на самом же деле он собирался погубить его величество и всю королевскую семью, низвергнуть парламент и единоличным правителем стать у власти.

Лорды встретили эту грубую клевету весьма благожелательно. В палате общин кое-кто также был не прочь

дать ей ход. Но вот беда: по обычаю донос следовало громко прочесть в палате одному из ее членов, только тогда общины могли приняться за его рассмотрение. Но смельчака в палате не нашлось. Никто не смог, не решился публично обвинять Кромвеля. Великий воин казался опасным даже на расстоянии. Донос так и не был публично заслушан в Вестминстере. Зато Хентингдону разрешили напечатать его, и клевета быстро распространилась.

На следующий день после появления Хентингдона парламент сделал еще один ход. Отнюдь не горевшие любовью к левеллерам, пресвитерианские заправилы проявили к ним неожиданную милость. 3 августа они выпустили из тюрьмы недавнего обвинителя Кромвеля, главу левеллеров Джона Лилберна, острый язык и бесстрашное перо которого были известны всей Англии. Это он год назад не побоялся обвинить Кромвеля в измене. Теперь они надеялись, что Лилберн возобновит свои нападки.

Но они просчитались. Честный Джон не захотел всадить своему недавнему врагу нож в спину. Наоборот, к недовольному изумлению пресвитериан, он со всей прямотой заявил, что поддерживает лейтенант-генерала. Он написал Кромвелю Письмо: «Я не отказываюсь ни от моих прежних принципов, ради которых я рисковал жизнью, ни от вас, если вы будете тем, кем вам надлежит быть… Я мог бы отплатить вам, но я не унизился до этого, особенно когда узнал, что вам сейчас приходится трудно, и уверяю вас: если я когда-нибудь подниму на вас руку, то это случится лишь тогда, когда вы будете прославлены и покинете пути правды и справедливости. Но пока вы твердо и беспристрастно идете этими путями, я — ваш до последней капли крови».

Только застав врага врасплох, Кромвель мог рассчитывать на победу. Перед ним было два пути: либо идти южным берегом Риббла и напасть на Гамильтона с юга, преградив ему дорогу к Лондону и заставив повернуть обратно к Шотландии; либо, двигаясь с севера, отрезать врагу возможность отступления на родину. Второй путь был намного рискованнее: в случае неудачи дорога на Лондон для шотландцев осталась бы открытой. Но зато победа означала бы полный разгром шотландской армии, окруженной враждебным населением. И Кромвель выбрал второе.

Густой туман висел над равниной, мелкий дождик сеялся на огороженные поля, когда на рассвете 17 августа он дал приказ наступать. Солдаты Лангдейля, расположившиеся в палатках между изгородями (накануне они рыскали по округе в поисках

поживы), все еще ничего не подозревая, мирно спали. Бешеная атака «железнобоких» захватила их врасплох. Около четырех часов шла рукопашная в страшной грязи между изгородями. Клубы дыма, смешавшись с туманом, заволокли равнину. Пули и легкие ядра свистели в воздухе.

Кромвель направил коня в самое опасное место. Узкая, скользкая дорожка между двумя высокими плетнями, вся покрытая жидкой грязью, была занята кавалерами. Дорожка вела к Престону — ее необходимо было очистить. «Генерал подъехал к нам, — вспоминал участник битвы, — и приказал выступать; половина наших людей еще не подошла, и мы попросили отсрочки. Он бросил только одно слово: „Марш!“ — и мы, перемахнув через болотце, бросились в эту канаву. Враги принялись удирать — это был отряд новобранцев. Они стреляли, и все мимо; это так ободрило наших, что они отважились еще на одну попытку. Майор приказал мне с несколькими солдатами скакать к следующей изгороди; мы добрались до ее конца, и тут враги, многие из них, побросали оружие и побежали. Нам достался целый лес пик и масса знамен».

В это же самое время Гамильтон в Престоне готовился со своей армией переправляться через Риббл. Внезапное появление парламентских войск отрезало шотландцев от кавалерии Монро, которая поспешила на север. Растерявшиеся, в панике, вплавь и по мосту они перебирались через вздувшуюся, бурлившую реку. Гамильтон пытался со шпагой в руке остановить бежавшее войско. Он снова и снова призывал «еще раз сразиться за короля Карла!», но все было тщетно. Одним из последних переплыв мутный поток, Гамильтон понял, что его дело проиграно.

Престон был взят. *«Ничто, кроме ночи,* — писал в этот вечер Кромвель, — *не мешает нам сокрушить армию врага».* Победа была полной — *«враг потерял почти всю свою амуницию и около 4 тысяч оружия, так что большая часть пехоты разоружена».* Солдаты были страшно измучены — день начался рано — и очень голодны. Многим из них не удалось найти крова на ночь, сон свалил их прямо на траве, под открытым небом. Дождь продолжал лить не переставая.

На следующее утро, оставив часть войска удерживать Престон, Кромвель устремился в погоню за врагом, отступавшим к югу. Дождю, казалось, не будет конца, и обе армии в большой спешке двигались по слякоти и болотам. *«Я в жизни никогда не скапал по такой дороге»,* — признается позднее Кромвель. Миддлтон, скакавший с юга на помощь шотландцам, разминулся с ними и наткнулся на отряд кромвелевской кавалерии. Роялисты снова были опрокинуты.

Возле Уигана погода немного прояснилась, небо посветлело, и Гамильтон приказал двигаться ночью, надеясь пересечь Мерсей у Уоррингтона и соединиться с роялистами, еще державшимися в Северном Уэльсе. Но Кромвель шел за ними по пятам. 19-го он настиг врага в трех милях от Уоррингтона. *«Мы смогли навязать им бой,* — сообщал он в парламент, — *когда подошла вся наша армия. Они укрепились в ущелье и удерживали его с большим упорством несколько часов. Атаки следовали одна за другой, много раз доходило до рукопашной. В какой-то момент наши войска было дрогнули, но потом, благодарение богу, восстановили порядок и выбили врага с занятой позиции. Около 1000 их убито и 2000 взято в плен. Мы преследовали их до города, где была построена мощная баррикада. Когда мы подошли к ней, мне вручили письмо от лейтенант-генерала Бэйли с предложением капитуляции, на что я согласился. Мы получили все их снаряжение, около 4 тысяч полных комплектов оружия и столько же пленных. Так что пехоты у них более не осталось».*

Гамильтон с трехтысячным отрядом кавалерии бежал в Чешир, и Кромвель не стал его преследовать. Он сам и его люди были слишком измучены. *«Если бы у меня было 500 свежих лошадей и 500 проворных пехотинцев,* — признавался он, — *я уничтожил бы их; но мы так устали, что едва ли сможем идти за ними шагом».* В девять дней он прошел, сражаясь, 140 миль. Его задача была выполнена: с шотландским вторжением покончено.

Битва при Престоне имела для исхода второй гражданской войны то же значение, что битва при Нэсби для первой. Надежды роялистов рухнули. Армии их более не существовало. Вскоре по получении известия о победах Кромвеля сдался Колчестер. «Среди пуританской братии, — саркастически писал роялистский листок, — не слышно ничего, кроме триумфа и радости, песен и веселья по поводу их счастливого успеха (благодаря, во-первых, дьяволу, а во-вторых — носу Нола Кромвеля)».

Но ни дьявол, ни тем более нос были ни при чем: врага одолело высокое полководческое искусство Кромвеля, способность использовать момент, наносить стремительные удары, поддерживать единство и дисциплину в армии. Его солдаты в любых превратностях умели сохранить высокий боевой дух, они были послушны и преданы своему командиру. Он же всегда отечески заботился о солдатах и их нуждах, не оставлял раненых, помогал семьям погибших.

Врага одолела народная армия, все еще верившая, что борьба ее не напрасна, что революция победит и справедливость восторжествует.

Далеко не с восторгом встретили парламентские пресвитериане весть о победе армии. Растущая сила кромвелевского войска разжигала самые худшие их опасения. Власть, мирная жизнь, полные кошельки, все, чего так жаждали заседавшие в палате джентльмены и респектабельные дельцы из Сити, — все оказывалось под угрозой. На следующий же день по получении известия о битве у Престона общины стали предпринимать шаги к организации переговоров с королем. Еще через два дня был назначен специальный комитет для переговоров. Чтобы не позволить пресвитерианам взять все дело в свои руки, некоторые индепенденты постарались войти в этот комитет. Среди них был Генри Вэн-младший, мистик и Дон-Кихот, несгибаемый Вэн, друг Кромвеля, про которого говорили, что он в палате то же самое, что Кромвель вне ее. Комитет должен был поехать к королю, на остров Уайт.

Возмущению народа не было границ. Опять переговоры с этим кровавым преступником! Один за другим выходили памфлеты, в которых бурлило и изливалось недовольство. Спор между парламентом и королем ведется о том, чьим рабом должен быть народ, писали левеллеры. Они хотят снова договориться, а все бремя неразрешенных трудностей понесут на своих плечах те, кто «работает на фермах, в ремесле и получает малую плату».

11 сентября левеллеры подали в парламент петицию, подписанную несколькими тысячами человек. Говорили, что автором ее был член парламента, фрондер и остряк, убежденный республиканец Генри Мартен. Петиция требовала демократических реформ — установления равенства всех перед законом, свободы личности, неприкосновенности имущества. Она ратовала за отмену монополий, акцизов, церковной десятины. Но главное — петиция требовала разрыва всяких отношений с королем и привлечения его к суду. Тот, кто ее составил, осмелился призывать палату общин объявить себя верховной властью в стране!

Кромвель между тем снова шел на север. Послав Ламберта с двумя тысячами кавалеристов вдогонку за Гамильтоном, он повернул назад, чтобы перерезать путь англо-ирландским роялистам Монро, бежавшим из-под Престона. Он опасался, что это шеститысячное войско может напасть на Престон, где роялистских пленников скопилось больше, чем солдат гарнизона. Но Монро и не думал нападать на непобедимых; он скрылся в горах Шотландии. Гамильтон, Лангдейл, Миддлтон с последними

жалкими отрядами приверженцев вскоре были разбиты и пленены.

К шотландской границе Кромвель подошел 12 сентября. Он разместил солдат и занялся неотложными делами. Следовало вступить в переговоры с шотландцами, добиться сдачи Бервика и Карлайла, решать вопросы о продовольствии, одежде, жалованье для армии. К этим заботам прибавилась еще одна: он узнал, что некоторые из его солдат виновны в грабеже, за который он так сурово порицал шотландцев. Этого он не терпел. Он приказал отдать виновных под арест, вернуть награбленное добро владельцам; весь полк, в котором случилось безобразие, был отправлен в тыл, в Нортумберленд. По всем армейским подразделениям полетела сердитая прокламация:

«Если какой-нибудь офицер или солдат под моим командованием будет отбирать или требовать у населения деньги, или захватит лошадей, имущество или продовольствие, или будет плохо обращаться с людьми, он будет судим военным судом; виновный будет наказан смертью».

Взоры его обратились к Шотландии. Перед ним за рекой лежала пустынная, сумрачная страна с покрытыми густым лесом горами, на которых высились неприступные мрачные замки, с бурлящими потоками и тихими, притаившимися среди зарослей озерами. Стране этой никогда нельзя было доверять: могущественные кланы головорезов готовы были восстать против любой власти; союзы между ними заключались и распадались, они вечно враждовали между собой, но и готовы были всегда, презрев вчерашнюю распрю, объединиться для нападения на общего и вечного врага — Англию. До недавнего времени здесь властвовала партия знати — партия Гамильтонов, Ланарков, Лаудердейлов, желавшая договориться с королем ценой не слишком больших уступок. Это они отправляли послов на остров Уайт к Карлу, это они подписали тайные декабрьские соглашения. Но разбив Гамильтона на поле сражения, Кромвель нанес непоправимый удар этой партии и внутри страны. Подняли голову смертельные враги Гамильтонов и знати — партия пресвитерианской «кирки», партия фанатичных, диковатых западных кальвинистов, «виггаморов» (от них позднее произошло название вигов).

Их возглавлял Арчибальд Кэмпбелл, маркиз Аргайл — фигура внушительная, под стать самому Кромвелю. Глава древнего разветвленного клана, фанатичный последователь «шотландского Кальвина» — Джона Нокса, насупленный и косоглазый, он воспротивился попыткам Карла I насадить в Шотландии англиканство и еще в 1638 году был за это

подвергнут опале. В 1643 году он заключил союз с английским парламентом, через год командовал шотландскими войсками, вторгшимися в Англию. Его девизом была независимость во что бы то ни стало — независимость Шотландии, независимость «кирки». Он восстал против договора с королем в 1647 году, был побежден Монтрозом и Гамильтоном и затаился до времени в своем горном владении.

Теперь настала пора ему торжествовать. Верные западные кланы поднялись с оружием в руках сразу же, как стало известно о поражении Гамильтона. В несколько дней они овладели Эдинбургом, свергли сторонников враждебной партии, разогнали парламент, собрали новый и теперь, усмирив страну, смотрели на Кромвеля, ждали, что он предпримет.

Кромвелю надо было воспользоваться изменившейся столь благоприятно для него обстановкой. Довольно воевать, с Шотландией следовало помириться и заключить союз — бог знает, что ждет его в Лондоне. Пусть шотландцы угомонятся и занимаются своими внутренними делами — он мешать им не собирался, лишь бы они немешали ему. Но сейчас, когда он был в силе, недурно показать им эту силу.

Он дал приказ армии форсировать Твид 21 сентября. Навстречу ему с лордами, с представителями «кирки» ехал маркиз Аргайл. Два великих человека, столь же различные по темпераменту, как и по религиозным убеждениям, встретились, состоялись переговоры. Кромвель потребовал сдачи английских крепостей — Бервика и Карлайла — и отказа в приеме беженцам-роялистам. Это вполне устраивало Аргайла; комендантам крепостей были посланы приказы сложить оружие. 4 октября Кромвеля торжественно пригласили в Эдинбург.

Его принимали как вождя дружественной державы. Прекрасный старинный дом, куда его поместили, великолепные банкеты, хвалебные речи, — все это говорило о том, что новые шотландские власти желают прочного мира с революционной Англией. Духовенство выразило ему благодарность и назвало «божьей милостью охранителем Шотландии». «Кирка» и комитет сословий говорили о братской любви к английскому народу. Собственно, именно это и было нужно Кромвелю. Он потребовал одного: чтобы они устранили с государственных постов всех врагов соглашения. Это условие было с готовностью принято. Остатки роялистских войск в Шотландии сами сложили оружие. Шотландский «мятеж» завершился.

Кромвель часто виделся и подолгу говорил с Аргайлом. О чем они договаривались? Позднее роялисты утверждали, что речь шла о ниспровержении монархии. Они хотели, говорил Кларендон,

«держать короля всегда в тюрьме, а самим править без него в обоих королевствах». После реставрации этим слухам поверили, и Аргайл был казнен за участие в «цареубийстве». Но Кромвель в это время вряд ли помышлял о свержении короля: он был слишком занят войной.

— Что вы думаете о монархическом правлении? — спросили его как-то шотландцы.

— Я за монархическое правление, — не сморгнув ответил он, — причем в лице данного короля и его потомков.

— А каково ваше мнение о религиозной терпимости?

— Я всецело против терпимости.

— А что вы думаете о церковном управлении?

Этот вопрос был слишком каверзным. Кромвель ответил, что ему нужно время на размышление. Он и так уже покривил душой, высказавшись против терпимости. Сказать же фанатикам пресвитерианам, что он — за свободное, индепендентское устройство церкви, значило нарушить общий благостный, хотя и настороженный, характер беседы.

Выходя из залы, где происходило совещание, двое шотландцев перемигнулись.

— Я очень рад, — тихо сказал мистер Диксон, — слышать из уст этого человека такие речи.

— А вы в самом деле верите ему? — еще тише ответил мистер Блэйр. — Если бы вы знали его так же хорошо, как я, вы бы не поверили ни одному его слову. Он отъявленный притворщик и великий лжец.

Шотландцы, конечно же, не доверяли Кромвелю. Их спокойствие, доброжелательство, готовность к союзу — все это до поры до времени. Чуть что не так — берегись, Непобедимый! Твои вчерашние друзья окажутся злейшими твоими врагами.

Но пока он довольствовался тем, что есть. Что же касается судьбы монархии — он еще не помышлял об этом всерьез. Час еще не настал, и важно было сказать то, что нужно сказать в данный момент данным людям. Главное — он хотел мира и добрых отношений между английскими индепендентами и шотландскими пресвитерианами. *«Я желаю от всего сердца,* — писал он позднее, — *я молю бога, я мечтаю увидеть тот день, когда единство и доброе взаимопонимание будут установлены между всеми народами божьими — между шотландцами, англичанами, иудеями, язычниками, пресвитерианами, анабаптистами и всеми… Надо ли было быть с ними учтивыми и дарить им любовь, чтобы вести с ними дело начистоту и устранить всякие предубеждения? Надо ли было спросить их, что они имеют против нас, и дать им честный ответ? Это мы*

сделали, — и не больше того; на наш взгляд, это гораздо более славная победа, чем если бы мы захватили в свои руки и ограбили Эдинбург и силой покорили всю страну от Твида до Оркнейских островов…»

2. Насилие над парламентом

Осада Понтефракта, последней твердыни кавалеров на английской земле, давно уже потеряла характер серьезной военной операции. Командовал осадой Генри Чолмли, йоркширский дворянин, одержимый непомерной гордыней, но начисто лишенный организаторских способностей. Он отказался принять помощь полковника Рейнсборо, посланного Фэрфаксом, и вел осаду сам, медленно, вяло, небрежно. Замок, по существу, не был блокирован: роялисты, когда хотели, свободно разгуливали по окрестностям, крадя у крестьян скот и зерно. Несколько раз они делали вылазки и успешно атаковали осаждающих. Иногда они, наоборот, братались с парламентскими солдатами, и тогда «брат кавалер» и «брат круглоголовый» пускали чашу по кругу.

В начале октября они узнали, что к замку подошел вернувшийся из Шотландии Кромвель. Блокада заметно усилилась. Шестьсот пятьдесят человек, которые защищали замок, поняли, что они обречены, и настроение отчаянной, сумасбродной смелости овладело ими. Они задумали рискованную выходку: похитить полковника Рейнсборо, остановившегося со своим отрядом в Донкастере, и обменять его на схваченного в Ноттингеме Лангдейла.

29 октября рано утром несколько роялистов, одетых в форму парламентской кавалерии, выехали из Понтефракта и вскоре были уже в Донкастере. Стражникам, стоявшим у дверей дома, где жил Рейнсборо, и в голову не пришло, что это враги. Пока они обменивались последними лондонскими новостями, двое поднялись в комнату Рейнсборо. Он еще спал. Его разбудили и сказали, что согласно приказу Кромвеля пришли его арестовать. Рейнсборо оделся и, ошеломленный, вышел на улицу. Его тут же повели к ждавшим за углом оседланным коням. Сообразив, в чем дело, и видя, что охраны не так уж много, он вырвался и побежал. Его догнали, и несколько человек одновременно вонзили в него кинжалы. Прежде чем солдаты его гвардии успели сообразить что-либо, роялисты вскочили на лошадей и умчались..

Весть о зверском убийстве одного из самых стойких борцов революции, совершенном к тому же в двух шагах от его лагеря, наполнила сердце Кромвеля тревогой и печалью. Да, он не соглашался с резкими доводами Рейнсборо в Пэтни, его шокировали та прямота и категоричность, с которыми он требовал уравнения в правах богатых и бедных жителей королевства. Но теперь он ощутил, что потерял надежного

товарища, смелого соратника, непримиримого противника пресвитериан, роялистов, самого короля… В этом убийстве он увидел намеренную расправу с одним из главных сторонников суда над Карлом.

В Лондоне, однако, ни о каком суде и не помышляли. Наоборот, была предпринята еще одна попытка договориться. 18 сентября в Ньюпорте, городке на острове Уайт, начались переговоры с королем.

Карл, освобожденный от стражи и сопровождаемый, как некогда, блестящей свитой вельмож, богословов, адвокатов, капелланов, камергеров, лакеев, пажей (парламент вновь дозволил им служить своему господину), переехал из Кэрисбрукского замка в один из частных домов Ньюпорта. В этот городишко съехались его многочисленные сторонники, тайные и явные помощники. В короткое время Ньюпорт оказался настолько наводненным ими, что парламентские комиссары три дня не могли найти себе подходящей квартиры.

К королю обращались с величайшим почтением. Ему были предложены весьма мягкие условия: отменить все свои декларации против парламента; ввести в стране на три года пресвитерианское устройство церкви; на 20 лет передать управление милицией парламенту.

Король, сидевший на возвышении под балдахином и окруженный услужливыми советниками, начал лавировать. Ему надо было затянуть переговоры как можно дольше, обмануть бдительность своих стражей — ведь именно в это время он, как никогда, надеялся на помощь извне. Тридцатилетняя война в Европе закончилась, и можно было ожидать поддержки и от Франции, и от Испании. Из Ирландии приходили обнадеживающие вести от Ормонда. И Карл, отнюдь не считая себя коварным, но лишь желая спасти всеми мерами то, что было, он полагал, законным его достоянием, писал Ормонду: «Хотя вы и услышите, что этот договор близок к заключению, — не верьте этому, но следуйте путем, который вы избрали, со всем возможным усердием; сообщите этот мой приказ всем вашим друзьям, но тайно». Подобно своей знаменитой бабушке, он ни один договор со своими подданными, будь он даже скреплен его собственным королевским словом, не считал для себя обязательным. Он торжественно обещал парламенту не предпринимать никаких попыток к побегу в течение сорока дней, назначенных для переговоров, — и в то же время писал одному из тайных приверженцев:

«Буду с вами откровенным, все важные уступки, сделанные мною в отношении церкви, армии и Ирландии, имеют своею целью лишь облегчить мой побег. Без этой надежды я никогда бы не уступил».

Но именно это двурушничество Карла, его лживость, бесконечные проволочки, а еще больше — примирительная позиция пресвитериан — вызвали новое бурное возмущение среди сторонников революции. Во многих графствах прошли шумные собрания в поддержку требований левеллеров. В парламенте республиканцы заговорили в полный голос. Даже богатый купец Денис Бонд заявил во всеуслышание: «Скоро настанет день, когда мы своею властью повесим самого высокого из этих лордов, если он заслуживает того, без всякого согласия его пэров».

Возобновились волнения в армии. Петиции о прекращении переговоров и организации суда над королем подали полки Айртона, Флитвуда и других ведущих офицеров. Заволновались и солдаты, осаждавшие Понтефракт.

Под Понтефрактом было тревожно. Солдаты злобно косились на неприступный и мрачный замок, возвышавшийся над унылой равниной. Они опять сидели без денег — жалованье из Лондона не высылали. Выданные парламентом башмаки давно прохудились, мундиры обтрепались. Расположиться в домах окрестных жителей лейтенант-генерал не позволил. Он заботился о крестьянах, которые и так уже достаточно пострадали от кавалеров. О том, чтобы сунуть нос в погреб или на скотный двор, нечего было и думать: все хорошо помнили беспощадный приказ о мародерстве. Приходилось стоять лагерем под открытым небом, проклиная сырую холодную осень. А таинственный замок, помнивший еще кровавые времена Ричарда II, не поддавался ни ударам осадной артиллерии, ни подкопам.

Любое известие из Лондона ловили с жадностью, читали и передавали из рук в руки левеллерские памфлеты. Конечно, солдаты всей душой были с теми, кто требовал суда над главными преступниками. Это они, надутые вельможи и королевские прихвостни, заставили армию

голодать, мерзнуть и проливать кровь, это они предали англичан шотландцам. Да что там! Во всем виноват сам король! Не было бы его — не было бы и войны. К ответу его! Мысль о суде над кровавым преступником Карлом Стюартом никому уже не казалась невероятной. 10 ноября представители полков северной армии встретились для того, чтобы присоединиться к петициям

южных войск.

Кромвель помрачнел. Складки между бровями, и без того никогда не расходившиеся, стали еще глубже. Всегда, когда предстояло важное решение, он уходил в себя, несколько дней отмалчивался. Надо бы дать понять тем, в Ньюпорте, кто всей душой желал договориться с королем, что армия не благословит такого мира. Но как это сделать? Как в смутное время доверить свои мысли гонцу, будь он хоть трижды надёжным человеком?

Рано утром 6 ноября он велел подать себе перо и бумагу. Айртон, зять, всегда писал ему ночью, и Кромвель не раз мягко укорял за это своего любимца: когда пишешь о деле, голова должна быть ясной. Лучше всего написать кузену Хэммонду — тому самому, который командует стражей на острове Уайт, а парламентских комиссаров не называть прямо. Пусть Вэн будет «брат Хирон» — эта шутливая кличка ему известна, Пайрпойнт — «дорогой друг». Короля не надо упоминать вовсе.

«Милый Робин, — выводила рука, — *я боюсь, кап бы наши друзья не обожгли себе пальцев, кап уже было не так давно с другими, чьи сердца до сих пор ноют от этого… Как легко ожесточиться против людей, называемых левеллерами, и впасть в другую прайность, ввязавшись в злополучное дело…»*

Надо сказать им, чтобы они не соглашались на установление епископата. Ведь это значит — опять церковные суды, гонения, жесткое единообразие службы… Армия поднимет бунт. Перо опять забегало по бумаге. *«Скажи брату Хирону, нам нет нужды ни в епископате, ни в пресвитерианстве; логично полагать, что ему (они догадаются, что королю?) будет легче тиранствовать при том, что он любит, чем при том, что, как мы знаем, он ненавидит».*

Как бы теперь намекнуть о настроении в армии?.. *«Дорогой Робин, скажи брату Хирону: совесть наша — свидетельство тому, что мы идем в чистоте и божьей простоте, а не изворачиваемся и надуваем и что господь явил нам свое благоволение; я надеюсь, это самое чувство удержит их сердца и руки от того, против кого бог так явно свидетельствует…»* Это опять о короле, они не могут не догадаться. Пусть знают, что армия почти готова объявить большую часть палаты злоумышленниками, разогнать парламент и собрать новый. *«Подумай об этом и о последствиях, и пусть другие тоже подумают».*

Чего доброго, еще сочтут, что он им диктует. Как он может им диктовать! Как может он своей волей направлять события! Рука опять писала: *«Робин, будь честен. Слушайся бога, и он поднимет твой дух и сделает тебя неколебимым перед истиной. Я ничтожное создание, самое ничтожное в мире, но я надеюсь на*

Осада крепости, повседневные заботы о содержании и дисциплине солдат — все это не было теперь главным. Главное происходило в Лондоне. В середине ноября войска под Понтефрактом взбудоражило еще одно событие: стало известно, что офицеры в Сент-Олбансе (может быть, сам Айртон?) составили ремонстрацию на многих листах, в которой требовали суда над королем. Они перечисляли все преступления Карла Стюарта — развязывание войны, кровопролитие, изменнический союз с шотландцами, невыполнение собственных обязательств, произвольные аресты и заключения в тюрьмы невинных, попытка сделать свою власть абсолютной.

Некоторые пункты ремонстрации были прямо списаны с левеллерской программы. Народ является верховной властью в стране, говорилось в ней. Король должен в дальнейшем избираться представителями народа. Нынешний парламент следует распустить и назначить выборы в новый, более справедливо составленный. Если же эти реформы не будут проведены, армия сама возьмется за спасение отечества. А «главный виновник всех наших бед и страданий, король, — писали офицеры, — должен в кратчайший срок предстать перед судом за измену и зло, в которых он повинен».

Отчаянная смелость ремонстрации поразила всех. Ее главные пункты были тут же перепечатаны на отдельных листках, брошюрках и в мгновение ока разошлись по стране. Солдаты и младшие офицеры встретили ее с восторгом. Более осторожные качали головами: такой документ действительно мог привести к низвержению монархии. Ходили слухи, что офицеры заговорили языком левеллеров не случайно. В лондонской таверне «Лошадиная голова» произошла встреча ведущих индепендентов — Айртона, Хью Питерса, Гаррисона — с Лилберном и другими главарями левеллерской партии. Там они и решили, что королю надо отрубить голову, а парламент основательно почистить или распустить вовсе.

Потом стало известно, что 20 ноября офицеры толпой явились в палату общин под предводительством полковника Ивера и вручили свою ремонстрацию. Какая буря поднялась при чтении этой бумаги! Индепенденты повскакали с мест, они громко требовали, чтобы палата выразила благодарность за составление ремонстрации. Пресвитериане не менее горячо порицали ее и предложили оставить без ответа. Им удалось настоять на своем, и рассмотрение ее было отложено. Но

брожение в Лондоне усиливалось, а в армии раздавались голоса: «На Лондон! Займем Лондон и установим свой порядок!»

Кромвель чувствовал, что события надвигаются неотвратимо. Движение армии не остановить, и выбор его предрешен. 20 ноября он пишет Фэрфаксу: *«Сэр, я нахожу весьма большой резон в представлении полков о страданиях и бедах нашего несчастного королевства и великое стремление увидеть справедливый суд над виновниками; должен признаться, я в глубине души с этим согласен».*

Пришло письмо от Хэммонда. Бедный Робин! Он просил отставки. Он больше не мог разрываться между верностью парламенту и верностью командирам армии. К тому же в нем жила естественная для каждого джентльмена непобедимая почтительность к королю. Ну как тут служить тюремщиком, раскрывать заговоры, следить, подозревать… Бедный Робин! Как объяснить ему, что сейчас происходит нечто невиданное, небывалое. Совершается великий переворот и в духе и в судьбе нации.

И снова Кромвель пишет Хэммонду — пишет весь день, забыв о еде, отмахиваясь от донесений вестовых. Тяжкие раздумья о собственной миссии в мире сем, о воле судьбы, мысли о справедливости и законе, о народе, который господь ведет неизведанными путями, — все доверяет он бумаге, не в силах более таить в себе.

«Дорогой) Робин!

Ты хочешь знать, что я сейчас переживаю. Я могу сказать тебе: я все тот же, каким ты знал меня прежде; тело мое греховно и смертно, но, несмотря на немощи его, я жду от господа нашего Иисуса Христа спасения…

Я вижу, дух твой колеблется. Но не называй бремя, которое ты несешь, печальным или тягостным. Если отец твой небесный возложил его на тебя, он знал, что делал. Он испытывает нашу веру и терпение, чтобы вести нас к совершенству».

Незаметно от божественной мудрости он перешел к политике: *«Власть и могущество происходят от бога, но та или иная их форма — создание рук человеческих; и от людей зависит большее или меньшее их ограничение. Я не думаю поэтому, что власти вправе делать все, что им угодно, и что повиновение всегда обязательно; ведь все согласны, что бывают случаи, когда сопротивление властям законно».*

Кромвель впервые так ясно высказал это; он рассуждал теперь, точно левеллер. Неумолимая логика вела его дальше,

«поразмысли сам над вопросами, — продолжал он, — *во-первых, не следует ли признать, что положение «благо народа — высший закон» — здравое положение? Во-вторых, не рискуем ли мы (в случае договора с королем) потерять все плоды нашей победы и вернуться к прежним, если не худшим, условиям и порядкам? В-третьих, не армия ли та законная, власть, которую бог призвал для борьбы против короля?»*

Вот оно! Армия — единственная законная власть в стране. Он с новой силой осознал то, что смутно чувствовал уже весной сорок седьмого года. Не парламент, который давно дискредитировал себя, склоняясь к компромиссу со старым порядком. И конечно, не король — главный преступник, развязавший «зловредную войну». Армия, победоносная армия, которая разметала войска роялистов и теперь единодушно требовала возмездия, справедливости, решительного разрушения монархии.

Противостоять этому движению невозможно. Единственный выход — возглавить его, соединиться со смутьянами, ведь на их стороне сила. А совесть? Сам не замечая того, Кромвель вопрошал уже не Хэммонда, а собственную совесть: *«Что думаешь ты о Провидении, расположившем сердца столь многих людей именно к такому пути — особенно в этой бедной армии, в которой великий бог соизволил явить себя?..»* Он снова и снова убеждал себя, обращаясь к Хэммонду, что бог — на стороне этой армии, этой «горстки людей», которой были дарованы столь блистательные победы. И потому она права в своих требованиях, это бог вразумил ее.

И не надо бояться тех, кого называют левеллерами, и их «разрушительного соглашения», склонившего на свою сторону даже многих хороших людей. Настал их черед сказать свое слово. Дело короля проиграно. Что доброго можно ждать от человека, против которого свидетельствует господь?..

Ноябрьский короткий день кончился; давно пора было зажечь свечи и заняться делами — войско и так уже достаточно времени провело без командира. *«Робин, я кончаю. Давай спросим в сердцах наших, неужели мы думаем, что в конце концов все эти великие дела, подобных которым не могли себе представить многие поколения, завершатся поруганием для добрых людей и успехом для злодеев? Мыслишь ли ты в глубине души, что великие милости господа ведут к этому? Или к тому, чтобы научить свой народ верить в него и ожидать лучшего?.. Господь да будет твоим советчиком».*

Он сделал выбор. Он был отныне с теми, кто шел на полный разрыв с королем. Но что будет потом? Неужели народовластие, которого хотели левеллеры и которое всегда казалось ему, как и Айртону, как и вообще людям их взглядов, недопустимой анархией? А может быть, именно его, Оливера Кромвеля, господь избрал для высшего служения? В самом деле, если король будет казнен, а его потомки отстранены от власти, — кто встанет на его место?

…Король придет, но какой?
Кто сможет стать королем?..

Письмо не успело дойти к Хэммонду. В парламент пришел ответ от Карла. Он сделал некоторые уступки, но не согласился на отмену епископата и разрушение англиканской церкви, хотя бы и временное. «Что выиграет человек, — со скорбной высокопарностью заявил король, — если он приобретает весь мир, но при этом потеряет душу?» На этом ньюпортские переговоры закончились. 25 ноября Хэммонду от имени Фэрфакса было приказано сложить полномочия. 30-го вечером под проливным дождем на Уайт высадились войска, и король был взят под стражу.

1 декабря он был без особых почестей препровожден из Ньюпорта в мрачный и сырой замок Херст на южном побережье Англии. Никакой свиты — ни слуг, ни пажей, — никого, кроме двух камердинеров, не позволили ему взять с собою. Комната, в которую его поместили, была так темна, что даже днем приходилось жечь факелы. От внешнего мира король оказался полностью отрезан. Его стражем был теперь не мягкосердечный Хэм-монд, а молчаливый, суровый Ивер, «кромвелевский полковник», в прошлом «человек в услужении». Условия заключения не позволяли сомневаться: король оказался в тюрьме.

Единственным серьезным препятствием к суду над королем оставался теперь парламент. Он не собирался отступать. Его ненависть к армии усиливалась день ото дня. 22 ноября общины приняли решение о частичном роспуске войск. Терпение офицеров истощилось. В Виндзоре стали готовиться к захвату Лондона и чистке парламента.

Узнав об этом, Лилберн поскакал в Виндзор, прямо к Айртону. Пока не принята новая конституция, нельзя давать воли офицерам, иначе они захватят власть и о народных свободах будет забыто. Лилберн готов уже был к тому, чтобы поднять

лондонских левеллеров против офицеров. Айртон с нетерпением и гневом слушал лихорадочную речь этого вечно беспокойного человека. Он готов был уже сорваться, когда вмешался обходительный Гаррисон. Он предложил создать новое «Народное соглашение»: его разработкой займутся вместе представители армии, парламента и левеллеров. Лилберн утих, поддержка левеллеров была обеспечена.

Общины, как бы желая ускорить катастрофическую для самих себя развязку, 125 голосами против 58 отклонили армейскую ремонстрацию. Неистовый пресвитерианский вождь Уильям Принн, потерявший уши еще при Звездной палате, предложил объявить солдат «мятежниками» и приказать им отойти на почтительное расстояние от Лондона. Но это были уже последние конвульсии обреченной палаты. 30 ноября из печати вышла декларация армейского совета, в которой говорилось, что большинство палаты состоит теперь из изменников; в интересах народа парламент должен быть от них очищен.

2 декабря армия торжественно и угрюмо вошла в Лондон. Фэрфакс с командованием занял королевский дворец Уайтхолл, солдаты под проливным дождем стали лагерем в Гайд-парке.

Кромвель все еще находился под Понтефрактом, хотя происходящее настоятельно требовало его присутствия в Лондоне. В письме к Фэрфаксу он выражал надежду на скорую встречу и называл датой своего выезда 28 ноября. Но и 28-го он еще оставался на месте; в этот день Фэрфакс послал ему срочный вызов, прося присоединиться к нему «с наивозможной скоростью». Курьер с этой вестью мог доскакать до него за 48 часов, и все же выехал Оливер не ранее 1 декабря — дня армейского марша на Лондон и перевода Карла в замок Херст. И несмотря на недвусмысленный приказ главнокомандующего, несмотря на то, что его ожидали в Виндзоре уже 2-го, он въехал в Лондон лишь вечером 6 декабря, когда важнейший акт, ведший к развязке, был уже совершен. Объяснение для такой медлительности может быть только одно: он сознательно не хотел участвовать в чистке парламента.

Он сам был членом парламента. Он до сих пор с уважением относился к конституционным принципам, на которых строилась государственная власть, в частности к принципу личной неприкосновенности членов палаты. Насилие над парламентом — чистка или разгон его вооруженной силой — претило ему и попросту пугало. Армия, разогнав парламент, могла выйти из повиновения. И что тогда? Установление «Народного

соглашения» даже в урезанном виде грозило смести не только его как командира армии, но угрожало благополучию всего его класса — собственников средней руки, живших не очень роскошно, но и «не в безвестности». Однажды учинив насилие над парламентом, восставший народ мог установить свои порядки, и тогда настанет та самая анархия, которой он так боялся. Но помешать ничему он уже не мог. Поэтому лучше всего было предоставить событиям идти своим ходом, а самому пока остаться в тени.

За эти пять холодных дней, пока Кромвель не спеша двигался от Понтефракта к Лондону, конфликт между парламентом и армией не только достиг своего апогея, но и разрешился. 4 декабря, узнав о переводе Карла в замок Херст, парламентские пресвитериане приняли резолюцию, в которой говорилось, что король «переведен без ведома и согласия парламента». После этого стали обсуждаться условия договора с королем. Заседание шло весь день и всю ночь. Принн опять говорил несколько часов; его лицо со шрамом на щеке от клейма палача было страшно. К утру 140 голосами против 104 постановили, что ответы короля удовлетворительны и являются достаточной основой для заключения мира.

В этот же день объединенный комитет индепендентов и левеллеров закончил работу над новым вариантом «Народного соглашения». 5 декабря на совещании офицеров, к которым присоединились парламентские индепенденты, пришедшие прямо с ночного заседания, судьба пресвитериан была решена.

Ветреное, сырое утро следующего дня еще не успело наступить, а жители Лондона были уже разбужены чеканным шагом тысячного войска, подходившего с разных сторон к Вестминстеру. К семи часам все подходы к зданию парламента были заняты солдатами.

У дверей палаты общин встал полковник Прайд со списком в руке. Он, как говорят, начинал свою жизнь в качестве то ли возчика, то ли пивовара; затем выдвинулся как соратник Кромвеля в двух гражданских войнах: отличился при Нэсби и Престоне. Теперь это был известный деятель радикального крыла армии. За его плечами стоял, неизменно улыбаясь, лорд Грей. Когда какой-либо из членов палаты подходил к дверям, Грей называл его имя, а Прайд справлялся со списком. Одним разрешалось войти в зал заседаний, другим Прайд говорил: «Вы не войдете» — и загораживал вход. Исключенных таким образом становилось все больше и больше; поднялся шум. «Я по своей

воле не сделаю ни шага назад!» — крикнул Принн, которого тоже не пропустили в зал. Несколько офицеров под громкий хохот солдат столкнули парламентского ветерана с лестницы.

Вместе с другими «смутьянами» его затолкали в соседнюю комнату. Там набралось около сорока человек. После полудня пришел Хью Питерс со шпагой на боку и стал всех переписывать.

— По какому праву, — обступили его депутаты, — вы схватили нас и держите взаперти? По какому праву вы не даете нам занять свои места в парламенте?

Проповедник, как два года назад корнет Джойс, указал на свисавшую сбоку длинную шпагу.

— По праву вот этой штуки, — сказал он и вышел.

Потом солдаты вывели их из Вестминстера; весь остаток дня и ночь им пришлось провести взаперти в промерзшем подвале близлежащей таверны, известной под названием «Ад».

Протесты палаты, в которой оставалось еще много пресвитериан, обращения ее к Фэрфаксу и к совету армии, требования вернуть на места исключенных членов ни к чему не привели. На следующий день чистка парламента продолжалась. Всего было исключено 143 человека.

Это была знаменитая Прайдова чистка парламента, удалившая из него пресвитериан, которые сопротивлялись революции. Отныне в Долгом парламенте осталось по списку около восьмидесяти членов — все они были индепендентами, сторонниками суда над королем и уничтожения феодальных порядков. Странным образом палата лордов, в которой последнее время собиралось не более десяти человек, осталась нетронутой. На нее попросту перестали обращать внимание.

Вечером 6 декабря, когда чистка в основном была уже закончена, в Лондон въехал Оливер Кромвель. Ему сообщили о происшедшем, и он сказал:

— Я ничего не знал об этом деле; но, поскольку оно совершилось, я рад ему и постараюсь поддержать его.

Возможно, он был действительно рад тому, что произведена чистка, а не разгон парламента. Он двинулся прямо в Уайтхолл — ставку армейского командования — и расположился в покоях короля.

На следующий день Кромвель занял свое место на заседаниях палаты и совета офицеров. Дебаты в урезанной до смешного палате (когда собрался Долгий парламент, она насчитывала более пятисот человек!) начались с сардонической шутки Генри Мартена. Поскольку королю, сказал он, уготован Тофет, вполне логично, что его друзья (он разумел запертых в таверне пресвитериан) отправлены в «Ад». А Кромвелю следует воздать

благодарение за его заслуги. Никто не поддержал шутовского тона Мартена; предложение отметить заслуги Кромвеля было со всей серьезностью подхвачено недавно вернувшимся из Ньюпорта Генри Вэном. Кромвелю торжественно выразили благодарность.

Отныне препятствий к суду над королем не осталось. Сыпавшиеся как из рога изобилия петиции из разных графств, от армейских полков, от граждан Лондона требовали наказать виновников кровопролития в двух войнах. «Справедливости, справедливости!» — этот клич громко раздавался по всей стране. Все дело было теперь в выработке формы обвинения и в организации самого суда.

Кромвель по-прежнему старался держаться в тени. На заседаниях парламента он молчал. А парламент, который посещали теперь не более пятидесяти человек, и многие из них были, как и Кромвель, офицерами, принимал важные решения: во второй декаде декабря он снова издал билль «Никаких соглашений», аннулировал все положения, выдвинутые и принятые в Ньюпорте, вотировал аресты пресвитериан, замешанных в приглашении шотландских войск в Англию.

15 декабря в присутствии Кромвеля было решено перевести короля в Виндзорский замок. Это важнейшее дело поручили полковнику Гаррисону, в прошлом сыну мясника и адвокатскому клерку, а ныне самому горячему поборнику армейских требований, самому неподкупному из офицеров и столь же ревностному в делах политики, как и в делах веры.

Отряд из двухсот всадников, среди которых только двое — король и его слуга Герберт — не были вооружены до зубов, быстро продвигался на север. Из замка Херст выехали 19 декабря. Всегда стремительный принц Руперт на этот раз опоздал: когда он со своим летучим флотом прибыл, чтобы напасть на замок с моря и захватить короля, там уже никого не оказалось. Пленный король ехал по Южной Англии, и в городишках, где всадники обедали и отдыхали, по-прежнему собирались толпы дворян и простых людей: кто просто поглазеть, кто — выразить сочувствие или злобу, а кто — излечиться. Ибо бесхитростные крестьяне до сих пор верили, что прикосновение руки божьего помазанника исцеляет болезни, и несли к нему золотушных детей, вели хромых и увечных. Стража отгоняла их.

Где-то на полпути новый отряд всадников присоединился к процессии. Ими командовал теперь статный, красивый и великолепно вооруженный офицер в колете из буйволовой кожи, в бархатном берете и пунцовом шарфе, Опоясывавшем стройную

талию. Это был полковник Гаррисон. Карл с особым вниманием и опаской приглядывался к нему — во время ньюпортских переговоров его уведомили, что Гаррисон, и никто иной, замышляет его убить. Это он в свое время первый назвал короля «Человек Кровавый». Открытое, честное лицо полковника понравилось королю. Он выбрал момент и обратился к своему конвоиру.

— Я слышал, — сказал Карл, — что вы участвуете в заговоре, имеющем целью меня убить.

— О, не бойтесь, — вежливо ответил Гаррисон. — У членов парламента достанет чести и справедливости, чтобы не прибегать к таким грязным способам. Если они и решат что-либо относительно вас, это будет сделано открыто, судом, на глазах всего мира.

Такие слова несколько успокоили Карла, хотя он никак не мог представить себе, чтобы его, короля Англии, могли судить и открыто обвинять в чем-то его подданные, его слуги… Они не осмелятся на это!

Перевод в веселый и комфортабельный Виндзорский замок наполнял сердце короля надеждой. Он думал, что ветер переменился и готовятся новые переговоры. Поэтому и не решался на побег, который осуществить в дороге было не так-то просто. Заговор его приспешников, тайно следовавших за кавалькадой, состоял в следующем: недалеко от поместья лорда Ньюберга, в конюшнях которого находился самый быстрый в Англии рысак, конь короля должен был захромать. Взамен ему могли предложить этого рысака — на нем Карл легко мог ускакать от любой погони. Но когда прибыли в поместье, выяснилось, что рысак накануне ушиб ногу, и заговор провалился. Король, впрочем, не особенно огорчился: он ждал, что ему преподнесут в Лондоне.

23 декабря прибыли в Виндзорский замок, и короля поместили под двойной охраной. В инструкциях коменданту говорилось, что стража вокруг замка и покоев Карла Стюарта должна нести службу днем и ночью; что число личных слуг его должно быть предельно сокращено; один из офицеров обязан круглые сутки находиться с королем. Прогулка разрешалась только по террасе замка; всякие свидания были воспрещены. Из города удалялись все «злонамеренные», подозреваемые в роялистских симпатиях, все бездельники и бродяги, которые могли бы устроить смуту и помочь королю бежать.

Лондон напоминал военный лагерь перед решающим

сражением. Старшие офицеры днем заседали в палате, а ночью — в совете армии, который был переведен в Уайтхолл. Бывший блистательный королевский замок, наполненный заморскими коврами, драгоценными картинами и изящной французской мебелью, превратился теперь то ли в казарму, то ли в государственное учреждение. Сюда, в центр грозных событий, перебрались из своих домов члены парламента и одновременно офицеры армии Гаррисон, Флитвуд, Хетчинсон, Айртон, Ингольдсби, Ледло. Спали урывками, часто днем, в роскошных королевских постелях под балдахинами. Здесь собирался армейский совет, сюда приходили левеллеры для обсуждения с офицерами «Народного соглашения».

Эти обсуждения ни к каким существенным решениям не приводили. Напрасно агитаторы снова и снова призывали допустить народ к управлению государством. Большинство в совете составляли «шелковые индепенденты», их слова звучали громче, дружнее, они заволакивали, словно туманом, ясные требования уравнителей, и от этих требований оставались лишь пустые слова. В конце концов дело было представлено в парламент и отложено ввиду приближающегося суда над королем.

Народ волновался. Речи проповедников становились все более угрожающими. «Горе тебе, земля, — говорили они, — когда царь твой — дитя».

Это были мучительные дни для Кромвеля. Он понимал, что час Карла Стюарта пробил, и отнесся к предстоящему суду над монархом со всей подобающей серьезностью. Но он искал — и перед народом, и перед историей, и перед совестью своей — оправданий тому, что

должно было свершиться. Несколько раз он тайно посетил заключенного в тюрьму лорда Гамильтона — того самого, который не так давно сражался против него во главе шотландских войск. Кромвель, как говорили, добивался, чтобы Гамильтон выдал, кто пригласил его войти с войском в Англию. Может быть, в этом тягчайшем преступлении против страны повинен сам король? Или его ближайшие советники — роялистские лорды? Тогда обвинение против них получило бы достаточную силу. Но Гамильтон был непреклонен. Даже перед лицом смерти он отказался выдать союзников.

18 декабря Кромвель имел секретное совещание с некоторыми лидерами парламента и армии. На следующий день он принял их в Уайтхолле, лежа в королевской постели. Он все

еще колебался. Когда речь заходила о суде над королем, он требовал сначала судить главных преступников — лордов Норича, Кэпелла и других, развязавших вторую гражданскую войну. Один из кавалеров писал 21 декабря: «Разная мелкота из левеллеров более всего жаждут смерти короля, но теперь — странно сказать — меня уверили, что Кромвель отступился от них, его и их планы несовместимы, как огонь и вода. Они замышляют чистую демократию, а он — олигархию; оказывается, их дикую ремонстрацию и планы лишить короля жизни он поддерживает только для того, чтобы заставить левеллеров обнаружить все свои зловредные принципы и намерения; что, раскрывшись, они станут еще более отталкивающими и отвратительными, и так будет легче подавить их…» Даже в день начала суда, 8 января, кое-кто шептал: «Кромвель и некоторые офицеры хотят спасти королю жизнь! Если бы только можно было сделать это без ущерба для дела, за которое они сражались!..»

До какого-то момента он действительно находился в нерешительности. 25 декабря он предлагал сохранить королю жизнь, если тот примет предложенные ему условия. Он сознавал, что если допустит суд и казнь короля, то создаст тем самым опаснейший прецедент — и ни один монарх отныне не сможет быть спокойным за свою власть и свою жизнь. Он тянул до последнего, но на него наступали, от него требовали решения. Кто усердствовал с особенной силой? Офицеры, подталкиваемые армией? Парламентские республиканцы вроде Генри Мартена или Ледло? Это до сих пор остается неясным. Но давление было сильно (еще не раз Кромвель испытает его на себе), и он решился. На следующий день он уже говорил перед палатой так: «Если бы кто-нибудь раньше предложил свергнуть короля и его потомков, я счел бы его величайшим предателем и бунтовщиком. Но Провидение возложило это на нас, и мне не остается ничего, кроме как подчиниться воле божьей, хотя я и не готов еще высказать вам свое мнение на этот счет». Он снова искал опоры у Провидения, руководившего неумолимым ходом событий. За подобные речи враги (и справа и слева) обвиняли его потом в лицемерии. Но это было не лицемерие, а мудрая политическая позиция. Брать на себя ответственность за такое неслыханное дело — суд над сувереном, божьим помазанником! На это он не мог решиться. С молоком матери усвоенные убеждения не дозволяли ему стать цареубийцей.

Другое дело, если само Провидение ведет к казни недостойного монарха. Тогда смиренному слуге божьему ничего не остается, как подчиниться. Но Провидение должно явить себя всем с недвусмысленной ясностью: если суду и казни суждено

состояться, они должны происходить открыто, перед всем народом, с всевозможным соблюдением законной процедуры.

А воля народа (не она ли в это время отождествлялась в сознании Кромвеля с Провидением?) неуклонно вела к суду и к казни. 23 декабря палата общин постановила создать комитет для привлечения короля к судебной ответственности. Божий помазанник, суверен по «божественному праву» привлекался к открытому суду за свои преступления. Это был беспрецедентный случай. Только раз в мировой истории был нанесен подобный сокрушительный удар по монархии — и по тому же самому древу, богом проклятому древу Стюартов. Шестьдесят лет назад суд английских пэров и английской королевы разбирал дело заблудшей овцы — Марии Стюарт. Но ее судила сестра-королева, равная ей по рангу, судила за прелюбодеяние, соучастие в мужеубийстве и покушение на ее власть. Сейчас дело было иного рода.

Подданные, люди низшие, вассалы без роду и племени, собирались судить своего суверена — отца и владыку. И преступление было иным: не просто в человеческом блуде или убийстве обвиняли короля, а в ополчении против собственного народа, в массовом кровопролитии, в развязывании войны против подданных.

Но какой суд осмелится судить короля? По какому праву? Какие обвинения могут быть ему предъявлены? Каково будет наказание и какой властью оно осуществится? Даже самые смелые и последовательные революционеры затруднялись ответить на эти вопросы.

А суд все приближался. Петиции, полные духом возмездия и осуждения, умножались день ото дня. Под их напором 1 января 1649 года палата общин постановила: «Карл Стюарт… задался целью полностью уничтожить древние и основные законы и права этой нации и ввести вместо них произвольное и тираническое правление, ради чего он развязал ужасную войну против парламента и народа, которая опустошила страну, истощила казну, приостановила полезные занятия и торговлю и стоила жизни многим тысячам людей… Посему король должен быть привлечен к ответу перед специальной судебной палатой, состоящей из 150 членов, назначенных настоящим парламентом, под председательством двух верховных судей». Огласили список членов этого Верховного суда справедливости; им должны были

руководить главные судьи королевства Сент-Джон, Ролл и Уилд.

И сразу же у большинства членов Верховного суда — оставшихся верными парламенту пэров, депутатов палаты общин, зажиточных сквайров — объявились неотложные дела в отдаленных поместьях. Началось неудержимое бегство кандидатов в судьи из Лондона. Уехали юристы Уайтлок, Селден, Улдрингтон — те, в чьих услугах более всего нуждался совет армии для выработки формулы обвинения и судебной процедуры. Уехали «главные судьи» Ролл, Сент-Джон, Уилд. Многие внезапно слегли в постель. Они боялись и короля, которого должны были судить, и народа, толкавшего их на решительные действия.

Перед теми, кто вел революцию вперед, встало еще одно препятствие. Для того чтобы постановление общин приобрело силу закона, требовалось согласие лордов. Лорды дать его не пожелали. Граф Манчестер заявил, что только король имеет право созывать или распускать парламент, и потому абсурдно обвинять его в измене парламенту. Граф Нортумберленд добавил, что еще неизвестно, кто первый развязал гражданскую войну: король или парламент? Лорд Денби воскликнул, что пусть лучше его разорвут на куски, но он не станет участвовать в этом бесславном деле. Палата лордов в составе двенадцати членов 2 января единогласно отвергла ордонанс о привлечении короля к суду и отложила заседания на неделю.

В ответ палата общин 4 января приняла три знаменательные резолюции:

«1. Народ, находящийся под водительством божьим, является источником всякой справедливой власти.

2. Общины Англии, собранные в парламенте, будучи избраны народом и представляя его, имеют высшую власть в государстве.

3. То, что общины объявят законом в парламенте, должно иметь силу закона, хотя бы ни король, ни лорды не согласились на это».

Так старый, веками существовавший государственный порядок был уничтожен и народ объявлен источником всякой власти. По существу, этот акт устанавливал в Англии республику.

События стали развиваться еще стремительнее. Королеве было отказано в свидании с мужем. Король был лишен большей части своей свиты: придворных, пажей, лакеев. Обычаи дворцового этикета перестали соблюдаться: обед ему стали подавать в непокрытых блюдах, никто не отведывал кушаний, прежде чем подать их Карлу, никто не становился перед ним на колено.

Число членов Верховного суда было сокращено до 135 человек, а кворум определен поразительной цифрой — 20.

Устроители суда понимали, что им трудно будет найти охотников на такое дело. Первым в списке судей стоял Фэрфакс, вторым — Кромвель, третьим — Айртон.

Но и теперь бегство членов суда из Лондона продолжалось. Уезжали и республиканцы. Некоторые, как Джон Лилберн, разуверились в демократизме высших офицеров, некоторым, как Генри Вэну, претило «насилие над парламентом», учиненное Прайдом. Они не без основания опасались установления военной диктатуры.

В парламент и армейский совет наряду с петициями, требующими осуждения короля, приходили протесты: суд над королем пытались предотвратить и французский посланник, и представитель Шотландии, и пресвитерианские проповедники, и роялистские памфлетисты. Лондон тревожили противоречивые слухи, предсказания, опасения. Только солдаты революционной армии, расквартированные в столице, хранили спокойствие. Они были уверены в своей правоте.

3. Верховный суд справедливости

8 января, в два часа дня, Верховный суд справедливости собрался в Расписной палате Вестминстера. Суд над королем перестал быть угрозой фанатиков; невероятное стало реальностью.

Старинная палата Вестминстера, бывшая спальня Генриха III Плантагенета — Camera Depicta была когда-то богато разукрашена стенной росписью, изображающей библейские сцены и жития святых. Золото и пурпур красок давно выцвели, скульптуры вдоль оконных проемов пооблупились, но Расписная палата по-прежнему была одной из самых значительных зал Вестминстера. Осенью 1558 года Елизавета именно сюда перевела судей, обвинявших Марию Стюарт в мужеубийстве и предосудительной связи. Именно здесь заточенной шотландской королеве был вынесен предварительный приговор: «Виновна».

Теперь фрески были скрыты роскошными французскими гобеленами с подвигами Геракла — собственностью Карла Стюарта. Здесь снова предстояло вынести предварительный приговор венценосцу.

Огонь огромного камина освещал залу, свечи трепетали в канделябрах, входили и выходили бесшумные клерки. Пятьдесят три человека отважились в этот день судить короля. Эти люди — члены «очищенной» палаты общин и армейские офицеры. Среди них «кромвелевские полковники»: Уолли, Оки, Прайд, Гаррисон, Хьюсон, Ивер, Хортон, Гоффе. В дальнейшем их число будет то больше, то меньше, но никогда оно не подымется выше цифры шестьдесят семь. «Что можно ждать от такого суда?» — презрительно цедили роялисты. Пресвитериане пожимали плечами. Полковник Прайд в прошлом был возчиком, Ивер и Хортон — слугами, Гаррисон — клерком. Председателем был избран судья из Честера Джон Брэдшоу, — человек, ничем себя до сих пор не проявивший и достаточно безликий. Ему выдали великолепную алую мантию и шляпу с высокой тульей, в которую осторожный судья подложил стальные пластины.

О работе суда, происходившей в Расписной палате с 8-го по 20 января, никто ничего не знал. То, о чем совещались между собою судьи, осталось тайной. 9 января избранный судом сарджент под звуки труб прочел народу в Вестминстер-холле, а затем в Чипсайде и на Старой бирже прокламации, приглашающие свидетелей обвинения против Карла Стюарта явиться в Расписную палату и дать показания. Еще стало известно, что для открытого процесса избран Вестминстер-холл

— самый большой общественный зал в королевстве.

Кромвель в эти дни был очень занят. Надо было участвовать в заседаниях трех органов — совета армии, парламента и Верховного суда. Так или иначе выбор был сделан. Он взялся за организацию суда с той решимостью, собранностью и хваткой, с которыми планировал большое сражение. Он вел переговоры с пресвитерианами Сити, стремясь если не привлечь их на свою сторону, то хотя бы нейтрализовать. Он настаивал на открытом ведении процесса — народ должен видеть, что в зале совершается правосудие, а не заговор. Кто-то из членов палаты предложил упразднить палату лордов.

— Вы что, все посходили с ума! — накинулся на него Кромвель, не пытаясь скрыть гнева. — Вы хотите восстановить против себя пэров именно сейчас, когда нам нужен самый тесный союз?!

А тут еще Сидней, самонадеянный графский сынок, заявил: король не может быть судим никаким судом; если Короля судить и казнить, народное возмущение сметет и судей, и саму власть на земле.

— Никто не пошевелится! — опять вспылил Кромвель. — Говорю вам, мы снесем ему голову, и вместе с короной!

Он имел основания так говорить. Поток петиций с требованием суда и казни не прекращался. Международная обстановка была исключительно благоприятной. Франция, главный союзник короля, сама была расколота и потрясаема Фрондой. Королева-регентша уже бежала с малолетним королем из Парижа, Лувр опустел, Генриетте-Марии не на кого было опереться. Голландия тянула, выжидая, и с большой прохладцей отнеслась к настойчивым мольбам принца Уэльского: ей не было резона ввязываться в чужую распрю. Флот принца Руперта был слишком жалок, чтобы рискнуть на попытку освободить короля, запертого теперь под семью замками.

Всем казалось теперь, что именно он, Кромвель, решает дело. Он стал единственным могучим антиподом королю. Республиканцы и левеллеры смотрели на него с надеждой, роялисты — с ненавистью и страхом. Даже иностранные державы молча склонили перед ним голову. Пришла бумага от голландских Генеральных штатов с рекомендацией новых послов — она была адресована не королю, не парламенту, не совету армии, а лично ему, Оливеру Кромвелю.

Слишком много людей, слишком много дел. А он чувствовал потребность сосредоточиться. Как вынести это бремя? Как

выстоять?

В тот день он заперся дома. Офицеру, который дежурил у него (теперь у него всегда дежурил кто-нибудь из офицеров), приказал никого не пускать и не говорить, где он.

В дверь постучали. И дома нет ему покоя! Кто посмел?

— Я ведь приказал меня не тревожить! — начал он распекать офицера и осекся: рядом с офицером стоял полковник Джон Кромвель, его кузен, со шляпой в руке. Как он сюда попал? Ведь он был в Голландии, с роялистами… Кромвель сухо поклонился.

— Генерал, — произнес кузен, низко склоняясь и прижимая к груди шляпу, — я хотел бы сказать вам несколько слов наедине. У меня дело чрезвычайной важности.

Кромвель отступил, пропуская его в кабинет.

— Генерал, — сказал Джон Кромвель, — я буду с вами откровенным. Не знаю, согласитесь ли вы со мной… — Он понизил голос и шагнул ближе: — То, что вот-вот должно свершиться с королем, — это же величайшая гнусность! За границей (я только что оттуда) смотрят на это с отвращением.

Кромвель отвернулся и сделал несколько шагов в сторону, как бы желая увеличить расстояние между собой и просителем. Так вот оно что! Это еще один ходатай по делу Стюарта. Его прислали из-за пролива — и все опять к нему!

— Генерал! — приглушенный голос родственника звучал все настойчивее. — Я никогда не мог себе представить, что вы, вы можете участвовать в таком деле. Ведь вы всегда, я сам слышал, уверяли, что не хотите ему вреда. Вы говорили…

— Полковник! — сурово прервал Кромвель. — Не надо об этом. Это не моя воля, это воля армии. Да, когда-то я говорил… но времена меняются. Провидение решило иначе. Вы видите, я один, в скорби. Я пощусь и молюсь за короля. Но вернуться вспять мы не можем.

Полковник быстро, все еще прижимая шляпу к груди, подбежал к двери и с силой захлопнул ее. Снова, подойдя вплотную к Кромвелю, горячо зашептал ему прямо в ухо:

— Кузен мой, дорогой кузен, сейчас не время попусту тратить слова, поймите же вы это! Посмотрите сюда. — Он повернул шляпу тульей вниз и стал отрывать подкладку. — Вот… Смотрите!

То, что он развернул перед Кромвелем и дрожащими руками поднес почти к самому его носу, было чистым листом бумаги.

— Что это?

— Да смотрите же! Вы узнаете эту подпись, внизу? Да, да, Чарльз Рекс — именно так всегда подписывался его величество. А эта подпись вам известна?

Прыгающий палец прошелся по имени принца Уэльского.

— А эту печать вы видите? Это государственная печать Англии! Теперь решайте. — От волнения голос полковника сделался сиплым: — Решайте! В вашей власти теперь написать на этом листе любые условия, на которых вы согласны сохранить королю жизнь. Понимаете, любые! От вас сейчас зависит все. В вашей власти осчастливить и себя самого, и всех детей ваших, да что детей! Все ваше потомство на веки вечные, всех ваших близких! Но если вы откажетесь — берегитесь! Когда-то ваш предок сменил скромную фамилию Вильямс на славное имя Кромвелей, — смотрите, как бы вас не заставили сменить фамилию еще раз. Потому что если *это* случится (вы понимаете, о чем я говорю), и на вас, и на потомков ваших падет такое бесчестье, которого ничто не смоет! Решайте!

Кромвель молчал. Он был ошеломлен. Полчаса назад ему все было ясно, и он уже готов был выполнить волю Провидения. А сейчас опять — решайте! Доколе, о господи!..

— Кузен, — сказал он мягко. — Оставьте меня сейчас. Я должен подумать. Идите к себе в гостиницу и ждите до вечера. Спать не ложитесь, пока не получите ответа. Мне нужно подумать и посоветоваться.

Было около часа ночи, когда Джон Кромвель, все еще меривший шагами гостиничный покой, услышал наконец стук в дверь. Перед ним стоял незнакомый офицер.

— Вы можете идти спать, полковник, — сказал он. — И спите себе спокойно: ответа не будет. Совет офицеров обратился к богу и вынес решение, что король должен умереть.

До суда оставались считанные дни. В Расписной палате обсуждали последние детали процесса. Карла было решено перевести в дом Роберта Коттона: он непосредственно примыкал к зданию Вестминстера, а сад его выходил к Темзе. 19 января его под усиленной стражей перевезли в Лондон, затем на барже доставили к дому Коттона. Кромвель подошел к окну Расписной палаты и увидел, как король идет по саду между двумя шеренгами мушкетеров. Лицо Карла было серым, развившиеся волосы уныло свисали вдоль щек. И все-таки это был король! Кромвель побледнел.

— Господа! — сказал он, оборотясь к судьям. — Он идет, он идет сюда, и мы теперь должны свершить это великое дело, на которое смотрит сейчас вся страна. Мы должны решить теперь же, какой ответ мы дадим королю, когда он предстанет пред нами, ибо первый его вопрос будет: какой властью и по каким

полномочиям мы его судим?

Все молчали. Затем скорый на язык Мартен ответил:

— Именем общин, и собранного парламента, и всего доброго народа Англии!

20 января, в субботу, около двух часов пополудни, суд над королем начался. Шестьдесят семь судей, предшествуемые стражей с алебардами, торжественно вступили на помост, приготовленный для них в Вестминстер-холле, и расселись на обитые красным сукном скамьи. Брэдшоу поместился посредине в кресле темно-красного бархата. Кромвель по своему обыкновению занял место в одном из задних рядов. Он хорошо видел стол, покрытый ковром, на который положили знаки верховной власти — меч и скипетр. Напротив председателя, спиной к залу, находилось обитое алым бархатом кресло для подсудимого. Помост отделяли от мест для публики два деревянных барьера, между которыми встали вооруженные солдаты. По обеим сторонам помоста, над ним, были устроены галереи для знатных господ и дам.

Затем широчайшие двери Вестминстер-холла распахнулись, и хлынула публика. Было дозволено пускать всех, без различия пола, возраста, состояний, — и разношерстная, густая, непривычно молчаливая толпа в считанные минуты заполнила зал до отказа. На галереях расселись именитые горожане, дамы, иностранные послы. Многие были в масках.

В торжественном молчании, нависшем над тысячами голов, раздались тяжелые шаги и позвякивание оружия: на помост вышли двадцать стражников, а за ними в сопровождении офицеров — король. Он шел очень прямо, небольшой рост не мешал усвоенной с детства величественной осанке. Черная одежда с головы до ног, черная шляпа — он не снял ее при виде судей в знак презрения к ним. Окинув их строгим взглядом, Карл сел, так и не сняв шляпы. Потом, приподнявшись, оглядел замерший зал и снова опустился в кресло. На лице его застыла презрительная улыбка.

Началась перекличка. Первым было названо имя Брэдшоу, вторым — Фэрфакса. И тут случилась заминка: генерала в зале не оказалось.

— Он слишком умен, чтобы явиться сюда! — крикнула с галереи женщина в маске. Это была леди Фэрфакс.

Встал председатель суда Брэдшоу.

— Карл Стюарт, король Англии, — произнес он. — Общины Англии, собранные в парламенте, в соответствии со своим долгом перед справедливостью, перед богом, нацией и перед самими собою, в соответствии с властью, которая им доверена народом,

учредили эту высшую палату правосудия, перед которой вы предстали. Выслушайте предъявленное вам обвинение.

Генеральный прокурор Джон Кук начал читать обвинительный акт.

— Постойте! — Карл хотел прервать его. Он протянул трость и дотронулся до плеча Кука серебряным набалдашником. Кук резко обернулся, тяжелый набалдашник упал и покатился по деревянным доскам помоста. Никто не пошевелился. Карл помедлил, сам нагнулся и поднял набалдашник. Это унижение было замечено всеми. «Дурное предзнаменование для короля», — шепот пронесся по залу.

Между тем Кук продолжал читать. Монарх был наделен ограниченной властью, говорилось в акте, и обязан был управлять страной в согласии с ее законами. Но, задавшись коварной целью присвоить тираническую власть, он уничтожил права и привилегии народа и злоумышленно развязал против него кровопролитную войну. Он пытался вести ее с помощью иноземного вторжения. «И все это предпринималось с единственной целью — отстоять личный интерес, произвол и претензии на прерогативы для себя и королевской фамилии в ущерб интересам народа, общему праву, свободе, справедливости и миру этой страны». Имя народа поминалось многократно. Но за обкатанными, привычными фразами о свободе, справедливости, мире угадывалось другое: кое-кто не мог простить Карлу того, что он слишком открыто, слишком беззастенчиво попирал *денежный интерес,* вторгался в собственнические права имущего класса. И поэтому Карл объявлялся ответственным «за все измены, убийства, насилия, пожары, грабежи, убытки… причиненные нации в указанных войнах» и «как тиран, изменник и убийца, открытый и беспощадный враг английской страны» призывался к ответу от имени всего народа.

При последних словах Карл громко рассмеялся, а с галереи раздался тот же голос:

— Это ложь! Ни половина, ни даже четверть народа Англии не согласны с этим! Оливер Кромвель — негодяй и предатель!

— Стреляйте в нее! — раздалась команда начальника стражи.

Но выстрела не последовало: окружающие поспешили вывести леди Фэрфакс из зала.

Когда порядок был восстановлен, король заговорил.

— Я желал бы знать, — внятно, почти не заикаясь, произнес он, — какой властью я призван сюда? Еще недавно я вел переговоры на острове Уайт с обеими палатами парламента, и мне доверяли. Мы почти решили все условия мира. Я желал бы знать, какой властью — я разумею законную власть, а не власть

разбойников и воров, — я вырван оттуда и привезен сюда?

Брэдшоу ответил:

— Властью и именем народа Англии, который избрал вас королем.

— Я отвергаю это, сэр, — с торжеством произнес Карл. Недаром он был сыном Якова I, убежденного защитника теории божественного происхождения королевской власти. Эту теорию, развитую и обоснованную в трактатах отца, Карл Стюарт знал так же хорошо, как слова воскресной обедни. — Англия никогда не была выборной монархией, — продолжал он. — Она была наследственной монархией на протяжении последней тысячи лет… Покажите мне законные основания вашего суда, опирающиеся на слова божьи, Писание или конституцию королевства, и я отвечу.

Восемьдесят лет назад великая королева Елизавета, отстаивая перед шотландскими лордами суверенитет своей «возлюбленной сестры» Марии Стюарт, выражалась почти слово в слово так же.

И сейчас король Карл I, непоколебимый и спокойный, твердо стоял на тех же позициях.

— Помните, — сказал он, — я ваш король, ваш *законный* король. Мои полномочия, унаследованные по закону, вручены мне самим богом. Я не предам их, отвечая новой незаконной власти.

Брэдшоу понял, что допустил оплошность: королю не надо было давать в руки этот козырь. В самом деле, никогда еще до этого момента, ни по каким существующим законам монархического государства, народ не судил своего короля, и никакой суд с точки зрения *этих* законов не мог быть правомочен. На повестку дня вставал отныне вопрос о создании новых, совсем *иных* законов — иначе король окажется прав в своем непризнании законности народного суда. А продолжить судебную процедуру было очень важно: только так судьи могли показать народу законность своих действий.

Но правосознание англичан шагнуло далеко вперед за эти восемьдесят лет, и подданные совсем не собирались отступать, как отступили шотландские лорды, пристыженные монаршим выговором Елизаветы.

— Сэр, вы задали вопрос, и вам ответили. Теперь суд ожидает от вас определенного ответа, — сказал Брэдшоу. — Для вас, может быть, наши полномочия неудовлетворительны, но мы знаем, что они основаны на воле бога и народа Англии.

Король, однако, стоял на своем. При чем здесь чья-то воля? Существует определенный, раз навсегда заведенный порядок вещей. Человек не вправе нарушать его. Препирательства могли

продолжаться до бесконечности, но тут подали голос солдаты. «Справедливости, справедливости!» — закричали они. Заседание отложили до понедельника.

Пользуясь оплошностью Брэдшоу, Карл на следующем заседании суда, 22 января, приготовился к нападению. В самом начале он был предупрежден, что его молчание будет расцениваться как признание вины. И он начал говорить. Он доказывал и сам верил в это, что является защитником народных прав.

— Если бы речь шла только обо мне, — сказал он, — я ограничился бы сделанным в первый день заявлением о незаконности этого суда… Но дело не только во мне, речь идет о свободах и правах народа Англии.

Брэдшоу напряженно слушал, ища уязвимое место в рассуждениях короля.

— Сэр, — возразил наконец он, — мы не позволим вам оспаривать власть Верховного суда справедливости: он заседает здесь по воле нижней палаты, перед которой вы ответственны.

— Нет, я отвергаю это, — настаивал король. — Назовите мне хотя бы один прецедент — разве подобное когда-нибудь происходило в Англии?

Здесь он был прав. Да, прецедентов не существовало. Все, что совершалось сейчас под видавшими виды дубовыми балками Вестминстер-холла, совершалось впервые. Подданные сами, на открытом процессе судили своего короля за государственную измену.

Но Брэдшоу на этот раз нашелся.

— О том, сколь великим другом прав и свобод народа вы являетесь, пусть судят вся Англия и весь мир, — сказал он. — О намерениях человека говорят дела, и ваши намерения запечатлели кровавые следы по всей стране.

«Справедливости, справедливости!» — снова закричали солдаты. Заседание окончилось ничем.

На третий день, 23 января, все повторилось. Карл отказывался признать законность суда и отвечать на обвинения. В этот день палата общин вынесла решение, что отныне она будет действовать «властью парламента Англии». Тем самым власть короля была окончательно отвергнута.

24 и 25 января заседаний в Вестминстер-холле не происходило: суд допрашивал свидетелей в Расписной палате. Одни рассказывали, как король, начиная войну с парламентом, поднимал свое знамя в Ноттингеме, другие видели короля в доспехах на поле сражения, где он выступал против своих подданных, третьи слышали, как король приказывал не щадить

пленных… В результате Карл был признан «тираном, предателем и убийцей, открытым врагом английского государства». Утром 26 января шестьдесят два члена суда в Расписной палате приняли решение, что король приговаривается к смерти «путем отсечения головы от тела».

В субботу, 27 января, Вестминстер-холл был снова полон народа. Короля ввели под крики: «Справедливости, справедливости!» и «Казни! Казни!»

На этот раз король, по-прежнему не снимавший шляпы, не сел в свое кресло, а обратился к Брэдшоу.

— Сэр, — сказал он, — позвольте мне сказать одно слово. Я надеюсь, что не подам повода прерывать меня, — только одно слово!

— Но, сэр, вас выслушают в свое время, — был ответ. — Выслушайте сперва суд.

— Я желаю, чтобы меня выслушали, — настаивал король, — это касается того, что собирается сказать суд. Поспешный приговор не так легко отменить.

— Вас выслушают до вынесения приговора. Господа, — Брэдшоу обратился к залу. — Обвиняемый уже несколько раз представал здесь перед судом, чтобы ответить за свои тяжкие преступления, известные всей стране. Однако он упорно не желал признавать свою вину. Приговор ему уже вынесен, но мы согласны предоставить ему слово, если он не будет подвергать сомнению законность суда.

Все затаили дыхание.

— Я желаю, — торжественно сказал король, — чтобы меня выслушали лорды и общины в полном составе. Я хочу сделать им одно предложение, которое гораздо важнее для мира королевства и для свободы моих подданных, нежели для моего собственного спасения.

Зал заволновался. Какое предложение? Что задумал король? Быть может, он хочет отречься от престола в пользу своего сына? Или предложить новые, более радикальные условия мира? А может быть, это очередная уловка?

Изощренные в юридических тонкостях судьи понимали, что просьба короля отрицает их правомочность не прямо, а косвенно. Но некоторые заколебались. Из задних рядов раздался громкий шепот:

— Что у нас, сердца из камня? Люди мы или нет? — Это говорил полковник Даунс. На него зашикали, но он повысил голос: — Пусть я поплачусь за это жизнью, но дайте мне сказать!

Кромвель, сидевший перед ним, резко обернулся. Глаза его метнули молнию.

— Вы в своем уме? — грубо спросил он. — О чем вы думаете, полковник? Вы что, не можете сидеть спокойно?

— Нет, не могу! — Даунс вскочил. — Милорды! — крикнул он. — Послушайтесь своей совести, не отвергайте просьбы арестанта! Я прошу суд удалиться на совещание!

В зале поднялся шум. Судьи нерешительно поднялись с мест и вышли в соседнюю комнату.

— Зачем вы нарушили ход заседания? — Кромвель был очень рассержен. — Вы не понимаете, что имеете дело с самым жестоким, самым коварным из людей! Его не следует щадить, его упрямству не надо потворствовать! Ни одному его слову нельзя верить!.. Сознайтесь, а может быть, вы хотите спасти своего старого господина?

Даунс отвечал дерзко, казалось, он действительно не хотел понять всей серьезности происходящего. Кромвель потерял терпение.

— Довольно! — сказал он. — Не будем слушать разглагольствований этого неустойчивого человека. Лучше вернемся в зал и исполним свой долг.

Авторитет его был непререкаем, и судьи расселись по местам. Брэдшоу отверг требование короля и, так и не предоставив ему слова, произнес длинную речь, полную юридических терминов, ссылок на Библию и события времен Эдуарда II, Ричарда II, Марии Стюарт.

— Существует договор, — говорил Брэдшоу, — заключенный между королем и его народом, и он накладывает обязательства на обе стороны: долг суверена — защищать свой народ, долг народа — верность суверену. Если король однажды нарушил клятву и собственные обязательства, он уничтожил свой суверенитет… Мы творим великое дело справедливости. Если даже нам суждено погибнуть, творя его, мы милостью божьей не отступимся от него.

Карл вскакивал, пытаясь отвечать, протестовать. Поздно! Приговор был произнесен:

— Упомянутый Карл Стюарт как тиран, изменник, убийца и открытый враг присуждается к смертной казни через отсечение головы от тела.

Члены суда встали в знак своего одобрения приговору. Карл вскочил.

— Так вы дадите мне слово, сэр? — обратился он к Брэдшоу.

— Сэр, вы не можете быть выслушаны, — ответил тот.

— Не могу, сэр?

— С вашего позволения, нет, сэр. Стража! Уведите арестанта.

— Но позвольте! Я не могу говорить после приговора? С вашего позволения, сэр, я могу говорить после любого

приговора…

Карл путался в словах, заикался, смертельная бледность покрывала его лицо. Солдаты окружили его и силой повлекли вон из зала. Прямо в уши ему раздавался крик: «Справедливости! Казни! Справедливости!..»

Итак, приговор был сформулирован и оглашен перед народом. Теперь надо было собрать подписи судей. И снова возникли трудности: многим было страшно ставить свое имя под смертным приговором королю. Одно дело — молча подняться вместе со всеми в зале, выражая одобрение приговору, а совсем другое — собственноручно начертать под ним свое имя. Против казни английского короля открыто выступали Генеральные штаты Голландии, шотландское правительство Аргайла, король Людовик XIV. В парламент, совет армии, суд, Кромвелю, Фэрфаксу приходило множество писем с просьбой отменить приговор; ежедневно появлялись протестующие памфлеты. Говорят, даже лорд Фэрфакс пытался смягчить судей, указывая на опасность новой гражданской войны, если приговор будет приведен в исполнение.

Ничто не могло поколебать решимость кромвелевских офицеров: полковники Урлли, Оки, Хетчинсон, Гоффе, Прайд, Гаррисон, Ивер, Хортон первыми подписали приговор. Не медлили и парламентские республиканцы: Ледло, Мартен, лорд Грей. Но многих приходилось уговаривать, даже заставлять. Письменно засвидетельствовать свое согласие с приговором они никак не решались и старались ускользнуть под любым предлогом. И это дело Кромвелю пришлось взять в свои руки.

27 января, в субботу, он пришел в палату общин и стал убеждать тех ее членов, которые были одновременно и членами суда, подписать приговор. В этот же день он требовал, чтобы все судьи поставили свои подписи. Он был чрезвычайно возбужден: громко говорил, смеялся. Его шутовство, почти кощунственное, почти безумное, приводило в недоумение. Немногие понимали, как страшно напряжены его силы. Он подписался под приговором третьим, и при этом зачем-то вымазал чернилами лицо Генри Мартена, который отплатил ему тем же. Так, с запачканным лицом, с лихорадочно блестящими глазами, шумный, напористый, он переходил от одного к другому, упрашивая, угрожая, издеваясь.

В понедельник сбор подписей продолжался в палате общин. Один из ее членов, не посещавший заседаний суда, заглянул туда и хотел удалиться незамеченным.

— О нет, — закричал Кромвель, — те, кто вошел сюда, должны поставить свою подпись, я хочу, чтобы они сейчас же поставили свою подпись!

Увидя полковника Ингольдсби, который тоже не являлся на заседания суда, он подбежал к нему, схватил за руку, подтащил к столу, на котором лежал приговор, и, сложив перо в его пальцы, с громким смехом, водя его рукой, вывел: «Ричард Ингольдсби».

— Хоть вы и скрывались от меня все это время, — приговаривал он, — вы теперь должны подписать эту бумагу, как и все мы!..

Так было набрано 59 подписей. И как легко было после этого выставить Кромвеля главным виновником происшедшего, единоличным «цареубийцей»! Мало кто понимал, что его темпераментом, его авторитетом и несокрушимой энергией воспользовались куда более могущественные силы. Сам же он не был зачинщиком, он лишь исполнял чужую волю.

На площади перед Уайтхоллом застучали молотки: сооружался помост для казни. Его, как и саму плаху, обтянули черным сукном. Открытый процесс должно было завершить открытой, всенародной казнью. Палача нашли с большим трудом: даже палачи не соглашались на такую неслыханную казнь.

Рано утром 30 января в одну из комнат Уайтхолла, где Айртон и Гаррисон еще лежали в постели после бессонной ночи, вошел Кромвель и с ним несколько офицеров.

— Надо приготовить приказ палачу, — сказали они.

— Полковник, — Кромвель обратился к Ханксу. — Вам следует сделать это: так значится в решении суда. Ханкс стал отказываться, хотя знал, что генерал не терпит возражений. Присутствующие затаили дыхание. Кромвель молча посмотрел на него, затем шагнул к маленькому столику с письменным прибором, стоявшему у двери, взял лист бумаги и стал писать. Закончив, он подал перо другому офицеру, Хэкеру.

— Подпишите вы, полковник. Не будем полагаться на такого упрямого и ненадежного малого.

Хэкер взял перо, наклонился и, не сказав ни слова, поставил свою подпись.

А в это время площадь перед Уайтхоллом уже заполнялась народом. Все теснее становилось на балконах, крыши трещали под тяжестью зрителей. Кто половчее, взбирался на деревья. Послышался топот копыт, и отборные отряды «железнобоких»

плотно окружили помост, выстроились вдоль стен дворца.

В два часа пополудни Карл, весь в черном, вышел на помост прямо из окна Банкетного зала в сопровождении епископа Джексона и нескольких офицеров. Там уже ждали палач и его помощник, одетые в костюмы моряков. Они были в париках, лица скрыты масками и накладными бородами. Король заметил, что плаха слишком низка — чтобы положить на нее голову, ему придется склониться очень низко. «Так надо, сэр», — ответил палач. Неудобно было объяснять королю, что это сделано нарочно. Так палачу будет легче действовать в случае сопротивления жертвы. На этот же случай в пол помоста возле плахи были вделаны железные крюки.

День был холодный. Карл, заглядывая в листок бумаги, произнес небольшую речь. Он говорил о своей невиновности. Парламент он обвинял в развязывании войны, армию — в применении грубой силы. Себя самого он упрекал лишь в том, что допустил казнь графа Страффорда. Он заявлял, что стоит за «народную свободу», но «не дело подданных, — говорил он, — участвовать в управлении государством». Король оставался королем и говорил как милостивый монарх, наставляя своих подданных, словно неразумных и злых детей. Он твердо знал, что власть вручена ему свыше и не его вина, что ее отнимают таким жестоким способом.

Эта уверенность давала ему силы сохранять королевское достоинство и в последний свой, смертный час. Он был вторым после Марии Стюарт из венчанных королей, кто принужден был склонить голову на плаху.

Морозный ветер налетал порывами, заставляя глаза короля слезиться. Его слова не были слышны притихшей толпе — народу, который молчанием своим одобрял происходящее. «Я умираю, — говорил Карл, — за свободу, я мученик за народ…» Никто, кроме стражи, не услышал этих слов. Никто больше не верил английскому монарху.

Окончив речь, Карл с помощью епископа убрал свои длинные поседевшие волосы под шапочку, снял плащ, опустился на колени, положил голову на плаху и после краткой молитвы вытянул вперед руки в знак того, что готов к смерти. Палач одним ударом топора отсек голову. Подручный палача подхватил голову и высоко поднял в руке.

— Вот голова изменника! — сказал он.

Не то стон, не то вздох пронесся над толпой. Несколько человек бросились к помосту, чтобы омочить платки в королевской крови. Кавалеристы стали оттеснять толпу от эшафота. Вскоре площадь опустела.

Кромвель не присутствовал на площади во время казни. Вместе с несколькими близкими офицерами он, как говорят, был погружен в молитву.

Тело короля положили в Банкетном зале — торжественном пиршественном зале, видавшем много блестящих и веселых трапез. В ночь после казни лорд Саут-гемптон со своим другом сидел возле гроба в глубокой задумчивости. В два часа утра на лестнице, ведшей из внутренних покоев, послышались медленные тяжкие шаги. Кто-то поднимался в Банкетный зал. Дверь отворилась, и вошел человек, с ног до головы закутанный в плащ. Он подошел к телу и долго стоял над ним, глядя в лицо казненного. Затем покачал головой и со вздохом прошептал: «Жестокая необходимость!» Лорд Саутгемптон похолодел: он узнал голос Кромвеля. Постояв еще немного, вошедший повернулся и так же медленно, тяжелыми шагами удалился.

Впоследствии он всегда признавал, что казнь совершена по праву, и никогда не выражал сожалений. Он с гордостью заявлял, что сделано это было не «в уголке», не втихомолку — а на публичном процессе, по суду, перед всем народом. Казнь короля он называл «великим плодом войны», «осуществлением примерного правосудия» над главным ее зачинщиком.

Так же думали и его ближайшие соратники, для которых казнь короля была «славным делом справедливости». Этот первый в истории акт народного возмездия был главным политическим достижением буржуазной революции, наивысшим взлетом революционности ее вождей и в первую очередь самого Кромвеля. Люди из третьего сословия одержали верх над монархией и аристократией. Они глубоко верили в то, что казнь короля необходима для политической и религиозной свободы.

Казнь короля отныне и навсегда развеяла миф о неприкосновенности, о надмирной значимости монаршей особы. Великий прецедент был создан — не будь его, не могла бы осуществиться и казнь Людовика XVI и Марии-Антуанетты; не будь его, идеалы республики не смогли бы овладеть сознанием народов. Старый, живший века иерархический миропорядок был сокрушен — наступало Новое время, новая история.

В высшей степени смелые и революционные акты сопровождали описанные события. В день казни, 30 января, палата общин объявила государственным преступником всякого, кто станет провозглашать наследником престола любого из потомков Карла Стюарта. Видно, могучее проклятье тяготело над родом Стюартов, и сейчас пришло время ему осуществиться. 6

февраля была уничтожена палата лордов. И наконец, 7 февраля последовал знаменательный билль:

«Опытом доказано, и вследствие того палатою объявляется, что королевское звание в этой земле бесполезно, тягостно и опасно для свободы, безопасности и блага народного; поэтому отныне оно отменяется».

Это означало провозглашение республики. На новой государственной печати вместо профиля короля были изображены крест и арфа — геральдические символы Англии и Ирландии — и стояла надпись: «В первый год свободы, милостью божьей восстановленной».

Глава VII Республиканец

Где то благо, где та свобода, о которых так много говорили и за которые так дорого заплачено?

Лилберн

Я говорю вам, сэр, у вас нет другого способа справиться с этими людьми, как только сокрушить их, иначе они сокрушат вас и возложат на ваши головы и плечи всю ответственность за пролитую кровь и растраченные богатства королевства. Они сделают тщетным и напрасным все то, что вы создали многолетним трудом, лишениями и страданиями, и добьются того, что в глазах разумных людей во всем мире вы предстанете ничтожным поколением слабых и малодушных людей, которых уничтожит и сломит презренное и низкое людское отродье, каковыми они являются. Поэтому я снова повторяю вам, сэр: вам необходимо их сокрушить.

Кромвель

В Англии больше не было короля. Не было и палаты лордов. Ее упразднили актом от 17 марта как «бесполезную и опасную». Высшей властью в стране стала палата общин, свершившая великое дело. Нация вступила на новую, неизведанную дорогу. Не было больше Тайного совета, Звездной палаты, Суда королевской опеки, не существовало королевской прерогативы и нрава вето.

Настало время законодательного строительства. Народу надо дать новую конституцию, определить состав и полномочия власти, пересмотреть законы. 19 марта палата приняла официальный акт об упразднении монархии.

19 мая Англия была торжественно провозглашена республикой и свободным государством. Отныне она будет управляться собранными в парламенте представителями народа. Заявлено было также следующее: «В республике правосудие отправляется должным образом. Могущественные бессильны

угнетать слабых, и бедные довольствуются необходимым достатком. Справедливая свобода совести, личности и имущества предоставлена всем людям».

Еще в феврале вынесли решение о создании Государственного совета — верховной исполнительной власти, подчиненной палате общин. Он решает вопросы внешней политики, ведает армией, флотом, делами в Ирландии, распоряжается имуществом делинквентов — бежавших или преданных суду сторонников Карла Стюарта. Суд Королевской скамьи заменили судом Верховной скамьи.

Это были смелые революционные акты; посредством их Англия, казалось, действительно могла превратиться в справедливую демократическую республику. Но одно дело — провозглашение высоких принципов на бумаге, а совсем другое — проведение их в жизнь. Палата общин состоит из представителей народа-суверена, «хранителей английской свободы» — так значилось в документах. Все считали, все изображали себя представителями народа — и судьи, и офицеры армии, и парламент. Они вынесли королю смертный приговор «именем народа», но ведь и король рисовал себя защитником народных прав; он полагал, что народ обманут. Да, народ боролся против ненавистного королевского абсолютизма; огромные толпы лондонских горожан требовали казни Страффорда; народ — простые крестьяне и ремесленники — с оружием в руках сражался с кавалерами, которые защищали королевскую прерогативу. Но кто теперь пришел к власти на плечах народного движения? Кто воспользовался плодами народной победы? На самом деле это была горстка людей — 50—60 человек, не более, которые остались в палате после многочисленных бегств, отпадений, изгнаний, после сокрушительной Прайдовой чистки. В Государственный совет вошли все те же люди: генералы и офицеры армии (среди них Кромвель, Фэрфакс, Скиппон, Ледло, Гезльриг), видные судьи и юристы Брэдшоу, Уайтлок, Сент-Джон. По списку в нем числился 41 человек — и 31 из них были одновременно и членами парламента — Генри Вэн, Генри Мартен… Из активных деятелей революции не попали в него только Айртон и Гаррисон — ведь они еще до чистки выступали за немедленный роспуск парламента. Секретарем Государственного совета назначили великого поэта Джона Мильтона.

Кромвель чувствовал себя теперь подлинным хозяином страны. Он ощущал это сам, он видел, что и другие молчаливо

признают за ним верховенство, склоняются в страхе и почтении перед победоносным вождем армии, перед главным «цареубийцей». В первый месяц существования Государственного совета он был его бессменным председателем, и только позднее на эту должность составили Джона Брэдшоу, судившего короля.

Кромвель в эти дни занялся устройством брака сына Ричарда — простоватого милого сельского увальня. Как непохож он был на возвышенного, одаренного Роберта — его рано умершего первенца! Как отличался и от упорного солдата Оливера, погибшего в сорок четвертом году от оспы! Ричард не был одарен ни духовными, ни военными, ни какими-либо иными способностями. Больше всего он любил лошадей и охоту и готов был целыми днями гонять за птицей по болотам. Характер у него был мягкий, уступчивый, наклонности к наукам он не имел и ни к какому делу тоже. Но этот слабый, скудельный сосуд стал теперь старшим сыном и, значит, наследником. О нем следовало позаботиться особо.

Уже 1 февраля, через день после казни, Кромвель через посредника обращается к своему будущему родственнику, отцу невесты финансисту Ричарду Мэру. Он оговаривает имущественные вопросы, условия контракта. Ему особенно важно, чтобы невеста, Дороти Мэр, стала доброй поддержкой Ричарду, он надеется на ее положительность, уравновешенность, твердость в добродетели. Окончательное оформление брака состоялось в апреле. Дороти оправдала надежды своего свекра — она была мила и умна. Чем больше он присматривался к ней, тем больше она ему нравилась, и он искренне к ней привязался. А Ричарда Мэра просил особенно проследить за тем, чтобы его молодой зять читал больше книг по истории и географии — может быть, он станет посерьезнее и приготовит себя к будущему — кто знает? — большому делу.

Самому же Ричарду он писал так: *«Ты, может быть, думаешь, что мне нет нужды советовать тебе любить твою жену. Господь да научит тебя этому, иначе все будет безобразно. Хотя брак и не является установленным таинством, все же есть в нем неосквернённое ложе и любовь».* Он сам всю жизнь старался честно любить свою Элизабет и считал, что именно такая любовь — не неверный, скороспелый плод внезапного влечения, а добрый плод сознательных, каждодневных усилий — выстраданных усилий любить, прощать, жалеть и вести вперед, к богу — единственная прочная основа брака.

Между тем тучи на политическом горизонте вновь стали сгущаться. Невиданная дерзость англичан — публичная казнь помазанника божия — вызвала ужас и возмущение

монархической Европы. Дипломатические отношения с новоявленной республикой были порваны. Франция, Испания, Австрия выразили республике «цареубийц» официальный протест. Даже протестантская республика Голландия вела себя вызывающе — она дала приют принцу Уэльскому. Постоянно приходили сведения о готовящейся интервенции французских или испанских войск. В Шотландии принц Уэльский был провозглашен королем. Это был открытый вызов. В самой Англии еще держался неприступной твердыней Понтефракт — последний оплот кавалеров. Из северных и западных графств приходили известия о роялистских беспорядках, в Эксетере какие-то люди порвали на глазах у всех акт о запрещении провозглашать кого-либо королем.

Из печати вышел дерзкий анонимный памфлет; назывался он «Царственный лик» и был написан якобы самим королем-мучеником. Он с такой яркой силой изображал смиренное благочестие и другие бесчисленные достоинства казненного монарха, что в короткое время — в течение всего лишь года — выдержал сорок семь изданий. И хотя ответил на памфлет сам Джон Мильтон, суровый и страстный гений его не смог заглушить шипения врагов республики.

Но главная опасность шла сейчас из Ирландии. Самый ближний сосед превратился в злокозненное гнездо роялистов. Граф Ормонд в феврале заключил союз с ирландскими католиками и готовил войска для высадки в Англии. Сюда прибыл с остатками своего флота принц Руперт, сюда же был приглашен и будущий Карл II, чтобы возглавить дело. Ирландия стала самым подходящим плацдармом для организации любой интервенции, средоточием враждебных республике сил.

Надо было срочно думать об отправке войск в Ирландию. Но как только Кромвель и приближенные его начинали об этом говорить, перед ними вставали все те же проблемы, которые чуть не привели к катастрофе в 1647 году.

Для набора армии в Ирландию надо распустить, переформировать старые войска. А как это сделать, если задолженности по армейскому жалованью до сих пор не уплачены? Их попытались погасить хотя бы отчасти, продавая картины, обстановку, библиотеку, драгоценности бывшего короля. Впрочем, скоро новый Государственный совет нашел, что гораздо удобнее и приятнее использовать все это для устройства собственных апартаментов. Нужда в деньгах не уменьшилась. Откуда взять деньги, если Сити с огромным недоверием и, можно сказать, враждебностью отнеслась к казни короля и к установлению республики? Если народ задавлен поборами и

акцизами донельзя и вот-вот вспыхнет недовольство?

Недовольство в народе — вот что еще беспокоило. Война вызвала застой в ремесле и торговле; многие тысячи людей разорились. Работать было негде, и толпы нищих оборванцев бродили по дорогам. Три года подряд неурожаи подтачивали земледелие, хлеб дорожал, скот падал. Сорокатысячная армия висела на шее народа тяжким ярмом. Налоги росли, церковная десятина продолжала взиматься, несмотря на провозглашенную свободу совести. С начала войны неуклонно ползли вверх цены на мясо, соль, свечи, ткани, уголь.

Люди голодали. 30 апреля Уайтлок записывал в дневнике: «Сообщают из Ланкашира о большом недостатке хлеба, вследствие чего многие семейства умерли от голода… Сообщают из Ньюкасла о том, что в Камберленде и Уэстморленде многие умирают на больших дорогах вследствие недостатка хлеба; некоторые покидают свои жилища и переходят со своими женами и детьми в другие местности, чтобы получить помощь, но нигде не могут ее получить…» В парламент потоком шли петиции от бедняков — они сетовали на рост цен и налогов, на крайне низкую плату за труд, на холод и недостаток топлива. «О члены парламента и солдаты! — взывали они. — Нужда не признает законов… Матери скорее уничтожат вас, чем дадут погибнуть плоду их чрева, а голоду нипочем сабли и пушки… Прислушайтесь у наших дверей, как наши дети кричат: „Хлеба, хлеба!..“ Мы вопием к вам: сжальтесь над порабощенным и угнетенным народом!»

Народ? Народом для Кромвеля были благочестивые пуритане, крепкие хозяева, арендаторы, ремесленники — все, кто честным трудом своим и достоянием поддерживает государство. Народом была его армия. А весь этот сброд — нищие и бродяги, разоренные коттеры и городская чернь — Кромвель не считал их народом. Он или просто сбрасывал их со счетов, думая о благе нации, или опасался. Сектанты, которых раньше он охотно брал в свои войска, теперь его тревожили, и он пальцем не шевелил, когда узнавал, что их преследуют, изгоняют, бросают в тюрьмы. Он пальцем не шевелил, чтобы ответить на их петиции, выполнить их требования. Предоставить им избирательные права наравне со всеми?! Об этом не может быть и речи. Левеллерское «Народное соглашение», поданное в парламент еще в январе, было положено под сукно и забыто.

Но сами левеллеры не собирались складывать оружие. Они теперь заговорили в полный голос, заговорили от имени народа.

Его свободы похищены, а ему самому пытаются заткнуть рот, чтобы он не производил шума. Армию третируют: сразу после казни Карла Стюарта, 2 февраля, офицеры предложили палате общин издать закон, грозящий виселицей всякому, кто вносит смуту в армию. Солдатские митинги были запрещены, а петиции разрешено подавать только через офицеров.

26 февраля в парламент поступает ремонстрация горожан Лондона и Саутворка. Автором ее был все тот же неугомонный Лилберн, и называлась она «Разоблачение новых цепей Англии».

Индепендентская республика сковала народу новые цепи взамен старых, разбитых с казнью короля. Народ низведен до ничтожества, а между тем ему льстят, уверяя, что он единственный источник справедливой власти. На самом деле вся реальная власть в стране передана Государственному совету, и члены его «будут иметь громадную возможность сделать себя абсолютными и безответственными». Парламент следует поэтому распустить и тут же созвать новый, полный, представительный. «Акт о самоотречении», изданный еще в 1645 году и теперь уже всеми забытый, должен выполняться. Великие интриганы, захватившие себе почетные места и в армии, и в парламенте, лелеют планы порабощения республики. Не станут ли они в конце концов «абсолютными властителями, господами и хозяевами как парламента, так и народа»?

Народу же левеллеры разъясняли: «Вы ждете облегчения и свободы от тех, кто угнетает вас, ибо кто ваши угнетатели, как не знать и джентри, и кто угнетен, как не йомен, арендатор, ремесленник и рабочий? Теперь подумайте: не избрали ли вы поработителей в качестве своих избавителей?»

Республика едва была установлена, а левеллеры уже побуждали народ к новой борьбе. «Восстаньте же как один человек, — писали они, — для борьбы за свое освобождение против тех, кто обманул ваше доверие и ежедневно стремится поработить вас… Если вы сейчас не воспользуетесь этой возможностью, знайте с достоверностью, что вы куете для своей собственной шеи ярмо, которое разрушит жизнь, права и состояние как вас самих, так и потомков ваших». 1 марта восемь солдат подали петицию в совет офицеров с требованием разрешить солдатские митинги, санкционировать свободную подачу петиций, распустить Государственный совет и судебный трибунал. Правление офицерской верхушки осуждалось, петиция намекала, что армия не желает служить «честолюбивым стремлениям отдельных лиц».

Бешенство овладело Кромвелем. Они осмеливаются бунтовать после победы, завоеванной с таким трудом! Они

осмеливаются нападать на своих командиров, требовать их низложения! В начале марта, споря в палате с Генри Мартеном об этой левеллерской шайке мятежников (тот, конечно, их защищал), Кромвель выхватил кинжал. Восемь солдат, подавших петицию, были преданы военно-полевому суду. Пятеро, не пожелавших отречься, признаны виновными в клевете на армию, на Государственный совет, в намерении вызвать мятеж. 6 марта перед выстроенными полками их провезли на лошадях лицом к хвосту, сломали над головой каждого его саблю и изгнали из армии.

Но в Лондоне толпы народа встретили их с торжеством и сочувствием. Побежденные превращались в победителей, позор — в триумф. Через две недели вся история с пятью солдатами была изложена в резком издевательском памфлете под названием: «Охота на лисиц от Ньюмаркета и Трипло-Хита до Уайтхолла, проведенная пятью маленькими гончими (бывшими ранее в армии), или с обманщиков-грандов сорваны маски (так что вы можете их узнать)». Узнать лисиц было действительно нетрудно. Кромвель, Айртон, Фэрфакс — вот эти коварные лисы, они стремятся захватить власть в свои руки и поработить народ. «Было ли когда-нибудь поколение людей столь же лживое, предательское и клятвопреступное, как эти люди?.. Их молитвы, посты, проповеди, их вечные цитаты из Священного писания, имя бога и Христа, не сходящее с их уст!.. Едва вы начнете говорить о чем-нибудь с Кромвелем, он приложит руки к груди, возведет очи к небесам и призовет бога в свидетели. Он будет проливать слезы, стенать и сокрушаться, даже посылая вас под удар ножа… Теперь ясно всему миру, что интересы офицеров прямо противоположны интересам солдат; между ними не больше различий, чем между Христом и Белиалом, светом и тьмой… До этого нами правили король, лорды и общины, теперь — генерал, полевой суд и палата общин. Мы спрашиваем вас, что изменилось?..»

Памфлет был полон нападок лично на него, Кромвеля. Его называли новым королем, его вопрошали: «О Кромвель! Чего ты домогаешься?»

Он домогался порядка, благоденствия страны (как он его понимал), справедливости и сохранения завоеваний революции. Вести ее дальше он не хотел, страшился. Но отстаивать то, что завоевано, — здесь у него не было сомнений. 15 марта он был назначен главнокомандующим ирландской армии. Ему предлагали пост главы армейского совета.

Что ему было делать? В стремлении к личной власти, к тому,

чтобы стать «новым королем», его обвиняли и справа, и слева, и роялисты, и левеллеры. Он мог бы отказаться от назначения, не ехать в Ирландию. Но без него будет ли победа? Без него не распадется ли парламентский лагерь, не передерутся ли партии?

Надо было ответить, и 23 марта он встал перед советом офицеров. Для него, английского сквайра, который смотрел на Ирландию как на добычу, как на средство обогащения себя и себе подобных, ирландцы были варварами, недостойными снисхождения. Он вспомнил мятеж 1640 года, вспомнил католические заговоры и постоянные сношения ирландцев с роялистами.

— Если мы не постараемся, — говорил он, — отстоять там наши интересы, то они не только будут вырваны с корнем, но и, кроме того, ирландцы в самом скором времени смогут высадить войска в Англии.

И еще одна мысль была в его речи: надо думать о солдатах. Парламент и командиры в большом долгу перед ними. Завоевание Ирландии сможет дать им значительную компенсацию за те беды и страдания, за те потери, которые они претерпели. Им надо заплатить, их надо хорошо экипировать, вооружить, одеть, и тогда «давайте пойдем, если бог пойдет с нами…».

Речь возымела действие. У Сити решено было просить заем в 120 тысяч фунтов; для обеспечения ирландской экспедиции выпустили акт о продаже церковных и коронных земель.

А на следующий день после речи Кромвеля, 24 марта, был опубликован еще один левеллерский памфлет, который назывался «Вторая часть новых цепей Англии, или Печальное представление о ненадежном и опасном положении республики, направленное к высшей власти Англии — народным представителям». И опять те же обвинения: «несправедливость, алчность и честолюбие тех, кого народ избрал своими представителями…» «Эти люди, которые раньше делали вид, что они борются за свободу в целях уничтожения общественных бедствий, оказались способными быстро выродиться и усвоили грубейшие принципы и практику старых тиранов…» «Вероломные и изменнические действия в отношении армии, парламента и государства…» И угрозы: те, кто захватил в республике власть, «будут сброшены с высоты их узурпированного величия», ибо «они уже потеряли расположение всего народа и держатся теперь одной лишь силой».

Новый памфлет вызвал в правительстве вполне понятное

возмущение. Он был объявлен книгой «скандальной, лживой, клеветнической, призывающей к бунту и новой войне». Авторов и издателей обвинили в измене. 29 марта его сочинители — Лилберн, Уолвин и еще три человека предстали перед Государственным советом.

Лилберна спросили о том, причастен ли он к изданию скандального памфлета. Ответить на этот вопрос — значило отступиться от принципа свободы слова. Вместо ответа он снова стал обвинять грандов. Глядя прямо в глаза Кромвелю, хотя вопросы задавал председатель Брэдшоу, Лилберн объявил, что считает власть совета незаконной и недействительной. Что они сами себя сделали правителями Англии — помимо воли народа, за закрытыми дверями. Что Государственный совет, в котором он видит так много членов парламента, не может обладать судебной властью: законодатели не должны быть судьями, иначе у кого искать защиты от неправедных судей?

Он говорил еще много, спеша, путая слова, боясь, что его вот-вот прервут. И прервали-таки: Брэдшоу велел увести его в соседнюю комнату и вызвать Уолвина. Затем остальных. Потом арестованные долго сидели вместе, прислушиваясь к словам, доносившимся из-за неплотно прикрытой двери. Слова долетали то явственнее, то смутным гулом; временами слышались отдельные выкрики. Члены Государственного совета о чем-то спорили; страсти разгорались, гул усиливался. Вдруг мощный кулак грохнул по столу и все покрыл громовой голос Кромвеля:

— Я говорю вам, сэр, у вас нет другого способа расправиться с этими людьми, как только сокрушить их! Иначе они сокрушат вас!.. Вся ответственность за пролитую кровь падет на ваши головы!

Арестованные вытянулись, напряглись. Совсем рядом, за стеной, бушевал, метал громы и молнии этот могучий человек, которого они когда-то считали своим другом, а теперь заклеймили словом «предатель» и ненавидели за отход от их дела. И он их ненавидел. Кулак еще несколько раз грохнул по столу:

— Повторяю вам, сэр: вы должны сокрушить их!

И все умолкло. Левеллеры поняли, что домой в этот вечер они не вернутся. И правда: ночью их всех отвезли в Тауэр.

Через несколько дней Кромвель согласился принять командование ирландской армией, и 30 марта его назначение было одобрено палатой общин.

Но дух его был в смятении. Он искал внутреннего оправдания своим поступкам. 1 апреля он решил выступить в Уайтхолле с публичной проповедью. Час перед этим он провел в уединении и

молитве, затем твердыми шагами вышел на кафедру. Глаза его были обращены к небу, руки сложены на груди, голова склонилась на бок. «Боже, — говорил он, — сними с меня власть над этим могучим народом — народом Англии, ибо бремя это слишком тяжело, чтобы плечи мои могли его вынести…»

Арест Лилберна и его друзей-левеллеров вызвал новые смуты. Толпы петиционеров шумели перед зданием Вестминстера. Под петицией, поданной 30 марта в парламент, стояло 30 тысяч подписей. В апреле произошла и совсем невиданная демонстрация: взбунтовались лондонские женщины. Добродетельные хозяйки, жены и матери вышли на улицы требовать гарантии народных прав и освобождения заключенных — Лилберна, Уолвина, Принса, Овертона. Женщин собралось несколько тысяч. Драгуны, сторожившие двери парламента, беззлобно отбивались от их ярости прикладами.

Наконец двадцати представительницам разрешено было войти внутрь. К ним вышел депутат. С истинно мужским превосходством он сказал:

— Не женское это дело — подавать петиции. Идите лучше домой и мойте там свои кастрюли.

Одна из них выступила вперед:

— Если у кого кастрюли еще и остались, — сказала она, — то не осталось, что класть в них.

Подошел другой депутат:

— Неслыханное это дело, чтобы женщины подавали петиции в парламент.

— Неслыханное дело, говорите вы? — Еще одна женщина, более бойкая, взмахнула рукой перед самым его носом. — Сэр, то, что является необычным, не является еще поэтому незаконным. Вы ведь отрубили королю голову — это тоже неслыханно. Тем не менее я полагаю, вы это оправдываете?

Кромвель вышел на порог. Шум, выкрики, брань усилились. Совсем близко от себя он увидел разъяренное лицо, растрепанные волосы под покосившимся чепцом, горящие ненавистью глаза.

— Почему вы не хотите принимать от нас петиции? Когда вам нужны были наши деньги и наша кровь, вы нас слушали! Вы думаете, что у нас теперь больше ничего нет, но кое-что осталось, да не про вас!

Кромвель чувствовал себя обескураженным. Здесь не выхватишь шпагу, не бросишься в толпу с кулаками. Сражаться с женщинами ему, воину? Он спросил:

— Чего вы хотите?

Чьи-то цепкие руки схватили его за плащ.

— Чего мы хотим? Тех прав и свобод нации, которые вы нам

обещали! Вы нам ответите! Мы расправимся с вами, если вы хотя бы пальцем тронете арестованных! Вы должны их освободить!

Напрасно он говорил, что они арестованы по закону, что имеется соответствующий указ парламента, что судить их будут открыто и по праву. Они не слушали.

— Сэр, — кричала все та же разъяренная фурия, — если вы лишите их жизни, мы не успокоимся, пока не лишим жизни тех, кто это сделал! Сэр! Мы лишим жизни и вас, если вы убьете их!..

Выбора для Кромвеля, для всего правительства республики не оставалось: этих людей действительно надо было сокрушить во что бы то ни стало. Иначе их бесстрашие и всенародная поддержка, им оказанная, сметут новый строй, власть, государство. Против них надо действовать их же оружием: издавать памфлеты, разоблачать, обвинять. И памфлеты появились. В них говорилось, что левеллеры — безбожники, что они не верят в бессмертие души, а Священное писание считают вымыслом. «Они хотят, чтобы никто не мог назвать какую бы то ни было вещь своей; по их словам, любая власть человека на земле — тирания, по их мнению, частная собственность — дело рук дьявола… Они восстанавливают работника против хозяина, арендатора против землевладельца, покупателя против продавца, должника против заимодавца, бедного против богатого…»

Левеллеры тоже не оставались в долгу: из тюрьмы они ответили на эти обвинения манифестом. «О нас распускают самые невероятные слухи, — писали они. — Будто мы хотим уравнять состояния всех людей, будто мы не хотим никаких сословий и званий между людьми, будто мы не признаем никакого правления, а стремимся лишь ко всеобщей анархии…» Чтобы покончить со всей этой клеветой, левеллеры заявляли: «У нас никогда не было в мыслях уравнять состояния людей, и наивысшим нашим стремлением является такое положение республики, когда каждый с наибольшей обеспеченностью пользуется своею собственностью… Цель наша — усовершенствовать правительство, а не разрушить его, и хотя тирания исключительно плоха, однако из двух крайностей анархия — самая худшая…»

1 мая из Тауэра выпускается новый вариант «Народного соглашения» — левеллеры продолжают борьбу. В полках усиливается агитация, они протестуют против отправки в Ирландию, отказываются покинуть Лондон, пока их требования не будут удовлетворены. В конце апреля вспыхивает восстание в драгунском полку Уолли.

В казармах на Бишопгейт-стрит было шумно. 23 апреля вышел подписанный генералом Фэрфаксом приказ о выводе полка из Лондона, но до сих пор офицерам не удавалось привести приказ в исполнение. Солдаты открыто отказывались повиноваться, вели себя вызывающе. Дали знать Фэрфаксу. 24 апреля последовал вторичный приказ, но тоже безрезультатно. Тридцать вооруженных солдат вышли из казарм, ворвались в гостиницу «Булл» на той же улице и силой, угрожая оружием, захватили все свои эскадронные знамена. На следующий день мятеж продолжался. Солдаты оставались в казармах, отказывались выполнять приказы офицеров, дисциплина упала. Они сидели в помещениях, о чем-то совещались и время от времени выходили на улицу, где уже собралась изрядная толпа. Между ними и толпой завязались какие-то отношения, и уже некоторые солдаты обращались к ней с речами.

25 апреля разнесся слух о приезде Кромвеля и Фэрфакса. Были произведены аресты. На следующий день пятнадцать солдат из полка Уолли предстали перед военным судом. Одиннадцать из них были признаны виновными, шестеро приговорены к смертной казни.

Опять казни, расстрелы. Не слишком ли мрачное начало для республики? Одно кровопролитие влечет за собой другое. «Земля не иначе очищается от пролитой на ней крови, как кровью пролившего ее…» Кромвель настоял, чтобы пятерых из осужденных помиловали.

Казнь выпала только Роберту Локиеру. Ему было двадцать три, а воевать он начал с шестнадцати. Смелый, открытый юноша, добрый товарищ, он был всеобщим любимцем. Как только левеллеры подняли свое знамя в армии, он тут же безоглядно присоединился к ним, всей душой поддержал «Народное соглашение», горячо спорил с грандами в Пэтни. В Уэре он был среди тех, кто прикрепил листок с конституцией к шляпе. Сейчас он должен был умереть как главный зачинщик мятежа.

Узники Тауэра направили Фэрфаксу письмо. Военный суд и смертная казнь в мирное время незаконны, писали они. Это не что иное, как простое убийство. Такие вещи делал Страффорд в Ирландии, а кто не помнит, что стало со Страффордом? Применение военного суда и казни в мирное время было одним из главных пунктов его обвинения. Из-за него-то он и лишился головы, пусть вспомнят это нынешние правители Англии. Как бы им не подвергнуться той же участи.

Но это письмо не спасло Локиера. 27 апреля на Людгейт-

хилл, в Лондоне, перед оградой церкви святого Павла, состоялась публичная экзекуция. Полк был выстроен в боевом порядке, дула мушкетов направлены вперед. Когда треск барабанов затих, обреченному разрешили сказать последнее слово. Он поднял голову:

— Друзья! Друзья солдаты! Со мной расправляются потому, что я выступил за народ Англии и за ваши привилегии и свободы, и, если разобраться, вы должны были бы присоединиться к тем, кто за них борется. Я понимаю, что это офицеры приказывают вам стрелять в меня… Вы же не можете желать гибели того, кто хотел вам только добра.

Ряды едва заметно дрогнули, какое-то движение пронеслось по ним. Говоривший это заметил.

— О нет, пусть моя смерть не пугает, — сказал он. — Пусть она, напротив, ободрит вас, ибо никогда еще ни один человек не умирал так спокойно, как я.

Раздался треск барабанов, потом команда, залп — и все было кончено.

29 апреля траурная процессия двигалась по улицам Лондона. Сразу можно было заметить, что похороны необычные — много тысяч людей шли за гробом, а из домов, из боковых улиц вытекали все новые и новые толпы и вливались в процессию. Они шли по пять-шесть человек в ряд, шестеро горнистов не переставая играли траурный солдатский марш. Цветки розмарина усыпали гроб, алыми каплями падали на мостовую, прямо под ноги лошади покойного, которую, словно на похоронах знатного вельможи, вели за гробом, всю покрытую черной попоной. У многих в толпе рядом с черными лентами к шляпам были прикреплены сине-зеленые — морская волна, цвет левеллеров.

Длинное шествие, растянувшееся на много кварталов, двигалось к новому Вестминстерскому кладбищу. Молчали. Кроме заунывного звука труб, не слышно было ни разговоров, ни вздохов, ни даже плача. Словно набравшись мужества и суровости мужчин, хранили скорбное молчание многие сотни женщин, замыкавшие процессию.

У кладбища ждали еще несколько тысяч человек, и еще многие тысячи готовы были к ним присоединиться. Расстрел Локиера не испугал, не рассеял ряды недовольных, а, наоборот, сплотил их, наполнил сердца ненавистью и решимостью к борьбе. Кромвель просчитался, думая одной казнью раздавить движение. «Многие рассматривали эти похороны как пощечину парламенту и армии», — записал в дневнике Уайтлок. Движение разрасталось.

Левеллеры были главной заботой Кромвеля в это время. Это они, уравнители, ниспровергатели, бунтари, больше всего угрожали республике слева в первые месяцы ее существования. За ними стояла армия — вот что было опаснее всего. И потому расправиться с ними было необходимо. Но появились в эти дни и иные, еще более тревожащие движения. Они тоже угрожали республике слева — правда, на первый взгляд не с такой силой. В феврале из Норича была подана петиция от людей, которые называли себя «людьми Пятой монархии». Они верили, что на смену четырем земным великим царствам — Ассиро-Вавилонскому, Персидскому, Греческому и Римскому, которое продолжается и по сю пору, придет Пятое царство — империя Иисуса Христа, которая на тысячу лет установит на земле добро, справедливость, счастье. Смерть короля усилила их надежды. «Господь Иисус Христос грядет, — писали они. — Готовьтесь к его приходу! Смещайте нечестивых пастырей, отменяйте церковную десятину!»

А в апреле Государственному совету было донесено, что некая группа людей — тридцать-сорок человек, называющие себя «истинными левеллерами», — начала недалеко от Виндзора, в приходе Кобхэм на холме святого Георгия, взрыхлять ничейную землю — общественную пустошь — и сеять на ней турнепс, бобы и морковь. Всем желающим они предлагали присоединиться к ним и обещали бесплатную пищу, питье и одежду. Быть может, они намерены были разрушить изгороди и пахать дальше, вторгнувшись в чужие владения. «Опасаются, — говорилось в донесении, — что у них что-то на уме…»

Местные жители приходили к ним, глядели. Намерения копателей казались в общем миролюбивыми, хотя речи их настораживали. По их ответам на вопросы любопытных выходило так, что будто скоро все вообще люди выйдут на холмы и пустоши, будут копать землю и таким способом заботиться о своем пропитании. Выходило, что на земле скоро не будет богатых и бедных, работников и господ, что все будут трудиться и никто не будет владеть собственностью: все станет общим.

Стало известно, что эти копатели — диггеры — уже выпустили несколько памфлетов. Самым заметным сочинителем среди них был некто Джерард Уинстенли, сын ланкаширского торговца, человек грамотный, но разорившийся. Однажды его посетило мистическое откровение: он услыхал свыше произнесенные слова: «Работайте вместе, вместе ешьте хлеб, объявите об этом всему миру». С тех пор он призывал к тому, чтобы жить сообща, не делить землю и вещи на «мое» и «твое», не

покупать и не продавать, а трудиться вместе и вместе потреблять плоды рук своих. «Я утверждаю, — писал он, — что земля была сотворена для того, чтобы быть общим достоянием всех живущих на ней, но если это так, то никто не должен быть господином над другим, земля создана для того, чтобы все сыны и дочери рода человеческого свободно жили на ней».

И другие памфлеты говорили о том же. «Свет, засиявший в Бекингемшире, или Раскрытие главного основания и первоначальной причины всякого рабства во всем мире» — назывался один из них. Главный источник всякого зла на земле, утверждают они, — частная собственность. Все люди были сотворены равными и свободными и сообща пользовались всеми благами природы. Но алчность и властолюбие привели к захвату земли, вследствие этого и земля, и деревья, и звери, и птицы оказались в немногих корыстолюбивых руках, а все остальные были обездолены и стали их рабами.

В «Декларации бедного угнетенного народа Англии», подписанной среди прочих и Уинстенли, диггеры писали: «Мы объявляем вам, называющим себя лордами и господами страны, что царь справедливости просветил настолько наши сердца, чтобы понять, что земля не была создана специально для вас, чтобы вы были господами ее, а мы вашими рабами, слугами и нищими, но что земля создана для того, чтобы быть общим жизненным достоянием для всех… Наши сердца начинают освобождаться от рабского страха перед людьми, подобными вам… Мы обрели в себе решимость вскапывать и возделывать общинные земли и пустоши по всей Англии…»

Но ошибся бы тот, кто подумал, что диггеры собираются силой отвечать на силу. Нет, этот путь, как показывает история, к добру не приводит. Сколько веков уже люди будто бы исповедуют христианское учение, а поступать по духу евангельскому до сих пор не умеют, не хотят. Мы не будем силой отбирать ваши владения, заверяли лордов диггеры. Мы будем обрабатывать лишь общинные, ничейные поля. И наш пример воодушевит и обратит вас, и вы, лорды, пойдете трудиться вместе с нами.

Получив все эти сведения, Государственный совет приказал тотчас же отправить в Кобхэм отряд кавалерии и разогнать смутьянов. Гранды всей кожей и всем нутром своим почувствовали, что это незаконное сборище мятежных людей может вызвать очень далеко идущие и опасные последствия. Они нарушат мир и спокойствие республики в такой степени, в какой никто его до сих пор не нарушал. «Примите меры к тому, —

говорилось в приказе, — чтобы в Кобхэм было послано несколько конных отрядов, которые бы разогнали людей, устраивающих подобные сборища, и препятствовали подобным действиям в будущем, чтобы недовольная партия не могла собраться под прикрытием подобных людей, собраться в назначенном месте и причинить еще больший вред государству».

19 апреля к холму святого Георгия подскакали два кавалерийских эскадрона. Мотыги мерно стучали в теплом весеннем воздухе, тридцать или сорок человек копались в земле, на просторном поле, под пение жаворонков. Ничего бунтарского, опасного не виделось в этой старой как мир, благодатной картине. Командир эскадрона пожал плечами: и с чего это ему велели разогнать горстку жалких копателей, никому не приносящих вреда?

Он переговорил с теми, кто назвал себя главными (их имена были Уинстенли и Эверард, бывший солдат), и разговор этот лишь укрепил его уверенность, что намерения у копателей самые мирные. Они заявили, что не будут защищаться с помощью оружия. Приказав копателям разойтись, он велел Уинстенли и Эверарду явиться к генералу Фэрфаксу в Лондон и объяснить свое поведение. Те согласились и отправились немедля.

Но здесь начались неприятности. Когда главнокомандующий армии, генерал Фэрфакс, вышел 20 апреля к этим людям, они не соизволили снять перед ним шляп. Генерал недоуменно посмотрел на окружающих.

— Вы почему не снимаете шляп перед его превосходительством? — строго спросил оборванцев адъютант.

— Потому что он — такое же созданье божье, как и мы, — был ответ.

На вопрос, чего они хотят и зачем копают землю, диггеры ответили, что они, как и все бедные люди Англии, имеют право трудиться на ничейной земле, мирно обрабатывать ее и пользоваться плодами своего труда.

Им позволено было вернуться домой. И они снова принялись за свое дело. Власти как будто на время оставили их в покое, и на холме святого Георгия, а также на других холмах старой доброй Англии закопошились согнутые фигуры новых мечтателей и идеалистов.

26 апреля вышел памфлет Уинстенли, озаглавленный «Знамя истинных левеллеров поднято, или Строй общности, открытый и предлагаемый сынам человеческим». «О ты, власть Англии, — писал Уинстенли, — хотя ты и давала обещание превратить ее народ в свободный народ, но ты так ставила этот вопрос по своей себялюбивой природе, что ввергла нас в еще большее рабство…

Тот самый народ, которому ты обещала дать свободу, угнетен судами, мировыми судьями и комитетами, его сажают в тюрьмы… Лендлорды возвышаются на должности судей, правителей и государственных чиновников… Люди, претендующие на охрану народной безопасности силою меча, от высокого жалованья, многочисленных военных постоев и других видов добычи набирают много денег, покупают на них землю и становятся лендлордами». В памфлете говорилось о проклятом рабстве огораживаний, о тяжести налогов, об угнетении народа сборщиками податей, владельцами десятин, господами, юристами… Уинстенли предрекал, что вскоре «все общинные земли и пустоши в Англии и во всем мире будут взяты по справедливости людьми, не имеющими собственности».

Да, власти на какое-то время оставили диггеров в покое — назревали другие, более грозные события: война в Ирландии, мятежи в армии… Но не дремали соседи — благополучные, зажиточные фригольдеры и йомены. Эти крепкие хозяева жили и хотели жить своими земными интересами; они считали копейку, копили впрок достояние и не желали ни с кем делиться: с какой стати? Для них кобхэмские мечтатели были настоящими врагами: они были не такими, как все, они не понимали, более того, они отвергали интересы мира сего. Любопытствующие толпы вокруг копателей росли, их настроение делалось все более воинственным, они пытались спорить, угрожать. Они ходили жаловаться к бэйлифам и лордам, они не могли терпеть этих мирных смутьянов, обладавших более высоким духом, чем они сами. Наиболее ретивые из этих почтенных людей стали переходить к действиям: хижины диггеров кто-то разрушал по ночам, их посевы вытаптывались, инвентарь ломался. Местные власти, всегда в провинции более ограниченные и жестокие, хватали копателей, избивали их, бросали в тюрьмы, штрафовали.

Но они выходили в поле снова и снова — и не только уже на холме святого Георгия, но и в Нортгемптоне, Кенте, других графствах. Это мирное, внешне такое убогое, такое безобидное движение становилось для индепендентской республики едва ли не более опасной силой, чем открытое неповиновение армии.

Похоже было, что новая гражданская война, уже третья по счету, все-таки грянет. Не было спокойствия в стране, не складывалось оружие, не унимались страсти. Только ненависть бушевала теперь не между роялистами и сторонниками парламента, а внутри самого парламентского лагеря, внутри армии.

Бунтовали армейские низы. То тут, то там слышалось об открытом неповиновении, мятежных выходках, протестах. Расстрел Локиера никого не успокоил, напротив, только усилил борьбу. И конечно, возглавляли это недовольство левеллеры. 1 мая узники Тауэра — Лилберн Овертон, Уолвин, Принс — выпустили еще одну редакцию «Народного соглашения», где требовали немедленного созыва нового парламента на основе всеобщего избирательного права.

6 мая восстали воинские части в Солсбери — офицеры были удалены, приказ об отправке в Ирландию решили не исполнять. «Мы обращаемся ко всем разумным людям, — заявили они, — и спрашиваем: разве это справедливо и правомерно отправить нас в другую страну до того, как мы сделали что-либо доброе дома?»

К ним присоединились солдаты полка Айртона; восставшие сошлись на общий митинг близ Солсбери и здесь же 11 мая составили декларацию. «Мы решили приложить все наши усилия, — писали они, — чтобы с божьей помощью добиться настоящего устройства этой несчастной нации, восстановления нарушенного мира в освобождения страны от власти тирании… Пусть знает весь мир, что мы намерены осуществить окончательное устройство этой отчаявшейся нации по форме и способу „Народного соглашения“, предложенного как средство к установлению мира подполковником Джоном Лилберном, а также Уильямом Уолвином, Томасом Принсом и Ричардом Овертоном 1 мая 1649 года… Пусть будет известно всему свободному народу Англии и всему миру, что мы, предпочитая скорее умереть за свободу, чем жить рабами, собрались и объединились вместе, как англичане, чтобы с мечами в руках избавить себя и свою родину от рабства и угнетения…»

Второй очаг восстания возник в Бэнбери, недалеко от Оксфорда. Его возглавил капитан Уильям Томпсон, энергичный и умный вожак. Он сразу же объявил солдатам, что для успеха дела надо соединиться с другими повстанцами и действовать вместе.

Как унять, как прекратить эти возмущения? Как удовлетворить солдат, не подвергая опасности устои государства? Власти приняли меры: вооруженный отряд в четыреста человек занял Тауэр, чтобы усилить охрану узников и гарантировать безопасность крепости на случай мятежа левеллеров в Лондоне. К Лилберну и его товарищам запретили допускать кого бы то ни было, даже жен, детей, слуг. Генерал-майору Скиппону был отдан приказ привести силы столицы в боевую готовность.

9 мая Кромвель выступил на смотре воинских частей, расквартированных в Гайд-парке. Он начал мягко. Он все понимает: нужды солдат действительно велики. Он знал, что

рядовой пехотинец получает жалованье в 30 раз меньшее, чем генерал, и во много раз меньшее, чем офицер. Но и этих скудных платежей пехотинец не видел: жалованье задолжали за несколько месяцев. И теперь их гонят в Ирландию, не дав им ничего, что они требовали дома. Так вот: все желающие покинуть армию могут свободно это сделать, и им будут выплачены все деньги, которые следует. Только сегодня, 9 мая, парламент принял акт об уплате солдатам задолженности за счет продажи имений короля и его семьи. Кроме того, десять тысяч фунтов стерлингов, предназначенных для флота, переданы на нужды армии.

Но этим дело не ограничится. Кромвель знал, чего от него ждали, и говорил рассчитанно, веско. Парламент намерен издать акт о самороспуске и назначить выборы в новое представительное собрание так скоро, как только это будет возможно. Верьте парламенту, верьте своим доблестным генералам — они не дадут общему врагу восторжествовать.

Настроение солдат оставалось враждебным. Кромвель видел насупившиеся лица, недоверчивые глаза, презрительные усмешки. Кто-то из задних рядов попытался даже ему возразить, но офицеры быстро его утихомирили. Блуждая по рядам глазами, Кромвель вдруг заметил совсем недалеко от себя на нескольких шляпах сине-зеленые ленты. Опять левеллеры! Знакомое бешенство закипело в груди, он снова, как в Уэре, дал шпоры коню, тесня ряды, дотянулся до ненавистной тряпки и резким взмахом руки сорвал ее.

— Приказываю полку немедленно выступать! — крикнул он, вложив в эту фразу весь остаток нерастраченной ярости.

А несколько дней спустя он и Фэрфакс уже скакали на юго-запад: восстание в частях вокруг Солсбери приняло такой размах, что только регулярные войска могли его подавить. За спиной Кромвеля двигались отборные силы «железнобоких»: четыре тысячи кавалеристов. Они шли сражаться теперь против своих кровных братьев — солдат их собственной армии, левеллеров, республиканцев.

Через майора Уайта, бывшего левеллера, посланного к повстанцам для переговоров, Кромвель узнал, что главные силы Томпсона, уходя от преследования других парламентских частей, движутся из Бэнбери к Солсбери, на соединение с тамошними повстанцами. Азарт охотника, мастерство полководца, жгучая жажда битвы и победы — все снова проснулось в Кромвеле. Он приказал идти быстрым маршем, очень быстрым, стремительным, почти невероятным. В субботу, 14 мая, они сделали молниеносный бросок — 45 миль за считанные часы промелькнули под копытами коней — и к полночи в полной тьме

подошли к Бэрфорду.

Смутьяны, утомившись после долгого перехода, мирно спали, разместившись в домах городка, на чердаках, в конюшнях. Распряженные лошади дремали.

Это было как раз то, что нужно. Бешеной, все сметающей лавиной налетела кромвелевская конница на спящий городок, топча огороды, врываясь в конюшни, стреляя в окна. Проснувшиеся повстанцы, поначалу ничего не понимая, стали отстреливаться. Все ожесточеннее становился бой, все чаще мушкетная стрельба из окон, из-за углов, из сараев. Силы были слишком неравны, преимущества нападающих слишком велики. К утру бой затих, и около четырехсот полуодетых пленников заперли в городскую церковь. Трофеи составили почти девятьсот лошадей и двенадцать знамен. Убито было всего несколько человек, и многим, в том числе капитану Томпсону, удалось под покровом ночи бежать и скрыться в лесу.

Утром заседал военно-полевой суд. Четырех человек — корнета Томпсона, брата исчезнувшего капитана, капралов Данна, Черча и Перкинса — приговорили к расстрелу. Данн проявил раскаяние, принялся писать памфлет, направленный против мятежа, и в последний момент его помиловали. Троих расстреляли на церковном дворе, и они достойно встретили смерть. К остальным, запертым в церкви, спустя несколько дней вошел Кромвель. Он сказал им, что они, безусловно, заслуживают смертной казни, но он их прощает. Примерной службой они должны постараться искупить свою вину и принести пользу республике. Их расформировали по разным полкам.

Капитан Томпсон с двумя эскадронами объявился в графстве Нортгемптон. К нему стали стекаться остатки повстанцев, но вскоре отряды парламентской кавалерии настигли их близ Уэллингборо и разбили. Тяжело раненный Томпсон, видя, что его дело проиграно, поскакал к лесу, в кустах на него налетело человек двадцать кавалеристов. Бой был недолгим. Двоих, правда, ему удалось уложить, но остальных было слишком много. Его окружили, и скоро отчаянные попытки выжить, спастись, отразить безжалостные удары прекратились. Геройская смерть в бою доблестнее позорной казни.

Кромвель снова — в который раз! — вернулся в Лондон победителем. И на этот раз благодарности и ликованию города не было границ. Да разве только Лондон ликовал и благодарил своего спасителя — спасителя от смут, от мятежников, хотевших уравнять права и, упаси боже, имущество людей! В Оксфорде, бывшей цитадели роялистов, куда они с Фэрфаксом въехали после победы, их встретили с небывалыми почестями и

подношениями. На торжественном собрании университета на них надели алые мантии почетных докторов права. Полковникам и капитанам раздали степени магистров, бакалавров.

Парламент в специальном постановлении вынес «сердечную благодарность» Кромвелю, Фэрфаксу и их офицерам «за спасение парламента и нации от грозящей им серьезной опасности». Несколько дней подряд в церквах шли благодарственные молебны, проповедники на все лады повторяли торжественные слова победных псалмов.

А Сити! Совсем недавно почтенные заправилы его ненавидели Кромвеля как цареубийцу, клеймили его как узурпатора власти. Теперь их лица расцвели улыбками. Кромвель — спаситель нации, Кромвель — победитель смуты. 7 июня его пригласили на роскошный банкет в честь победоносных генералов.

Сидя в карете, по дороге на банкет, он думал о том, что во всех этих безобразиях, в новой междоусобной войне, в расстрелах виноват Лилберн. Это он своими памфлетами сеет смуту, это он настраивает солдат на новые мятежи. Смешно говорить о том, что смуты закончены, пока этот человек жив, пока он не усмирен, не уничтожен. На днях, обсуждая эти дела с одним из членов совета, он снова вышел из себя, стукнул кулаком по столу и в сердцах выкрикнул: «Один из нас должен погибнуть: или Лилберн, или я!» Парламентский акт от 14 мая, объявляющий изменой всякое подстрекательство к мятежу в армии, он встретил с удовлетворением.

Карета неспешно катилась по улицам города, толпы зевак, как всегда, стояли вдоль домов и глазели на процессию, но в лицах их Кромвелю чудилась угроза, и среди гула приветственных выкриков он улавливал иные голоса — упрямые, протестующие, ненавистные. Внезапно раздался треск, скрежет, карета резко накренилась, и он, больно ударившись обо что-то виском, полетел в угол. Лошади тревожно заржали, процессия остановилась, гул вокруг усилился. Дверцу кареты заклинило, солдаты конвоя рвали ее снаружи. Наконец ему помогли выбраться. Дрожащий бледный кучер объяснил, что кто-то вынул чеку из передней оси колеса, и оно отскочило.

Зато банкет удался на славу. Столы большого зала, принадлежащего обществу торговцев пряностями, ломились от разнообразных кушаний, изысканных вин, серебряной посуды. Спикер Ленталл, члены Государственного совета и парламента, генералы, высшие офицеры, олдермены и знатнейшие денежные тузы Сити — все были тут. Звучали военные трубы и барабаны, вино ли лось рекой, речи были одна торжественнее, одна

хвалебнее другой. По движению левеллеров справлялась пышная тризна, и чем тяжелее было на сердце у Кромвеля, разгромившего бывших товарищей, тем пышнее и великолепнее казалось ему празднество, тем богаче подарки, преподнесенные ему и Фэрфаксу: большие золотые чаши, блюда, графины, подносы. Правители ликовали и наслаждались, а народ, тот народ, благодаря которому они выиграли победу над королем, был обижен, угнетен, по-прежнему бесправен.

Глава VIII
Завоеватель

Народ, порабощающий другой народ, кует свои собственные цепи.
Карл Маркс

Я скорее предпочел бы потерпеть поражение от кавалеров, чем от шотландцев; я предпочел бы быть разбитым шотландцами, нежели ирландцами.
Кромвель

1. Ирландия

Теперь, когда угроза миру внутри республики была уничтожена, когда левеллеры испытали на себе силу его меча, Кромвель мог отдать свою энергию подготовке того, что давно уже его тревожило: похода в Ирландию. Еще в марте он был назначен главнокомандующим ирландской армии и одновременно — лейтенант-генералом Ирландии. Палата не поскупилась: обе должности принесли ему около тринадцати тысяч фунтов в год; с материальными трудностями было навсегда покончено.

Армия, которая должна была завоевать Ирландию, состояла из 12 тысяч человек. То, против чего солдаты так яростно восставали еще весной 47-го года, то, что привело к майским восстаниям 49-го года, теперь все же должно было свершиться. Их надо было вести в Ирландию во что бы то ни стало: только так можно унять недовольство, загасить энтузиазм, пламеневший в сердцах солдат, направить его по другому руслу. И как тогда, зловещей весной сорок седьмого, только Кромвель мог обезвредить армию — обезвредить, возглавив ее и поведя за собой, — так и сейчас ему приходилось стать во главе ирландского похода, взять на себя бремя это и вновь покорить войско своему гению.

Но такой поход должен иметь солидную опору. Довольно, прошли времена, когда солдаты чуть ли не босиком, голодные и нищие, отшагивали сотни миль, повинуясь одной великой цели: победить кавалеров, добиться свободы и справедливости. «Свобода и справедливость…» Эти понятия стали ныне такими расплывчатыми, относительными. Король мертв, кавалеры низринуты, в Англии установлена республика, великая цель вроде бы и достигнута, так чем же сейчас воодушевить войско? Настала пора подумать о прибыли: это и спокойнее и вернее. Ирландский поход должен проходить под лозунгом «обогащайтесь!» — древнейшее и надежнейшее средство.

Прекрасная мысль: солдатам мало платят? Им задерживают жалованье? Так пусть они пойдут в Ирландию, завоюют ее и получат в счет платежей сколько угодно даровой ирландской земли. Пусть они вырежут ирландцев хоть всех до одного и колонизуют богатый, плодородный остров во славу Англии и на пользу себе и своим семьям. То, что Кромвель строжайше запрещал в Англии — грабеж и мародерство, — само собой, разрешалось и поощрялось в Ирландии. Кстати, ирландскими землями можно было расплатиться и с Сити. Еще в феврале 1642

года, сразу после начала восстания, английский парламент принял билль о конфискации у ирландцев двух с половиной миллионов акров хорошей земли в обеспечение займа на подавление мятежа. Среди подписчиков этого займа стояло тогда скромное, мало кому известное имя сквайра Оливера Кромвеля, который внес пятьсот фунтов из своих сбережений. Настала пора вернуть эти деньга. Короче говоря, ирландская экспедиция сулила всем большие выгоды; а о чем еще, как не о выгоде, следовало думать теперь, когда «свобода и справедливость» завоеваны?

Имелось еще одно соображение для отправки Кромвеля в Ирландию. Очень может быть, что многие члены парламента, которые так настаивали, чтобы он принял командование, втайне надеялись тем самым удалить могущественного соперника, потенциального диктатора из Лондона. Если он увязнет в Ирландии, тем лучше: парламент сможет действовать без его контроля, без контроля армии. И кто знает? Может быть, в Англии тем временем придут к власти совсем иные люди…

К тому же роялистская опасность в Ирландии усилилась как никогда. После казни короля эта страна стала центром притяжения всех роялистских сил. Полное отделение от Англии провозгласили еще в сентябре 1643 года. Во главе английских роялистов стоял эмиссар Карла I граф Ормонд. В начале 1649 года, когда шел суд над королем, он деятельно готовил армию для высадки на английском берегу. Он подписал договор с возглавлявшей ирландское восстание Всеобщей ассоциацией объединенных католиков, и вместе они энергично отвоевывали у парламентских войск одну крепость за другой. Заодно с ними действовал вожак ольстерских католических кланов Оуэн О'Нейл, который ненавидел всех англичан как поработителей его народа. Ему помогал папский нунций. Тут же, в Ольстере, имелось значительное число шотландцев-пресвитериан; они были врагами католиков, но ненавидели также и английских «цареубийц» — индепендентов, проповедовавших религиозную терпимость.

На время все эти разнородные силы объединились против английской республики. Ими руководила ненависть — могучее, но недолговечное орудие объединения. На какое-то время она одушевила всех в Ирландии и создала единство, готовое сразиться не на жизнь, а на смерть. Чарльз, принц Уэльский, был после смерти короля Карла провозглашен законным монархом — Карлом II. В конце января из Голландии прибыли остатки роялистского флота — восемь боевых кораблей, командовал которыми принц Руперт. Парламентские отряды таяли, их теснили со всех сторон. Только Дублин, Дерри (Лондон-дерри) и Дендалк оставались в их руках; девять десятых страны перешли к

роялистам.

На эту страну, на этот горящий ненавистью к парламенту и армии остров, Кромвель должен был обрушить столь тяжкий, столь могучий молот, чтобы разом сокрушить ее, раздавить, уничтожить; война должна быть быстрой и победоносной. Еще в марте он поставил непременным условием хорошее, первоклассное снабжение войск. Он уже не просил, как в начале гражданской войны, а спокойно требовал денег для экспедиции; и деньги явились без труда. В апреле Сити дает займ в 120 тысяч фунтов; в июле еще один займ: на этот раз 150 тысяч, Комитету по распродаже земель побежденных роялистов — делинквентов — предложено ускорить сбор денежных средств и предоставить значительную их часть на нужды ирландской экспедиции.

Солдат надо задобрить и обнадежить: им выплачивают полностью все жалованье. Нищие вояки вдруг становятся богатеями: им выдают кучи денег — задолженности за многие месяцы службы. Еще больше им сулят: несметные сокровища, тучные даровые земли в Ирландии. Кто устоят против таких посул, против перспектив получить наконец хорошую землю, стать богатым! Соблазн велик, настроение в войсках поднимается, и мало кто уже слушает разбитых левеллеров. Пусть они говорят, что народ Англии и Ирландии должен объединиться в борьбе против новых лендлордов. Пусть убеждает Уолвин, что дело коренных ирландцев, добивающихся свободы, — то самое дело, за которое борются и они, англичане, добиваясь свободы от угнетения и тирании. Пусть они вспоминают армейскую священную клятву, данную 5 июня 1647 года, — не расходиться, пока свободы англичан не будут обеспечены, и кричат о том, что отправка в Ирландию — нарушение этой клятвы. У солдат денежки в кармане; на душе легко; впереди — быстрый победный поход и богатство, и сытая, спокойная жизнь на тучных ирландских землях. Да здравствует лейтенант-генерал Кромвель!

И вот 11 июля происходит прощальная церемония. В Уайтхолле собрались офицеры, представители Сити, члены парламента. Три пастора торжественно испрашивают божьего благословения славному походу. С речами выступают Гоффе, Гаррисоы. И Кромвель говорит речь, пересыпая ее многими текстами из Ветхого завета: они должны продемонстрировать высший смысл, божественную суть предстоящей экспедиции. И только в пять часов вечера присутствующие выходят из дворца, чтобы тронуться наконец в путь.

Мерной, тяжелой поступью подходит Кромвель к роскошной карете. Прошла пора утомительных верховых переходов: он

поедет теперь с комфортом, даже с роскошью. Карета запряжена шестью фландрскими кобылицами, серыми в яблоках. Над нею полощется по ветру белое знамя — знак мирных намерений. С самого начала лицемерие отмечает своей печатью эту экспедицию. За каретой командира следует множество других карет — в них едут высшие армейские чины, и первый из них — зять Кромвеля генерал Айртон, взятый им себе в заместители. Личная гвардия главнокомандующего состоит из восьмидесяти отборных офицеров — многие из них имеют чин полковника. Члены парламента тоже садятся в кареты, они проводят Кромвеля до Брентфорда.

Трубы издают победный клич, процессия трогается. Теперь берегитесь, граф Ормонд! Вы будете иметь дело с храбрыми воинами; победить их — великая честь для вас, но и быть побежденными ими — тоже немалая честь. Вы говорите: «Цезарь или ничто!», а они: «Республика или ничто!» Так писали в газете. И Кромвель, всегда равнодушный к роскоши, принял на этот раз такой великолепный выезд как должное: это не он, а республика Англии идет в бой против врагов своих. Пусть все видят, как он, ничтожный слуга ее, которого Ормонд и подобные ему называют именем Иоанна Лейденского[11], идет на служение великому делу, и слава его — это слава новой Англии.

В Бристоле Кромвелю пришлось задержаться. Он обещал солдатам не двигаться с места, пока не прибыло все армейское снаряжение, пока всем солдатам не уплачено жалованье до последнего пенни. Здесь он был непреклонен. Ожидая подвоза артиллерии, обуви, бочонков с порохом, продовольствия, а главное — ста тысяч фунтов наличными, обещанных парламентом, он принимал посетителей и ездил по уэльским портам. К нему приехали Элизабет со старшим сыном Ричардом — проститься и пожелать доброго пути. Ричард, постоянная его забота теперь, напомнил ему о Дороти — невестке, к которой Кромвель питал некоторую слабость и называл «дочерью». Ее отцу, Ричарду Мэру, он написал в эти дни:

«Я очень рад слышать, что все у вас хорошо и что наши дети собираются поехать отдохнуть и поесть вишен; для дочери моей это вполне извинительно, я надеюсь, она имеет для этого добрые основания. Уверяю вас, сэр, я желаю ей добра и полагаю, что она это знает. Прошу вас, передайте ей, что я ожидаю от нее частых писем, из которых я надеюсь узнать, кап поживает вся ваша семья… Вручаю вам моего сына и надеюсь, вы будете ему добрым руководителем… Я хочу, чтобы он стал серьезнее, время этого

требует…»

Но семейные дела недолго занимали Кромвеля. Вскоре он, готовясь к походу, отправился в Милфорд Хэвен, гавань того самого Пемброка, который он так долго осаждал год назад. И здесь к нему явился неожиданный посетитель. Он был плечист, приземист, с тяжелым непроницаемым лицом. Звали его полковник Джордж Монк. С 1647 года он был по назначению парламента правителем провинции Ольстер. В самом облике этого человека, в молчаливости его было нечто загадочное. Прошлое его оказалось несколько подмоченным участием в гражданской войне на стороне короля и пленом; правда, позднее он искупил свою вину верной службой парламенту.

Сейчас Монк явился для объяснений. Положение его в Ирландии стало с начала года ужасным. Теснимый со всех сторон врагами, он вынужден был заключить на свой страх и риск трехмесячное перемирие с О'Нейлом — ирландским папистом. До поры до времени он скрывал его — и правильно делал: в глазах благочестивых пуритан любой договор с ирландцем, да вдобавок еще и католиком, человеком, под латами которого впоследствии было обнаружено одеяние доминиканского монаха, — сам по себе был страшным преступлением. В апреле Монк, уступая натиску отрядов лорда Инчикуина, отошел с остатками своих войск к крепости Дендалк и укрылся там. Припасы были на исходе, солдаты выражали недовольство задержкой жалованья, и Монк, не видя другого выхода, обратился к О'Нейлу за помощью — во исполнение условий перемирия. О'Нейл отказался, ссылаясь на отсутствие пороха, и отступил к Дерри. Тщетно Монк взывал к Джонсу, командиру гарнизона в Дублине: он тоже был блокирован неприятелем. Солдаты Монка, голодные, нищие, отказались сражаться, и он вынужден был сдать Дендалк войскам Ормонда.

Разговор был нелегким. Парламент осудил Монка за то, что он посмел заключить союз с «папистским чудовищем». Если бы еще этот союз увенчался успехом!.. Но поскольку дело было проиграно, крепость пала, было принято решение уволить просчитавшегося офицера.

Кромвель понимал, что Монк не мог поступить иначе. Рассказ мрачного полковника, даже его красноречивое молчание говорили о том, сколь серьезно положение п Ирландии. Как собрат по оружию, Кромвель не мог винить Монка. Но он не подумал о солдатах. Именно известие о договоре с О'Нейлом вызвало массовые дезертирства в войсках, уже готовых к отправке в Ирландию. Кромвель сказал Монку, что он должен нести всю ответственность за свой поступок, и мужественный полковник

согласился. Его лицо, его честность, ум, готовность принять на себя вину Кромвель хорошо запомнил. Монк еще послужит ему верой и правдой — в этом он не сомневался.

А Ирландия, которая лежала так близко от Англии, что с башен Пемброкского замка в ясную погоду можно было различить очертания ее берега, тревожила Кромвеля все больше. Мало было двинуть туда отборные части армии, мало было до зубов вооружить их, снабдить деньгами, продовольствием, одеждой, медикаментами. Хорошо бы еще расколоть ирландские силы изнутри, сыграть на их разногласиях, тайно изыскать среди них предателей и перетянуть кое-кого на свою сторону. Не только мечом воюет теперь Кромвель. Умудренный многолетним боевым опытом, он знает: есть средства и посильнее открытого боя.

Еще в Лондоне Кромвелю удалось заключить негласный союз с лордом Брогхиллом, который уже несколько раз переходил из королевских войск в парламентские и обратно. Теперь, как донесли Кромвелю, он ехал к Карлу II за новыми полномочиями, чтобы затем воевать на его стороне в Ирландии. Кромвель тогда сам явился к незнакомому дворянину и ошеломил его, сказав без обиняков, что его намерения известны Государственному совету и уже подписан приказ о заключении его в Тауэр. Тот признался so всем и просил совета. Кромвель великодушно предложил ему пост генерала в ирландской экспедиции. Он будет освобожден от всех клятв и обязательств, кроме слова чести, и может убивать на войне только ирландцев. После некоторых колебаний Брогхилл согласился и был немедленно отправлен в Бристоль. Теперь Кромвель с ним не расставался: он нашел в нем не только умного и дельного помощника, но и близкого, преданного друга.

Здесь же, наблюдая за передвижением войск, погрузкой на корабли снаряжения и продовольствия, занятый по горло заботами о предстоящем походе, Кромвель узнал, что Лилберн обрушился на него с новым потоком обвинений. Его очередной памфлет назывался ни много ни мало «Обвинение в государственной измене против Оливера Кромвеля и его зятя Генри Айртона». Безумный человек! Он кричал в такой момент, что Кромвель собирается захватить верховную власть в стране. Государственный совет сам позаботился о защите главнокомандующего, и 20 августа Лилберн снова был арестован и посажен в Тауэр.

И вдруг радостная новость. Не успели первые корабли, отосланные Кромвелем, войти в Дублинский порт, как успех уже увенчал экспедицию. Отчаявшийся, изнуренный долгой осадой

гарнизон крепости одушевился, узнав о прибытии подкреплений, и 2 августа под командой своего губернатора Митчела Джонса сделал удачную вылазку у деревеньки Ратмайнс, где расположились главные силы графа Ормонда — около 19 тысяч человек. Враг был застигнут врасплох, быстрый, смелый удар немногочисленных парламентских отрядов (Джонс имел четыре тысячи пехоты и 1200 кавалеристов) опрокинул его, привел в полнейший беспорядок. Было убито около четырех тысяч человек, две с половиной тысячи захвачено в плен; в руки Джонса попали вся роялистская артиллерия и обоз.

После такого сокрушительного поражения Ормонд был вынужден отступить; дорога на Дублин оказалась свободной, и 13 августа Оливер Кромвель поднялся по трапу корабля «Святой Иоанн», чтобы впервые в жизни отплыть от английских берегов для завоевания чужой страны.

«Святой Иоанн» плыл во главе флотилии из 35 кораблей. Айртон еще с 77 судами должен был отчалить двумя днями позже. Еще 18 кораблей под командой полковника Хортона готовились к отплытию. Всего на них двигалось свыше десяти тысяч человек, с амуницией, продуктами и артиллерией — целая армада шла на завоевание «Зеленого острова».

Поначалу ветер был попутным, и Кромвель спустился в каюту: надо было написать письма. Снова пишет он Ричарду Мэру, называя его «дорогим братом», и просит за него молиться, и вверяет его заботам старшего сына. *«…Прошу вас, не оставляйте его вашими советами… Я хотел бы, чтобы он больше думал и занимался делом; читал понемногу историю, изучал математику и космографию: они хороши потому, что показывают, как все в мире подчинено божественному замыслу. Это лучше, чем без Велье или просто внешние мирские удовольствия. Это необходимо и для общественного служения, для которого рожден человек…»*

Качка усиливалась, похоже, поднималась буря. Каюту бросало из стороны в сторону, в глазах темнело, липкий пот выступал на лбу. Больше Кромвель не мог писать: дурнота победила его. Весь остаток перехода он пролежал на койке, мучимый морской болезнью.

В Дублин прибыли только 15 августа. Пушки ударили. со стен крепости, приветствуя парламентский флот, и Кромвель, еще бледный и слабый, но безмерно счастливый, что плавание осталось позади, ступил на твердую ирландскую землю. Он искренне верил, что до восстания 41-го года Ирландия

наслаждалась миром и благоденствием. Он, возможно, не знал, каким бесчеловечным жестокостям подвергалось ирландское население при приснопамятной королеве Елизавете. Он, возможно, забыл, какими средствами выжимал доходы для короля из этой страны Страффорд. Ему казалось, что до восстания все в Ирландии было хорошо и лишь жестокий и варварский народ этой страны повинен в том, что ей приходится вновь завоевывать.

Несколько дней ушло на приведение в порядок дел, встречу и размещение вновь прибывших, на отдых после переезда через пролив. Между тем стало известно из достоверных источников, что Карл Стюарт, именующий себя английским королем Карлом II, направился было в Ирландию, но, услышав о высадке там Кромвеля, пристал к острову Джерси, возле берегов Бретани. Его дальнейшие планы зависели от того, как развернутся события в Ирландии. Новый адмирал парламентского флота, Блэйк, тем временем появился в Ирландском море с внушительной флотилией и блокировал флот принца Руперта в порту Кинсейл, на юге Ирландии.

Положение завоевателя и — будем говорить прямо — карателя побуждало к строгости и одновременно к соблюдению видимости закона и беспристрастия. 24 августа Кромвель выпускает декларацию, обращенную к офицерам своей армии и к жителям того острова, который ему предстояло завоевать. Впрочем, это обращение направлено скорее все же народу Ирландии: его предостерегали и одновременно уверяли в самых добрых намерениях захватчиков. *«Я настоящим предостерегаю,* — говорилось в декларации, — *и обязываю всех офицеров, солдат и прочих лиц, находящихся под моей командой, не чинить никаких обид и насилий в отношении к сельскому населению или иным людям, если они не принимают активного участия в вооруженной борьбе против нас или не состоят на службе у противника; равным образом не касаться имущества таких лиц без специального приказа».*

Всем местным жителям, которые будут помогать прибывшей армии продовольствием, гарантировалось, *«что они не будут подвергаться никаким притеснениям или обидам, но будут пользоваться всеми благами свободной торговли и получать наличные деньги за свои продукты и товары».* Прочим жителям обещали, что если они будут вести себя *«мирно и спокойно»* и будут уплачивать сполна все возложенные на них платежи по содержанию английской армии, *«то они будут иметь беспрепятственное разрешение и свободу жить у себя дома со своими семьями и добром».*

Так была очерчена политика завоевателей. Поначалу она не таила в себе особой угрозы. Дальнейшие события покажут, как исполнялись эти обещания.

Если в Англии в XVII веке дороги были плохи, то в Ирландии они вообще никуда не годились. Даже летом по крутым, неприступным горам, чавкающим трясинам болот, через разлившиеся русла рек трудно пробираться. Если климат в Англии был сырой и нездоровый — лето 48-го года лучшее тому доказательство, — то в Ирландии

климат был намного хуже. Сырость не проходила никогда, она пропитывала дома, одежду, обувь, липкой изморосью оседала на стволах орудий, почву делала зыбкой и неверной. Еще в Дублине Кромвель почувствовал себя неважно — все-таки пятьдесят лет стукнуло ему в апреле. А сейчас, когда они выступили на север, к крепости Дрогеда, где засели отряды разбитого Ормонда, стало ясно, что поход будет трудным, почти непосильным и для него, и для всей армии. Гнилостные миазмы болот, по которым шли солдаты, смешивались с тяжелыми липкими испарениями потных тел и мокрой одежды. Днем идти было душно, сырость проникала в легкие, вызывая хриплый кашель. Но шел уже сентябрь, темнело рано, и ночи были длинными и холодными, мокрая одежда не успевала просохнуть у костров. Дали себя знать первые грозные признаки эпидемий: кто-то уже лежал в лихорадке, у других распухли железки на шее, а у некоторых на теле выступили нарывы — карбункулы, причинявшие большие страдания.

3 сентября, покрыв тридцать миль, подошли к Дроге-де и начали строить укрепления на расстоянии мушкетного выстрела от стен крепости. Морем стали прибывать пушки, их установили, направив на город.

Дрогеда была, пожалуй, самой сильной из ирландских крепостей. О ней говорили: «Штурмовать Дрогеду все равно, что штурмовать ад». Река делила ее на две части: северную и южную; последняя была укреплена древними толстыми стенами не меньше 12 футов в высоту. В юго-восточном углу ее стояла церковь святой Марии, откуда можно было хорошо наблюдать за движениями неприятеля и отстреливаться. В главную, северную, часть города можно было попасть, только овладев цитаделью Милл Маунт на высоком холме, укрепленном насыпями и изгородями.

Гарнизоном командовал сэр Артур Эстон, мрачный и неколебимый ветеран-католик. Он воевал против турок на

равнинах Польши. Он сражался под знаменами Густава Адольфа, а потом защищал дело Карла I при Эджхилле и Ридинге; он служил комендантом Оксфорда. В битвах он потерял ногу и теперь ходил на деревяшке. Защитники Дрогеды были почти все ирландцы и, как и Эстон, католики. Крепость могла продержаться не меньше месяца, пока полковник Голод и майор Болезнь, как мрачно шутил Ормонд, не заставят ее сдаться.

Англичане готовились к осаде тщательно — целых шесть дней. Лазутчики донесли, что в крепости около трех тысяч вооруженных защитников, но зато совсем нет артиллерии. У Кромвеля насчитывалось больше десяти тысяч человек и несколько крупных батарей. Дрогеду следовало взять во что бы то ни стало: она была ключом к Северной Ирландии. Если парламентские войска, как год назад силы Джонса, будут от нее отброшены, Ирландию им не одолеть.

К 10 сентября все приготовления были закончены, и утром, в восемь часов, Кромвель послал Эстону краткое письмо с требованием сдаться. *«Сэр,* — писал он, — *чтобы предотвратить кровопролитие, я полагаю правильным потребовать передачи крепости в мои руки. В случае отказа вы не будете иметь оснований винить меня. Я ожидаю вашего ответа и остаюсь вашим слугой. О. Кромвель».*

Как и следовало ожидать, Эстон ответил отказом. Кромвель велел сменить белый флаг в своей ставке на красный и дал сигнал к штурму.

Ударили тяжелые батареи, земля содрогнулась, пороховой дым поплыл, оседая в сыром воздухе. По древним стенам Дрогеды в двух местах побежали трещины. Весь день канонада гремела не уставая, гремела только с одной стороны — Эстону нечем было на нее ответить. Больше двухсот залпов пробили наконец толстые пятифутовые стены в двух местах. Колокольня церкви святой Марии зашаталась и рухнула.

На следующее утро канонада продолжалась. Кромвелю казалось, что она идет слишком медленно, вяло. Только после полудня брешь со стороны обезглавленной церкви приобрела достаточную ширину, и то не для кавалерии, а для пехоты. Все больше горячась и раздражаясь, Кромвель в пять часов вечера дал сигнал к атаке. Три отряда пехотинцев побежали к пробитой дыре, и видно было, как от дружной стрельбы защитников редеют их ряды, как землю устилают тела убитых и раненых. Первая атака была совсем неудачной. Ирландцы отвечали бешеным огнем со стен, из бойниц, из-за уступов разрушенной колокольни. Их пехота и кавалерия собрались у бреши, и наступавшие не могли пробиться. С большими потерями они отошли, надеясь,

может быть, на то, что бой будет отложен на завтра. Но Кромвель, еще больше раздраженный неудачей, дал второй сигнал к атаке. И снова пехотинцы, теряя людей, побежали к угловой башне, и снова их усилия были напрасны: защитники стояли насмерть. Полковник Касл, вместе с двумя другими офицерами возглавлявший атаку, был убит, ряды республиканцев смешались и в беспорядке побежали, как зайцы, обратно, оглядываясь, падая, приседая за бугорками и кустарником.

Позор, бесчестие! Это его непобедимая армия бежит — от кого? — от ирландцев, которых и за людей-то не считал доблестный англичанин. Прилив стыда и ярости бросил Кромвеля на коня: он сам поведет атаку! Он покажет им, как надо сражаться. «За мной!..»

Третья атака оказывается успешной. Защитники отбиты от бреши, они, сражаясь, отступают к цитадели Милл Маунт, кое-кто уже просит пощады, кое-кто спасается по узкому мосту в северную часть города. Ворота открыты, и «железнобокие» на боевых конях лавиной вкатываются в крепость, гремя копытами по древним камням мостовой.

Эстон со своими людьми укрепился в Милл Маунте, и Кромвель ведет туда свою кавалерию. Его ярость кипит. «Никого не щадить!» — приказывает он. Нет места жалости в этом бою. Его солдаты, его офицеры гибнут десятками, и неистовый гнев лишает его рассудка. «Око за око, зуб за зуб!» — древний клич священной книги звучит оправданием.

Горсточку людей Эстона по его приказу уничтожают поголовно; самому Эстону разбивают голову его же собственной деревянной ногой. Милл Маунт взят.

Кромвель неистовствует еще больше: он приказывает предать мечу всех, кто будет найден в городе с оружием в руках, и битва превращается в свирепую резню. Английские солдаты преследуют защитников Дрогеды в узких улицах, настигают их на мосту, и вот они уже в северной части города. Они окружают церковь святого Петра и убивают в уличном бою свыше тысячи человек. В колокольне укрылась сотня ирландцев или около того; другие засели в башенках, примыкающих к стене. На предложение сдаться те, кто спасается в колокольне, отвечают отказом; тогда Кромвель приказывает поджечь колокольню. Из церкви тащат скамьи, грудой сваливают их внизу, торопясь приносят охапки соломы, и вот уже костер охватывает священные стены, огонь лижет старые деревянные перекрытия, они занимаются, и зловещим светом пламя подымается к вечернему небу. Кто-то пытается выпрыгнуть из окон — в них стреляют; достигших земли закалывают мечами.

С наступлением ночи бой окончился; англичане потеряли всего шестьдесят четыре человека. Но убийства продолжаются на следующий день. Тех, кто укрылся в башнях, оставили на ночь под сильной охраной. Наутро из башен раздалось несколько выстрелов; два или три английских солдата были убиты. Узнав об этом, Кромвель приказал всем офицерам в башнях размозжить головы, каждого десятого солдата убить, а остальных отправить рабами на плантации Барбадоса.

Все следующие дни солдаты Кромвеля, как бы еще не насытившись кровью, рыскали по городу в поисках прятавшихся противников. Найдя, их убивали. Но не только те, кто защищал крепость с оружием в руках, подверглись уничтожению. Зверская ярость завоевателей не щадила и безоружных: ни женщины, ни дети, ни монахи не избегли их безжалостного гнева.

Спустя несколько дней, уже возвратившись в Дублин, Кромвель послал подробное донесение о взятии Дрогеды спикеру Ленталлу. Перед его глазами вновь проходили страшные и безобразные картины штурма, массовых убийств, крови; снова вставал живой костер из скамеек вокруг колокольни святого Петра, он вспоминал крики пожираемых пламенем и запах горелого мяса. Он старался правдиво и бесстрастно описать эту картину, но бесстрастности не получалось, за сухим военным отчетом постоянно проступало нечто иное: попытка оправдаться? Доказать, что так и надо? Отмести укоры совести?

«По правде говоря, — писал он, — *я в горячке боя запретил солдатам щадить кого бы то ни было, захваченного в городе с оружием в руках; и я думаю, что в эту ночь они предали мечу около двух тысяч человек… Я убежден, что это — справедливый божий суд над этими варварами и мерзавцами, обагрившими свои руки в потоках невинной крови; и что это поведет к предотвращению кровопролития на будущее время, что является достаточным основанием для таких действий, которые в противном случае не могли бы вызвать ничего, кроме упреков совести и сожаления. Офицеры и солдаты этого гарнизона составляли цвет армии, и они сильно надеялись на то, что наша атака на эту крепость поведет к нашей гибели…»*

И снова попытка оправдаться, на этот раз уже возлагая на бога ответственность за содеянное:

«Теперь позвольте мне сказать, как произошло, что это дело свершилось. В сердцах некоторых из нас жила уверенность, что великие дела следует свершать не властью или силой, а духом божьим. И не ясно ли это? То, что заставляло наших людей идти на штурм с такою отвагой, был дух божий, который вселял мужество в наших людей и лишал его наших врагов, благодаря

чему мы достигли счастливого успеха. И потому богу, только ему одному, принадлежит вся слава…»

Он был раздражен двумя неудачами приступа, раздосадован потерей людей; он приказал не щадить противников «сгоряча»… Но разве гнев — оправдание жестокости? Он представлял дело так, будто резня в Дрогеде — месть за кровь англичан, пролитую в восстании 1641 года. Но разве сам он не понимал, что не гарнизон Дрогеды повинен в тех давних убийствах? Он полагал, что кровь, пролитая в несчастной крепости, предотвратит кровопролитие в дальнейшем; но разве сам он, умудренный многими боями и даже короля приведший на плаху, не знал великого и страшного закона: всякая пролитая кровь ведет к новому кровопролитию, «земля не иначе очищается от пролитой на ней крови, как кровью пролившего ее…».

Оставалось переложить все на дух божий — это он вел солдат, это он направлял руку самого Кромвеля, это он ответствен за горы трупов… Поистине, не христианский, а ветхозаветный дух, дух битвы и возмездия мог внушить такую мысль. Этот дух и самого Кромвеля, и солдат его, когда-то вдохновленных светлыми идеалами добра и терпимости, сделал теперь беспощадными.

Поначалу казалось, что устрашающий пример Дрогеды возымел действие: в руки англичан сдались Дендалк, Трим и несколько других мелких крепостей. Посланные Кромвелем отряды вскоре покорили весь север страны. «Трудно себе представить, — писал Ормонд Карлу II, — какой великий ужас вселил этот успех и сила мятежников (то есть англичан) в наших людей… Они так ошеломлены, что я только с великим трудом могу принудить их сделать что-нибудь даже для собственной безопасности».

Кромвель, проведя некоторое время в Дублине, куда приехала Элизабет, должен был отправиться теперь на юг, к Уэксфорду. Стоял дождливый, хмурый сентябрь. Погода портилась день ото дня: с побережья дул пронизывающий ветер. К Уэксфорду подошли 1 октября, стали лагерем у его стен и начали переговоры о сдаче. Походные палатки не просыхали, солдаты дрогли в сырой одежде, болезни распространялись. Все мечтали поскорее занять Уэксфорд — важный ключевой порт, ближайший к берегам Англии, древний центр пиратства. Там надеялись расположиться на зимние квартиры, обсохнуть, отдохнуть.

Переговоры затянулись: внутри крепости, как и повсюду в Ирландии, не было единства среди командиров. Комендант

гарнизона то соглашался сдать крепость на приемлемых условиях, то, получая подкрепления от Ормонда, отказывался, тянул, колебался. Солдаты Кромвеля заждались, озлобились. И тут произошло то, что Кромвель потом оценивал как «неожиданную милость провидения»: из крепости явился предатель. 11 октября ожесточившееся парламентское войско, семь тысяч пехоты и две тысячи конницы, получили возможность без изнурительной осады или кровопролитного штурма прорваться в крепость.

Когда защитники Уэксфорда, застигнутые врасплох, увидели, что их предали, что замок наводняется английскими солдатами, они смешались и бросились со стен вниз, к центру города. А штурм тем временем уже начался. Лестницы приставлены к лишенным защитников стенам, англичане, озверев, быстро карабкались вверх, в считанные минуты они овладели внешними укреплениями. Но в городе были еще укрепления, баррикады на улицах, и там ирландцы, оправившись от неожиданности, стали упорно сопротивляться. *«Наши войска,* — писал Кромвель в донесении спикеру, — *разбили их, а затем предали мечу всех, кто стоял на их пути. Две лодки, наполненные врагами до отказа, попытались уплыть, но потонули, тем самым погибло около трех сотен. Я полагаю, всего неприятель потерял при этом не менее двух тысяч человек; и полагаю, что не более двадцати из наших были убиты с начала и до конца операции».*

И странно — такие дисциплинированные, такие великодушные у себя дома, кромвелевские солдаты здесь, в Ирландии, словно с цепи сорвались: они начали грабить. Кромвель не то чтобы разрешил им это, но попустительствовал, не останавливал, не наказывал. В мирные дома врывались озверевшие головорезы, еще так недавно с гордостью именовавшие себя Армией нового образца; они рвали покрывала с кроватей, тащили вина и окорока из погребов, а если кто из жителей осмеливался протестовать — будь то женщина, старик, ребенок, — его безжалостно протыкали шпагой и еще глумились при этом, поджигали разоренное, обезображенное жилище.

А если монах или священник попадался на их дороге, ему разбивали голову. Особенно много их укрывалось в храмах, но и они не избегли общей участи. Некоторые выходили навстречу солдатам, держа перед собою распятие и заклиная сохранить им жизнь, но распятия выхватывали из их рук; символ кротости и искупления становился орудием убийства.

Кромвелю оставалось разводить руками. Он хотел сохранить город, использовать его для зимовки, но город лежал в руинах. Его собственные солдаты произвели варварское разрушение. Что

оставалось делать? *«Да, право же, это очень прискорбно,* — писал он Ленталлу два дня спустя после битвы, — *мы желали добра этому городу, надеясь использовать его для ваших нужд и нужд вашей армии, а не разорять его так сильно, но бог судил иначе. В нежданной милости провидения, в справедливом гневе своем он направил на него меч своей мести и сделал его добычей солдат, которые многих заставили кровью искупить жестокости, учиненные над бедными протестантами».* И здесь, как и в Дрогеде, оставалось сложить всю ответственность на бога и слабо обороняться от укоров совести ссылками на когда-то, где-то, кем-то совершенные жестокости.

Город был очищен не только от защитников, но и от жителей. Едва ли один из двадцати, по признанию самого Кромвеля, уцелел. Большинство оставшихся в живых покинули город и были убиты уже за его стенами. Уэксфорд стал английской собственностью. И Кромвель смотрел на него уже по-хозяйски, как на свое достояние, и мечтал: *«Вот хорошо было бы, если бы честные люди* (он разумел, конечно, англичан) *пришли сюда и стали возделывать землю и жить здесь, где так много хороших домов и других помещений и угодий для дела рук их, и хорошо бы, вы сумели поощрить их; здесь процветали бы ремесло и торговля, внутри города и вне его, имелись бы чудесные возможности для ловли сельди и рыболовства…»*

Несколько позже, уже в январе, в ответ на провозглашение ирландским католическим духовенством «священной войны» против захватчиков, в ответ на их призыв к единению, к союзу всех национальных сил, Кромвель выпускает декларацию — значительнейший документ, десять страниц убористого шрифта. *«Вы хотите союза?* — пишет он. — *Милостью божьей мы не боимся никакого союза. Ваш союз — со смертью и преисподней… Вы называете англичан своими врагами. Англичан! Вспомните вы, лицемеры, ведь Ирландия была когда-то объединена с Англией. Англичане имели там свою землю, унаследованную от отцов, которую те честно купили за собственные деньги… Они жили мирно и благочестиво среди вас… Вы разрушили этот союз! Вы неизвестно почему подвергли англичан самой неслыханной, самой варварской резне (невзирая на пол и возраст), которая когда-либо совершалась под солнцем… Разве я не прав? Разве бог может быть на вашей стороне? Я уверен, что нет».*

Так вот, оказывается, кто ответствен за жестокости английской армии, сами ирландцы! Не один Кромвель, но и члены парламента там, в Лондоне, и все офицерство, и финансисты Сити, — все, кто организовывал поход, прикрывали свои истинные цели этим великолепным по наглости, по лжи

объяснением. А направляли руку ирландцев, подстрекали к мятежу, по их мнению, католические священники. Это они будоражили народ, это они в нарушение законов, изданных еще королевой Елизаветой, служили свои дьявольские мессы. *«Мы пришли сюда,* — продолжает Кромвель, — *потребовать отчета о невинно пролитой крови… Мы пришли разрушить власть беззаконных мятежников… Мы пришли (с помощью божьей) поддержать и утвердить блеск и славу английской свободы в той нации, где мы имеем на это несомненное право…»*

А как же терпимость? Хваленая индепендентская веротерпимость, за которую столько копий поломано, столько крови пролито в самой Англии? О ней было забыто? Не совсем. *«Вы упоминаете о свободе совести. Я никогда не вмешиваюсь в дела совести. Но если под свободой совести вы имеете в виду свободу служить мессу, я думаю, лучше всего здесь говорить прямо, и да будет вам известно: пока власть в Англии находится в руках парламента, это разрешено не будет».*

Расположиться на зиму в Уэксфорде не пришлось, и Кромвель пошел дальше, завоевывать запад и юг острова. Некоторые крепости сдавались ему без боя, другие упорно сопротивлялись, их приходилось брать штурмом. В ноябре он обложил со своей армией Уотерфорд, укрепленный портовый город в устье реки Шур. И тут его постигла крупная неудача: оборона жителей была столь упорной, что город никак не удавалось взять. Вдобавок среди завоевателей начались болезни. Миазмы холодных стоячих болот рождали малярию. Грязь, неустроенность походных лагерей привели к вспышке дизентерии. *«Едва ли один из сорока моих офицеров сейчас не болен, и столь многих достойных потеряли мы, что переполняются скорбью сердца наши»,* — писал Кромвель 14 ноября. Умер полковник Хортон, боевой товарищ со второй гражданской войны, погибли еще многие офицеры и солдаты.

Сам Кромвель давно уже чувствовал себя скверно. Мягко упрекая любимицу Дороти за нарушение слова писать часто *(«что до Дика, я от него этого и не жду, зная его лень»),* он признавался ее отцу, что здоровье его разрушается. Именно здесь, в гнилых болотах Ирландии, подхватил он эту изнурительную болезнь, которая потом до конца жизни давала себя знать неожиданными приступами адского холода внутри, озноба, от которого прыгала челюсть и не слушались руки, потом жара почти до потери сознания, обильного пота, слабости, апатии.

В ноябре ко всем этим напастям прибавилась бубонная чума, косившая солдат. Но Кромвель не давал отдыха ни себе, ни своим

людям — он знал, что каждую минуту что-то может случиться дома, там, куда устремлялись все его помыслы. И тогда придется бросить здесь все и мчаться туда, в Лондон. Поэтому надо успеть, пока он здесь, сделать как можно больше, закрепить победы, очистить главные пункты от мятежников.

Но Уотерфорд не поддавался. Провозившись с ним около месяца и чувствуя себя слишком слабым для того, чтобы наступать, Кромвель снял осаду и встал на зимние квартиры. Можно было и отдохнуть: все восточное и юго-восточное побережье Ирландии от Лондондерри на севере и до мыса Клир на юге (исключая Уотерфорд) было в его руках. В октябре умер О'Нейл, что обезглавило армию ирландцев. В октябре же гарнизон Корка поднял мятеж и присоединился к парламентским войскам; его примеру последовали еще несколько незначительных крепостей.

Декабрь принес еще потерю: чума скосила Митчелла Джонса — опытного и отважного воина. *«Сказать, что потеряла от этого Англия,* — сокрушался Кромвель, — *выше моих сил. Я уверен, что потерял благородного друга и товарища в трудах… Да, в самом деле, наша компания разваливается…»*

В январе 1650 года предчувствия Кромвеля оправдались: прошел слух, что его присутствие требуется в Англии и его скоро отзовут. Надо было успеть завоевать провинцию Мэнстер, и Кромвель 29 января снимается с зимних квартир и снова выступает в поход со своими изнуренными войсками. Несколько мелких крепостей он берет без труда. Но до покорения всей страны еще далеко. Надо проникнуть в глубь ее, оторвавшись от узкой прибрежной полосы, а это как раз и было самое трудное. Центр и запад Ирландии, эти непроходимые дикие районы, частью гористые, частью болотистые, перерезанные полноводными реками и озерами, создавали идеальные условия для упорной партизанской борьбы, для нападений из-за угла, для неожиданных диверсий. И можно было не сомневаться, такая война еще больше измотает завоевателей. Собственно, она уже началась. Чем глубже продвигался Кромвель в страну зеленых холмов, тем больше чувствовали на себе его войска сопротивление местных жителей. Пламя Дрогеды зажгло их ненависть, и теперь некуда было от нее деться. Горные и равнинные кланы поднялись, воодушевленные старинными кельтскими кличами. Крестьяне обороняли каждую пядь своей земли. Английские солдаты убивали женщин и детей — теперь женщины и дети включились в борьбу против поработителей. Все

они стали тори — разбойниками, обратившими свой гнев против англичан.

Кромвель изменил тактику. Теперь он запрещал грабить, щадил местных жителей, даровал жизнь покорившимся гарнизонам. Он миловал даже католическое духовенство. Лордам Ормонду и Инчикуину, командирам неприятельских войск, он разрешил беспрепятственно покинуть Ирландию и отплыть на континент (в любую страну, кроме Англии, Уэльса и Шотландии, говорилось в прокламации). Но борьба усиливалась. Правитель Килькен-ни, от которого Кромвель потребовал сдачи крепости, ответил, что скорее умрет со всем своим гарнизоном, чем уступит.

Приходилось прибегать к хитрости. В марте осаждали небольшую крепость Гауран в Лейнстере. На предложение сдаться комендант ответил отказом. Кромвель начал орудийный огонь, и после двух дней разрушительной канонады комендант согласился сдать крепость на определенных условиях. Ему было предложено сдаться без подписания договора «на милость победителя». Крепость капитулировала, а на следующий день все офицеры поголовно были расстреляны, католический священник повешен.

За все это ирландцы мстили как умели. Защитники крепости Клонмель, которую англичане осаждали в апреле — мае, сразу за крепостными стенами вдоль линии огня вырыли глубокие рвы, за ними навалили гигантские баррикады из камня и на них поставили пушки. И здесь, как во многих других местах, не обошлось без предателя. Некто Феннел, подкупленный Кромвелем за пятьсот фунтов, должен был в полночь открыть ворота английским солдатам. Заговор, однако, был раскрыт, и солдаты Кромвеля, около пятисот человек, которые вошли в полночь, как и было условлено, в крепость, были все до одного перерезаны. 17 мая, после того, как во внешней стене был». пробита достаточно большая брешь, Кромвель дал сигнал к атаке. Но когда английские пехотинцы с пением псалмов прорвались за стену, пушки, спрятанные за баррикадой, ударили по ним страшным огнем, и свыше двух тысяч их полегло в узком коридоре между стеной и баррикадой. Кромвель тщетно ждал, сидя на коне, у главных ворот. Они не открывались. Поняв, в чем дело, он был рассержен как никогда. Он приказал повторить штурм, на этот раз пустив в дело свою конницу, и снова сотни солдат полегли, а крепость все еще держалась. Пришлось отступить. Наутро к осаждающим вышел мэр города с предложением сдать крепость. Кромвель потребовал выдачи всего оружия и амуниции и обещал пощадить мирных жителей, сохранить их права и оградить имущество от разграбления.

Условия были подписаны, и к полудню он вошел в город. Но город был пуст: весь гарнизон и многие жители под покровом ночи покинули Клонмель. Кромвеля одурачили.

Думать о возмездии было, однако, уже поздно. 9 апреля Государственный совет выпустил приказ о возвращении Кромвеля в Англию. Его ждало новое поле битвы: на этот раз на севере, в Шотландии. Корабль «Президент» был послан за ним из Бристоля, и 26 мая завоеватель покинул берега «Зеленого острова», вверив дело дальнейшего его покорения Айртону. Девять с половиной месяцев кровавого покорения Ирландии были позади.

Но долго еще будет литься кровь в лесах и горах, в полях и городах Ирландии; долго еще будут греметь английские пушки под стенами ирландских крепостей, и разрушать, разрушать эти стены сотнями сотрясающих землю ударов. Долго еще будут гореть взаимной ненавистью сердца англичан и ирландцев, протестантов и католиков, поработителей и повстанцев. Айртону эта война будет стоить жизни: укрощая свободолюбивый народ, борясь с голодом и эпидемиями в своем войске, он умрет от чумы, так и не попав домой, к жене Бриджет, урожденной Кромвель. И только через два долгих года страна будет покорена, последняя крепость падет, и новый лейтенант-генерал, Чарльз Флитвуд, заменивший Айртона не только в Ирландии, но и в сердце Бриджет, будет торжествовать победу.

Ирландцам эта война на долгие века принесет порабощение, зависимость от Англии. Страна лежала в развалинах. Треть ее населения погибла, тысячи жителей покинули ее, ища счастья на континенте или за океаном. Тысячи были проданы в рабство. Экономическое развитие ее надолго затормозилось, политически она стала бесправна. Согласно «Акту об устроении Ирландии», принятому Долгим парламентом в 1652 году, все, кто принимал участие в борьбе против англичан, лишались земли и имущества и изгонялись из страны либо переселялись в бесплодные западные районы острова. Многие города и целые провинции были полностью «очищены» от ирландцев.

А Англия? Она, казалось бы, выиграла: завоеванные территории перешли к англичанам. Земельные спекулянты стали скупать мелкие наделы, розданные солдатам, и скоро Ирландия стала базой, рассадником крупных лендлордов. Но лендлордам не могли быть дороги идеалы республики. Поэтому, когда прошло время, когда грозное имя Кромвеля перестало сдерживать и устрашать их, они с готовностью приветствовали «законного» монарха из старого рода Стюартов; бывшего принца Уэльского Карла II. А единственная сила, способная воспротивиться этому — славная непобедимая армия, которая привела на плаху короля

Карла I и установила в Англии республику, — где была армия? Ее больше не было в Англии. Вместо нее за победоносным завоевателем Кромвелем шло наглое разбойничье войско, готовое грабить, убивать, насильничать ради наживы, ради высоких платежей, земель, богатства. Ирландия переродила кромвелевских солдат. Но она же стала могилой республики. «Английская республика при Кромвеле в сущности разбилась об Ирландию», — писал Карл Маркс спустя два столетия.

2. Шотландия

И снова гремели восторженные крики приветствий, и снова Кромвель, проезжая победителем меж славящих его толп, чувствовал себя орудием суда господня, счастливым обладателем милостей и даров его. В Бристоле, на английской земле, куда он высадился после девятимесячного отсутствия, весь город собрался на пристани встречать его. От звонких криков «Виват!», казалось, веселее полоскались флаги, ярче блестели доспехи, громче палили пушки. В Виндзоре его встретили Фэрфакс с высшим офицерством, члены парламента. В Лондоне, в Гайд-парке, ждали мэр и олдермены с застывшей парадным строем милицией. И здесь гремел пушечный салют.

Местом его пребывания был назначен Сент-Джеймский дворец, и на всем пути его приветствовали ликующие граждане.

— Какая толпа собралась смотреть на триумф вашего превосходительства, — услышал он сзади чей-то льстивый шепот. Он обладал чувством юмора и ответил:

— Когда меня будут вешать, народу соберется еще больше.

Но такой прием на родине все же радовал его. Эндрю Марвелл, известный поэт, сочинил в честь Кромвеля торжественную оду:

Как добр он, как он справедлив,
И к высшей истине ревнив!
Не сам команду он дает:
Республика его ведет.
Лишь тот способен управлять,
Кому дано себя смирять…

Правительственная газета «Политический Меркурий» восторгалась его замечательными успехами в Ирландии, «которые в добавление к гирлянде его английских побед увенчали его во мнении всего мира как одного из мудрейших и совершеннейших вождей среди всех ныне живущих и прошлых поколений».

Но недолго предстояло ему пробыть дома. Новое великое дело ожидало его — новый трудный поход. Для того и отозвали его из Ирландии раньше времени. Угроза теперь опять шла с севера. Угрюмые шотландские пресвитериане, с которых, собственно, и началась вся смута в Англии, не примирились с казнью Карла Стюарта. Они с возмущением отвернулись от республики — и Аргайл, с которым Кромвелю удалось

договориться в сорок восьмом году, и партия казненного Гамильтона — все теперь были роялистами. Как только весть о том, что голова монарха скатилась, достигла Эдинбурга, тут же, 5 февраля 1649 года, его сын и наследник Карл был провозглашен королем — королем не только Шотландии, но и Англии и Ирландии. Шотландские уполномоченные в Лондоне, еще раз выразив свое негодование, отплыли в Голландию для переговоров с новым королем. Ему предложили прежде всего признать Ковенант и сделать пресвитерианство государственной религией Англии, Шотландии и Ирландии.

Молодой принц обладал лживостью, изворотливостью, вероломством своего отца, но был лишен его благочестия и достоинства. Пока имелась надежда на успех в католической Ирландии, он морочил шотландцам головы, не говоря ни да ни нет, а когда жестокий меч Кромвеля разбил его надежды, он сделал ставку на Шотландию. 1 мая 1650 года в голландском городе Бреда, куда он вернулся с острова Джерси, подписали соглашение: Карл принимал Ковенант и обязывался установить государственную пресвитерианскую церковь во всех трех королевствах, давал Шотландии относительное самоуправление и отказывался от всяких сношений со своими прежними союзниками — графом Ормондом и маркизом Мон-хрозом. 10 июня он отплыл в Шотландию. Англии стало угрожать вторжение с севера.

Правительство республики вынуждено было действовать спешно и решительно. Генералу Фэрфаксу предложили, как и прежде, быть главнокомандующим новой экспедиции, Кромвелю — его заместителем. Но Фэрфакс вдруг отказался. Видимо, впечатление от суда и казни, а может быть, уговоры жены и единомышленников-пресвитериан поколебали его верность.

Кромвеля это озадачило. Он привык быть блистательной движущей пружиной войска за спиной почтенного, всеми уважаемого генерала. Считаться номинально вторым лицом в армии, на деле являясь ее главным командиром, — так было удобнее. Вместе с Ламбертом, Гаррисоном, Сент-Джоном и Уайтлоком он попробовал уговорить Фэрфакса. Тот держался вежливо, с достоинством, уверял в своей преданности парламенту и офицерам, но командовать шотландским походом отказался наотрез. Вторжение в Шотландию? Он не видел к этому достаточных оснований.

— Мы связаны с шотландцами Национальной лигой и Ковенантом, — сказал он. — Вопреки ему и без веской причины с их стороны вторгнуться к ним с войсками и навязать им войну — я не могу найти этому оправданий ни перед богом, ни перед

людьми.

— Я согласен, милорд, — убеждал Кромвель, — что, если бы они не дали нам повода к вторжению, мы были бы не вправе делать это. Но, милорд, они ведь вторглись к нам, как вашему превосходительству хорошо известно, после подписания Ковенанта и вопреки его условиям. А теперь они дают нам много оснований подозревать, что замышляется второе вторжение вместе с их королем, с которым они заключили союз… Они уже собирают для этого войска и деньги. Война с ними, боюсь, неизбежна: так пусть лучше мы первые начнем ее.

Фэрфакс не уступал; он говорил, что Гамильтон уже наказан, что новый шотландский парламент не признал этого акта, что достоверных сведений о вторжении нет. Кромвель умолял подумать об армии, льстил, вспоминая заслуги генерала, указывал на опасности, в которые оя ввергает республику своим отказом. Но все было тщетно.

— Я отвечаю только перед своей совестью, — сказал Фэрфакс. — Я не должен делать того, что кажется мне сомнительным.

Комиссары ушли от него пи с чем, и главнокомандующим всех вооруженных сил английской республики был назначен Кромвель. Вместе с ним в качестве полковых командиров должны были отправиться в Шотландию испытанный в боях генерал Ламберт, Роберт Лилберн, брат «свободнорожденного Джона», и Чарльз Флитвуд, младший сын джентльмена-землевладельца, способный воин, который в сорок седьмом году сочувствовал агитаторам и был, как говорили, тесно связан с армейскими сектантами. На одно из вакантных мест Кромвель пригласил уволенного со службы полковника Джорджа Монка.

Перед отъездом Кромвель успел сделать несколько важных дел: добился назначения в Ирландию своего бывшего друга, а теперь почти врага Эдмунда Ледло. Честный республиканец, он не мог простить Кромвелю переговоров с королем осенью 48-го года; демократ и гуманист — осуждал его за расстрел Ричарда Арнольда и подавление левеллерского движения. Кромвель вызвал его на откровенный разговор, объяснил, что иначе поступить не мог, и обещал в будущем содействовать реформам, особенно реформе права. Он просил Ледло принять назначение в Ирландию — именно такие честные, трезвые, деловые люди нужны там. Ледло уступил, согласился — и вскоре этот опасный оппозиционер был далеко от Лондона. Туда же, в Ирландию, Кромвель отправил бывшего агитатора Сексби.

В последний вечер перед отъездом Кромвель ужинал вместе с Лилберном. После громкого суда и блестящей своей защиты

осенью прошлого года Лилберн несколько присмирел; он уже не клеймил Кромвеля именем предателя, не обрушивался на республиканские власти с лавиной обвинений; но он все еще был опасен. Прощальный разговор получился, однако, мирным. Расставаясь, они обнялись, и Кромвель сказал торжественные слова:

— Всю свою силу и влияние, которые я имею в этом мире, я употреблю на то, чтобы дать возможность Англии наслаждаться реальными плодами всех обещаний и деклараций армии.

Сердце Лилберна загорелось надеждой: это означало, как он думал, что Кромвель по возвращении из Шотландии установит в Англии власть последовательно сменяемых парламентов, избранных всем народом на основе равного избирательного права. Позднее он приведет эти слова в одном из своих памфлетов.

22 июля 1650 года Кромвель со своими войсками подошел к шотландской границе. Ему предстояло еще раз пройти с боями по неласковой горной стране, испытать все трудности, все лишения завоевательного похода. Он знал, что Карл Стюарт уже здесь. Шотландцы держали его под строгим надзором, прежние приближенные к нему не допускались, но само его присутствие было страшной угрозой для английской республики. Эту угрозу следовало ликвидировать — и чем скорее, тем лучше. В глубине души Кромвель надеялся на быструю победоносную войну. С ним было больше десяти тысяч пехоты и пять с половиной тысяч кавалерии — вымуштрованное, хорошо экипированное, опытное в сражениях войско. У шотландцев было 26 тысяч человек, но Оливер помнил Престон и мечтал закончить кампанию до наступления холодов. Одно-два сражения — и вся страна будет у его ног.

Он не горел к шотландцам такой ненавистью, как к ирландцам. Шотландцы — единоверцы-кальвинисты; они верят в того же самого бога, только в чем-то заблуждаются. Шотландские скалы и глубокие лесистые овраги непригодны для освоения, их нельзя сделать, подобно «Зеленому острову», английской колонией. Поэтому местное население не следует истреблять или прогонять в отдаленные районы: им надо показать силу своего меча, а потом заключить с ними мирный договор.

«Достопочтенному сэру Артуру Гезлъригу.

Срочно, срочно.

Дорогой сэр, мы в очень трудном положении. Неприятель загородил нам путь к Копперспатскому перевалу, через который мы

сможем пробиться только чудом. Он обложил все окрестные холмы, так что мы не знаем, как нам выйти отсюда; это возможно лишь с превеликим трудом; а пребывание здесь ежедневно косит наших людей, которые болеют невообразимо.

Я понимаю, что вы сейчас не можете помочь нам; но все же, что бы с нами ни случилось, соберите все силы, какие только удастся, и помогите чем можете с юга. Это такое дело, которое касается всех добрых людей. Если бы ваши войска смогли ударить из-за Копперспата, это было бы нам большой поддержкой. Все должны работать на дело добра. Духом мы не падаем (хвала господу), несмотря на такое положение. И право, мы всего больше надеемся на господа, от которого уже получили так много милостей.

Право же, соберите все силы, какие только можете. Пошлите на юг к друзьям, попросите помочь. Дайте знать Генри Вэну, что я пишу. Я не хотел бы, чтобы это стало известно всем, ибо опасность только увеличится. Вы сами знаете, как лучше действовать. Дайте мне знать о себе. Остаюсь слугой вашим

2 сентября 1650 года.

О. Кромвель».

Шотландская кампания оказалась тяжелее, чем он думал. Хитрые пресвитериане поставили во главе своего войска Дэвида Лесли — того самого Лесли, который когда-то сражался бок о бок е Кромвелем при Марстон-Муре, Тогда они были соратниками, товарищами, почти друзьями. Они советовались друг с другом, делились планами, они знали достоинства и недостатки своих армий, своей тактики. Теперь Лесли был врагом, и надо сказать, врагом умелым, способным. Он понимал, чего хочет Кромвель, — решающей битвы. И отказывал ему в этой битве. С самого начала, как только Кромвель пересек Твид, Лесли, казалось, заманивал его в глубь страны, изматывал его войско, обманывал мелкими фланговыми ударами, но армию свою против него не ставил, большого сражения избегал.

В конце июля Кромвель подошел к Эдинбургу. Город был сильно укреплен и с суши и с моря — шотландцы позаботились об этом заранее; под его стенами стояла могучая тридцатитысячная армия. Кромвель было стал здесь лагерем, думая дать сражение в открытом поле, но Лесли не хотел драться. После двух дней изнурительного стояния под дождем на виду у могучего противника Кромвель отвел своих усталых, промокших, голодных солдат от Эдинбурга. Отступление было спешным, полк Ламберта замешкался, и шотландцы внезапно ударили ему в тыл. Ламберт был ранен, его люди потеряли управление и были бы разбиты, если бы Кромвель не послал ему свой полк на выручку.

Не успели отойти, занять с боем небольшую крепость, встать на отдых — снова шотландцы напали на лагерь, снова в кровопролитной стычке было убито много англичан.

Так прошел весь август — в изматывающих мелких сражениях. Решающего боя добиться не удавалось. «Нет никакой возможности, — писал в эти дни Флитвуд, — вызвать их на битву. Здесь столько ущелий, они такие большие, что как только мы входим с одной стороны, шотландцы выходят с другой». *«Они надеются,* — жаловался Кромвель Брэдшоу, — *что мы перемрем голодной смертью от недостатка продовольствия; похоже, что это так и будет, если нас вовремя не обеспечат».*

Суровая природа Шотландии пугала холодами, ранними ночными заморозками, внезапными ливнями. Горы были труднопроходимы, долины бесплодны. В деревнях, куда вступал Кромвель со своими солдатами, почти но оставалось жителей: мужчин призвали в огромную армию Аргайла, женщины и дети разбегались при приближении англичан. До них уже дошли слухи о Дрогеде и Уэксфорде, а темные шотландские проповедники еще больше запугали народ, уверяя, что англичане на своем пути убивают всех мужчин поголовно, мальчикам от шести до шестнадцати лет отрубают правую руку, женщинам выжигают груди. Напрасно Кромвель издавал одну за другой милостивые и дружелюбные декларации, где обещал жителям мир, сохранение их прав и имущества; напрасно он заверял, что пришел не для пролития крови, что шотландский народ в отличие от ирландцев, он знает, полон благочестия и страха божьего, но лишь «обманут»; напрасно строжайшие приказы запрещали английским солдатам грабить и обижать местное население. Всюду, куда приходил Кромвель, он встречал лишь несколько перепуганных жалких старух и детишек, прятавшихся по углам. А главное — страна была нищая, и Кромвель не находил для своей армии пропитания. Поэтому он старался держаться поближе к морскому берегу, куда на судах изредка прибывали продукты. Но и их не хватало, и в ожидании нового подвоза солдаты украдкой рыскали по огородам, ели сырые овощи; началась повальная дизентерия. К сентябрю от шестнадцати тысяч осталось едва ли более одиннадцати. С этим измученным, грязным, истощенным войском Кромвель отошел к Денбару.

И здесь, под Денбаром, он попал в то безвыходное положение, о котором сообщал Гезльригу. Его армия действительно была в ловушке. Отступая, они знали, что Лесли со своей громадой в 22 тысячи движется за ними по пятам; он постоянно тревожил их мелкими фланговыми атаками. Шотландцы появлялись неожиданно — они выскакивали из-за

поворота дороги, из глубокого лесного оврага; они лавиной обрушивались на устало бредущих солдат с крутых лесистых гор. Они налетали на врага и ночью, при свете луны, и приходилось молить бога об облаке, о дожде, чтобы спрятаться от этих частых, острых, дергающих нервы ударов. А когда дошли до Денбара, Лесли окружил их и занял единственный узкий горный проход, ведущий в Англию, — тот самый Копперспат» который десятерым было легче удержать, чем сотне атаковать.

Что было делать? За спиной Кромвеля шумело неласковое море; можно было вызвать флот, продержаться как-то до его прибытия, а потом погрузиться на корабли и бесславно покинуть негостеприимную страну. Но мог ли так поступить непобедимый Кромвель? Мог ли он признать свое поражение, уйти из непокоренной Шотландии, поставить английскую республику под угрозу? Он знал, что молодой Карл Стюарт уже подписал покаянную декларацию, которой так добивались от него шотландские власти: в ней он признавал и оплакивал заблуждения отца, осуждал языческое идолопоклонство матери, каялся в сношениях с Ирландией и повторял свои прежние обещания. Его союз с шотландцами закреплен окончательно; если английская армия удалится ни с чем, дорога на Лондон будет открыта, и эта лавина во главе с самим королем обрушится на республику и сметет ее. Нет, Кромвель не уступит. Как древний герой, он скорее умрет на поле битвы, но не уйдет с него добровольно.

2 сентября утром Кромвель вместе с Ламбертом, несмотря на бурную штормовую погоду, верхом поехали к лесу — освежиться и поговорить. Суровые лесистые горы, наводненные врагами, лежали перед ними. Кромвель поднял зрительную трубу, приложил к глазам, навел на горы… И — о чудо! Многотысячное войско Лесли не сидело, как прежде, затаившись в ущельях; нет, оно перемещалось; оно спускалось в долину. Вот быстро скачут кавалерийские полки. Они переходят с левого крыла па правое, они дошли уже до середины холма и катятся все дальше вниз, к морю, как бы желая и с этой стороны окружить лагерь англичан. Несколько медленнее, плотной массой движется пехота — все ниже и ниже. Сомнений нет: войско Лесли наконец спускалось с гор в долину.

— Смотрите, — Кромвель протянул Ламберту трубу, — смотрите скорее: господь предает их в наши руки! Они идут вниз, к нам!

Ламберт всмотрелся: вся гигантская армия Лесли спускалась

на равнину перед Денбаром. Быть сражению.

Что заставило Лесли изменить свою осторожную тактику? Может быть, он был уверен в победе: враг был слишком слаб, силы слишком неравны? Но куда более блистательной победой было бы заставить Кромвеля, больного, униженного, побежденного, уйти без боя. И кто знает, стой Лесли твердо на этой позиции, может быть, ему и удалось бы сломить могучего противника. Но Лесли один не решал дело. Шотландское правительство было недовольно его уклончивой тактикой, оно хотело верной и скорой победы. Пресвитерианские проповедники, посланные из Эдинбурга, что ни день звали его солдат к битве. Они публично обвиняли Лесли в излишней мягкости, и тот сдался. Ведь и его солдатам приходилось туго среди бесплодных диких гор, и ему не хватало фуража и продовольствия. До него дошло, что англичане уже грузят пушки на корабли — чего доброго они действительно ускользнут. «Завтра, — сказал он в этот день своим офицерам, — английская армия, живая или мертвая, но будет наша».

Новость о передвижении неприятеля мгновенно облетела лагерь англичан. Был срочно созван военный совет. Решили, что в любом случае завтра же на рассвете надо атаковать шотландцев: внезапная отчаянная атака — только это могло принести спасение.

Кромвель заметил, что главные силы шотландской кавалерии сосредоточиваются на правом фланге. Левый фланг их обречен на бездействие: он зажат между горой и узкой речкой, бурлящей на дне глубокого оврага. Надо сделать вид, будто главные силы идут против этого левого фланга, а на деле направить самый мощный удар против правого. Если он подастся, пехота останется без прикрытия, а отступать ей некуда: позади крутые лесистые горы.

Ветер ревел, склоняя до земли деревья, на море бушевал шторм, но в лагере англичан никто и не думал об отдыхе, об укрытии. Всю ночь шло тихое, но упорное передвижение войск, всю ночь солдаты не смыкая глаз готовились к предстоящей битве, быть может, последней в их жизни. Кромвель не слезал с коня: он сам снова и снова объезжал свои войска, давал указания, подбадривал, уточнял. Нетерпение близкого боя, лихорадочная надежда зажглись в его сердце.

От шотландцев их отделял узкий горный поток, который удобно было перейти только в одном месте: там и следовало начать атаку.

Было около шести часов утра 3 сентября 1650 года. Солнце

еще не поднялось над холмами. Шотландский лагерь затих: утомленные переходом солдаты прилегли отдохнуть прямо на земле, офицеры разбрелись по окрестным домишкам. И в тот миг, когда все, казалось, замерло и даже ветер присмирел, вдоволь наигравшись за ночь, с английской стороны ударили первые пушечные залпы, и скоро канонада слилась в сплошной гул. Ложная атака на левом фланге отвлекла внимание шотландцев; и тут же на правом фланге, быстро перейдя поток, ударила кавалерия Ламберта.

Но силы все же были неравны. Шотландцы быстро встрепенулись, вскочили на коней, встретили Ламберта всей мощью своей кавалерии; и Ламберт пошатнулся. Порядок в его полках нарушился, они стали медленно отступать назад, к речке. В дело вмешалась английская пехота — ею командовал Монк. И пехота подалась, и ей не удалось поначалу потеснить неприятеля. Рукопашная шла с ожесточением.

Момент был критический. Теперь надо бросить в битву все силы. Кромвель в лихорадочном возбуждении оглянулся на своих ветеранов, выхватил шпагу и вонзил шпоры в бока танцующего от нетерпения коня. Отборный резерв «железнобоких» ринулся вперед, разом перемахнул поток, стальным клином врезался в ряды сражающихся. От внезапного подкрепления силы ламбертовских конников удесятерились, клинки зазвенели еще отчаяннее, и шотландцы стали отступать. Ряды их кавалерии все больше отклонялись назад, к горе, загибаясь под прямым углом к линии своей пехоты, оголяя ее фланг. Теперь сюда, на пехоту, направил Кромвель удар «железнобоких». И Монк уже перестроил, выровнял ряды, он снова идет в атаку, и ломится враг, падает, отходит в беспорядке к горе.

В этот миг рассеялся туман, солнце сверкнуло над морем, осветило холмы, заблестело на шлемах. Кромвель остановил коня, оглянулся. Многотысячная масса шотландцев беспомощно металась, как стадо овец, по предгорьям, со всех сторон рубили их, кололи пиками, теснили англичане.

Бой продолжался менее трех часов. Шотландцы потеряли три тысячи убитыми; около десяти тысяч побросали оружие и были захвачены в плен. Англичане, которые непостижимым образом почти не понесли потерь — Кромвель считал, что с его стороны убито всего двадцать человек, — в упоении бросились вдогонку за теми, кто пытался бежать вверх по течению реки, к Хаддингтону. Кромвель позволил им преследовать врага, а сам остался на поле брани — с пехотой и обозом. Его глаза сверкали, па губах блуждала улыбка, он был похож на пьяного. Было ясно, что победа одержана полная, великая — быть может, самая великая в

его жизни. Разум его был бессилен оценить размер этой победы. Она поистине была чудом.

На следующий день он писал жене: *«Моя драгоценная! У меня нет времени писать тебе подробно. Во многих своих письмах ты пишешь, что я должен быть внимательнее к тебе и к твоим чадам, и я могу попенять тебе за это. Если я не люблю тебя сейчас еще больше, чем прежде, то думаю, что, с другой стороны, грешен в том немного; и это поистине так. Ты мне дороже всех на свете; и этого довольно.*

Господь явил нам безмерную милость: кто может, оценить ее величие? Моя слабая вера получила подкрепление. Дух мой чудесным образом воспрянул; хотя я уверяю тебя, что старею и чувствую, как старческие немощи украдкою овладевают мной. Вот бы так и грехи мои убывали! Молись обо мне в этом смысле. Подробности нашего последнего успеха тебе сообщат Гарри Вэн или Дж. Пикеринг. С любовью ко всем дорогим друзьям, я остаюсь

Твой Оливер Кромвель».

5 сентября Кромвель, еще не остыв, дал приказ выступать. Седьмого он был уже в Эдинбурге. Город сдался ему почти без боя, в его руки попал и Эдинбургский порт; только старинный замок продолжал держаться еще несколько месяцев. Разбитый, обескровленный Лесли отступил с остатком войска — какими-нибудь четырьмя или пятью тысячами вместо тридцати — в Стерлинг, на северо-восток. Там он укрепился, надежно защищенный реками и болотами. Король Карл и шотландское правительство переехали на север, в Перт.

Политическая ситуация в Шотландии после Денбара заметно изменилась. Партия виггаморов, крайних пресвитериан, со свирепым Аргайлом во главе пошатнулась. Они еще имели большинство в парламенте и церковной ассамблее, но прежние умеренные, сторонники партии казненного герцога Гамильтона, начали поднимать голову. Они завели сношения с Карлом, надеясь с его помощью одолеть своих противников. Граф Ланарк, принявший теперь титул герцога Гамильтона, и Лодердейл снова были приближены к королю, хорошо помнившему унижение, которое его заставили испытать, когда он подписывал покаянную декларацию. Позиции роялистов усилились. В ответ на это Аргайл предложил молодому королю жениться на его, Аргайла, дочери. Во Францию к королеве-матери был послан гонец для испрошения совета.

Кромвель между тем шел вперед. В Эдинбурге он получил подкрепления, провизию и теперь двигался к Стерлингу. Лесли, однако, тоже успел несколько оправиться от поражения. Стерлинг был открыт с севера, и к нему стекались все, кто хотел еще

сразиться с завоевателями. Армия Лесли беспрепятственно получала продовольствие, боеприпасы и могла успешно держаться против неприятеля, который вновь оторвался от своей опорной базы и уже начинал испытывать прежние материальные затруднения. Погода была скверной: лили холодные дожди, дороги оказались из рук вон плохи. Маленькие крепости оказывали яростное сопротивление.

К Стерлингу подошли 18 сентября и сразу послали гонца с предложением сдать город. Лесли принять гонца отказался и потребовал у Кромвеля освобождения нескольких пленных шотландских офицеров за выкуп. Тот ответил коротко и раздраженно:

«Мы пришли сюда не для того, чтобы торговать людьми или получить для себя какую-то выгоду, а для защиты интересов английской республики».

Он дал было приказ начать штурм, но в последний момент отменил его. Город был сильно укреплен; артиллерию не удалось подтащить к нему по немыслимой грязи; жалко было людей. Он собрал военный совет, и на нем решили, что времени под Стерлингом терять не стоит; лучше, пока не ударила зима, очистить от неприятеля южные земли Шотландии.

Остаток осени прошел в завоевании южных и западных крепостей и городишек, что порядком измотало и армию, и самого Кромвеля. В октябре его войска вошли в Глазго, к рождеству ему подчинялась вся Нижняя Шотландия — и восточная часть ее, где наконец пал Эдинбургский замок, и западная. Можно было осесть в столице на зимних квартирах, отдохнуть, залечить раны, подумать о том, что делать дальше.

В шотландском лагере меж тем произошли большие перемены. Перед угрозой Кромвелевых побед разногласия между крайними пресвитерианами, умеренными роялистами и открытыми кавалерами сглаживались. Законы против роялистов были отменены — достаточно было формального отречения от прежних заблуждений, и они снова могли быть приняты ко двору, в правительство, в армию. 1 января Карл II был торжественно коронован в Сконе, близ Перта. Под сводами старинной шотландской церкви, полной народу, звучали древние слова коронационной клятвы. Пресвитерианская проповедь отличалась суровостью и страстью. Король дал все требуемые обещания, связал себя окончательным принятием Ковенанта и теперь должен был отправиться в Эбердин, поднять там свое знамя и собирать под него армию — не менее 20 тысяч человек.

К Кромвелю в Эдинбург почти в то же самое время явился известный гравер Томас Саймон, чтобы набросать эскизы для его

портрета. Парламент постановил выбить медаль в честь победы при Денбаре.

Осенняя кампания показала, что Лесли продолжает и будет продолжать держаться прежней тактики. Он не даст больше решительного сражения, а станет изматывать противника мелкими стычками. В конце января Кромвель возобновил атаки на шотландцев и взял еще несколько крепостей. Возвращаясь в Эдинбург после одного из походов, под градом и снегом, он сильно промерз и на следующий день свалился в сильнейшей лихорадке. Это была она, ирландская болезнь; год назад она сотрясала его ознобом и бросала в жар. На этот раз прихватило особенно жестоко: он горел, бредил, он был, казалось, па пороге смерти. Но болезнь внезапно отступила. Кромвель еще не знал, что это «трехдневная лихорадка», коварный недуг, способный возвращаться много-много раз, изматывая безжалостно свою жертву.

11 февраля он чувствовал себя уже совсем хорошо и занимался делами. Солдат, привыкший к трудам и невзгодам, он не умел и не мог лежать в постели. Однако последовал второй отчаянный приступ, он свалился. Восемнадцатого уже снова был на ногах и сообщал, что совсем поправился. Однако зловредная лихорадка возвратилась, и только двадцать третьего он опять смог писать письма, отдавать распоряжения, обсуждать с офицерами планы новых походов. Двадцать пятого он даже отправился было в порт, к морю, посмотреть на сооружение новых укреплений, но вынужден был вернуться: болезнь снова, подобно коварному и сильному врагу, выбила его из седла, уложила в постель, на этот раз на целых десять дней.

Кромвель был не из тех, кто легко сдается. Едва почувствовав себя лучше, он снова бросался в дела, забывал об отдыхе, о предписаниях врача, об осторожности. Но периоды относительного здоровья становились все короче. Одиннадцатого марта он был плох опять, и доктор запретил передавать ему письма.

В Лондоне его болезнь вызвала большую тревогу: недееспособность главнокомандующего была чревата опасностями сама по себе, и, кроме того, шотландская кампания затягивалась. Государственный совет послал в Эдинбург гонца — выразить сочувствие и заодно посмотреть, как идут дела. Посланный застал генерала в столовой, где тот обедал вместе со своими офицерами; армия его готова была сражаться. Гонца тут же отправили обратно с этими новостями и с письмом Кромвеля, адресованным Брэдшоу:

«Милорд, приношу нижайшую благодарность за вашу высокую

заботу и нежное внимание ко мне, недостойному… Ваши дела не нуждаются во мне: я — ничтожное создание, еще недавно похожее на скелет; и сейчас еще я бесполезный слуга… Я думал, что не переживу этого приступа болезни, но господу было угодно судить иначе…»

На словах Кромвель велел сказать посланцу, что здоровье его сейчас лучше, чем когда-либо. Он в самом деле поправлялся и начал уже снова вникать во все дела и обсуждать планы новой кампании. 7 и 8 апреля он выезжал в карете и принимал посетителей. Весна, казалось, несла ему выздоровление.

И вот он уже снова на коне, участвует в стычках, мчится в Глазго подавлять роялистский мятеж, осаждает сумрачные шотландские твердыни. Но весенний воздух обманчив. 16 мая Кромвель снова чувствует смертельный холод в руках и ногах, в самом сердце; его укладывают в постель, накрывают одеялами, поят теплым вином; он согревается, глаза пылают сухим блеском, жар одолевает все сильнее, он почти теряет сознание. В следующие три дня его сотрясают один за другим пять новых приступов. Окружающие опасаются, что он уже не встанет.

В Лондоне серьезно обеспокоены. К Кромвелю посылают двух его врачей; они едут в личной карете самого лорда Фэрфакса. Палата постановляет: «По случаю болезни лорда-генерала и по суровости климата страны, где он находится, ему предлагается для сохранения здоровья переехать в какую-либо часть Англии, где при помощи божьей и употреблении усиленных врачебных пособий он мог бы восстановить свое здоровье и силы, чтобы иметь возможность возвратиться к армии; в ней ему предоставляется право назначить пока временного командира по своему усмотрению».

Но когда врачи прибыли, Кромвелю было уже лучше. Крепкое сложение и, как он сам верил, сила духа победили. В июне он стал готовиться к новой военной операции.

Это было как нельзя более необходимо. Пришли тревожные вести о роялистских мятежах в Англии. В декабре вспыхнуло восстание в Норфолке; в марте был раскрыт крупный заговор в Ланкашире — его участники рассчитывали на помощь шотландцев; в июне поднялись кавалеры Уэльса. Шотландскую кампанию надо было закончить во что бы то ни стало — и закончить верным, победным ударом, чтобы возвысить республику, показать всем врагам ее силу.

Но как это сделать? Как нанести сокрушительный удар Лесли, который собрал к тому времени уже достаточно войска и

снова не желал давать сражения — он помнил успех прошлогодней тактики. С севера он беспрепятственно получал продовольствие и подкрепления. Как покончить с кавалерами, когда под знамена Карла в Перт продолжали стекаться все новые силы и король хотел сам их возглавить. В непокоренных северных горах бряцали оружием воинственные кланы; того и гляди они начнут партизанскую войну против англичан. Еще одна зима в Шотландии — и не будет у республики больше армии, а быть может, и главнокомандующего не будет.

И Кромвель решается. Невиданный по дерзости план рождается в его голове: идти на север и обойти роялистов так, чтобы закрыть плодоносные жилы, по которым текут к ним из горных районов оружие, люди, пища. Блокировать их с севера: посмотрим тогда, выйдут ли они на бой? Но в этом случае для них остается один путь: путь на юг, в Англию, к Лондону.

Не слишком ли это смело? У короля уже двадцатитысячное войско; он только и мечтает о том, чтобы перенести войну на родину и короноваться английской, а не шотландской короной. Если он войдет в Англию, все роялисты сбегутся под его знамена, все темные силы соберутся разом и обрушатся на беззащитную столицу; что тогда будете делать вы, лорд-генерал Кромвель?

Рискованный план, но единственно возможный. Кромвель опять в лихорадке: не в лихорадке болезни, а в лихорадке действия. Он требует от Государственного совета оружия, седел, провианта и, главное, людей, но не наемников, не равнодушных работяг или насильно оторванных от плуга рекрутов, а добровольцев — тех, кто знает, за что бьется.

В июле он направляет Ламберта в обход Стерлинга на север; а несколько позже, сняв из Эдинбурга всю армию, идет ему на помощь. Связи с горной Шотландией для роялистов перекрыты, немедленно начинаются трудности с продовольствием. Они в ловушке. Перед ними три пути: либо выйти навстречу Кромвелю и дать ему разбить себя в открытом бою; либо оставаться на месте и медленно умирать с голоду; либо идти в Англию. К любому их решению Кромвель готов. Он уже овладел основными северными крепостями и 1 августа подошел к Перту, из которого заблаговременно убрался королевский двор вместе со всеми войсками и гарнизоном.

В этот день, послав в город парламентера с требованием сдаться, Кромвель узнал, что объединенная армия шотландских роялистов во главе с самим Карлом и под командованием Дэвида Лесли снялась из Стерлинга и ринулась на юг, в Англию. Его смелый, но рискованный план начал осуществляться.

Он тут же послал приказ Гаррисону в Эдинбург «следовать за

движениями неприятеля и попытаться замедлить его продвижение». Перт сдался на следующий день. Кромвель оставил там гарнизон, приказал Монку с пятью тысячами людей осадить и взять Стерлинг, а сам во главе своей отборной кавалерии поспешил на юг, вдогонку за противником.

Начался самый удивительный, фантастически быстрый, блестяще организованный марш кромвелевской армии — марш, который до сих пор, по выражению биографа, возбуждает восторг военных историков. Король и Лесли с двадцатитысячным войском спешили по старому пути Гамильтона: через Карлайл, Уиган и Уоррингтон, через северо-западные графства, где сильны были роялистские настроения и где, как надеялся король, к нему присоединятся с оружием в руках толпы приверженцев. Кромвель послал Гаррисона следовать за левым флангом неприятеля, Ламберта — за тылом шотландского войска, а сам пошел восточнее, чтобы пополнить свои силы в Йоркшире. Его пехота проходила по двадцати миль в день. Они должны были все соединиться, не доходя до Лондона, так, чтобы, обогнав короля, закрыть ему подступы к столице.

Расчеты короля не оправдались. Роялисты в Англии были слишком слабы, слишком основательно раздавлены, чтобы поднять сколько-нибудь значительное восстание. Граф Дерби с тысячей людей двинулся было к нему, но по дороге был разбит Робертом Лилберном. Отдельные плохо вооруженные отряды — вот и все подкрепление, которое он получил на своем пути. По пятам за ним шла кавалерия Ламберта и Гаррисона, тревожа тылы, изматывая мелкими внезапными нападениями, — Кромвель тоже умел учиться у противника. Напротив, республиканцы повсюду оказывали Карлу стойкое сопротивление. Собиралась и вооружалась местная милиция, выходили ополченцы. Король, ведший за собой шотландские войска, король, желавший захватить трон с помощью иностранного вторжения, был врагом для всех. Национальная гордость и ненависть вновь зажгли сердца англичан, они вновь готовы были сразиться за республику, хотя бы и слабую, несовершенную, обманувшую их ожидания. Тут уж и лорд Фэрфакс признал, что на Англию совершено нападение. В Йорке он лично собрал большой вооруженный отряд и передал его в помощь Кромвелю.

В Лондоне началась страшная тревога. В парламенте и Сити поднялось было старое недоверие к Кромвелю: уж не сговорился ли он с королем? Правда, его письма успокаивали, обнадеживали: он все знает, все предвидит и принимает меры. Он надеется скоро настигнуть противника и просит двинуть навстречу ему все силы, какие только можно собрать в столице.

За дело берутся бойкие и смелые республиканцы: Вэн, Скотт, Мартен. Они готовят армию, вооружают милицию, набирают волонтеров. Парламент выпускает прокламацию, где Карл Стюарт и его соратники обвиняются в государственной измене; всем, кто помогает им, грозит смертная казнь. Генерал Флитвуд со вновь сформированными силами спешит навстречу роялистскому войску.

И вот в последних числах августа, когда Карл обосновался в Вустере и, подобно отцу, поднял там королевский штандарт, призывая верных подданных на борьбу с мятежными вассалами, все республиканские силы — армия Кромвеля, войска Ламберта и Гаррисона, силы Флитвуда — собрались в единый железный кулак, чтобы разбить наконец и шотландцев, и Карла, и всех английских роялистов впридачу. Такая точность операций кажется восхищенному биографу «замечательной даже во времена телеграфа, а успех их свидетельствует о необыкновенных военных талантах как самого Кромвеля, так и ближайшего его помощника Ламберта… Три отдельных корпуса, двинувшиеся из трех разных мест, идя на далеком расстоянии друг от друга, сошлись как раз там, где следовало». Тридцать с лишним тысяч солдат и офицеров насчитывало парламентское войско — вдвое больше, чем обескураженное неудачей, усталое войско шотландцев.

Кромвель разделил свою армию на две части: одна с Флитвудом и Ламбертом во главе перешла Северн и закрыла королю дорогу в Уэльс; другая, большая, под водительством Кромвеля встала на пути к Лондону.

Было утро 3 сентября 1651 года — в этот самый день ровно год назад свершилась великая победа при Денбаре. Небо на этот раз было безоблачно, воздух прозрачен, и солнце сияло так ярко, как только может сиять солнце погожим, ясным днем ранней осени. С самого рассвета солдаты были заняты наведением плавучих мостов через широкий, многоводный Северн и его приток Тим, текший с запада. Солнце стояло уже высоко, когда все было готово и полки Флитвуда, перейдя по новому мосту через Тим, ударили на лагерь шотландцев с юга. Им на помощь поспешил Кромвель, переправившийся с «железнобокими» через Северн. Он сам вел своих солдат. Он не щадил себя; он появлялся в самых опасных участках боя и, обнажив шпагу, первый бросался на врага. Ошеломленные таким бешеным натиском шотландцы стали отступать, упорно сопротивляясь, отстреливаясь из-за изгородей. Англичане вслед за своим командиром теснили их все сильнее и скоро погнали к окраинам Вустера, где был еще один мост через Северн — он вел к воротам города.

Вскоре после полудня король Карл, который сам пожелал

исполнять должность главнокомандующего, поднялся по ступеням колокольни кафедрального собора и увидел, что войско шотландцев бежит к городу, преследуемое противником. В тот же миг колокольня содрогнулась: с востока ударила тяжелая осадная артиллерия. Поспешно спустившись, Карл велел подать коня и, дрожа от нетерпения, поскакал к восточным воротам, чтобы самому возглавить вылазку. С ним двигались эскадрон кавалеристов и лучшие силы пехоты.

Король был молод, в его жилах текла горячая французская кровь; он помнил блестящие атаки Руперта. Внезапный удар его кавалерии несколько поколебал оставшееся без командира парламентское войско на левом берегу. Рукопашная была жаркой, как никогда. Звенели клинки, стучали пики, пошли в ход приклады мушкетов. Парламентские новобранцы и неопытные отряды милиции стали подаваться назад, бросать орудия. Но не такой у них был командир, чтобы оставить хоть какой-то участок боя без присмотра. Когда стало ясно, что сопротивление шотландцев на правом берегу сломлено, Кромвель, собрав в кулак «железнобоких», воротился к переправе, стремительно форсировал мост и в тот самый момент, когда, казалось, войска его вот-вот побегут, явился среди них с победным кличем, подобно самому богу браней, и ободрил их, и повел за собой с той спокойной и веселой уверенностью, с какой только он один мог вести в бой своих солдат.

Королевские отряды отступили; король потерял лошадь и бежит пешком к городу; пехота его не стреляет из-за недостатка пороха; командиры Гамильтон и Дуглас смертельно ранены. А Кромвель все наступает. Вот он захватил неприятельские пушки и повернул их против города; вот он уже у городских стен, куда поспешно отошли кавалеры; вот он требует, чтобы комендант форта немедленно сдался. Ему отвечают пушечными выстрелами. «На штурм!» — командует он, и форт взят, солдаты гарнизона падают один за другим, не выдерживая страшного натиска рукопашной.

Парламентские войска с боем врываются в город, стреляя и размахивая клинками. Улицы наполняются телами раненых и убитых, опрокинуты телеги, брошены орудия. Битва продолжается на улицах. Роялисты бегут; и в западные ворота уже ворвались республиканские полки. Карла пронзает сознание своего позора: его солдаты целыми дюжинами сдаются в плен. Он вскакивает на чужого коня и в отчаянии кричит своим:

— Лучше стреляйте в меня, чем оставлять живым! Я не хочу видеть последствий этого рокового дня!

Но патетические восклицания не помогут, да и не время:

надо спасать свою жизнь, надо во что бы то ни стало избегнуть плена. Полсотни роялистов окружают короля и, отчаянно отбиваясь, отходят к северным воротам города, где путь еще свободен. Наконец гремящий боем, залитый кровью дымный город позади: Карл с горсткой людей скачет на север и настигает вдруг трехтысячную шотландскую конницу во главе с Дэвидом Лесли. Бывший главнокомандующий бежал в мистическом ужасе от меча Кромвеля, даже не попытавшись вступить в бой. Карл больше не надеется на шотландцев: ему надо думать только о спасении своей особы. Он переодевается в крестьянское платье и следует на юг, к Бристолю, сторонясь больших дорог, обходя города, двигаясь по ночам. Только через несколько месяцев, полных скитаний, он благополучно достигает французских берегов.

Жестокая сеча в тесных кварталах Вустера постепенно затихает. Артиллерия, гремевшая вдоль улиц и истреблявшая шотландцев целыми ротами, стреляет все реже и реже. Звуки рукопашной еще раздаются некоторое время то здесь, то там, но и они тоже становятся все слабее. Еще одна блистательная победа одержана Кромвелем. Шотландская армия уничтожена почти полностью. Убито около трех тысяч человек; девять тысяч взято в плен. Те, кому удалось спастись через северные ворота, в ближайшие дни наткнутся на отряды милиции, отовсюду спешащие к Вустеру, и тоже будут убиты или взяты в плен. Схвачены будут все командиры — Лесли, Гамильтон, Лодердейл, граф Дерби. Армия роялистов перестала существовать.

Это была последняя битва Кромвеля, последняя его победа на поле боя.

Эта битва показала миру, что Кромвель — действительно великий полководец, замечательный организатор, стратег и тактик.

Глава IX
Реформатор

Кромвелю, его офицерам и армии был представлен ряд петиций из различных графств, в которых признаются с благодарностью их великие заслуги и перечисляются невыносимые тягости, лежащие на стране. Для устранения этих тягостей они просят генерала Кромвеля, его офицеров и армию послужить орудием исправления зол.

Из мемуаров Уайтлока

Теперь, когда прежний король мертв, а сын его разгромлен, нужно заняться приведением государственных дел в должный порядок.

Кромвель

1. «Охвостье»

День 3 сентября, дважды увенчанный великими победами, стал национальным праздником английской республики. Парламент постановил отныне считать его Днем благодарения; работать в этот день возбранялось.

Победы Кромвеля возвеличили Англию в глазах всего мира. Когда летом 1649 года он покидал Англию, все государства, казалось, были враждебны к ней. Когда теперь, спустя два года, он с триумфом возвращался в Лондон, ясно было, что Англия уже заняла подобающее ей место среди европейских держав: многие из них искали е ней дружбы, другие опасались. На Карла уже никто не возлагал серьезных надежд, его положение при дворах различных государей было поистине жалким.

Первой признала республику, как ни странно, католическая Испания — давний, традиционный враг Англии. Ее примеру последовали вскоре император и князья Германии, Венеция, Генуя, швейцарские кантоны, короли датский и португальский, королева Швеции Христина и, наконец, через два года — сама Франция, потрясаемая Фрондой. Один только русский царь Алексей Михайлович не пожелал признать республику «цареубийц»: он прервал с Англией всякие сношения и изгнал из пределов своего государства всех английских купцов.

Вслед за Ирландией и Шотландией, в которых к концу 1651 года было окончательно сломлено всякое сопротивление, английской республике покорились близлежащие острова, прежде оплоты роялистов, и заокеанские колонии — Новая Англия, Ньюфаундленд, Виргиния, Мэриленд.

Внутри республики опасность роялистского мятежа была вырвана с корнем. Ослабело, почти заглохло и левеллерское движение, перекрытое военными заботами и патриотическим подъемом. Теперь, казалось, наступало время сбора плодов — время мирной и счастливой жизни в новой, очищенной и обновленной стране. Но, как писал поэт, «…все же много остается еще завоевать: ведь мирные времена имеют свои победы, не менее славные, чем война…».

Страна была разорена. Торговля и ремесло находились в упадке, земледелие тоже. Получившие полную свободу земельные собственники беззастенчиво грабили крестьян, и те разорялись, теряли скудные наделы и кусок хлеба. Вместо старых патриархальных лордов, бежавших в королевскую армию или за границу, появлялись новые господа, более циничные, более корыстные; они с еще большей энергией огораживали поля,

сгоняли крестьян с насиженных мест, и те пополняли огромную армию бродяг, которыми кишели английские дороги и городишки. Безработных было столько, что перед республикой вставал серьезный вопрос: как их прокормить, как избегнуть их недовольства? Тюрьмы ломились от несостоятельных должников. Законы не соблюдались или использовались во зло беззастенчивыми юристами, которые сказочно наживались на несчастьях разоренных людей. Налоги доходили до огромных цифр — разбухшая почти до 50 тысяч человек армия требовала жалованья и продовольствия. В церковных делах царил полный беспорядок. Поистине, много еще оставалось завоевать в этой стране…

Для Кромвеля день 3 сентября тоже стал днем особенным. Все последующие годы он свято чтил его и отмечал. Позднее, уже после его смерти, родилась среди врагов легенда, что в этот день, перед Вустерским сражением, в лесу явился к нему некий таинственный господин со свитком пергамента в руке. Он обещал Кромвелю семь лет исполнять все его желания, а по истечении этого срока получал право полностью завладеть его душой и телом. Кромвель скрепил договор с дьяволом, — а это был, разумеется, не кто иной, — своею кровью и, полный адского воодушевления, ринулся в битву. Вот чем объясняется его блестящая победа. Несомненная правда во всей этой истории — лишь факт, что Кромвель умрет ровно семь лет спустя и именно в этот день — 3 сентября.

Победа при Вустере не только увенчала Кромвеля как победоносного вождя, не только подкрепила его уверенность в правоте своего дела, по и сняла с его души многолетнюю тяжесть — тяжесть заботы, страха за судьбу республики, неуверенность в собственном призвании. Теперь можно было отдохнуть, отбросить печали, даже позабавиться. Он был на родине: ее милые поля и перелески ласкали взор. Он ехал домой, к любимой жене, к детям. Он дышал воздухом родины. По дороге к Лондону ему поднесли охотничьих соколов, которых он так любил, и он, бросив все, отдался на денек своей юношеской страсти — соколиной охоте.

В Лондоне его встречали опять с триумфом и пушечной пальбой. Парламент пожаловал ему еще и летний дворец короля, прелестный Гемптон-Корт с обширным парком, в котором водилось множество оленей. К его доходу добавили еще четыре тысячи фунтов в год. Едва он приехал, к нему стали являться иностранные послы; петиции подавались в обход парламента на его имя. Палата в официальном поздравлении писала ему: «Теперь, когда силою благословения, ниспосланного богом на вас

и на армию, неприятель вполне уничтожен и положение дел как в Англии, так и в Шотландии избавляет ваше превосходительство от необходимости продолжать кампанию, парламент желает, чтобы вы для полнейшего восстановления и укрепления вашего здоровья предались отдыху и успокоению, сколько сочтете необходимым, и чтобы с этою целью избрали себе местопребывание в недальнем расстоянии от Лондона, так, чтобы в важных совещаниях, которыми парламент имеет заняться для окончательного утверждения республики, он мог воспользоваться вашим присутствием и вашими советами».

Кромвель отныне стал главным человеком в Англии. Хью Питерс, проповедник, который наблюдал его триумф, сказал даже: «Этот человек станет английским королем». Но вряд ли Оливер сейчас об этом думал. Принимая почести, он вел себя с отменной скромностью; говорил только об отваге и искусстве своих солдат — никогда о себе самом. Он жил по-прежнему без претензий, хотя резиденция его находилась теперь в Уайтхолле, в группе зданий, получивших название Кокпит. Иностранные послы выражали немалое удивление спартанской простотой его обстановки и образа жизни. Он не думал сейчас о себе — в его душе был мир, тело наслаждалось здоровьем. Время сражаться, проливать кровь, рисковать прошло. Теперь следовало оглянуться вокруг и приняться наконец за устроение дел в государстве — за то самое окончательное урегулирование, которого ждал народ.

Кромвель ощущал необходимость внутреннего устроения нации уже давно — с момента казни несчастного монарха. С этой мыслью он не расставался ни в Ирландии, ни на полях сражений суровой северной страны. В августе 49-го года он подписал петицию, поданную в парламент советом офицеров, где говорилось: *«Все изданные ранее уголовные законы, а равно изданные в последнее время указы, посредством которых много богобоязненных людей подвергалось гонению, должны быть отменены… Необходимо как можно скорее обсудить вопрос о больших неудобствах, происходящих вследствие многочисленности ненужных законов с их запутанностью и проволочками, которые приносят выгоду отдельным лицам к вреду и издержкам для общества…»* Год спустя, уезжая па север, он говорил Ледло, что желает посвятить все свои силы коренной реформе церкви и права. Но юристы этому противодействуют. Как только речь заходит о реформе права, они кричат, что это значит упразднять собственность. «Между тем, — доверительно признавался Кромвель, — право в том виде, как оно существует, служит только интересам юристов и поощряет богатых притеснять бедных».

А после Денбара, еще не остыв от чудом добытой победы своих истомленных войск, он писал спикеру: *«Великие дела свершил бог посредством вас в войне; великих дел ждут люди от вас в мире. Отрекайтесь от самих себя, по сохраняйте и усиливайте свою власть, чтобы обуздывать гордых и дерзких, посягающих на спокойствие Англии; облегчите страдания угнетенных, прислушайтесь к стонам бедных узников; позаботьтесь исправить злоупотребления во всех сословиях. Не к лицу республике, если для обогащения немногих разоряются многие».*

С такими намерениями Кромвель вернулся в Англию. Три главные задачи стояли перед страной. Первая из них — реформа права, которая означала в его глазах и глазах современников не только изменения в законодательстве, но и социальные переустройства. Жестокие войны ввергли страну в хаос: отношения между лендлордом и арендатором, между должником и кредитором, между работником и нанимателем нуждались в упорядочении. Самое обременительное для крестьян, самое тяжкое из феодальных установлений — копигольд — крепостное держание земли от лорда, отменено не было; крестьянин не стал собственником своей земли, не получил прав и на общинные угодья.

Вторая задача — устроение церковных дел, в которых тоже царила неразбериха: храмы пустовали — ободранные, лишенные икон и украшений, с выбитыми витражами и искореженными органами; солдаты временами использовали их в качестве казарм, временами — в качестве конюшен или тюрем. Англиканские священники разбежались; пресвитеры тщетно старались собрать и контролировать свою паству; их слушали лишь благополучные купцы и финансисты. А народ был весь во власти самых разных, порой причудливых, порой фантастических сект. По дорогам из города в город, с одной рыночной площади на другую странствовали, собирая толпы, бродячие проповедники.

Все они сходились в одном: в требовании отменить церковную десятину. И здесь церковное, религиозное требование превращалось в социальное. Собственно, церковь как единая организация давно не существовала, ее имущество в значительной мере попало в руки светских собственников, все тех же предприимчивых джентри, новых землевладельцев; а все население снизу доверху должно было почему-то уплачивать древний, весьма обременительный налог. Кромвель давно уже

думал о его отмене.

Третьей насущной задачей был роспуск настоящего парламента и назначение выборов в новый, более представительный, более многочисленный. И право: те шестьдесят человек, которые заседали ныне в Вестминстере, возбуждали недоумение. Горстка людей, уцелевших после побегов, чисток, измен, войн, давно уже никого не представляла, кроме самих себя. Прежде палата общин насчитывала около пятисот человек — только такое собрание может заслуживать названия парламента, управлять с достоинством, издавать справедливые законы.

Чем больше Кромвель присматривался к своей когда-то революционной палате, палате индепендентов, тем больше она его изумляла. Куда подевался горячий идеализм Вэна, Гезльрига, Мартена? Куда исчезла их неподкупная жажда справедливости, их забота о благе народном, о законности и свободе? Они об этом больше не помышляли. Они, как и армия, переродились и поклонялись теперь совершенно иным богам. Алчность, безудержная страсть к обогащению владели ими; они нажились на Ирландии; они хватали себе и раздавали друг другу земли, леса, угольные копи, конфискованные у роялистов сокровища, доходные должности, теплые местечки, монополии. Их главной задачей было теперь сохранить и укрепить свою власть, умножить богатства. Их законодательство направлено было как раз к тому, чтобы умножить «разорение многих ради обогащения немногих».

Около половины их были юристами. О какой реформе права в пользу угнетенных могла идти речь? Большинство их были собственниками бывших церковных земель, получающими доходы от десятины. Могли ли они отменить десятину? Все владели землями на правах лендлордов. Могли ли они отменить копигольд? Все они дрожали за свою власть, за свои доходные должности и богатства. Могли ли они провести демократические реформы? Могли ли они, наконец, добровольно сложить с себя полномочия и назначить выборы в новый парламент?

В результате ни десятина, ни копигольд отменены не были; реформа права не проводилась, хотя заседали разнообразные комитеты, создавая видимость дела; налоги не уменьшались, свобода слова, печати, веротерпимость не устанавливались. Вместо этого издавались указы, запрещающие петушиные бои, медвежьи травли, конные ристалища, дабы избежать скопления народа и, боже упаси, смуты. За супружескую измену назначалась смертная казнь; проституция каралась бичеванием, выжиганием клейма на лбу и заключением в исправительный дом; повторная проституция — смертью. Пьянство приравнивалось к уголовному

преступлению.

Внешняя политика велась тоже своекорыстная, захватническая, целью ее было обогащение новых классов, Прежде всего они столкнулись с Голландией — серьезным конкурентом на морских просторах. Торговый флот ее был многочисленнее и богаче английского, она хозяйничала на морях и владела множеством колоний. Она ввозила в Англию на своих кораблях товары со всего света и немало при этом наживалась.

Вестминстерские заправилы предложили Голландии оборонительно-наступательный союз под прикрытием объединения протестантских сил против папистской угрозы, а на деле чтобы поглотить голландскую торговлю и попользоваться голландскими колониями. Но Голландия не захотела превратиться в заштатную британскую провинцию и отвергла союз. Тогда парламент в октябре 1651 года издал знаменитый «Навигационный акт», согласно которому все товары могут ввозиться в Англию только на английских кораблях или на кораблях тех стран, где они произведены. В результате голландская торговля, которая велась в основном чужими товарами, была подорвана. А Англия начала лихорадочно строить флот, готовясь к войне за господство на морях.

Все это Кромвелю не нравилось. Когда первое опьянение побед прошло, когда он пожил в Лондоне, присмотрелся, то увидел, что дела идут совсем не так, как ему хотелось бы. Собственно говоря, его мысли и желания относительно будущего государственного устройства шли вразрез с устремлениями членов палаты, которую в народе давно уже называли не иначе как «Rump» — «охвостье». Он лелеял идею воссоединения всех протестантских государств под владычеством Англии — они по соображениям корысти готовили войну с протестантской Голландией и заигрывали с католической Испанией. Он обещал и хотел провести реформу права — они не были в ней заинтересованы. Он не прочь был отменить церковную десятину — они ни в какую не соглашались. Он не боялся сектантов, покровительствовал им в своей армии. «Я согласился бы скорее, — говорил он, — чтобы среди нас было разрешено магометанство, чем позволить хоть одному из детей божьих терпеть гонения»; в последнее время он особенно сблизился с милленарием Гаррисоном — а «охвостье» боялось и преследовало народные секты. Кромвель не был корыстен, хотя достаток ценил и трудился для его умножения в поте лица; но он с легкостью отказался от доходной должности лорда-лейтенанта Ирландии — того, что он уже имел, было ему довольно; позднее он отдаст на общественные нужды пожалованный ему королевский дворец; а

они, заправилы «охвостья», хватали и хватали себе без разбора должности и земли, дворцы и монополии и не знали в этом удержу; они не брезговали и взятками. Он любил и ценил армию, свое детище и силу, а они ее ненавидели. Наконец, он требовал от них самороспуска, на что они никак не могли решиться.

Этот последний пункт и стал главным камнем преткновения. Уступая авторитету Кромвеля, которого они теперь более чем когда-либо побаивались, члены «охвостья» в ноябре назначили-таки дату своего самороспуска — 3 ноября 1654 года. Три долгих года должно было пройти, прежде чем они расстанутся со своей властью. Да полно, расстанутся ли? Не замышляют ли они уже сейчас так хитро повернуть избирательный закон, чтобы обеспечить себе пожизненные места и руководящие роли в новом парламенте?

Дело государственного устройства требовало немедленного серьезного рассмотрения. 10 декабря Кромвель созвал в доме спикера Ленталла совещание. Приглашены были члены палаты и ведущие офицеры армии — довольно значительное число. Кромвель хотел пока только узнать, что каждый из них думает, и, может быть, выяснить, за какой точкой зрения больше правоты и силы. Когда все уселись и шум затих, Кромвель сказал:

— Господа, в настоящее время, когда прежний король мертв, а сын его разбит, нужно заняться приведением государственных дел в должный порядок. Мы должны вместе обсудить этот вопрос и подумать, что следует предпринять.

Все молчали. Вопрос был слишком важен, чтобы рискнуть говорить необдуманно.

Поднялся осторожный Уайтлок, искушенный в юридических тонкостях:

— Я осмелюсь спросить, на каком основании предполагается установить указанный образ правления? То есть будет ли оно полной республикой или с некоторою примесью монархии?

Это было то самое, что волновало всех. Прежде обсуждения деталей следовало выяснить основной принцип государственного устройства. Кромвель одобрительно кивнул:

— Милорд поставил правильный вопрос. Мы действительно должны обсудить, что лучше: учредить республику или ограниченную монархию? А если это будет монархия, то на кого будет возложена власть?

Вопрос был поставлен, что называется, ребром, и прения начались. Один за другим вставали юристы — Уидрингтон, Уайтлок, Септ-Джон. Все они сходились на том, что образ

правления в Англии все-таки должен быть монархическим. Пожалуй, самым правильным будет вручить эту власть одному из сыновей покойного короля, но не старшему его сыну, принцу Карлу, запятнавшему себя последней войной. Нет, лучше поставить у власти самого младшего — подростка герцога Глостера. Законность будет соблюдена, а управление останется в прежних руках — ведь королю-мальчику понадобятся регенты и советники. Спикер Ленталл высказал вслух то, что было у всех на уме:

— Могут произойти серьезные смуты, если учредить правление нашим народом без внесения в него монархической власти.

Поднялся великан Десборо, которого интеллигентные юристы немного презирали за солдатскую грубость и прямоту. Сейчас он скажет что-нибудь против. И точно: обращаясь через головы юристов к своему шурину Кромвелю, он басит:

— Я прошу вас, милорд, разъяснить, почему Англия не может иметь республиканского правления? Ведь имеют же его другие страны?

Немедленно откликается Уайтлок. Он не хочет ссориться. Он хочет только разъяснить этому солдафону:

— Законы Англии настолько тесно связаны с монархическим образом правления, что установить правительство без монархических начал — это значит внести существенные изменения в законодательство и судопроизводство. В короткий срок мы не сможем этого сделать; к тому же нельзя предвидеть, какие неудобства могут произойти от такой перемены.

Спор разгорается с новой силой. Теперь уже ясно: офицеры хотят республики, юристы — члены парламента — ограниченной монархии. Королем лучше всего сделать малолетнего Глостера, на худой конец — второго сына короля, Якова Йоркa, или даже Карла, назначив ему известный срок для «исправления». Кромвель достиг цели: он выяснил мнения и настроения тех, от кого зависят сейчас судьбы Англии. Можно на этом и закончить. Он тяжело поднимается и подводит итог:

— Итак, я думаю, что самой удобной была бы форма правления с примесью некоторых черт монархической власти. Если, конечно, она сможет обеспечить сохранность и безопасность наших свобод — как англичан, так и христиан.

Позицию членов «охвостья» Кромвель выяснил, но как заставить их действовать, проводить необходимые реформы? Брожение в стране усиливалось. На следующий день после

совещания он получил петицию от жителей нескольких графств; они требовали отмены церковной десятины и реформы права. Их вопли звенели у него в ушах: «…Мы не имеем возможности предоставить нашим детям и семействам надлежащее пропитание, предавая их как рабов во власть клириков и владельцев десятины, которые жестоко мучают нас…» Петиция была направлена ему, главнокомандующему Кромвелю, и офицерам его армии. В способности «охвостья» провести какие-либо реформы люди уже разуверились…

Кромвель сознавал тяжкую ответственность, которая на него ложилась. Народ смотрел на него не только как на победоносного воина и освободителя — на него возлагались надежды более обширные, более великие. Он, именно он, должен был создать справедливое государственное правление, покончить с угнетением, провести реформы. Даже левеллеры снова уверовали в него. Даже Уинстенли, вождь нищих копателей, посвятил ему свой проект переустройства общества — «Закон свободы». И Кромвель опять должен решать (о, сколь тяжек этот выбор!), с кем ему идти: с бывшими ли соратниками, ставшими ныне «охвостьем» Долгого парламента, с офицерами ли армии, с народом ли, что ни день напоминающим ему о своей вере и надежде?

Кромвель все еще думал, что членов палаты, которые свершили три года назад великое дело, можно будет так или иначе побудить продолжить его, чтобы стоны несчастных по всей стране наконец прекратились. Но разговаривать с крючкотворами «охвостья» было трудно. Как только заходила речь о реформе права, они кричали, что каждая мера приведет к разрушению собственности. Удалось создать внепарламентский комитет для рассмотрения законодательства, но и его работа подвигалась туго. Дело об устроении церкви, а следовательно, об отмене десятины тоже ограничивалось одними проектами. Единственно, что парламент исполнял с похвальным рвением, были конфискации земель роялистов. Здесь его члены имели личную заинтересованность, и дело двигалось споро. Кромвель однажды заметил, что людей лишают имущества, словно стадо баранов, по сорок человек в день, не заботясь даже об указании причин конфискаций.

Да, приходилось признать с тайной горечью, что «охвостье» выродилось окончательно — выродилось в наглую олигархическую клику, которая ни за что не захочет расстаться со своей властью.

Что-то неминуемо должно было случиться. Множились самые различные слухи, предсказания, неясные угрозы. Астрологи

объявили, что в марте 1652 года, в «черный понедельник», произойдет затмение Солнца. Мрак охватит землю средь бела дня, светило закроется черным диском, и на небе выступят звезды. Вот оно! Милленарии ожидали в этот день второго пришествия, обыватели тряслись от страха. Некоторые старались заблаговременно удалиться из Лондона, чтобы избегнуть ужасов космического бедствия. Государственный совет принужден был издать прокламацию, где разъяснялось, что затмения Солнца — явления естественные и жителям нечего опасаться.

В мае началась война с Голландией. Адмирал Блэйк — новая звезда в плеяде английских флотоводцев — захватил шестнадцать голландских торговых судов, груженных ценными товарами. Снова стране надо было напрягать силы, строить флот, ужесточать налоги, но не для обороны от общего врага, а для захвата, для наживы немногих.

Кромвель относился к этой войне неодобрительно. Он не препятствовал ей открыто: дело парламента решать, какую политику вести, но борьба с братьями-протестантами из-за наживы претила ему. Передают, что он сказал голландцам, просившим о мирных переговорах: «Мне эта война не нравится, и ваши христианские увещевания достойны похвалы. Я сделаю все, что в моей власти, чтобы добиться мира».

Летом появились первые признаки недовольства в армии. Офицеры и солдаты стали опять, как в 47-м году, собираться вместе, обсуждать различные политические дела. Это уже само по себе являлось грозным предзнаменованием. 13 августа «охвостью» была подана петиция от офицеров армии. В ней еще раз перечислялись реформы, которые должен был провести парламент: отмена десятины, упорядочение законодательства, удаление с государственных постов «негодных, скомпрометировавших себя и распущенных лиц», упорядочение акциза и налогов, уплата государственных долгов, «прежде всего бедным людям». Были в ней и такие пункты: «6. Должны быть представлены отчеты в израсходовании государственных средств и выплачены недоимки солдатам… 8. Государственные доходы должны поступать в одно казначейство; управляющие казначейством должны назначаться парламентом, а поступления и расходы публиковаться каждые полгода. 9. Необходимо назначение комитета из среды членов палаты для рассмотрения вопроса о ненужных должностях и окладах». «Охвостье» чуть ли не прямо упрекали в казнокрадстве!

Требования самороспуска парламента — того, на чем особенно настаивал Кромвель, — в петиции не было. Стояла лишь осторожная фраза, которая, по существу, подразумевала замену

«охвостья» новым представительным собранием: «Необходимо определить, какими качествами должны обладать те лица, которые будут заседать в последующих парламентах».

Петиция была подписана ведущими офицерами армии. Имени Кромвеля под ней не стояло, но значились фамилии всех его сторонников — кузена Уолли, Оки и, конечно, Ламберта, который был, как говорили, вождем армейской оппозиции. Сообщали, что перед подачей петиции Кромвель имел с офицерами несколько совещаний. В октябре Кромвель еще раз попытался добиться договоренности между «охвостьем» и офицерами, но совещания их не приводили к желаемым результатам. Парламентские юристы, как писал в эти дни Ледло, «были заинтересованы в том, чтобы держать в своих руках жизнь, свободу и имущество всей нации».

Редким в ноябре погожим вечером лорд-хранитель государственной печати Бальстрод Уайтлок прогуливался в парке святого Иакова, размышляя о разных вещах, как вдруг его окликнули. Перед ним стоял Кромвель. С учтивостью, для него необычайной и тотчас же заставившей Уайтлока насторожиться, лорд-лейтенант предложил прогуляться вместе. Разговор начался со взаимных любезностей. Уайтлоку все казалось, что Кромвель особенно старается сказать ему приятное, польстить, расположить к себе. Видно, разговор будет серьезный. Вот наконец и дело: Кромвель заговорил о парламенте.

Уайтлок старался не пропустить ни слова: то, что скажет всемогущий Кромвель сегодня, завтра может стать событием — событием истории. Вот он говорит, что нельзя снова рисковать всем ради пустых пререканий. Хитрый Уайтлок понимает, что речь идет об «охвостье», но отвечает невинно:

— Да, главный вопрос сейчас, как сохранить мир в армии.

— Вы правы, — соглашается Кромвель, — армия начинает смотреть на парламент с негодованием. Я хотел бы, чтобы она имела к тому меньше оснований.

Уайтлок в ответ промолчал, и Кромвель стал развивать свою мысль. Он говорил о жалобах на «охвостье», поступающих отовсюду, о его проволочках и бездеятельности, о нежелании передать свою власть более представительному парламенту, о скандальной жизни многих из его членов: казнокрадстве, расхватывании доходных должностей…

— Но парламент в трудном положении, — попытался обороняться Уайтлок, однако он только еще раззадорил Кромвеля. Тот повысил голос:

— Нет, надежды на то, что они установят в государстве порядок, быть не может, право, не может…

Итак, как понял Уайтлок, «охвостье» следует устранить совсем или, по крайней мере, заставить действовать.

— Но ведь мы сами признали этот парламент законной властью, — продолжал он спорить. — И как после этого его устранить или обуздать? Найти способ для этого будет трудно, очень трудно.

— А что, если… — Кромвель говорил с явным усилием, как бы предлагая вопрос не Уайтлоку, а самому себе. — А что, если какой-нибудь человек… возьмет это на себя — согласится стать королем?

— Ну нет, — горячо возразил Уайтлок, — я думаю, это лекарство будет хуже, чем сама болезнь.

Кромвель осторожно настаивал. Он говорил об удобствах такого решения: в самом деле, к монархии в Англии привыкли, она вызывает почтение, ее легче поставить на законную юридическую основу…

— Но это оттолкнет всех наших друзей, которые верят в республику, — возмутился Уайтлок, — и все переговоры об управлении страной сведутся к вопросу: Кромвель или Стюарт? Может быть, проще прямо начать переговоры с Карлом II?

Кромвель замолчал. Лицо его покраснело то ли от сырого ноябрьского ветра, то ли от резких слов собеседника. Вскоре они холодно раскланялись и расстались. После этого разговора Уайтлоку казалось, что Кромвель избегает его и не удостаивает больше своей откровенности.

В самом деле, а что, если кто-нибудь согласится стать королем? Может быть, страну лучше привести к устроению с помощью некоего подобия монархической власти?

…Король придет, но какой?
Кто сможет стать королем?..

Насмешники-роялисты подозревали Кромвеля в желании надеть на себя корону еще в 48-м году. Сейчас его подозревал в этом Уайтлок, да наверняка и многие другие. Слишком велика была его власть в армии, слишком велик авторитет в стране. Венецианский посланник в эти дни говорил, что только находчивость и влияние Кромвеля смогут предотвратить дальнейшие смуты в Англии. Судьба снова ставит его перед выбором: с кем быть? Какую силу возглавить? «Две фракции

толкают меня к действию, — жаловался он, — но, когда я начинаю думать об этом, у меня волосы встают дыбом».

Но думал ли он всерьез о том, чтобы стать королем? Кто знает. Несомненно, он чувствовал необходимость роспуска «охвостья» — слишком явное недовольство возбуждало оно в армии и в народе. А что будет дальше — время подскажет.

Начало 1653 года не принесло ничего нового. «Охвостье» по-прежнему занималось пустыми словопрениями, армия по-прежнему настаивала на его роспуске. В январе был создан комитет для выработки и изложения армейских требований, которые, как и раньше, сводились к последовательно сменяющимся парламентам, реформе права, отмене десятины, установлению веротерпимости. Комитет собирался по средам в Сент-Джеймском дворце; он разослал циркулярные письма в армейские части Ирландии и Шотландии с призывом к солдатам выступить в их поддержку; он постоянно тревожил «охвостье» петициями. Многие из офицеров готовы были немедленно распустить парламент, применив для этого силу. Особо воинственно были настроены Ламберт и Гаррисон.

В конце февраля Блэйк одержал новую блестящую победу над голландским флотом, и «охвостье» почувствовало себя более уверенно. Весной оно наконец приступило к обсуждению порядка выборов в новый парламент. Но что это был за порядок! Поистине, большую наглость трудно было себе представить. Проект нового избирательного закона гласил, что все члены ныне существующего парламента переизбранию не подлежат: они автоматически включаются в состав нового и всех последующих парламентов. Право определять, кто избран в новый парламент «законно», а кто «незаконно», принадлежит опять-таки им, членам пресловутого «охвостья». Это значило, что их олигархическая власть утверждается навечно. Проект был уже дважды одобрен в палате; еще одно чтение — и он станет законом.

19 апреля у Кромвеля собрались офицеры. Были приглашены и лидеры парламента — Уайтлок, Сент-Джон, Вэн, Гезльриг. Кромвель все еще надеялся договориться миром. Нельзя дозволить «охвостью» превратиться в несменяемую олигархию; но нельзя поощрять и офицеров в их стремлении к насилию над парламентом.

План его был прост: пусть члены палаты обещают отложить обсуждение избирательного закона; пусть они передадут свою власть временному правительству — почтенным и авторитетным людям, которые известны как защитники республики и борцы за

общее благо; а сами немедленно разойдутся. Члены «охвостья» возражали. Гезльриг с яростью обрушился на этот проект, Вэн критиковал его более спокойно, Уайтлок назвал его бессовестным и противоречащим государственной мудрости. Офицеры настаивали — и среди парламентских лидеров начались колебания. Первым согласился с проектом Сент-Джон, затем подался Вэн.

Вэн теперь был в стане противников Кромвеля — вот что было особенно горько. Пламенный республиканец, неподкупный борец, когда-то друг, надежный помощник, единомышленник, теперь он холодно и враждебно разговаривал со своим генералом. Это он, именно он был автором наглого билля! Власть, доказывал он, должна находиться в руках тех самых людей, которые, рискуя жизнью и честью, боролись с королевским произволом в 47-м и 48-м годах, которые создали своими руками республику и сохраняли ее все эти смутные годы. Кромвель знал, что Вэн — стойкий республиканец и ни за что не согласится на какое-либо подобие монархического правительства. Он стоял за дружбу с Испанией, недолюбливал армию и старался противопоставить ей мощный флот. Он опасался людей, подобных Гаррисону, и предвидел возможность военной диктатуры.

Совещание затянулось далеко за полночь, споры кипели. Уайтлок и еще несколько человек, не в силах бороться с усталостью, уже незаметно выскользнули из комнаты и отправились по домам, когда наконец что-то вроде соглашения было достигнуто. Вэн сдался. Он и его товарищи обещали отложить рассмотрение избирательного билля и встретиться с офицерами для дальнейших переговоров назавтра после обеда. Кромвель обрел надежду. «Мы вполне удовольствовались этим, — говорил он впоследствии, — и согласились, и стали надеяться, что на следующий день мы решим этот вопрос ко всеобщему удовлетворению».

Наутро, едва он успел позавтракать, к нему пришли Уайтлок, еще несколько членов парламента и офицеры. Вчерашний разговор продолжался. Все как будто сходились в одном: парламент должен назначить сорок человек для управления страной; из них примерно половину должны составлять его члены, другую половину — офицеры; после чего немедленно происходит роспуск «охвостья». Стали набрасывать примерные списки — кто должен войти в правительство.

Тем временем очередное заседание парламента уже началось, и члены его, откланявшись, поспешили в Вестминстер. Все были уверены, что в это утро в палате не произойдет ничего существенного, и Кромвель был спокоен.

Но через полчаса возбужденный Ингольдсби вбежал к нему и, запыхавшись, забыв снять шляпу, сообщил ошеломляющую новость: парламент полон, присутствует около ста человек; они приступили к обсуждению того самого билля об избирательном законе, который обещали отложить накануне.

Кромвель ошеломлен; он не хочет верить. Так вероломно нарушить данное вчера в этой самой комнате слово! Они не могли этого сделать.

Но вот вбегает второй гонец. И он, задыхаясь, спеша, подтверждает невероятное: парламент с утра обсуждает законопроект, который должен навсегда увековечить его власть. Застрельщик этого Гезльриг, он убеждает немедленно принять билль и разойтись до ноября, чтобы новый закон не потребовали отменить.

— Не может быть, — шепчет Кромвель, — я не поверю, чтобы люди такого ранга могли так поступить…

Но вот уже третий гонец бежит из парламента. Что скажет он? А вот что: палата целиком поддерживает Гезльрига. Вместо Кромвеля главнокомандующим решено назначить Фэрфакса. Новый билль вот-вот будет поставлен на голосование.

Время ли сейчас обдумывать, как поступить? Нет, поздно! Надо действовать сию минуту. Да Кромвель сейчас и не может рассуждать хладнокровно. Он словно слепнет: от чувства оскорбления, от ярости, от горечи. Вот они, бывшие друзья и соратники! Так обмануть его доверие, так надругаться над его миролюбием!

Но ярость его клокочет внутри, он не дает ей выхода, не кричит бессильно, словно обезумевшая женщина. Быстро, скупыми словами он приказывает кликнуть отряд мушкетеров; пусть они следуют за ним. А сам в чем есть: черном домашнем костюме и серых шерстяных чулках, точно простой горожанин, — отправляется в парламент.

…Дебаты идут оживленно, и не все депутаты замечают сразу, что в зал широкими шагами вошел Кромвель и сел по обыкновению на одной из задних скамеек. Мушкетеры по его знаку остановились снаружи у дверей.

С четверть часа Кромвель молчал и слушал. На другом конце зала он заметил Гаррисона и кивком подозвал его к себе. Когда тот перебрался к нему, Кромвель тихо сказал:

— Час пробил; я должен это сделать.

Объяснять не пришлось: Гаррисон сразу все понял.

— Дело нешуточное, — сказал он. — И опасное. Подумайте хорошенько, сэр, прежде чем начинать.

— Вы правы, — ответил Кромвель и еще с полчаса сидел

молча, насупившись и слушая выступавших. Брови его были сведены, жилы на висках бились сильно и часто.

Спикер стукнул молотком по столу: билль ставился на голосование.

— Теперь уже пора, — сказал Кромвель не столько Гаррисону, сколько себе самому. Он встал и снял шляпу.

Все взоры мгновенно обратились к нему, и зал сразу неправдоподобно затих. Его волнение, еще скрытое, но страшное в своей силе, передалось. Сразу стало душно, как перед грозой, когда все замирает, страшась неизбежной бури.

Начало его речи было еще спокойным по тону, но содержало горькие, жестокие упреки.

— Долгий парламент, — говорил он, — свершил в начале дней своих великие дела; он работал для общей пользы; он заботился о народе. Вы, — тут он оглянул палату, словно видел ее впервые, — вы призваны были продолжить этот почетный труд. А что вы сделали?

Он шагнул вперед — ему словно тесно было среди скамеек — и вышел на середину зала. Он опять стал всматриваться в лица, и они поразили его, словно он видел их впервые. Сытые, обрюзгшие, уже немолодые, с печатью пороков и страстей, с бегающими, беспокойными глазами, — это были лица совсем не тех людей, кто тринадцать лет назад, пылая жаждой справедливости, начал свою гигантскую борьбу с могучим левиафаном монархии. Не лица, а личины — хитрые, жадные, злобные, — видел он перед собой, и гнев его, дотоле сдерживаемый, обрел полную силу и вырвался наконец наружу страшным ураганом.

Он кричал им, что они не способны ничего сделать для общего блага; что они преданы вредоносным принципам узколобых пресвитериан и лукавых юристов, которые поддерживают тиранию; что они заботятся только об одном — увековечить свою власть; что они намеренно не. выполняют собственных обещаний; что они насквозь продажны — да, да, продажны, они готовы на все ради денег и выгоды.

Ярость душила его; он почти обезумел, почти ослеп. Лица перед ним, побледневшие, с жирными капельками пота, наплывали грязно-белыми пятнами и были отвратительны и еще пуще разжигали его ненависть. Желая унизить их, оскорбить как можно больнее, он нахлобучил шляпу и продолжал кричать, расхаживая по залу, топая ногами и тыча пальцем в эти омерзительные лица. Он перебирал их тайные личные грешки, о которых был наслышан: один — пьяница, другой — растратчик, третий — распутник…

— Вы больше не годитесь, — гремел он, — на то, чтобы быть парламентом! Вы уже и так слишком долго заседали!..

Какой-то человек поднялся ему в ответ и дрожащим голосом начал:

— Мы впервые слышим такие неподобающие для парламента речи… Тем более ужасно, что их произносит слуга парламента, которому мы все так доверяли…

Это было последней каплей. «Доверяли»! Они ему доверяли! А что они сделали с его доверием к ним? Он не дал договорить и, не помня себя, закричал с удесятеренной силой:

— Довольно! Я положу конец вашей болтовне! Вы не парламент! Говорю вам, вы не парламент! Я прикрою ваши заседания! — Он обернулся к Гаррисону. — Зовите их! Зовите!

Двери распахнулись, и тридцать мушкетеров, гремя железом, вошли в зал и стали двумя шеренгами, ожидая приказаний. Кромвель указал на спикера:

— Долой его!..

Ленталл попробовал сопротивляться. Тогда Гаррисон, повинуясь приказу, ухватил его за мантию и стащил е кресла.

Вэн наконец обрел дар речи.

— Это бесчестно! — крикнул он с места. — Это противно всякой нравственности и чести!

Оливер резко повернулся. О, этот Вэн! Хриплый голос наполнился горечью:

— Ах, сэр Генри Вэн, сэр Генри Вэн!.. Боже, избави меня от сэра Генри Вэна!

В зале между тем все смешалось. Кто-то из членов палаты вскочил, кто-то стал пробираться к выходу. Мушкетеры ходили меж рядами и легонько подталкивали упирающихся.

Кромвель подошел к столу в середине зала, на котором лежал скипетр — символ парламентской власти. Он коснулся скипетра рукой.

— Что нам делать с этой игрушкой? — сказал он, и презрительная усмешка скривила его губы. — Уберите его.

Солдаты унесли скипетр. Депутаты, словно испуганное глупое стадо, толпились в направлении выхода. Кромвель снова обернулся к ним. Его ненависть еще не улеглась, но чувство стыда за свой гнев уже проснулось, и от этого стало еще горше.

— Вы, вы заставили меня сделать это! — почти со слезами крикнул он. — Я день и ночь молил господа, чтобы он лучше послал мне смерть, чем довел до такого дела!

Он увидел Мартена и бросил ему в лицо, что он старый развратник, и это была правда; другого назвал блудником, третьего — вором, четвертого — пьяницей. Даже Уайтлока он

обвинил в несправедливости, а Вэну крикнул вдогонку:

— Шут гороховый!

Он выхватил у клерка злополучный билль, и никто потом не знал, куда этот билль делся.

Все было кончено: зал опустел. Двери заперли, и Кромвель с гудящей головой и опустошенным сердцем пошел домой, в Уайтхолл, где ждали его офицеры. Парламента в стране больше не существовало.

Вечером в тот же день он объявил Государственному совету, что отныне его полномочия прекращаются. Брэдшоу пробовал защищаться, предостерегать, но тщетно. И сам он, и его советники — Гезльриг, Лав, Скотт — видели, что дело проиграно. Государственного совета тоже не стало.

Весть о разгоне парламента мигом облетела страну. Но напрасно кое-кто из депутатов надеялся на народное возмущение: народ не поднялся. Уже давно никто не верил наглому «охвостью», кучке наживал и обманщиков. На улицах распевали песенку с припевом: «Дюжину парламентариев можно купить за пенни». Смелый разгон этих негодяев был встречен, напротив, с радостью. Кромвель опять стал героем дня, защитником угнетенных и. господним воителем, созданным для славных побед.

2. «Святые» у власти

«Поскольку после роспуска последнего парламента необходимо позаботиться о мерах к обеспечению мира, безопасности и хорошего управления республикой, для этого мною с ведома моего совета офицеров назначены различные лица, известные страхом божьим, верностью и честностью, на которых возлагаются великие задачи и высокое доверие… Будучи уверен в вашей любви к господу, мужестве во имя его и преданности делу его и всего доброго народа нашей республики, я, Оливер Кромвель, главнокомандующий всех армий и вооруженных сил этой республики, настоящим призываю и облизываю вас явиться лично и присутствовать в зале совета, именуемом Уайтхолл в Сити Вестминстера, 4-го числа ближайшего месяца июля… И от этого вы не должны уклоняться.

Дано за моей личной подписью и печатью 6 июня 1653 года.

Оливер Кромвель».

Такие приглашения получили сто двадцать восемь человек в Англии, шесть в Ирландии и пять в Шотландии. В указанный день они явились в Вестминстер и начали править республикой и называть себя «парламентом». Их уполномочил на это, как явствует из текста приглашения, лично Оливер Кромвель.

После разгона «охвостья» Долгого парламента Кромвель стал единоличным владыкой в Англии. И сам теперь должен был позаботиться об устроении государственной власти.

Разгон бесстыдного «огузка» вызвал в стране всеобщее удовлетворение. «Даже ни одна собака не тявкнула, ire то чтобы раздался хоть какой-то заметный ропот», — вспоминал позднее Кромвель. Жизнь в стране шла своим чередом: в Сити бойко торговали лавочники, работали суды и муниципальные власти, проповедники с кафедр призывали народ к покаянию. Иностранных послов заверили в неизменной дружбе английской республики.

На Кромвеля смотрели с восхищением и страхом. Самые ярые враги его — роялисты и пресвитериане — преисполнились теперь почтением и шепотом передавали друг другу, что теперь Карл Стюарт женится на дочери Кромвеля, который станет герцогом и вице-королем Ирландии. Нет, возражали другие, он сам возложит на себя корону, об этом уже есть договоренность с офицерами.

И другие враги его — враги слева, левеллеры, воспрянули духом. Изгнанник Джон Лилберн, недавно еще метавший громы и молнии против «тирана», прислал ему из Голландии полное надежд и восторгов письмо. Разгон Долгого парламента, писал

он, — мера, ведущая к освобождению Англии. Это событие показалось «свободнорожденному Джону» настолько благоприятным переворотом, что он вопреки приговору суда сел на корабль и полетел на родину, обновленную и свободную.

Только городские власти Сити выразили протест и потребовали вернуть парламент на место. Но на это никто не обратил внимания.

Кромвель, однако, был далек от того, чтобы наслаждаться положением единоличного диктатора. Наоборот, ему казалось, что он не вынесет этого бремени. Власть в стране должна быть законной. Он чувствовал необходимость как можно скорее передать свои полномочия представительному органу.

Но какому? Ясно было, что всеобщих выборов назначить нельзя: если созвать парламент на основе старой, королевской конституции с ее высоким имущественным цензом и неравномерным распределением округов, — к власти, чего доброго, снова придут пресвитериане и замаскированные роялисты, и тогда все достигнутое в долгой борьбе пойдет насмарку; если же взять за основу лезеллерское «Народное соглашение», — власть получат бунтари-уравнители, и тогда страна будет ввергнута в смуту и анархию.

Нет, править Англией должны люди благочестивые, умеренные, преданные богу и в то же время доказавшие свою верность республике. Ведь и от «охвостья» требовалось, чтобы оно передало свою власть «известным лицам, людям богобоязненным и с установленной безупречностью».

В долгих совещаниях с приближенными Кромвель выяснил, что Ламберт, вождь офицерства, хочет видеть во главе государства небольшой совет из десяти-двенадцати человек; ведущую роль в нем должны играть офицеры армии. Этот совет составляет письменную конституцию и назначает выборы в новый парламент. Гаррисон, вождь сектантов, мечтал о большом «совете мудрых» из семидесяти человек, подобно иудейскому Синедриону.

Кромвель колебался, положение его было более затруднительным, чем когда-либо. Речь сейчас шла не о том, с кем идти, кого возглавить, кого поразить своим непобедимым мечом, а о том, чтобы выбрать новое политическое устройство страны, создать законную и справедливую власть. Как решиться на это? Какой путь выбрать? Кого послушаться?

Вероятно, Кромвель никогда не молился так усердно, как в эти недели. И решение пришло: он склонился к мнению Гаррисона. Новый правящий орган составлен был следующим образом: местные индепендентские конгрегации в каждом

графстве по требованию Кромвеля и совета офицеров представили списки наиболее подходящих лиц; из них были отобраны 139 человек; после чего Кромвель, сознавая всю тяжесть и величие своей ответственности, разослал им за своей подписью приглашения явиться 4 июля в Вестминстер, дабы исполнять функции верховной власти.

В назначенный день в большом зале совета в Уайт-холле собрались члены нового законодательного собрания. Они расселись вокруг длинного стола. Зал наполнился офицерами. Кромвель вошел широкими, твердыми шагами солдата и остановился посредине, у окна. Его тяжелое лицо горело вдохновением, глаза были устремлены ввысь. Зал затих. Кромвель мысленно призвал имя божье на помощь и начал говорить.

Он честно, горячо рассказал им о том, чем вызван был разгон «охвостья»; о недовольстве народа этим нечестивым собранием и о последнем неизбежном насилии над ним — для спасения республики. Стыд за свое неистовство все еще жег его, и он говорил:

— Я совершенно откровенно могу сказать, как перед господом: сама мысль о каком-нибудь акте насилия была для нас хуже, чем любое сражение, в котором мы когда-либо участвовали…

Да, армия, которой народ доверил охрану своих прав, свершила это жестокое деяние, но армия же теперь вручает им, божьим избранникам, всю полноту власти, чтобы они употребили ее на благо народное. Совет офицеров теперь складывает свои полномочия; он прекратит свои заседания, как только они ему прикажут. Он подчеркнул, что они совсем особое собрание. И потому они должны следовать своему призванию и быть «мудрыми, чистыми, мирными, добрыми, отзывчивыми, плодоносными, беспристрастными, нелицеприятными».

— Мы должны быть сострадательными, — снова и снова повторял он, — терпимыми ко всем. Любить всех, прощать, заботиться и поддерживать всех… И если самый беднейший, самый грешный христианин захочет мирно и спокойно жить под властью вашей, — я говорю, если кто-либо захочет вести жизнь благочестивую и мирную, — пусть ему будет оказано покровительство.

Несколько часов длилась эта бессвязная, восторженная, полная ссылок на пророков и апостолов речь.

Прощаясь, Кромвель сообщил собранию, что оно будет действовать до ноября 1654 года; за три месяца до роспуска

своего оно должно будет избрать тех, кто наследует его власть на следующие двенадцать месяцев. В ответ собрание пригласило Кромвеля, Ламберта, Десборо и еще двух офицеров войти в их состав.

Эти люди недаром с таким восторгом встретили апокалипсическую речь Кромвеля: они сами были проникнуты мистическими настроениями. Это были члены религиозных общин из Лондона и графств — в большинстве своем лавочники, небогатые сквайры, торговцы.

Среди них были родственники и приближенные Кромвеля: сын его Генри, тесть Дика Ричард Мэр, брат покойного Генри Айртона Джон Айртон; были и офицеры-соратники: полковник Монк, лорд Брогхилл. Вэн и Фэрфакс были приглашены, но заседать в собрании они отказались.

Самым активным членом нового органа власти показал себя впоследствии некто Прейзгод Бэрбон, кожевник и анабаптистский проповедник. Само имя его — Прейзгод, что значит «хвала богу», говорит о сектантской среде, из которой он вышел. Бэрбон был такой яркой фигурой, что весь парламент скоро стали называть не иначе как бэрбонским.

Большинство было настроено весьма умеренно; но имелись среди них и фанатики, готовые немедля ринуться в новый Армагеддон и установить в Англии Моисеев кодекс вместо основанного на римском праве законодательства.

Новая ассамблея начала свою деятельность с того, что 12 июля объявила себя парламентом. Они были полны рвения, эти «святые», они заявляли о своей вере в то, что над страной «занимается заря освобождения».

Они действительно собирались совершить огромную работу и принялись за нее с наивным усердием простых людей, незнакомых с юриспруденцией, не ведающих колебаний, прямо идущих к цели. «Реформа права, — говорил им Кромвель, — столь сильно взволновавшая умы, и ныне стоит на очереди». Они и принялись прежде всего за реформу права. В считанные дни назначили комитет для сведения всей запутанной массы английских законов в один небольшой кодекс — размера карманной книжки. Суд канцлера, существовавший века (его волокита и беспримерное крючкотворство вошли в поговорку), было сплеча решено отменить совсем. Они упразднили также церковный брак и заменили его гражданским; ввели регистрацию актов гражданского состояния; предложили не судить карманников и конокрадов за преступления, совершенные

впервые; отменили сожжение для женщин.

Выдвигались еще более невероятные проекты: действительных, не мнимых, банкротов не следует заключать в долговые тюрьмы. Государственные налоги следует перераспределить и привести в соответствие с доходами населения. Казне не хватает средств — так пусть получающие высокое жалованье офицеры год прослужат бесплатно.

Кромвелю такая политика начинала казаться самонадеянной и неумной. Выходило, что не «святые», а дураки правили Англией, и дураки эти стали вскоре беспокоить его больше, чем мерзавцы, сидевшие в «охвостье». Они еще и не того понаделают!

И правда, их реформаторский пыл становился в его глазах все более оголтелым. Вот они уже отменили систему откупов при сборе податей; вот они обсуждают вопрос о компенсации беднякам убытков, нанесенных огораживаниями; вот они хотят совсем отменить акцизы…

Хуже всего — члены бэрбонского парламента с такой же смелостью взялись за церковные реформы. Они отменили право патроната, то есть право лендлордов-землевладельцев выставлять кандидатов на церковные должности. Тем самым церковное устройство изымалось из-под контроля собственников. А потом взялись за десятину. То, чего так настоятельно требовали от Долгого парламента многочисленные петиции, было уже близко к разрешению. «Пусть священников, — заявили „святые“, — содержат те, кто в них нуждается». А поскольку доход от десятины давно уже в большой своей части перешел в руки крупных сквайров и новых лендлордов (сам Кромвель получал от десятины существенную часть своих доходов), вся имущая Англия пришла в волнение: новый парламент, кажется, посягает на собственность! Пресвитериане и индепенденты начали находить общий язык: они вместе возмущались радикальностью новых законодателей, которые и парламентом-то называться не могут: ведь они не избраны народом, а назначены сверху. Особенно же неистовствовали офицеры: кому хочется целый год служить бесплатно?

Кромвель теперь мучительно краснел, когда вспоминал свою восторженную речь при открытии парламента. Это было глупо, это было непростительной слабостью — возлагать высокие надежды на простоватых самонадеянных мужиков. Вместо умеренных и разумных реформ, которые привели бы к установлению в стране порядка и спокойствия, они собирались, как казалось ему, совсем упразднить законы и собственность.

В середине июля в Лондон самовольно вернулся из изгнания главный бунтовщик — Лилберн. Его взяли под стражу и назначили суд. В парламент потоком пошли петиции в его защиту. Во время суда многочисленные толпы осаждали присяжных; Кромвелю пришлось держать наготове три полка во избежание всяких неожиданностей. 20 августа под громкие приветствия зала (даже солдаты, охранявшие вход, трубили в трубы и били в барабаны от радости) Лилберн был оправдан. Могло показаться, что снова наступают дни агитаторов и левеллеров. В народе говорили радостно: «Ренту лендлордов и десятины надо уничтожить разом…» Кромвель понимал, что сделал страшную, непоправимую ошибку. Четыре года спустя он еще будет со стыдом вспоминать то, что назовет «историей своей собственной слабости и глупости». «Право же, — скажет он тогда, — это было сделано по простоте душевной. Тогда казалось, что люди нашего закала, цельные, испытанные в боях, годятся на это дело и смогут достичь той цели, которая перед ними стояла. Мы все тогда так думали, и я тоже — к моему несчастью. Вот такие-то люди были отобраны и допущены к делу. И горькая правда в том, что результат, как оказалось, не соответствовал чистоте и простосердечию замысла». «Святые» вели себя так, что выходило: если человек имеет двенадцать коров, а сосед его — ни одной, то имущий должен поделиться своим достоянием. «Кто бы мог назвать хоть что-нибудь своей собственностью, если бы они дошли до этого?»

Это Кромвель скажет позже, а сейчас, осенью 1653 года, он в глубоком раздумье, в черной меланхолии, овладевшей им, писал зятю Флитвуду, мужу Бриджет, в Ирландию: *«Поистине никогда более, чем сейчас, я не нуждался в помощи моих друзей-христиан!»* Сознав тщету своих усилий, он хотел уйти от всего, удалиться в пустыню. *«О, если бы я имел крылья, как голубь»,* — сетовал он.

И другие сомнения одолевали Кромвеля. Не было ли его желание передать верховную власть этим лицам просто выражением слабости, трусливой попыткой уйти от ответственности, возложенной на него богом? Не было ли это, как он сам говорил, «желанием, боюсь, весьма греховным, сбросить с себя ту власть, которую бог посредством совершенно явственных указаний вложил в мои руки?.. Сбросить, не дожидаясь, пока благородные цели нашей борьбы будут достигнуты и упрочены?».

Но одно дело сомнения, другое — открытые действия. Кромвель всегда долго колебался, прежде чем что-либо предпринять. И сейчас, в конце ноября, когда к нему пришел от имени офицеров Ламберт с проектом разогнать парламент и возложить на него, Кромвеля, корону, он колебался. Ламберт

сказал ему, что, пока он не возьмет дело управления страной всецело в свои руки, неустройства будут продолжаться, снова начнутся смуты, польется кровь… Но Кромвель упорно отказывался. Как принять титул короля после казни законного монарха и торжественного провозглашения республики? Как разогнать собрание благочестивых проповедников, если ему твердо обещана спокойная деятельность до конца будущего года? Может быть, они еще одумаются и поведут себя мудрее?

Однако «святые» (они же «дураки») не собирались отступать. 10 декабря, в субботу, большинством в два голоса они решили возобновить вопрос об отмене десятины. Надо было действовать срочно — иначе они все перевернут вверх дном.

Ламберт все взял на себя. 11 декабря, в воскресенье, он собрал совещание умеренных членов парламента и ведущих офицеров. Он особенно напирал на то, что, если парламент будет заседать еще хоть один день, собственность «всех честных людей» будет поставлена под угрозу. Такая постановка вопроса убедила присутствующих. После того как они разошлись, Ламберт еще весь день встречался с разными людьми, вел переговоры, уламывал колеблющихся. К концу дня соглашение было достигнуто, и, что самое главное, — спикер Рауз, благочестивый ректор Итона, из бывших пресвитериан, заверил Ламберта в своей поддержке. Кромвеля в это дело решено было не посвящать.

На следующее утро, в понедельник, умеренная половина бэрбонского парламента явилась в зал заседаний очень рано — задолго до прихода радикалов. Немедленно по открытии спикер предоставил слово сэру Чарльзу Уолсли, бывшему роялисту, который обрушился на парламент с потоком обвинений. Попытка отменить десятину, сказал он, — это покушение на собственность. Присутствующие шестьдесят или семьдесят членов согласно кивали. Затем взял слово полковник Сайденхэм. Он заявил, что «назначенцы» пытаются уничтожить армию, задерживая налоги для выплаты ей жалованья, стремятся ниспровергнуть законы, церковь и собственность. «Законы и права англичан, — сказал он, — они хотят заменить собственным кодексом, составленным по закону Моисея». Присутствующие выразили согласие. Спешно, пока не прибыли фанатики-сектанты, было принято решение: «Дальнейшие заседания настоящего парламента в данном его составе не послужат для блага республики, и потому необходимо передать в руки лорда-генерала Кромвеля те полномочия, которые члены парламента от него получили».

Спикер поднялся со своего кресла, приказал сарджанту взять в руки жезл, символ власти парламента, и торжественно

направился к выходу. Сарджент с жезлом шел впереди, за спикером следовал клерк, а за ним — 50 или 60 депутатов. В таком порядке они прибыли в Уайтхолл, прошли к Кромвелю и передали ему жезл вместе с бумагой, в которой отрекались от своей власти в его пользу.

Когда радикалы-анабаптисты, милленарии и члены других народных сект явились на свои места в парламент, все было уже кончено. Бэрбонского, или Малого, парламента не существовало. Они расселись по местам и сидели до тех пор, пока отряд мушкетеров не вошел в зал.

— Что вы здесь делаете? — спросил их полковник, командир отряда.

— Ищем господа, — смиренно отвечали «святые».

— Ну так идите куда-нибудь в другое место, — грубовато скомандовал полковник. — Насколько я знаю, господь здесь не бывал за последние двенадцать лет…

Четыре дня спустя, 16 декабря 1653 года, в час дня из Уайтхолла вышла торжественная процессия. Офицеры в парадных мундирах, судьи в мантиях, чиновники, лорд-мэр и олдермены Сити в бархатных кафтанах с неизменными знаками своего достоинства шествовали между двумя шеренгами солдат к Вестминстеру. В большом зало канцлеровского суда на богатом ковре стоял обитый алым бархатом трон. Процессия с подобающей величавостью влилась в зал, заполнила его и расступилась, притихла: по пышному ковру тяжелой солдатской поступью прошел на середину, к красному трону, верховный правитель Англии. На нем был простой черный костюм и черный сюртук. Только шляпа, которую он не снимал в продолжение всей церемонии, была обшита широким золотым галуном. Его некрасивое умное лицо пятидесятичетырехлетнего человека было серьезно, брови нахмурены. Новая великая миссия тяжелым бременем ложилась на его широкие плечи.

Он встал возле трона. Вперед выступил генерал Ламберт со свитком в руке. От имени присутствующих он просил Кромвеля принять на себя титул и обязанности лорда-протектора Англии, Шотландии и Ирландии. Тут же была прочитана новая письменная конституция «Орудие управления».

Согласно ей Кромвель получал пожизненный пост лорда-протектора (покровителя) трех соединенных республик. Пост этот был не наследственным, а пожизненным. Протектор получал законодательную власть совместно с парламентом из четырехсот человек, который должен был избираться раз в три года; сессия

продолжалась не менее пяти месяцев. Избирать в него могли только люди, имеющие не менее 200 фунтов стерлингов — в земле или движимости. Это был ценз, значительно более высокий, чем даже при Стюартах. Протекторат покоился исключительно на поддержке средних и крупных собственников. С другой стороны, избирательные округа были перераспределены в пользу городов и средних слоев населения — осуществилось то, чего требовали и Долгий парламент в начале своих заседаний, и «Главы предложений», и левеллерское «Народное соглашение».

Исполнительная власть вручалась протектору совместно с пожизненным Государственным советом из пятнадцати лиц, список которых был выдвинут советом офицеров и тут же прочитан. В него вошли родственники Кромвеля — генерал Десборо, Ричард Мэр, полковники Сайденхэм и Монтэгю, даже несколько представителей старых аристократических фамилий, вполне, впрочем, лояльных. Этот совет, конечно же, во всем будет послушен Кромвелю. Ни парламент, ни совет не имеют права изменить форму государственного правления, начертанную в настоящей конституции.

Очевидно было, что и парламент и совет — только камни в гигантской пирамиде, на вершине которой оказался он, Оливер Кромвель, выходец из скромной семьи хантингдонского сквайра. «Всякого рода указы, — читал Ламберт, — вызовы в суд, полномочия, патенты, пожалованья и другие распоряжения, которые до сих пор издавались… властью парламента, должны издаваться от имени и титула лорда-протектора, которым на будущее время будут производиться назначения всех должностных лиц и пожалования почетных званий в названных выше трех нациях… Он имеет право помилования и получения всех конфискаций, сделанных для публичных целей… Он должен располагать и руководить милицией и войсками как на море, так и на суше… Он должен руководить всеми делами, относящимися к поддержанию и укреплению добрососедских отношений с иностранными королями, правителями и государствами, а также с согласия большинства членов совета имеет право вести войну и заключать мир… Законы не могут быть изменены, налоги не могут вводиться без его согласия…»

Высшая власть, подобная королевской, вручалась этому грубоватому мужлану с красным обветренным лицом и мясистой складкой под подбородком, этому солдату с крупными мозолистыми руками. Высшей власти достиг он с помощью своего ума и характера, своей воли, своих военных талантов.

Хотел ли он этой власти? Стремился ли к ней как к заветной заманчивой цели, безоглядно сметая или, наоборот, коварно,

втихомолку устраняя встающие на его пути препятствия? Вряд ли. Скорее он принимал ее как неизбежную и почетную, но тяжкую ношу, возлагаемую на него, но не этими людьми, которые подобострастно заглядывали ему в глаза, а самим богом. Перед принятием почетного титула он со слезами говорил, что лучше возьмет пастушеский посох, чем протекторский жезл, ибо мирское величие претит его духу. Но он видел, что принять на себя это бремя необходимо, чтобы удержать нацию от распада, от беспорядка, от внешних и внутренних врагов, которые готовы были отнять с таким трудом завоеванные свободы. Правление «святых» было его последним и, может быть, самым горьким разочарованием в возможностях демократии. «*Другим* ничего доверить нельзя; придется все делать *самому*», — вот какое чувство владело им в этот день, когда он публично соглашался принять знаки своего нового, высокого достоинства.

Ламберт кончил читать. Оливеру, не снимавшему шляпы (это полагалось по ритуалу), поднесли государственную печать; его усадили на трон. Затем подошел лорд-мэр и с поклоном вручил ему государственный меч и коронационную шляпу — древние символы, которые прежде вручались королю во время коронации. Кромвель вежливо принял их и потом возвратил мэру. Затем он подписал текст присяги. Церемония была окончена. Вереницей потянулись к нему люди с непокрытыми головами — принести свои поздравления, поклониться, польстить, напомнить о себе. Когда их долгий поток иссяк, Кромвель поднялся и, встав во главе этой многоликой, пестро-нарядной, подобострастной толпы придворных, двинулся обратно в Уайтхолл, в Банкетный зал. Лорд-мэр с непокрытой головой нес за ним государственный меч. Солдаты сопровождали его приветственными криками.

Пока празднество продолжалось в Банкетном зале, герольды в Сити, на Палас-ярд, на других площадях Лондона громко читали перед толпами народа текст провозглашения нового властителя. В четыре часа пополудни ударили пушки — троекратный салют увенчал великий день.

К верховной власти Кромвель пришел усталый, разочарованный, почти старый. Он еще был уверен в своей собственной особой миссии, возложенной на него богом, но веру в «божий народ» потерял окончательно. Его задача отныне — удерживать порядок, следить, чтобы англичане не перерезали друг другу глотки. Он теперь не вождь парламента, не революционер, не борец за правое дело; не глава армии, идущей к свободе и славе, не строитель конституции. Он, по собственному

его слову, стал теперь просто-напросто «констеблем» — стражем порядка.

Глава X
Лорд-протектор

Таким путем и без всяких видимых усилий этот необычайный человек без поддержки и против желаний всех благородных и солидных людей возвел себя на трон трех держав, не принимая звания короля, но обладая большими властью и могуществом, чем когда-либо имел или требовал себе какой-нибудь король.

Кларендон

Никто не поднимается столь высоко, как тот, кто знает, куда он идет.

Кромвель

1. Констебль

Ясный лоб над густыми бровями, умные холодные глаза, сжатые губы. Лицо дышит волей, затаенной сдержанной энергией — и все же оно бесстрастно. Такого человека не рассердить, не разжалобить, не вызвать на откровенность. Зовут его Джон Терло, ему тридцать восемь лет. С некоторых пор он играет огромную, хотя и скрытую от ненаблюдательных глаз, роль при Оливере Кромвеле.

Его удивительные государственные способности заметил еще лет десять назад Сент-Джон, родственник и друг Кромвеля. Терло под его руководством изучал право и в 1645 году стал служить секретарем в парламенте. Он никогда не был вместе с крикунами — республиканцами, левеллерами, демократами. Он не требовал прав и свобод для народа. Он не участвовал в суде над королем и не примыкал ни к какой партии. Его склонности были совсем иного рода.

В 1651 году он ездил вместе с Сент-Джоном в Голландию, а в следующем был назначен секретарем Государственного совета с внушительным окладом и казенной квартирой в Уайтхолле. И тут его замечательные способности развернулись в полную силу. Он выказал себя не только чрезвычайно усердным и умным чиновником, но и удивительным знатоком человеческой психологии. Он мог подобрать ключ к любому, выяснить подноготную самой скрытой, самой таинственной личности, и скоро в его руках стал собираться бесценный и обширный материал — досье на каждого, кто попадался на его пути. Он умел великолепно перехватывать чужие письма, узнавать тайные намерения, проникать за запертые двери. В то же время его личная беззаветная преданность Кромвелю не вызывала сомнений.

Вскоре после установления протектората он получил еще одну должность — клерка по иностранным делам, и здесь выказав недюжинные, почти невероятные способности. Он носил в своем поясе, как выразился один современник, тайны всех государей Европы. Его агенты были повсюду — и некоторые из них пользовались большим доверием живущего в изгнании Карла Стюарта. Ни один заговор в Брюсселе или в Гааге не проходил мимо его внимания; не было случая, чтобы переговоры, которые велись за замкнутыми дверями в Париже или Мадриде, не стали тут же ему известны. Ничто не ускользало от его бдительного ока, будь то замысел роялистов лишить жизни лорда-протектора,

перемещение испанского серебряного флота или беспорядки, учиненные кучкой квакеров на базарной площади провинциального городка. Его глаза и уши были поистине вездесущи и всепроникающи.

Этот человек стал символом нового режима. Государственный секретарь, шеф тайной полиции и глава секретной разведывательной службы, — не он ли был тем дьяволом, который служил теперь верой и правдой Оливеру Кромвелю? Не за эту ли преданность и эти услуги должен был расплачиваться Оливер собственной душой? Во всяком случае, он получал от Кромвеля на нужды своей сомнительной деятельности огромную сумму — 70 тысяч фунтов ежегодно.

23 декабря 1653 года Терло писал Уайтлоку, который теперь служил английским послом при дворе шведской королевы Христины: «Происшедшая перемена встретила всеобщее признание, особенно среди юристов, пуританских священнослужителей и купцов, для которых, как они сами сознавали, настроенность последнего парламента несла наибольшую опасность». Уж кому-кому, а Терло можно в этом отношении верить вполне: его осведомленность была превосходной.

Итак, режим протектората был принят с удовлетворением и армией, и юристами, и купцами, и сквайрами, и пуританскими клириками. Стабильное правление, сосредоточенное в железной руке Кромвеля, было наконец установлено. Страна имела письменную конституцию, законность была в безопасности, армия успокоена, против бунтовщиков приняты надлежащие меры. Вот когда для имущей Англии настала наконец пора наслаждаться миром и благоденствием.

В Уайтхолле шли большие хлопоты: следовало превратить его из деловой спартанской резиденции армейского главнокомандующего в настоящий дворец «его высочества», средоточие славы и величия нового правителя. Раз уж он стал законным властелином страны, раз уж иностранные послы стоят перед ним с непокрытой головой, а Людовик XIV, король французский, называет его «братом», раз для него высечена новая большая государственная печать с его изображением — двор его должно обставить с подобающей пышностью. Так думали окружающие, так считала Элизабет, и Кромвель согласился.

Элизабет теперь стала «ее высочество леди Кромвель», или «протекторша», как попросту именовали ее в стране. Она с семьей в апреле 1654 года переехала в главное здание Уайтхолла и

занялась устройством апартаментов: столовых, спален, гостиных и торжественных приемных зал. В недавно заброшенных покоях засуетились дворецкие, горничные, стюарды, грумы, пажи, фрейлины. Были извлечены из кладовых и расставлены в чинном порядке французская мебель, вазы, статуэтки, некогда служившие королю, развешаны драгоценные гобелены, шелковые занавеси. На столах появилась серебряная и фарфоровая посуда, на стенах — прекрасные картины. В конюшнях били копытами великолепные холеные лошади, в каретных сараях стояли, посверкивая витой позолотой, изящные экипажи, обитые бархатом и украшенные затейливой бахромой. Гардеробные ломились от парадных, вечерних, обеденных, утренних туалетов.

Постепенно вместе со старыми вещами в Уайтхолл возвращались и старые обычаи придворного этикета. Иностранных послов принимали теперь с теми церемониями, которые полагались при дворе Стюартов; кушанья за столом подавали точно так же, как встарь; даже кланяться стали по старому обычаю: с приседаниями и замысловатыми движениями рукой. И страна следовала за правителями: весной 1654 года тонкий наблюдатель Джон Эвелин с некоторым изумлением записал в своем дневнике, что лондонские женщины снова стали подкрашивать лица.

Для отдыха и сельских развлечений лорда-протектора был предназначен прелестный загородный дворец Гемптон-Корт в двенадцати милях от Лондона. Некогда Кромвель отказался от этого дворца, сочтя его ненужной роскошью, не совместимой с суровой жизнью воина; теперь он каждую пятницу отправлялся туда и возвращался только в понедельник. Чистая, не замутненная городскими отбросами Темза, полудикий парк, где водилось в изобилии зверье для охоты, свежий деревенский воздух — все здесь несло ему покой и отдохновение. Вечерами он наслаждался музыкой: в Гемптон-Корте установили орган, туда приезжали певцы и музыканты.

Полюбил Оливер и общество молодых красивых женщин. Не то чтобы он когда-нибудь оскорбил Элизабет недостойной связью — нет, конечно, совесть никогда бы этого ему не позволила. Но нежно-отеческое отношение к хозяйке блестящего салона Элизабет Мэрри, графине Дайзарт, известной больше как «Бесс», или к красавице Фрэнсис Ламберт, жене генерала, или к невестке Дороти доставляло ему истинное удовольствие. Он сквозь пальцы смотрел даже на то, что Бесс была паписткой и имела связи в роялистских кругах.

Кромвель, приняв сан протектора, вообще стал проявлять больше терпимости к роялистам. Что это было: надвигающаяся

старость с ее естественным консерватизмом? Или подчинение закономерному ходу событий, возвращавших все на круги своя? Или, может быть, мудрая политика государственного деятеля, который видел теперь свою задачу в том, чтобы всеми возможными мерами укреплять единство страны, объединять, а не разделять, мирить, а не ссорить, миловать, а не казнить? Как бы то ни было, стремление к единению и консерватизм — отличительные черты первых месяцев его правления в качестве лорда-протектора. Его приближенными делались люди знатных фамилий — Эдвард Монтэгю, племянник графа Манчестера (он назначен был адмиралом флота), лорд Брогхилл, бывший роялист; лорд Фоконберг, который потом стал мужем дочери Мэри, Роберт Рич, внук графа Уорика, — за него Кромвель выдаст другую дочь, Фрэнсис.

Вместе с этими людьми, вместе со своим советом, тоже составленным из лиц известной умеренности и силы, Кромвель стал править Англией. Он позаботился о том, чтобы отменить дикие постановления «святых» Малого парламента — прежде всего в области реформы права. Реорганизация суда канцлера была передана в надежные руки трех дипломированных юристов. Была отменена смертная казнь за все преступления, кроме убийства и государственной измены; упорядочена плата адвокатам за ведение дел: нарочитое удлинение судебной процедуры и усложнение языка документов с целью повышения гонораров теперь возбранялись.

В религиозных делах Кромвель являл себя сторонником широкой веротерпимости, но не полной анархии: он считал, что в стране должна существовать государственная церковь и признание божественной природы Иисуса Христа для всех конгрегации обязательно. Десятина — не лучший способ содержания духовенства, но пока не изобретен более совершенный, пусть она продолжает взиматься. Что касается церковных проповедников, то для вступления в должность им полагалось теперь представить свидетельства о благочестии, подписанные тремя уважаемыми лицами. Сектанты преследовались только за явные антиправительственные выступления, католикам особенно не досаждали.

Специальный указ провозглашал полное политическое слияние трех королевств — Англии, Шотландии и Ирландии — под управлением лорда-протектора. Парламенты окраинных республик были ликвидированы: вместо этого каждая посылала в объединенную английскую палату по 30 представителей. Таможенные барьеры уничтожались, повсюду вводились английское право, система судопроизводства, подати, налоги.

Население Ирландии согласно акту, принятому еще Малым парламентом, принудительно выселялось из наиболее развитых и плодородных областей в суровые северо-западные графства; освобожденную таким способом землю получали английские солдаты и купцы. Правителем Шотландии был назначен лорд Брогхилл. Двенадцатитысячной армией англичан, сплоченной и послушной (она еще сыграет свою роль в истории Англии!), командовал полковник Джордж Монк.

Важные события произошли во внешнеполитических делах. В апреле 1654 года был наконец заключен мир с Голландией. Война закончилась в пользу Англии: республика Соединенных провинций признала «Навигационный акт» и соглашалась возместить английским купцам убытки. Линия Оранских, близкая Стюартам, согласно секретному параграфу договора должна быть отстранена от управления страной. Кромвель, которому не нравилась эта война с братьями по вере, был доволен. Во время церемонии обмена документами с голландским послом он передал ему текст псалма и, указывая на него, сказал:

— Мы обменялись многими бумагами, но я думаю, что эта самая из них лучшая.

Он давно лелеял мечту об объединении под эгидой Британии всех протестантских государств Европы и теперь вел эту мечту к осуществлению.

Через несколько дней после подписания мира с Голландией Уайтлоку удалось заключить выгодный торговый договор со Швецией. Королева Христина очень милостиво отнеслась к послу протектора. «Ваш генерал, — сказала она Уайтлоку, — свершил такие великие дела, как ни один человек в мире; даже принц Конде уступает ему». Она сравнила Кромвеля со своим предком, Густавом Вазой, в жилах которого тоже не текла королевская кровь; он выдвинулся исключительно благодаря своей личной доблести, разбил датчан, освободил родную страну и был избран в конце концов монархом. «Вот увидите, — сказала королева, — он тоже станет у вас королем». Она прислала Кромвелю свой портрет. Элизабет, «леди Кромвель», долго всматривалась в него и наконец прошептала: «Если я умру, она станет его женой…»

За договором со Швецией последовал договор с Данией, заключенный в сентябре. Благодаря этим соглашениям Англия получила доступ в Балтийское море наравне с Голландией. Обе страны гарантировали ей, что не будут ничем помогать изгнанному Карлу Стюарту.

Кромвель мечтал и о большем. Английская нация во главе протестантских держав должна покорить весь мир: и Европу привести к повиновению, и за океаном, в далекой Вест-Индии, в

Северной Америке насадить свою могучую волю. «Если бы я был так же молод, как вы, — говорил он Ламберту, — я бы, без сомнения, прежде чем умереть, постучался бы в ворота Рима». Его стараниями летом был заключен договор с Португалией — тоже весьма выгодный: Англия теперь могла беспрепятственно торговать с португальскими колониями в Азии, Африке и Америке. Велись переговоры о мире с Испанией и Францией. Неутомимый и искусный адмирал Блэйк бороздил со своим подвижным флотом Ла-Манш. Ему удалось почти полностью очистить его от пиратов; теперь надо было идти дальше: к испанским водам и в Средиземное море.

Поистине начало протектората было отмечено миром, успехами, надеждами. Даже заговоры роялистов, которые измышляли способы убийства протектора и готовили новый государственный переворот, не казались поначалу грозной опасностью. Джон Терло исправно распутывал тонкую паутину интриг; личная гвардия протектора — несколько сотен преданных ему молодцов — денно и нощно охраняли его особу. В начале года выпустили ордонанс, где заговоры против протектора и его правительства или даже простое их осуждение приравнивались к государственной измене.

Итак, все было спокойно, имущая Англия наслаждалась миром и благоденствием.

Но на то и установлена была письменная конституция в Англии, «Орудие управления», чтобы ее исполнять. И во исполнение ее следовало созвать парламент.

Народное представительство, даже с таким высоким избирательным цензом, как 200 фунтов стерлингов, — дело особое. Конечно, в парламент попали люди достойные, положительные — крупные и средние сквайры, купцы, финансисты, лендлорды. Но предсказать заранее, как они себя поведут, чего потребуют от протектора, как отнесутся к конституции, невозможно. Кроме офицеров и верных Кромвелю людей, туда, например, попали многие пресвитериане-консерваторы, его тайные враги. Избраны оказались и некоторые республиканцы «охвостья» — Брэдшоу, Скотт, Гезльриг, Ленталл, Скиппон. От них можно было ожидать оппозиции.

Парламент открылся в памятный для Кромвеля день — 3 сентября. Четыре года назад взошло в этот день сверкающее солнце Денбара, в следующем году была дарована великая Вустерская победа. Может быть, благословение свыше осенит и это новое начинание?

3 сентября Кромвель приветствовал вновь избранных депутатов в Расписной палате Вестминстера, а на следующий день во всем блеске своего нового придворного окружения отправился в парламент, чтобы произнести перед ним речь. Он ехал в большой открытой карете вместе с Ламбертом и сыном Генри; карету сопровождали богато разодетые пажи и лакеи, вокруг гарцевала на превосходных лошадях внушительная лейб-гвардия. Вслед за каретой двигалась процессия из членов совета, офицеров и джентльменов с непокрытыми головами.

После проповеди, темой которой была мысль о необходимости подчиняться властям, установленным богом, Кромвель начал говорить. Он говорил больше трех часов, и на первый взгляд могло показаться, что вся речь его — тот же набор бессвязных, малопонятных фраз, пересыпанных библейскими изречениями, страстными порывами и самоуничижением. Нельзя было сказать, что Кромвель говорил хорошо: он употреблял грубые, часто неправильные обороты, запинался, был иногда просто косноязычен. Но он всегда умел говорить так, что его слушали с полным вниманием. Очевидец писал: «Когда Кромвель произносил речь в парламенте, она дышала сильным и мужественным красноречием… Его выражения были резки, мнения решительны, утверждения вески и категоричны; и всегда перемежались цитатами из Писания, чтобы придать им больший вес и лучше довести до сознания слушателей. Он говорил со страстью; но в то же время с таким самообладанием, так мудро и умело, что по своему желанию мог полностью владеть и управлять палатой…»

Он говорил сейчас так же — почти так же, как всегда, но как отличалась эта речь, речь лорда-протектора, от речи генерала, который год назад пригласил к управлению Англией «святых и богобоязненных людей»! Куда подевались горячий энтузиазм, вера в скорый приход великих и благодатных перемен, надежда! Вместо них ясность политических установок, трезвость, реализм, умеренность. Он хорошо знал слушателей, к которым обращался: это были не фанатики и мистики, а политики и дельцы, желающие приумножить свое достояние. И в соответствии с их стремлениями он призывал к дисциплине, здравости, порядку. Цель нации теперь, говорил он, не ниспровергать, а укреплять, цель ее мир и процветание, выгодная дружба с соседними державами, господство на морях. «Все это я говорю, — закончил он, — не то чтобы желая господствовать над вами, но как человек, который решил вместе с вами служить великим целям…»

И дебаты начались. Начались совсем не так, как представлялось и хотелось Кромвелю. Начались — о позор, о

унижение! — с обсуждения и осуждения высоких конституционных полномочий лорда-протектора. Республиканцы, потратившие столько лет на борьбу с единоличной властью монарха, не могли примириться с чрезвычайной властью протектора. Они принялись рассматривать «Орудие управления» вопреки установленному в нем запрету и начали именно с вопроса о взаимоотношениях протектора и парламента. Вместо фразы: «Управление тремя нациями находится в руках одного лица и парламента» — они предложили иную формулировку: власть сосредоточена в руках «парламента и одного лица, облеченного такими полномочиями, которые парламент сочтет нужными». Итак, повторялась старая история: парламент хотел подняться над единоличным правителем.

Кромвель не колебался. Эти опасные намерения надо пресечь в корне, чтобы не повторилась опять история Долгого парламента, смут, войн, ошибок… 12 сентября депутаты, придя утром в палату, нашли ее двери запертыми. Солдаты, охранявшие вход, сообщили, что протектор ожидает их в Расписной палате. Там, возвышаясь на бархатном троне под балдахином, Кромвель обратился к ним с речью — на этот раз ясной, жесткой, категоричной. Это был внезапный и мощный удар, подобный удару его кавалерии на поле брани. Он напомнил, что получил свою власть от бога и от народа Англии; он никогда не стремился занять это место; но, поскольку на него возложено управление страной, он не позволит изменять основы установленной конституции. «По произволу отбросить это правление, установленное богом и одобренное людьми, — сказал он, — этого я не из соображений моего собственного блага, но блага страны и потомства ни за что не допущу, пусть меня лучше бросят в могилу и похоронят в бесчестье». Он потребовал, чтобы все депутаты, прежде чем приступить к дальнейшим заседаниям, принесли республике и ему лично присягу верности и пообещали не пытаться изменить «Орудие управления».

Это был грозный признак. Поведение Кромвеля с парламентом напоминало теперь поведение казненного Карла. Недаром поговаривали, что в Уайтхолле с недавних пор стал являться зловещий призрак с кровавой полосой па шее — призрак умерщвленного монарха. Республиканцы, возмущенные, отказались повиноваться, и около ста человек выбыло тем самым из парламента. Среди них — Брэдшоу, Гезльриг, Уальдман. Это было похоже на чистку.

Остальные подписали присягу и продолжили заседания. Но дух прений по-прежнему таил в себе опасности. То они самовольно издавали ордонансы против ересей и нарушали тем

самым установленную в конституции терпимость: то проголосовали за решение о выборности протектора (Кромвель, как говорили, надеялся, что должность его сделают наследственной); то, подобно Долгому парламенту, утвердили акт, согласно которому население не может облагаться налогами без согласия парламента, и тем самым поставили протектора в материальную зависимость от себя.

В конце сентября произошел случай, который едва не стоил Кромвелю жизни. Герцог Ольденбургский подарил ему шестерку великолепных фрисландских коней, и Оливер сам решил испытать их в Гайд-парке. Он правил горячими необъезженными конями сам, сидя на козлах и подхлестывая их плеткой. Сзади него в экипаже сидел Терло. Они ехали все быстрее, Кромвель входил в азарт — хороши были кони! — но то ли упряжь плохо приладили, то ли рука его потеряла уже прежнюю силу и сноровку, только кони вдруг понесли. Оливер не помнил, как его сорвало с козел, ударило со всего маху о дышло, а потом потащило по земле за ноги, которые запутались в постромках. Терло, неотлучный и бдительный Терло тотчас же выскочил вслед за ним из повозки, упал, и пистолет в его кармане сам собой выстрелил, чуть не поранив протектора.

Когда Кромвеля наконец подняли, он был весь разбит, одежда порвана, на лице кровавые ссадины. Он не мог идти: нога была серьезно повреждена. Несколько недель он вынужден был просидеть дома. Этот случай показал ему, как он должен беречь себя: ведь он правил, словно этой бешеной шестеркой, всей страной, и нельзя было позволить выбить себя с козел — иначе все погибнет.

В начале ноября тяжело заболела мать — старая Элизабет Кромвель. Ей было уже под девяносто, но она сохраняла ясный ум, глубокую веру и страстную, беззаветную, самозабвенную любовь к сыну. Уже живя в Уайтхолле, уже будучи всеми почитаемой матерью протектора, она каждый раз вздрагивала, услышав мушкетный выстрел; ей казалось, что стреляют в ее сына. Он платил ей нежной привязанностью, трогательной заботой и откровенностью. Не было случая, чтобы он отправился спать, не зайдя к ней и не пожелав ей спокойной ночи. Жена его вся погружена была в хозяйственные заботы, воспитание детей; она была практичной, доброй и недалекой женщиной. Мать же с давних хантингдонских дней и до самой смерти была ему другом, поверенным, духовным руководителем. Безмерная любовь давала ей мудрость, и Оливер часто прислушивался к ее советам, сам

будучи уже немолодым человеком и правителем страны.

19 ноября старая Элизабет умерла, обращая к сыну последние слова благословения. Он очень горевал, чувствуя себя осиротевшим. Похороны обставили с большой пышностью, несмотря на пуританское отвращение к роскоши, которое всегда выказывала усопшая. Ее погребли в Вестминстерском аббатстве, в усыпальнице английских королей.

Парламент все больше раздражал Оливера. Теперь депутаты принялись за обсуждение вопроса о вооруженных силах. Они хотели забрать контроль над милицией в свои руки, а численность армии сократить почти вдвое — с 57 тысяч до 30 тысяч человек. Они отказывались вотировать налоги на уплату солдатского жалованья. А в январе потребовали возврата к более широкому избирательному цензу — сорок шиллингов годового дохода. Вдобавок в ноябре некоторые полковники, связанные с левеллерами, составили петицию, где требовали урезать власть протектора и созвать «полный и свободный парламент» на основе «Народного соглашения». Поговаривали, что автором петиции был друг Лилберна Джон Уайльдман.

Кромвелю опять привиделся призрак анархии. И этот парламент не выполнял своей задачи — служить ему опорой для сохранения порядка!

Чтобы не вызывать кривотолков, Оливер дождался установленного в конституции срока — пяти месяцев заседаний парламента. Тут он, правда, допустил маленькую хитрость: поскольку в «Орудии» не было оговорено, какие месяцы имеются в виду — календарные или лунные, — он отсчитал пять лунных месяцев (они короче) и ровно через 140 дней после открытия, 22 января, явился в палату с намерением положить конец ее заседаниям.

Крайнее раздражение владело им. Он обратился к ним с речью — на этот раз полной гнева и неприязни. Он обвинял парламент в потворствовании интересам кавалеров и левеллеров, которые хотят снова ввергнуть страну в кровопролитие.

Он обрушивался на попытки парламента подчинить себе армию — это ведет к тирании и анархии. Он теперь не верил в парламенты. Он давно уже не верил в народ. Оставалось верить только себе самому. И с безмерной тяжестью в сердце, но с полной уверенностью в своей несокрушимой правоте он говорил этим людям, которые еще раз так жестоко разочаровали его: «Пусть не думают, что, беря на себя всю тяжесть обязанностей, протектор думает о том, чтобы возвеличить себя и свою семью; пусть не болтают о свободе… Какое право они имеют говорить о свободе, когда жизнь и собственность мирных граждан оказались

в опасности?..» Слезы стояли у него в глазах, когда он обращал к притихшему собранию последние слова:

«Я считаю своей обязанностью сказать вам, что для пользы этих наций, для общего блага народа вам не следует больше здесь сидеть. И потому я заявляю вам, что я распускаю этот парламент».

Кто он был теперь? Диктатор, полновластный диктатор. Кое-кто из офицеров пытался называть его императором. Все здание английской республики увенчивала теперь его могучая и одинокая фигура, вынужденная, как он сам сокрушенно думал, править единолично. И естественно, что эта фигура стала главной, отчетливо видной мишенью для врагов разного рода — справа, слева, из-за границы, из самого близкого окружения…

Заговоры вокруг него множились. Еще летом 1854 года двое роялистов с ведома Карла Стюарта пытались подстеречь его на дороге в Гемптон-Корт и лишить жизни. Только бдительность Терло спасла тогда Кромвеля: по его рекомендации он поехал в загородный дворец не в карете, а в лодке, по реке; заговорщики же были схвачены. Теперь, в марте, кавалеры попытались поднять восстание сразу в нескольких графствах. Но первое же их выступление на историческом поле Марстон-Мур было рассеяно местной милицией. Главарей захватили в плен и скоро продали в рабство на плантации Барбадоса.

Были приняты меры и против угрозы слева. Гаррисона уволили и заключили в Кэрисбрукский замок на острове Уайт — в тот самый замок, где когда-то томился король Карл. Уайльдмана изгнали из парламента, а 10 февраля арестовали в момент сочинения памфлета против «тирана Оливера Кромвеля»; Роберта Овертона схватили в Шотландии и заточили в тюрьму. Кромвель недаром доверил эту страну верному служаке Монку.

Но Оливеру все казалось, что правительство его в опасности. Парламент урезал жалованье армии, и в ней зрело недовольство. Внешняя политика, полиция, двор — все это требовало денег; приходилось, подобно королям поверженной династии, ужесточать акциз, просить кредита у финансистов, даже выпускать подписные листы, которые открывались именем протектора. Это рождало ропот, кривотолки, косые взгляды. В народе множились секты. В добавление к «людям Пятой монархии», сикерам, рантерам, анабаптистам появились еще и «квакеры» — они искали мистического единения с Христом и все толковали о «внутреннем свете», который может открыться каждому, лишь бы он отбросил все соблазны мира сего и открыл свое сердце богу. Они говорили, что все люди равны, обращались

к власть имущим на «ты», отказывались снимать перед ними шляпу и приносить присягу. Снова, как накануне революции, из города в город, из села в село бродили странствующие проповедники, собирали толпы народа, сыпали туманными ветхозаветными образами, обличали, звали за собой…

Появились и другие опасные симптомы, которые напоминали канун революции. Добрый знакомый Кромвеля, купец Джордж Кони, отказался вдруг платить таможенные пошлины, не утвержденные парламентом; главный судья Ролл попросился в отставку, ибо не мог и не хотел признать законность подобных налогов. Юристы Уайтлок и Уидрингтон отказались служить хранителями Большой печати на том же основании.

Кромвель давно уже, пожалуй, с той самой истории со «святыми» — истории своей глупости и слабости — не верил, что он может что-то изменить в стране, дать народу новое государственное устройство, принести ему благо. Нет, он не столько теперь надеялся делать добро, сколько желал предотвратить зло и бедствия, угрожавшие со всех сторон. И он готов был служить своему народу — если не как король, то как констебль, полицейский, охраняющий порядок. Но как можно одному человеку охранять спокойствие в таком великом приходе, как вся Англия, да еще с Шотландией и Ирландией впридачу? И Кромвель решает разделить Англию и Уэльс на одиннадцать округов и во главе каждого поставить протектора в миниатюре — майор-генерала. Этот человек должен, подобно самому верховному констеблю, отвечать за все: за милицию и налоги, за религию и нравственность, за судей и подсудимых. Он обязан был, как говорилось в инструкции протектора:

« — подавлять мятежи и восстания;

— принимать меры к обеспечению безопасности на больших дорогах от лиц, занимающихся грабежами и кражами;

— строго наблюдать за поведением лиц, недовольных правительством, и препятствовать их собраниям, не допуская ни конских состязаний, ни петушиных боев, травли медведей или незаконных собраний, так как мятеж обычно возникает, пользуясь такими случаями;

— выяснить праздношатающихся, чтобы их можно было принудительно помещать на работу или высылать, принимая меры к лучшему обеспечению бедных и приводя в исполнение соответствующие законы;

— бороться с нечестием, принимая меры совместно с мировыми судьями и духовными лицами против пьянства, богохульства и т.п. и предупреждая нерадивых мировых судей, что они могут быть уволены».

Для отправления такой власти майор-генералам вверялось командовать местной милицией; вдобавок они располагали регулярными конными отрядами. Им давалось право собирать в своем округе исключительный налог в размере 10 процентов со всех доходов роялистов. Они должны были разгонять все сборища народа — будь то увеселения вроде медвежьей травли или петушиных боев, пирушка в таверне или молитвенное собрание сектантов. С каждого домохозяина они требовали подписку о хорошем поведении домочадцев и слуг. Всякий приезжий, особенно из-за моря, обязан был являться к майор-генералу, и за ним учреждался строгий полицейский надзор. Ни одна таверна или лавка не могла открыться без его разрешения; ни одно нарушение воскресного дня, ни один сектантский митинг не должны были пройти мимо его внимания.

Майор-генералами Кромвель назначил верных соратников по гражданской войне, людей высоких достоинств и не менее высоких чинов. Среди них были его родственники, способные офицеры Десборо, Уолли, Гоффе, Флитвуд, был и Ламберт, которому доверялось управление северными графствами; но имелись среди них и дубино-головые, ограниченные служаки, которые устанавливали в провинции мелочную и жестокую тиранию. В результате надзор делался придирчивым; шпионство, взаимное подслушивание и подглядывание, гнусное наушничество становились обычным делом; в наказаниях царил произвол. Закрывались таверны, игорные дома, гостиницы. Не устраивались больше петушиные бои, состязания гончих и скачки. Старая веселая Англия стала напоминать Женеву времен Кальвина — угрюмую, молчаливую, проникнутую духом подозрения и начетничества страну. Тюрьмы были переполнены.

Эта политика направлялась и поддерживалась из протекторского двора. Свобода совести, свобода печати, провозглашенные в конституции, стали пустым звуком. Специальная комиссия подвергала проверке всех кандидатов на должность приходских проповедников. Содержать частных, домашних проповедников, подобно тому, как это делал когда-то молодой и благочестивый сквайр Оливер Кромвель, теперь запрещалось. Ни один отстраненный от должности проповедник не мог стать даже домашним учителем. Была введена строгая цензура, против которой в свое время так яростно восставал Джон Мильтон. Это серьезное дело проверки благонадежности всей печатной продукции было поручено самому государственному секретарю Джону Терло, и можно не сомневаться: ни одно зловредное или опасное для власти протектора сочинение не будет отпечатано в Англии. Всех владельцев типографий взяли на

полицейский учет. Закрылись все газеты, кроме двух правительственных органов — «Политического Меркурия» и «Общественного вестника».

Все эти меры на время подавили недовольство, и угрюмый мир — вынужденный мир страха — установился в Англии. Насилие, однако, неспособно было привести страну к процветанию. Оно в буквальном смысле обходилось ей еще дороже, чем прежняя свобода. Режим майор-генералов, содержание разветвленной полиции стоили дорого. Финансовый дефицит правительства рос катастрофическими темпами. А экономическая политика протектората была столь же реакционной, как его полицейская система.

Ордонансом 1656 года феодальное «рыцарское держание» отменялось, но отменялось только для сквайров. Они освобождались от вассальной зависимости и получали свои земли в полную собственность. Но это касалось только сквайров-землевладельцев. Крестьяне продолжали нести ярмо унизительных повинностей и платежей — на них этот «акт свободы» не распространялся. Церковная десятина, символ собственнических прав, осталась в неприкосновенности. Возродилась практика откупов и раздачи монопольных прав на тот или иной вид производства и торговли. Огораживания, от которых так страдали деревенские бедняки, не только продолжались, но и поощрялись. Сам протектор, забыв, видимо, о своей борьбе с осушителями болот в Или, вошел теперь в ту самую комиссию по осушению, которую возглавлял граф Бэдфорд, и позднее получил в личную собственность двести акров осушенной земли.

Семь лет назад, в те незабываемые напряженные дни, когда Англия шла к неминуемой и грозной развязке, когда создавался Верховный суд справедливости и решалась судьба злополучного монарха, в совет офицеров поступил примечательный документ. Это была петиция от иудейской общины, давно уже на полулегальном положении (иудеи были официально изгнаны из Англии еще в 1290 году) существовавшей в Лондоне. Вы почитаете наши книги, говорилось в этом послании, вы ссылаетесь на наших пророков. Так почему же вы продолжаете преследовать наш народ? Прекратите гонения, откройте синагоги, разрешите нам свободно торговать в вашей стране. За это мы внесем в собор святого Павла 500 тысяч фунтов стерлингов.

Соблазн был велик. Сотрудничество с иудейскими купцами

сулило большие материальные выгоды. Против этого соображения мало кто мог устоять, и делом заинтересовались в самых высоких кругах офицерства. Услужливые юристы отыскали в старинных статутах соответствующую справку. Оказывается, Эдуард I постановил изгнать из Англии не всех вообще иудеев, а лишь ростовщиков иудейского вероисповедания. Известно, что в XIII веке крупнейшие богословы Европы, всесторонне рассмотрев вопрос, сошлись на том, что брать ростовщический процент с даваемых взаймы денег — не столь великий грех для христианина, как считалось прежде, во времена раннего средневековья. Однако нетрудовому доходу ростовщиков-христиан положили строгий предел: они не должны взимать более шести процентов. Если христианин-заимодавец требовал больше, против него можно было возбудить дело в церковном суде. Но ростовщики иудейского вероисповедания церковным судам не подлежали и, следовательно, могли взимать (и взимали!) куда более высокий процент (король безуспешно пытался ограничить рост хотя бы 43 процентами). Естественно, что ростовщики-христиане разорялись, а ростовщики-иудеи богатели за счет короля, крупных лендлордов, мелких и средних рыцарей, купцов и крестьян, чем вызывали всеобщую ненависть. Под нажимом некоторых влиятельных купцов из Сити Эдуард I, сам, как и другие короли, неоднократно пользовавшийся услугами иудейских ростовщиков, издал постановление о выселении их за пределы Англии.

Теперь же, в годы революции, с отменой королевской власти и епископальной церкви дела о взимании ссудного процента переданы были в ведомство гражданских судов. Поэтому теперь возвращение иудеев-ростовщиков в Англию не сулило англичанам такого разорения, как прежде: они уравнивались в правах и возможностях. В ответ на петицию Хью Питерс и Генри Мартен потребовали от иудейских представителей 700 тысяч фунтов, а в парламенте заявили, что древний акт о преследовании иудеев должен быть отменен. Но парламент в эти дни был занят иными, куда более важными делами, и петиция не получила хода.

И вот теперь, в сентябре 1655 года, глава иудейской общины в Амстердаме, ученый-теолог Манассия бен Израэль с тремя раввинами прибыл в Кромвелю, чтобы довести дело возвращения иудеев в Англию до благоприятного конца.

Кромвель был в целом сторонником широкой терпимости и, как правило, доброжелательно относился к представителям других наций. Правда, иудеи отрицали божественность Христа, и поначалу Оливер относился к ним с недоверием. Однако Терло,

который встречался и имел кое-какие дела с Манассией бен Изразлем еще в 1651 году, во время своей поездки в Амстердам, убедил протектора в выгодах — как политических, так и экономических — союза с этим народом. Государственный секретарь, кроме того, давно использовал испанских евреев, нелегально живших в Англии, как осведомителей и шпионов, умевших ловко проникать во все тайны европейских дворов, во все заговоры и интриги. Протектор поэтому согласился принять иудейского посланца: дружба с ним, быть может, послужит к славе Британии.

4 декабря Кромвель выступил в совете с речью, в которой доказывал, что закон 1290 года об изгнании иудеев из Англии — это акт королевской прерогативы, и его можно и должно отменить.

Однако многие возражали. Тогда Кромвель прекратил дебаты и отложил рассмотрение дела. Никакого законодательного постановления на этот счет издано не было, но иудеи с этих пор почувствовали себя в Англии более свободно. Они перенесли из Амстердама в Лондон свои конторы и стали активно участвовать в британской торговле. На протектора они смотрели с надеждой и верили в его покровительство. Но лишь восемь лет спустя, когда Кромвеля уже не было в живых, а на английском троне правил Карл II Стюарт, им было наконец официально разрешено жить и пользоваться свободой в Англии.

Летом 1654 года, после заключения выгодного мира с Голландией, Оливер Кромвель заявил в Государственном совете, что теперь следует подумать о войне с Испанией. Англия имеет значительный флот, и его надо использовать; «потому что бог не требует от нас сидения на месте; мы должны прикинуть, какую работу мы можем сделать в мире — так же, как и дома». Вера Кромвеля не была пассивной и самоотверженной, как у каких-нибудь квакеров. Нет, протестантизм его имел характер воинственный, завоевательный. Первой обязанностью англичан, как следовало из его слов, было позаботиться об утверждении протестантизма, и здесь главным врагом была Испания.

Ламберт возразил:

— Но у нас достаточно забот дома; далекие и опасные предприятия окажут плохую услугу протестантизму. К тому же они слишком дороги.

— Снарядить корабли для экспедиций, — ответил Кромвель, — не многим дороже, чем содержать их в бездействии. А выгод такие экспедиции принесут многоиспанские владения в

Новом Свете богаты — мы можем захватить их. А испанский серебряный флот? Он тоже может попасть к нам в руки.

Ламберт колебался. Война повлечет за собой усиление налогов; завоевание далеких колоний вряд ли принесет большие выгоды. Где найти людей для далеких походов и для возделывания земель за океаном? Помимо того, прибыльная торговля с Испанией прекратится.

— Почему? — отвечал Кромвель. — Совершенно необязательно рвать сношения с Испанией в Европе, если воюешь против ее колоний в Америке. Пример тому — славные деяния королевы Елизаветы.

— Но это будет слишком дорого стоить, — не сдавался Ламберт. — Казна истощится.

— Игра того стоит. — Смелость Кромвеля напоминала славную отвагу елизаветинских адмиралов Рэли и Дрейка. — Шесть быстроходных фрегатов, избороздив Мексиканский залив, привезут добычу.

— Но голландцы! Они захватят в свои руки испанскую торговлю, а Англия ее потеряет. Они обогатятся и потребуют реванша!

— Deus providebit, — ответил Оливер по-латыни. — На все воля божья.

Внешняя политика Кромвеля представляла собой причудливую смесь отвлеченных мечтаний о крестовом походе протестантов против всех католических сил, трезвого делового расчета на прибыль для своей нации, для своего класса и стремлений к мировому господству. Он намекал Ламберту на необходимость «постучаться в ворота Рима»; он говорил: «Если бы я был на десять лет моложе, не было бы короля в Европе, которого я не заставил бы дрожать». Но выгода, материальный «интерес», — это было, пожалуй, главным. Новая Англия, казнившая короля, освободившая своих купцов и предприимчивых сквайров от феодальных ограничений, требовала выхода на мировую арену, стремилась к развитию торговли, предпринимательства, к колониальным захватам и господству на море. Ее целью стало добиться преобладания в мире — военного, политического, торгового. И Кромвель со всем размахом своего недюжинного таланта способствовал достижению этих целей.

Первой его задачей было установление нерушимого союза протестантских стран — Англии, Голландии, Швеции, Дании. Англия в этом союзе должна играть первенствующую роль и направлять его против Рима и католических государств. Мир с Голландией, договоры с Данией и Швецией обеспечивали

английским торговцам свободный доступ в Балтийское море.

Но Голландия продолжала оставаться соперником. Тогда Кромвель цинически предложил ей поделить мир: в Европе и Африке они будут пользоваться равными торговыми возможностями, Восток — сфера голландской торговли, а Вест-Индия и Америка отходят к Англии. «Интересы обеих стран, — сказал он, — заключаются в расцвете торговли и навигации. Мир достаточно просторен для обеих. Если бы оба народа смогли только как следует понять интересы друг друга, их страны стали бы сокровищницами мира».

Всеобщий союз протестантских государств был, однако, утопией. Он не имел главного — экономической основы — и трещал по всем швам. Голландия высказывала недовольство экспансионистскими устремлениями Англии, вражда между Данией и Швецией вскоре переросла в войну.

Второй задачей было установление отношений с Францией и Испанией, которые находились между собой в состоянии войны. Дипломаты каждой из них проникали к Кромвелю и старались заручиться его поддержкой. Он выбрал Францию — и потому, что Испанию считал «естественным врагом» Англии, и потому, что союз с Францией нес большие политические и экономические выгоды. Кромвель все еще пытался помочь французским гугенотам. Кроме того, Карл Стюарт, мать которого была француженкой, добивался от Мазарини помощи, быть может, вторжения в Англию; этим намерениям следовало воспрепятствовать. Наконец, только заручившись поддержкой Франции, можно было обрушить всю мощь английского флота на испанские колонии, которые сулили английским завоевателям богатую добычу, плодородные земли, золотоносные реки и серебряные рудники.

В начале ноября 1655 года договор с Францией был подписан. Он провозглашал мир, дружбу и союз; обе стороны обещали не помогать врагам и «мятежникам» другой стороны. Для Франции это означало отказ от помощи роялистам, для Англии — гугенотам. Разрешался беспрепятственный ввоз во Францию английских шерстяных и шелковых тканей, в Англию — французских тканей и вин. Договор содержал и секретные статьи: Франция обязывалась не заключать мира с Испанией без согласия Англии.

Почти в это же время началась война с Испанией. Блэйк почти год рыскал по Средиземному морю, а потом вышел за Гибралтар и стал охотиться за испанским серебряным флотом. Другой адмирал, Пенн, отправился к испанским владениям в Вест-Индии, где вскоре захватил Ямайку. В ответ Испания

наложила арест на английские корабли и товары, которые находились в ее портах, отозвала своего посла из Лондона и наконец объявила войну.

Война не принесла Англии быстрого и блестящего успеха. Блэйку никак не удавалось захватить серебряный флот. В сентябре 1656 года другому капитану, Ричарду Стейнеру, улыбнулась удача: он потопил несколько кораблей стоимостью в два миллиона фунтов и овладел галеоном, который вез 600 фунтов серебра. Ценный груз двигался по английской земле из Портсмута в Лондон на 38 подводах — всему народу надо было продемонстрировать торжество победы. Семь месяцев спустя Блэйк потопил испанский флот у острова Тенериф: был разгромлен порт Санта-Крус, сожжены и потоплены шестнадцать галеонов и пять других кораблей. Ценный груз, снятый с них, отправили в Англию. Этой последней победой закончилась карьера адмирала Блэйка: в 1657 году он умер, возвращаясь на родину, уже вблизи ее берегов.

Одновременно шла война с Испанией на суше, во Фландрии, куда англичане посылали войска и оружие на помощь Франции. Кромвель мечтал в случае успеха о передаче Англии Дюнкерка, который мог послужить отличным плацдармом в Европе.

Кромвелевские внешнеполитические замыслы поражают фантастическим размахом. Впервые в истории он разработал нечто вроде мировой стратегии. Он вынашивал планы объединения протестантских государств против католиков, контроля над Средиземноморьем и Атлантикой, распространения британского владычества в Вест-Индии и Восточной Европе — в Польше и даже в России, он вел переговоры с турками. Международный престиж Англии в годы его правления небывало возрос, из третьестепенной окраинной страны она превратилась в ведущую державу Европы. «Его величие у себя дома, — писал враг Кромвеля Кларендон, — всего лишь тень той славы, которую он имел за рубежом. Трудно установить, кто боялся его больше — Франция, Испания или Нидерланды… И поскольку все они в угоду ему жертвовали своей честью и своими интересами, что бы он от них ни требовал, они ни в чем ему не отказывали».

Дома, однако, результат был совсем иным. Мировая слава стоила дорого. Затяжные войны истощали казну; государственный долг составлял в 1655 году 781 тысячу фунтов. Страна стонала от налогов, Сити отказывало в займах. Купцы роптали на прекращение прибыльной торговли с Испанией. Армия не получала жалованья и громко роптала.

Все снова с неотвратимостью вело к созыву парламента. Только он мог спасти казну — вотировать новые налоги.

2. «Смиренная петиция и совет»

— Я не собираюсь здесь, подобно некоторым краснобаям, расточать перед вами слова. Наша обязанность — говорить дело; сам бог от нас этого требует.

Этими словами открыл Кромвель 17 сентября заседания нового парламента. Он говорил долго, больше двух часов. Главной мишенью его нападок был теперь внешний враг — Испания. Она целиком предалась антихристу-папе и служит его интересам. Она наносит огромный урон англичанам в Вест-Индии. Она помогает английским роялистам. Войну с ней необходимо продолжать с энергией и силой, и потому протектор просил парламент утвердить новые налоги.

Он защищал также майор-генералов, против которых, он знал, очень многие роптали. Разве не справедливо, говорил он, что они, майор-генералы, заставили роялистов оплачивать восстановление порядка, ими же самими нарушенного? Разве эти новые стражи спокойствия не работали денно и нощно для уничтожения всякого зла, для усмирения республиканцев, бессовестно объединившихся с кавалерами, для утверждения истинной религии?

Он говорил о молодежи, о необходимости доброго и разумного ее воспитания, о нравственном совершенствовании. Он призывал к любви и милосердию.

— Если что-либо нам нужно, если от чего-либо зависит наша свобода и наше благосостояние, — так это, я уверен, реформа нравственности. Пусть будут заклеймены позором те, кто скор на грех и нечестивость, и бог благословит вас. Вы станете благословением для нации и этой работой сможете лучше всего заживить наши раны, ибо она касается души и духа, то есть самой сущности людей. Человек есть дух. И если дух чист, то и человек достоин своего предназначения, а если нет, то я не вижу разницы между ним и скотом.

Длинная речь наконец окончилась, четыреста депутатов с распаренными лицами поднялись со своих мест в Расписной палате и торжественно направились в зал заседаний. Но тут их ждала неожиданность: возле дверей зала стояли стража и несколько клерков. Один из них сверял со своим списком имена входивших в зал и выдавал им именные билеты с печатью Государственного совета. Те, кого не было в списке, билетов не получали и в зал пройти не могли. Таковых оказалось более ста человек. Кромвель и офицеры перед открытием парламента воспользовались своим правом, записанным в «Орудии

управления» — проверять полномочия депутатов. Эта своеобразная чистка удалила из палаты республиканцев, бывших членов «охвостья», людей, связанных с левеллерами и сектантами, и других подозрительных лиц, избранных вопреки стараниям усердных майор-генералов.

Исключенные члены попробовали было сопротивляться. Они составили ремонстрацию, в которой обличали тираническую власть (их выражения удивительно напоминали протесты против королевской власти перед революцией), и заявляли, что парламент ныне находится под давлением со стороны протектора и армии и потому не может называться народным представительством. Парламент не внял этим нападкам. Умеренные и добропорядочные депутаты, которых *допустили* в него, не хотели осложнять свою жизнь. Они посоветовали исключенным обратиться к Государственному совету. А сами занялись текущими делами.

Поначалу они выпустили вполне лояльные постановления: отказали роду Стюартов в праве на английский престол, провозгласили государственной изменой всякое покушение на протектора и его правительство, вотировали налоги на продолжение испанской войны. В октябре Уильям Джефсон, полковник из «железнобоких», предложил внести поправку к «Орудию управления»: сделать должность протектора наследственной и просить Кромвеля назначить себе преемника. Было ясно, что протектор уже немолод. Телесные недуги все чаще посещали его, руки по временам заметно дрожали. Вопрос о том, кто будет его преемником, уже сейчас обсуждался в кулуарах парламента.

Но Кромвель отказался. Его убеждал согласиться близкий друг, лорд Брогхилл; Десборо, наоборот, отговаривал. Сам Кромвель смеялся. Он с размаху хлопнул Джефсона по плечу:

— Иди ты, сумасшедший малый!

Придирчивый Ледло, однако, отметил про себя, что скоро сыну Джефсона поручили командование отрядом пехоты; сам он также пожалован был доходной должностью в армии. Поговаривали, что какие-то перемены в образе правления все-таки назревают.

Парламент меж тем принялся за другое дело — неприятное и скандальное. В Англии с недавних пор объявился новый мессия, которого невежественные фанатики принимали чуть ли не за самого Иисуса Христа. Звали его Джеймс Нейлор. Он сражался в парламентских войсках при Денбаре, а потом обратился в веру

«друзей внутреннего света» и стал квакером. Внешне он действительно напоминал изображение Христа: негустая темно-русая борода, длинное аскетическое лицо, рассыпанные по плечам волосы. Он переходил из города в город и то ли кротостью своею, то ли проповедническим даром так околдовывал слушателей, что толпы бродили за ним и поклонялись ему как учителю. Одна женщина даже утверждала, что он воскресил ее из мертвых.

Его посадили в тюрьму, а когда выпустили, почитатели устроили небывалое и кощунственное действо. Они обставили въезд Нейлора в Бристоль подобно тому, как происходил вход Христа в Иерусалим накануне страстей и крестной смерти. Молодого осла достать не удалось, и новоявленный мессия ехал на муле. Восторженные толпы бежали перед ним, устилая его путь цветами и ветвями. «Осанна! Осанна!» — раздавались крики.

Нейлора арестовали и привезли в Лондон. Ввиду особой важности дело его было решено разбирать в парламенте, хотя по конституции палата не имела судебной власти — ею в прежние времена обладали только лорды.

Нейлора обвинили в кощунстве, самозванстве, учинении соблазна. Дебаты по его делу шли несколько дней; только большинство в 14 голосов избавило его от смертной казни. Ненависть и возмущение добропорядочных депутатов усугублялись тем, что Нейлор, как было в обычае квакеров, отказался снять шляпу перед высоким собранием, поклониться спикеру и произнести слова установленной присяги. Его приговорили к выставлению на два часа у позорного столба в Вестминстере; затем к бичеванию на всем пути от Вестминстера до Старой биржи, где он снова должен был простоять два часа у позорного столба; после этого на лбу у него решили выжечь клеймо, язык проткнуть раскаленным железом. Но и этим злобная пуританская фантазия не ограничилась. После экзекуции, говорилось в постановлении, Нейлора следует отправить в Бристоль, провезти по всему городу голым, наказать плетью на базарной площади и отправить в тюрьму без права читать, писать и видеться с родственниками.

Так вот каким было милосердие и веротерпимость этого парламента! Кромвель возмутился варварским способом наказания. Он мог быть жестоким в гневе (свидетели тому — многострадальные стены Дрогеды), но холодное изуверство было ему чуждо. 25 декабря он написал спикеру: «Узнав о приговоре, недавно вынесенном вами некоему Джеймсу Нейлору, хотя мы и чуждаемся оказывать малейшую поддержку людям, думающим и поступающим подобно ему, но все-таки, поскольку нам вверена

власть защищать интересы народа этих наций, и не зная, как далеко могут зайти подобные процессы (проводимые без нашего участия), мы желаем, чтобы палата поставила нас в известность, на каких основаниях и по каким причинам она действовала».

Палата не ответила. Длинная цепь пыток была проделана с педантической точностью. Кромвель почувствовал себя бессильным. Единственное, что он смог сделать, — это несколько облегчить положение измученного узника в тюрьме уже после экзекуции. Нет, такая конституция ему не годилась. Парламент опять забирал всю власть себе, и протектор не мог вмешаться, не мог даже помиловать человека. Между ним и парламентом нужен посредник. Может быть, соорудить нечто вроде палаты лордов?

Через несколько дней после суда над Нейлором в палате встал вопрос о майор-генералах. Под рождество Десборо внес билль о продолжении их функций и соответственно налога на их содержание в размере десяти процентов со всех доходов роялистов. Он надеялся, что депутаты, спешившие к праздничному пудингу, быстро утвердят билль, не обсуждая. Но он ошибся. Один за другим депутаты выступали против непопулярного режима. Зачем разделять нацию на военные округа, подобные швейцарским кантонам? Зачем выжимать налоги на содержание власти, притесняющей народ? Дебаты продолжались в январе. Зять Кромвеля, муж его любимой Бетти Джон Клейпол, горячо осуждал военно-полицейскую власть. Ему вторили лорд Брогхилл и родственник протектора полковник Генри Кромвель, внук старого сэра Оливера. Им возражали сами майор-генералы — Десборо, Батлер.

Неожиданно для всех Кромвель поддержал оппозицию. Он пожаловал Генри Кромвелю мантию со своего плеча и перчатки. 28 января 1657 года билль о майор-генералах провалили 124 голосами против 88. Кромвель вынужден был признать, что установление военно-полицейского режима в Англии явилось ошибкой.

В самом деле, перемены назревали. Это чувствовалось и в настроении парламента, и в настроении народа. «Настали последние времена, — кликушествовали на площадях „люди Пятой монархии“, — грядет, грядет господь Иисус на красном коне сразиться с нечестивым выродком, со Змеем, сидящим на престоле Англии». Из печати вышел анонимный памфлет под названием «Умерщвление — не убийство». Среди его возможных авторов называли бывшего левеллера Сексби. Памфлет доказывал, что умерщвление тирана на благо народа — святое и

правое дело, и прямо называл Оливера Кромвеля тираном.

В январе Терло доложил палате о раскрытии заговора на жизнь протектора. Некто Майлс Синдеркомб, бывший солдат, подкарауливал Кромвеля на дороге из Уайтхолла в Гемптон-Корт, как три года назад два роялиста, подосланные Карлом Стюартом. Он (говорят, что по наущению Сексби) снял домик, примыкавший к дороге в том месте, где она была узкой и грязной, и выжидал, сидя у заряженной пушки. Протектор снова спасся, избрав водный путь. Синдеркомб был схвачен и осужден; он умер в тюрьме, накануне казни, отравившись мышьяком. Были раскрыты замыслы убить протектора во время прогулки в Гайд-парке. А в подвалах Уайтхолла обнаружили бочонки с порохом — кто-то пытался поджечь обиталище владыки Англии.

Судьба страны зависела теперь от слепого случая — так казалось многим. Не узнай протектор вовремя о заговоре, прогляди злоумышленника вездесущий Терло — и единственный человек, в руках которого покоится власть и порядок, будет умерщвлен, а страна снова ввергнута в анархию и разбой. Быть может, все же лучше поставить вместо странного, отдающего военной диктатурой титула «протектор» более знакомый, привычный и величественный титул — «король»?

Так думали многие, особенно те, кто хотел закрепить уже достигнутое, гарантировать завоеванные права, земли, льготы; кто боялся реставрации короля Карла Стюарта, с одной стороны, и разгула народной стихии — с другой. Поздравляя протектора со счастливым избавлением от опасности, богатый торговец сукном Джон Эш сказал во всеуслышание в парламенте: «Я хотел бы добавить еще кое-что, что, на мой взгляд, приведет к сохранению и протектора, и нас самих, и к подавлению всех злоумышлений наших врагов: чтобы его высочество соблаговолил принять на себя правление по образцу древней конституции — это положит конец надеждам наших врагов на переворот».

23 февраля купец Кристофер Пэк, представитель Сити и бывший лорд-мэр Лондона, поднялся в палате и прочел документ, известный под названием «Смиренная петиция и совет». Там предлагалось установить в Англии правительство, состоящее из короля (Оливера Кромвеля), палаты лордов и палаты общий, то есть возвратиться к прежней, дореволюционной форме правления. За что же велась война?! Палата зашумела, посыпались негодующие протесты, Пэка вызвали к решетке. Но раздались и иные голоса. Государственный секретарь Терло осторожно поддержал предложение. В его пользу высказались и юристы, и Уайтлок, и лорд Брогхилл, и адмирал Монтэгю — приближенные Кромвеля. Страсти улеглись, и палата через некоторое время как

ни в чем не бывало приступила к обсуждению законопроекта.

Иной была реакция офицеров и майор-генералов. 27 февраля, через четыре дня после выступления Пэка, они целой депутацией явились к Кромвелю. Особенно злобствовал Ламберт. Возможно, этот карьерист мечтал заменить Кромвеля на посту протектора. Во всяком случае, он резко возражал против принятия королевского титула, говорил, что это вызовет протест в армии, навлечет несчастья на страну и самого Кромвеля и в конце концов приведет к восстановлению на престоле Стюартов. Ламберту вторили Десборо и Флитвуд, Сайденхэм и Скиппон, майор-генералы и высшие чины. Всего их явилось больше сотни.

Протектор слушал их со всевозрастающим раздражением и наконец заговорил с той грубостью и прямотой, с какой обычно обращался к своим солдатам. Они недовольны? Они пришли с новыми требованиями? Ему самому королевский титул не нужен, сказал он, — это игрушка, мишура, не более чем перо на шляпе. Но не они ли сами первые заговорили об этом титуле? Не Ламберт ли предлагал ему стать королем еще в 1653 году, перед принятием «Орудия управления»? А сейчас они недовольны?

Они вечно чем-нибудь недовольны. Кромвель чувствовал, как голос его напрягается и переходит в крик, но не мог уже остановиться. Это они, армейские офицеры, виноваты во всем! Он всегда подчинялся их желаниям, даже когда сознавал, что они вредны. Все изменения в конституции — дело их рук. Они заставили его распустить Долгий парламент, потом потребовали, чтобы он принял «Орудие управления», эту несовершенную конституцию, и стал диктатором; они вынудили его распустить парламент за то, что он попытался поправить дело; изобрели режим майор-генералов, а когда он был установлен, им снова понадобился парламент. И он все выполнял.

— Вы могли дать мне пинок в зад и толкать меня куда угодно! — бушевал Кромвель. — А последний парламент! Вы заставили меня созвать представителей, а когда они были избраны, вы перетасовали их — кого выбросили, а кого поставили туда, куда вам заблагорассудилось! И от меня требовали, чтобы я все одобрял, хорошее и дурное! Но довольно. Так дальше продолжаться не, может. Я никогда не заискивал перед вами и никогда не буду! У меня есть верное прибежище. Если палата делает хорошие предложения, я должен и буду стоять за них. Они честные люди и действуют хорошо. Я не знаю, в чем еще вы можете их обвинить, кроме того, что они меня слишком любят!

Он предложил депутации избрать из своего числа шесть или семь человек; с ними он еще поговорит. А теперь доброй ночи.

Обескураженные офицеры разошлись по домам. Палата

продолжала обсуждать «Смиренную петицию».

Кромвеля одолевали мучительные сомнения. Предложение Пэка его порадовало и испугало. Да, мысль о том, чтобы принять на себя тяжесть и величие древнего королевского сана, приходила ему давно, и он иногда ловил себя на том, что мысленно примеряет корону — для себя, для Элизабет и детей, для Англии… Но никогда королевский титул не казался таким возможным.

Он внимательно вчитывался в статьи новой конституции. Ясно было, что высокое имя и почет давались ему не даром: он должен был уступить часть своей нынешней диктаторской власти парламенту. Правда, он сам мог назначить преемника; он по своему выбору называл лордов — членов верхней палаты, и они, эти 50 или 70 человек, служили бы ему пожизненно. Однако все полномочия по проверке депутатских мандатов вручались только нижней палате. Ее члены могли быть удалены из зала заседаний лишь по суду и с согласия остальных депутатов. Лишь она могла разрешать сбор налогов, утверждать государственный бюджет. Под ее контроль переходили милиция и вообще все вооруженные силы. Государственный совет, который теперь, как встарь, именовался Тайным советом, терял значительную часть своих полномочий.

И все же эта конституция нравилась Кромвелю. Она ставила правительство на старую, традиционную, веками испытанную дорогу: король, лорды, общины. Она делала его власть не чрезвычайной, а узаконенной, стабильной. Она поднимала его престиж в глазах иностранных государей. Поэтому когда 25 марта палата 123 голосами против 62 утвердила «Смиренную петицию» вместе с самым спорным первым параграфом — «чтобы ваше высочество соблаговолило принять на себя звание, величание, титул, сан и должность короля», — он был удовлетворен. 31 марта в Банкетном зале Уайтхолла ему торжественно вручили «Смиренную петицию», и он с достоинством ответил, что новая конституция накладывает на его плечи тяжесть, великую тяжесть, которая не ложилась еще на плечи ни одного человека. Он должен подумать, рассмотреть ее со всех сторон. Он уже стар, и, быть может, дни его сочтены. Лучше бы ему не родиться на свет, чем сделать сейчас непоправимую ошибку. Он сказал, что ему нужно время на размышление — «спросить совета у бога и у собственного сердца».

Нелегким было это размышление. На него нажимали с разных сторон, убеждали, разрывали на части. Брогхилл шептал: «Право английское не знает никакого протектора; нация любит монархию; соглашайтесь». Терло, хитрая лиса, рассуждал: «Не так важен сам титул, как должность, которая знакома праву и народу. Люди знают свои обязанности по отношению к королю и его обязанности к ним. Любой другой сан — не более как временное установление, чуть что — его снова попытаются изменить». Офицеры, наоборот, возражали. Ламберт интриговал вовсю, Флитвуд, когда парламент утвердил «Смиренную петицию», разрыдался. Народ был неспокоен. Квакер Джордж Фокс предсказывал, что те, кто наденет на Кромвеля корону, лишат его жизни. Пророчица из милленариев в дурацких стихах, которые ходили по Лондону, заявляла: «Дух и глас божий объединились против Кромвеля и его короны…»

3 апреля он спросил, можно ли принять петицию в целом, отвергнув один из ее пунктов — пункт о короне. Нет, ответил парламент, петиция неделима: либо все принять, либо все отвергнуть. Тогда он отказался: «Вы вынудили меня ответить категорически; вы не оставили мне свободы выбора… Я не могу принять такой ответственности, такого бремени…»

Ламбертовцы радовались. Сторонники королевского титула продолжали уговоры. Парламент настаивал. Это было невыносимо. В конце апреля Кромвель заболел и встретил очередную депутацию полуодетым, с черным шарфом, обмотанным вокруг шеи. Он все не давал ответа, его настроение колебалось: от крайней мрачности он переходил вдруг к неуемной веселости и, отбросив все свое величие, шутил с друзьями — Терло и Брогхиллом, сочинял вместе с ними смешные стихи, курил трубку; потом опять становился серьезным. Иностранные послы недоумевали.

Наконец он решился. Титул короля — детская игрушка. Пусть народ играет в нее, если хочет. Он согласится, чтобы принять всю конституцию, которая казалась ему разумной. 6 мая он сообщил нескольким приближенным о своем решении. Он хотел объявить о нем на следующий день и назначил у себя встречу с представителями парламента в одиннадцать часов утра. В этот день он должен был бы стать «Его величеством Оливером Первым».

6 мая он отправился по своему обыкновению на прогулку в парк святого Иакова. Первые, кого он там увидел, были Ламберт, Флитвуд, Десборо. По их виду он понял, что встреча не случайна. Все трое без обиняков заявили, что они не потерпят, если он примет королевский титул. Они не будут бунтовать против него,

но тут же оставят свои посты. Пусть он на них больше не рассчитывает.

В тот же вечер Десборо рассказал о решении протектора бесшабашному полковнику Прайду, который однажды уже явил свою удаль, расправившись с Долгим парламентом.

— Ну нет, этого он не сделает, — заявил Прайд.

— Почему? Как ты ему помешаешь?

— Составь петицию по этому поводу, и я помешаю.

На следующий день, 7 мая, парламентским представителям было объявлено, что протектор ожидает их не в одиннадцать утра, а вечером, после обеда. Они явились в назначенный час в Уайтхолл, но протектор к ним не вышел. Томясь, они прождали более двух часов, когда наконец дверь открылась и Кромвель появился — в охотничьем костюме, в высоких сапогах. Как бы не замечая депутатов, он направился к выходу посмотреть новую арабскую кобылу в конюшне. Посланец парламента робко направился к нему:

— Мы ждем здесь ваше высочество уже очень долго, когда же вам угодно будет дать ответ?

Завтра, ответили им, 8 мая, в одиннадцать часов утра их ждут в Расписной палате.

8 мая, сразу после открытия заседаний палаты, Прайд представил парламенту петицию с протестом против предложения протектору королевского титула и просьбой не настаивать на его принятии. Вместе с ним к парламентской решетке явились 27 офицеров, подписавших петицию. По предложению Флитвуда обсуждение ее было отложено, и парламентский комитет проследовал в Расписную палату.

Протектор вышел к ним, суровый, спокойный, подтянутый. Решение было принято окончательно. Он сказал:

— Мистер спикер, я признаю, что дело это доставило парламенту столько беспокойств, заняло так много времени. Я очень сожалею об этом. Это и мне стоило многих и многих раздумий… Я имел несчастье — и в переговорах с вашим комитетом, и в собственных своих раздумьях — не получить уверенности, что то, на чем вы так настаивали — принятие мной королевского титула, — действительно необходимо. Новая конституция содержит превосходные положения — во всем, кроме этой одной вещи, королевского титула. Я не был бы честным человеком, если бы не сказал вам, что не могу принять его, взять на себя такое бремя. Я более, чем кто-либо другой, сознаю, какие заботы и трудности падут на человека, облеченного столь высоким доверием. Короче говоря, я должен дать вам

такой ответ: я не могу взять на себя этот образ правления с

титулом короля. Таков мой ответ на это великое и тяжкое дело…

19 мая обсуждение «Смиренной петиции и совета» в парламенте возобновилось. Палате не удалось возродить титул короля, но ведь протектор не отказался от других пунктов. А именно эти другие пункты, расширяющие права парламента, имели важнейшее значение. И здесь палата победила: 25 мая на новое предложение «Смиренной петиции», из которой был удален только первый пункт — принятие королевского титула, — Кромвель ответил согласием. Вскоре после этого генерал Ламберт был удален со всех ответственных постов в государстве и уехал в свое поместье, где занялся садоводством.

26 июня в Вестминстер-холле — том самом огромном зале, где восемь с половиной лет назад судили и приговорили к казни «путем отсечения головы от тела» короля Карла I, происходила торжественная церемония инвеституры — введения в должность протектора по новой конституции. Собственно говоря, это была коронация — и только короны не хватало для того, чтобы назвать торжественную процедуру этим подобающим ей словом. На помосте под богатым балдахином возвышался шотландский коронационный трон, специально привезенный из Вестминстерского аббатства. Помост был украшен розовым генуэзским бархатом с золотыми кистями. На столе перед троном лежали Библия в тисненом переплете, государственный меч, золотой скипетр. По бокам стояли кресла для спикера, членов парламента, судей, олдерменов, иностранных послов.

В два часа пополудни Оливер Кромвель, сопровождаемый пышной процессией, вошел в переполненный зал. Спикер после подобающих случаю приветствий набросил ему на плечи пурпурную бархатную мантию, опушенную горностаем, опоясал мечом и вложил в руки скипетр. Трубы затрубили, за окнами грохнули пушки, народ закричал: «Боже, храни лорда-протектора!»

Когда Кромвель окончательно решил отказаться от монархического венца и с колебаниями было покончено, он стал весел как мальчишка. Недомогания и болезни отступили. Ему даже казалось, что он оставил своих противников в дураках, Он держал в руках власть, которой мог позавидовать любой король. Все, кроме детской игрушки — золотого венца на голове, — было к его услугам. Парламент был распущен на каникулы до января. Оливер смеялся, шутил с Элизабет и дочерьми, которых

иностранные послы титуловали «принцессами».

Но скоро радость угасла. Надо было вести корабль дальше — куда? Конечно же, к миру и процветанию. Но где лежит этот счастливый остров? А капитан, который стоит у штурвала, уже немолод; недуги снова подступают к нему. Его царственная надпись — Оливер П. (протектор) выдает заметное дрожание руки; его немощи тревожат близких. Он приступает к созданию палаты лордов, и здесь его подстерегают немалые трудности. Члены новой палаты, которую пока стыдливо именуют «другой палатой», должны быть солидными, богатыми людьми, обладать влиянием в стране и в то же время быть лояльными к протектору и уметь ладить с нижней палатой. Найти таких людей нелегко, прав Терло: ошибиться в этом деле — все равно, что ошибиться в выборе жены; после раскаешься, да поздно. Все лето и осень Оливер занят составлением списков. Он включает в число новых лордов двоих сыновей — Ричарда и Генри, троих зятьев, двух деверей; включает, с другой стороны, семь наследственных пэров — носителей древних фамилий; и конечно, верных друзей и соратников в боях — полковников и генералов. Всего шестьдесят три человека.

Но когда список утвержден и приглашения разосланы, выясняется, что отнюдь не все жаждут занять место в этой пожизненной, а не наследственной, странно разномастной палате. Пэры отказываются сидеть на одной скамье с бывшим сапожником Хьюсоном и бывшим извозчиком Прайдом. На вызов откликается всего сорок два человека, на первое заседание являются тридцать семь.

Главные осложнения, однако, начинаются с открытием новой сессии парламента — 20 января. Состав палаты общин несколько изменился. Часть мест пустовала — выбыли те, кто сидел теперь в палате лордов, но зато на заседания явились исключенные на прошлой сессии. Им никто не препятствовал, и палата пополнилась неистовыми и искушенными в политической борьбе республиканцами: на своих местах сидели Гезльриг, Скотт, Робинзон. Они приготовились к оппозиции.

Кромвель прибыл на открытие сессии в раззолоченной карете. Лошадей покрыли драгоценными бархатными попонами: январь был холодным. Протектор чувствовал себя неважно, и речь его к парламенту не отличалась длительностью. Он призывал внимавших депутатов к миру.

Темные предчувствия, которые по ночам сжимали тоской его сердце, оправдались. Едва начались дебаты, тут же пошли разногласия, да какие! Гезльриг и Скотт яростно повели республиканскую оппозицию в наступление. В Долгом

парламенте они положили столько сил на отмену палаты лордов — и вот теперь лорды опять появились в Вестминстере. «Давайте, по крайней мере, не называть их лордами — пусть это будет просто „другая палата“. Если мы будем звать их лордами, — шумели республиканцы, — они потребуют всей полноты власти, которой пользовалась верхняя палата при короле!» Выдвигались и более хитрые аргументы: новые лорды не представляют земельных собственников. Они бедны, они владеют одной двенадцатой всех земель нации, тогда как прежде владели двумя третями.

Пять дней спустя Оливер опять выступил перед ними. Конфликта нельзя было допустить. В его тоне появились мрачные и угрожающие ноты. Он напомнил безрассудным депутатам о внешней опасности. Роялисты планируют вторжение с помощью испанцев, заговоры внутри страны множатся. Каждая из сект норовит захватить власть в свои руки. Только единство, сплоченность и бдительность могут спасти Англию. Ссорясь друг с другом, сказал он, члены парламента играют на руку шотландскому королю — коли можно так назвать Карла Стюарта. «Если вы снова пойдете путем крови и войны, — предупреждал Кромвель, — жилы нации окончательно истощатся, она погибнет».

Но остановить их было уже невозможно. Споры и нападки продолжались, усиливались, брожение росло. Почувствовав поддержку парламентских республиканцев, подняли голову сектанты — «люди Пятой монархии». Они составили петицию, которая требовала восстановления у власти Долгого парламента — единственной палаты с неограниченными полномочиями. Только армию они требовали изъять из-под его контроля и назначить главнокомандующим лорда Фэрфакса.

Опасность была серьезной. Кромвель, узнав от Терло о петиции, приказал арестовать нескольких смутьянов в городе и поставил кое-где новые караулы.

4 февраля, никому не сказавшись, Оливер вышел один из боковой двери Уайтхолла и подошел к реке. Он хотел нанять лодку. Лед, однако, был слишком крепок, зима стояла суровая, и он, вернувшись во двор Уайтхолла, кликнул первый попавшийся экипаж. Захватив с собой только пять или шесть гвардейцев, он приказал ехать в Вестминстер. Там он прошел в отведенную ему комнату и велел подать кружку эля и кусок поджаренного хлеба. Подкрепившись, он встал — как раз в тот момент, когда Флитвуд и еще несколько новых лордов вошли к нему.

— Что вы собираетесь делать, ваше высочество? — спросил Финнес.

— Распустить этот парламент.

Флитвуд схватил его за руку:

— Умоляю вас; обдумайте этот шаг хорошенько! Его последствия чрезвычайно…

Кромвель выдернул руку:

— Молокосос! Я распущу парламент волею бога живого!

Он приказал лордам и общинам собраться вместе и, когда они приготовились его слушать, обрушил на их головы страстную и сбивчивую речь, последнюю речь в своей жизни. Снова, как пять лет назад, при роспуске «охвостья», он в ярости бушевал и топал ногами.

— Вы заставили меня назначить другую палату, — кричал он, — и я честно назначил ее, да, да! Я выбрал людей, которые были готовы помочь вам, что бы вы ни делали, и жать вам руки и говорить, что они ценят не титулы, не звание лордов, ни то, ни другое, а заботятся лишь об интересах христиан и англичан. Это люди вашего круга и положения, люди, которые любят то же самое, что и вы, если вы в самом деле любите Англию и религию…

Снова его постигла неудача. Парламент оказался таким же пустым и самонадеянным сборищем, как и «охвостье». Кромвель сам подогревал страшное кипение своей ярости, давал ей волю, бросая злые обвинения в лицо смутьянам:

— Вы раскололи не только себя, но и всю нацию, которая за эти пятнадцать или шестнадцать дней ввергнута в большее смятение, чем когда-нибудь раньше! И произошло это потому, что некоторые лица хотят вновь произвести переворот! Некоторые лица желают заправлять всем! Они даже армию пытаются вовлечь!

Голос его осип, он закашлялся. Кончить с ними одним ударом — единственно, что ему оставалось. Самые страшные слова он приберег напоследок:

— Подобное поведение есть не что иное, как игра в пользу короля шотландцев… Некоторые из вас, я знаю, завербованы людьми, действующими по поручению Карла Стюарта. Вы пытались поднять в народе восстание в его пользу… Пора положить этому конец. Я распускаю этот парламент!

Англия, казалось, затихла. Все головы склонились перед всесильным диктатором, уста онемели, руки опустились. Правда, к тому не без помощи Терло были приняты некоторые специальные меры. 6 февраля, через день после роспуска парламента, все офицеры лондонского округа были вызваны к

протектору, который сделал им соответствующие предупреждения. Было произведено несколько арестов среди солдат, а также среди «людей Пятой монархии».

Терло удалось раскрыть новый роялистский заговор, затеянный подпольной организацией «Запечатанный узел». В нем были замешаны англиканский священник доктор Хыоит и Генри Слингсби, йоркширский сквайр. По указанию протектора для разбирательства их дела был учрежден новый судебный орган, который носил знаменательное название Верховный суд справедливости. Девять лет назад подобный орган приговорил к казни короля Карла I. Теперь казни подлежали схваченные роялисты, и никакие усилия кардинала Мазарини, лорда Фоконберга, зятя Кромвеля, и даже его любимой дочери Бетти Клейпол, всегда заступавшейся за несчастных, не помогли: преступники были наказаны смертью. Еще бы! Слингсби обвинялся в намерении передать важный порт Гулль в руки Карла II и испанцев. Такому преступлению нет пощады.

Итак, Англия была успокоена. Протектор мог наслаждаться незамутненным величием своей славы. Его двор блеском своим затмевал дворы многих государей Европы. Он становился все консервативнее вместе со своим хозяином, все больше склонялся к модам прежних времен — времен абсолютной монархии. Дочери «его высочества» щеголяли в роскошных нарядах, ездили в золоченых каретах. В ноябре 1657 года одна за другой последовали две свадьбы: Фрэнсис Кромвель вышла замуж за Роберта Рича, внука графа Уорика; Мэри Кромвель — за лорда Фоконберга. Оба джентльмена обладали хорошей древней фамилией и не скрывали своих симпатий к монархии. Свадьба Фрэнсис была широкой, шумной, изобильной. Гости всю ночь танцевали, чем немало шокировали тех, кто еще сохранял приверженность пуританским обычаям. Поистине двор протектора возвращался к старым монархическим порядкам! Зато свадьбу Мэри сыграли почти втайне: говорили, жених, да и сама невеста, потребовали венчания по англиканскому обряду. И еще прибавляли, что венчал их тот самый доктор Хьюит, которому полгода спустя отрубили голову на Тайберне за участие в роялистском заговоре..

Сам протектор держал себя с величием, подобающим сану, хотя и без гордости. Он любил семейные вечера, веселые шутки, невинные забавы. Особенное наслаждение доставляла ему музыка: и в Гемптон-Корте и в Уайтхолле на торжественных приемах звучали органы и скрипки, а в кругу семьи часто музицировали сами, и Оливер вместе со всеми пел старинные песни и итальянские мотеты.

Роялисты за границей и иностранные послы с почтением взирали на блестящий двор и отдавали должное величию английского протекторского трона. «Кажется, что все подчиняется его желанию и дома и за рубежом, — писал Кларендон, — и власть его и величие упрочены лучше, чем когда бы то ни было». Посольства от Кромвеля принимались с великими почестями, точно он был сам император. В феврале роскильдский договор со Швецией подтвердил торговые права англичан в Балтийском море. В июне договор, заключенный год назад с Францией, принес блестящие плоды: английские солдаты, посланные на помощь французам — шесть тысяч пехоты и флот, — одержали победу над испанцами при Дюнкерке. Против них в рядах врагов сражались братья изгнанного английского короля — герцоги Йорк и Глостер. Французы согласно договору передали ключи от завоеванной крепости английским уполномоченным, и Англия получила выгодный стратегический плацдарм на континенте. Людовик XIV, тогда еще подросток, послал Кромвелю в честь этой победы великолепную саблю, с рукояткой, усыпанной драгоценными каменьями.

Все, казалось, шло как нельзя лучше. Но это была лишь внешняя, парадная сторона протектората. На самом деле покоем и процветанием не наслаждались ни страна ни душа ее владыки — Кромвеля. Наоборот, внимательный глаз мог заметить, что страна в тупике и привели ее к тупику и поражению самые, казалось, благие желания протектора Оливера.

Армия, на которую он опирался, войны, которые он вел, колониальные захваты и огромный флот требовали денег, все больше денег. Чудовищный финансовый дефицит постоянно увеличивался: летом 1658 года он превышал 500 тысяч фунтов стерлингов. Огромный государственный долг тяготел над правительством — полтора миллиона фунтов. Жалованье солдатам не платилось много месяцев. Терло, почти гениальный по части раскрытия всякого рода заговоров, признавался в своем бессилии. «Мы здесь до такой степени сбились с толку, — жаловался он Генри Кромвелю в апреле, — что я не знаю, что мы будем делать без денег». К июню стало еще хуже, и железный Терло близок к панике: «Я положительно думаю, что только одно провидение может устранить наши затруднения, если богу будет угодно сжалиться над нами».

Торговля переживала плачевные дни: выгодные сношения с Испанией были прерваны войной, налоги и пошлины непомерно выросли. Безработица, обнищание со всех сторон вызывали жалобы и протесты. Сити отказывало протектору в займах.

Кромвель не мог не видеть, что в хозяйственной сфере режим

его терпит фиаско. Ничего не оставалось делать, как думать о созыве нового парламента, но на какой основе? Ни «Орудие управления», ни «Смиренная петиция», как показал опыт, не годились. Девять приближенных, избранных Кромвелем для совета по этой части, тщетно ломали голову над конституционными вопросами. Как сохранить порядок и спокойствие в новом парламенте? Как не допустить туда республиканцев и кавалеров? Может быть, пойти на сговор с Ледло и Вэном — их ясные головы пригодятся протектору? А может быть, лучше снова возбудить вопрос о короне, благо главный ее оппонент Ламберт устранен от дел? Они не видели выхода. Беспокойство овладело самыми дальновидными из придворных. Генри Кромвель чувствовал эту безысходную тревогу и летом писал из Ирландии Терло: «Да есть ли у вас вообще какая-нибудь положительная конституция, которой можно было бы присягнуть? Не зависит ли спокойствие страны единственно от жизни его высочества, от его исключительного усердия и способностей и личной заботы об армии, которую он создал и которой командует? Право же, помимо перста божьего (если я что-нибудь понимаю в делах Англии), только жизнь моего отца мешает страшному кровопролитию».

Прозорливость молодого Генри делает ему честь: как показали дальнейшие события, только авторитет Кромвеля спасал страну от смуты, от мятежа, анархии, от реставрации Стюартов, наконец. А жизнь клонилась к закату. 24 апреля протектору исполнилось пятьдесят девять лет. Массивные плечи его ссутулились, лицо стало одутловатым, волосы поредели, поседели. Его одолевали старческие немощи — бессонница, подагра, головокружения, боли в пояснице. Но дух клонился к упадку всего заметнее. Не было больше пламенных, искренних порывов, окрыленной веры в свою великую миссию. Да, он достиг высшей власти в стране, но доставляла ли она ему то удовлетворение, которого он желал? Вряд ли.

Лица самых надежных соратников вереницей проплывали перед ним в мучительной, густой тьме бессонных ночей: Лилберн, Ледло, Генри Вэн, Ламберт… Все они отвернулись от него, предали. Горечь пережитых измен и разочарований породила подозрительность, недоверчивость. Общительный и внимательный к людям прежде, теперь Кромвель стал нелюдимым. Временами он подолгу сидел у себя в комнате, запершись, не велев никого пускать. Только с дочерьми и с Терло он «бывал еще весел и на время забывал свое величие».

Множество покушений на его жизнь и сознание, что от него зависит все — порядок, мир, общественное благополучие, —

сделали его крайне осторожным. Говорили, что он не? доверял никому, даже личной охране, даже близким родственникам. В каждого иностранца он всматривался как в возможного тайного врага или убийцу, носил под одеждой тонкую кольчугу и никуда не выходил без гвардейцев.

И вот зловещая гостья с острой косой все чаще стала появляться в его доме, как бы предупреждая, как бы. грозя хозяину. В феврале умер от чахотки молодой муж Фрэнсис — Роберт Рич. Всего три месяца прошло с их великолепной разгульной свадьбы — и вот уже оделась юная вдова в черный траурный наряд. Вскоре за ним последовал в иной мир его дед, граф Уорик, отказавшийся занять место среди новых лордов. В июне опочил годовалый внучонок Оливера — младший сын Бетти Клейпол. А сама Бетти тяжко заболела.

Милая, живая, своенравная дочка — самая любимая дочка Бетти, которая в шестнадцать лет вышла замуж по своему выбору за Джона Клейпола, «нечестивого кавалера», и всегда просила отца за кого-нибудь из осужденной роялистской братии, лежала теперь в Гемптон-Корте, мучимая печалью о сыне и сильными болями, с которыми не могли справиться врачи. Когда стало ясно, что недуг ее опасен для жизни, Оливер со всей семьей и двором переехал в Гемптон-Корт. Он сам взялся ухаживать за больной. Душные июльские ночи напролет просиживал у ее изголовья, терзаясь видом ее страданий и своим бессилием. Он забросил государственные дела, лишь изредка выходил к иностранным послам с красными от бессонницы глазами, шаркающей старческой походкой.

В первые дни августа Бетти почувствовала себя немного лучше, и изнуренный отец впервые проспал всю ночь. Утром 6 августа она умерла. Ей было в ту пору двадцать девять лет.

Кромвель чувствовал себя настолько разбитым, опустошенным и больным, что даже не поехал на похороны, состоявшиеся 10 августа. Через неделю сильный приступ его старого недуга, подхваченного еще в ирландских болотах, свалил его — началась лихорадка. Но душевная боль была сильнее физического недуга. Он страдал невыносимо. В поисках утешения он велел принести Библию и прочесть ему отрывок из посланий апостола Павла. Когда текст был прочитан, он сказал:

— Это место уже однажды спасло мне жизнь, когда мой старший сын умер, что пронзило, как кинжалом, мое сердце; но это спасло меня.

Лихорадка, оправдывая свое название трехдневной, отступила, и 19 августа Кромвель участвовал в заседании Государственного совета. На следующий день он настоял, чтобы

его вывели на прогулку, и проехался немного в окрестностях замка. Навстречу ему попался знаменитый квакер Джордж Фокс с очередным прошением. Кромвель уже несколько раз не без интереса беседовал с этим просветленным человеком и сейчас велел ему прийти завтра. Фокс, пораженный, долго смотрел ему вслед. «Еще до того, как я подошел к нему, — записал он в своем дневнике, — я увидел и почувствовал дуновение смерти, от него исходящее. А когда я подошел к нему, он выглядел как мертвец».

На следующий день Фоксу отказали в приеме: протектор слег опять.

24 августа его по настоянию врачей перевезли в Уайтхолл: в Гемптон-Корте, за городом, было сыровато, а дело клонилось к осени. Но переезд только ухудшил состояние больного. Вечером озноб уже снова бил его, и дух начал слабеть. Много раз он механически повторял Символ веры, но надежды не было в его тоне. Возможно, его донимали укоры совести? Трижды слышали, как он шептал: «Страшное дело — попасть в руки бога живого». Раз он подозвал к себе капеллана (несколько домашних проповедников день и ночь молились о его здоровье в соседнем покое).

— Скажите мне, — спросил больной, — возможно ли однажды избранному потерять благодать?

— Нет, невозможно, — твердо ответил богослов, искушенный в догматах кальвинистской веры. Вздох облегчения вырвался из груди Кромвеля. Он поднял глаза и прошептал:

— Тогда я спасен. Ибо я знаю, что некогда мне была дарована благодать.

30 августа страшная буря пронеслась над Лондоном. Ураган, словно игрушки, опрокидывал церковные колокольни, срывал крыши с домов, топил корабли на Темзе. В парках и окрестных лесах бурелом проложил гигантские просеки, на полях развеяло собранный в снопьг урожай. Невиданные смерчи закручивались в воздухе; их темные вершины упирались в небо.

Грохот и завывания бури проникали за толстые стены Уайтхолла, заставляя вздрагивать и громче повторять слова молитвы всех его обитателей. Когда буря немного утихла, сознание Кромвеля как будто прояснилось, ему стало полегче. Он снова сказал, что не умрет на этот раз — будет жить, чтобы завершить свое дело. Приступов не случилось и на следующий день, но слабость была очень велика.

В эти последние дни протектора Оливера Кромвеля только один человек отваживался входить к нему с государственными

делами — вернее, с одним-единственным важнейшим государственным делом, — и этот человек был Джон Терло. А дело, ради которого он донимал вопросами умирающего и уже отрешенного от мирских забот протектора, было назначение преемника. Согласно последней конституции — «Смиренной петиции и совету» — протектор сам должен был назначить себе преемника. И пока такое назначение не сделано, государственные мужи — те, кому предстояло жить и править страной после Кромвеля, — не могли спать спокойно. «И поистине, милорд, — писал бессонный и внимательный Терло в Ирландию Генри Кромвелю, — мы имеем все основания бояться, что дела наши будут очень плохи, если ныне господь призовет к себе его высочество. Не то чтобы шансы Карла Стюарта, как я думаю, были столь уж велики или его партия так уж сильна сама по себе, но я боюсь наших собственных разногласий, которые могут быть довольно велики, если его высочество не выберет и не назначит до того, как умрет, своего наследника…»

30 августа, когда бушевал ураган, Терло решил, что момент настал. Он наклонился к больному и спросил его, кого он желает назначить своим преемником. Кромвель был очень слаб и погружен в себя. Он не ответил ничего определенного — или, может быть, дал такой ответ, который не удовлетворил Терло…

Терло, как и других членов совета, устраивал только один кандидат — Ричард Кромвель. Простоватый и покладистый «сельский джентльмен» мог на первых порах понравиться всем. Советники диктовали бы ему свою волю; пресвитерианам и консерваторам по душе было то, что Ричард не запятнал себя причастностью к казни короля и наследовал власть как старший сын, по монархическому принципу. С другой стороны, республиканцы надеялись вынудить слабохарактерного Ричарда сделать некоторые уступки в свою пользу. Терло поэтому домогался от сотрясаемого лихорадкой протектора назначения именно Ричарда.

2 сентября стало ясно, что Кромвель умирает. Он часто впадал в забытье, а то вдруг становился беспокойным, все время что-то говорил.

В этот день Терло и еще четыре приближенных вошли к протектору с попыткой добиться окончательного назначения. Но было уже поздно. Кромвель метался, что-то невнятно бормотал, бредил. Люди ему мешали. Ему надо было решить для себя какую-то важную задачу, испросить, быть может, милости божьей на этот последний свой час. Люди склонялись над ним, заслоняли

тусклый свет, проникавший сквозь сдвинутые портьеры, они чего-то от него хотели.

— Так Ричард, Ричард?.. — назойливо спрашивали они.

Он кивнул им — лишь бы поскорее ушли — и продолжал свой нескончаемый бессвязный монолог, обращенный к небесам.

В ночь со 2 на 3 сентября он стал очень беспокоен; бормотание его сделалось громким, отрывистым, невнятным. Ему предложили выпить лекарства и заснуть, но он вдруг ответил резко:

— Моя забота — не пить или спать, моя забота — поспешить поскорее уйти.

Наутро он потерял дар речи, и между тремя и четырьмя часами пополудни, 3 сентября, в памятный и славный день, даровавший ему величайшие победы — при Денбаре и Вустере, — лорд-протектор Оливер Кромвель скончался.

Эпилог

В Вестминстере среди потемневших старинных зданий из красного кирпича одиноко высится на белом постаменте строгий памятник. Человек в латах и высоких кавалерийских сапогах стоит, слегка склонив голову. В правой руке он держит меч, в левой — Библию, орудия своей власти. Голова его не покрыта, лицо сурово и печально. У подножия постамента лежит величественный лев — традиционный британский символ. Таким он спустя века предстает глазам наших современников — вождь английской революции, джентльмен по рождению, воин, цареубийца, завоеватель и диктатор, так и не ставший королем, — Оливер Кромвель.

О чем говорит нам этот образ? Прежде всего — о революции. Первой буржуазной революции «европейского масштаба», которая разрушила оковы феодальных ограничений в экономике, смела сословные привилегии, расшатала главный оплот абсолютизма — англиканскую церковь, а саму королевскую власть низвергла, короля привела на эшафот и провозгласила в Англии республику. Это означало «победу нового общественного строя, победу буржуазной собственности над феодальной, нации над провинциализмом, конкуренции над цеховым строем, дробления собственности над майоратом, господства собственника земли над подчинением собственника земле, просвещения над суеверием, семьи над родовым именем, предприимчивости над героической ленью, буржуазного права над средневековыми привилегиями».

Правда, это была буржуазная революция и буржуазная республика, со всеми ее слабостями и компромиссами: боязнью народных движений, страстью к наживе и завоевательной внешней политикой. Но буржуазия была в те времена еще молодым, подымающимся классом, возросшим в ходе борьбы с застоем средневековья. Она выдвигала из своей среды отважных, не боящихся решительных действий революционеров, которые смело шли на борьбу, подчас привлекая на свою сторону широкие народные массы. В.И. Ленин указывал, что английская буржуазия эпохи революции XVII века не боялась идти вместе с народом, «не вздыхала по случаю „нетерпимости“ меньшого брата, не строила кислых гримас по поводу „слишком пламенных ораторов“ из числа этого меньшого брата, а сама поставляла ораторов (и не только ораторов) *самых* пламенных, будивших чувство презрения к проповеди «терпимости», к бессильным *воздыханиям* , к колебаниям и нерешительности. И из числа этих пламенных

ораторов находились люди, в течение веков и веков оставшиеся светочами, учителями, несмотря на всю историческую ограниченность, зачастую наивность их тогдашних представлений о средствах избавления от всяческих бедствий». В.И. Ленин ставил этих ранних буржуазных революционеров в пример трусливой и соглашательской буржуазии эпохи империализма.

Самой типичной фигурой английской революции, отразившей все ее противоречия и сложности, являлся небогатый сельский сквайр — землевладелец, пуританин, враг официальной церкви и королевского произвола. Таким именно сквайром и был Оливер Кромвель. В чем-то он близок народу; он умеет говорить с ним на одном языке; он верит в бога так же, как простые люди его времени. Он идет вместе с народом в борьбе против короля, епископов, лордов. Он ведет в бой народную армию против сторонников абсолютной монархии и благодаря своим качествам выдающегося полководца одерживает блестящие победы. Он уступает народным требованиям и соглашается казнить короля и установить в Англии республику. Когда же республика в лице «охвостья» Долгого парламента демонстрирует всему миру свою лживую, трусливую, корыстную сущность, он смело разгоняет ее, может быть, неосознанно стремясь к более справедливому и гармоничному порядку. Недаром К. Маркс сказал, что «английский народ в лице Кромвеля разогнал Долгий парламент».

Но, представитель буржуазно-дворянского союза, Кромвель в то же время боится народа. Он не хочет уравнения в правах с низким людом — ни политического, ни тем более имущественного. И, как диктуют ему интересы его класса, он подавляет народные движения, не дает воли тому, что считает «смутой» и «анархией». Он начинает отходить от народа еще в 1649 году, когда порывает с его знаменосцами — левеллерами. Когда же он поворачивает свою доблестную революционную армию против восставшей Ирландии и ведет ее душить и захватывать, бить и наживаться, он из Робеспьера революции превращается, по выражению Ф.Энгельса, в ее Наполеона. Верный стремлениям своего класса — восходящей, рвущейся к власти буржуазии в союзе с новым дворянством, — он вынашивает планы международного союза протестантских держав под владычеством Британии. Внутри же Англии он становится к концу жизни стражем порядка, констеблем, который подавляет всякое проявление недовольства. Он — бдительный охранитель от посягательств «священной частной собственности».

И все же Кромвель велик, как велика сама английская революция — прекрасное и грозное время ниспровержения

старого строя, рождения новых надежд, замыслов, идеалов. Еще и сейчас в Англии говорят о революции как о «времени Кромвеля». А когда хотят сказать о личной ответственности каждого перед своей совестью, о праве выбора, о необходимости владеть своими страстями и подчинять их высшей цели, приводят поговорку: «Каждый сам себе Кромвель».

Несмотря на всю свою историческую ограниченность, на отступления и ошибки, на незрелость политических идеалов, Кромвель останется в веках прежде всего вождем великой революции, борцом против феодализма и королевского произвола, выдающимся полководцем и смелым политиком, который соизмерял свои поступки с велениями своей совести.

Основные даты жизни Кромвеля и главных событий революции

1558—1603 — годы правления королевы Елизаветы I.

1599, 25 апреля — родился в Хантингдоне Оливер Кромвель, сын Роберта и Элизабет Кромвель.

1603, март — смерть королевы Елизаветы I и вступление на престол Якова I Стюарта. Переезд его из Шотландии в Англию; апрель — пребывание в Хинчинбруке, поместье сэра Оливера Кромвеля.

1604, март — созыв первого парламента Якова I (просуществовал с перерывами до февраля 1611 года).

1605 — «Пороховой заговор», организованный английскими католиками с целью взорвать парламент.

1614, апрель — созыв второго парламента Якова I (распущен в июне 1614 года).

1616, апрель — Кромвель поступает в Кембриджский университет, в колледж Сидни-Сассекс.

1617, июнь — умирает Роберт Кромвель, отец Оливера. Оливер Кромвель покидает Кембридж и возвращается в Хантингдон.

1619—1620 — пребывание Кромвеля в Лондоне, где он обучается праву.

1618—1648 — Тридцатилетняя война в Европе.

1620, 22 августа — Кромвель женится на Элизабет Буршье, доче ри лондонского купца-меховщика. Венчание происходит в Лондоне, в церкви святого Джайлса, Криппльсгейт. После этого он с женой возвращается в Хантингдон.

1621, январь — созыв третьего парламента Якова I (распущен в январе 1622 года). В том же году у Кромвелей родился сын Роберт.

1623 — у Кромвелей родился сын Оливер. В марте — сентябре этого года принц Уэльский Карл вместе с придворным фаворитом Бекингемом едет в Испанию с целью заключения брака с испанской инфантой.

1624 — у Кромвелей родилась дочь Бриджет. В ноябре этого года подписан брачный контракт принца Уэльского Карла с Генриеттой-Марией, дочерью французского короля Генриха IV и сестрой Людовика XIII.

1625 — смерть короля Якова I и восшествие на престол Англии Карла I. В июне — августе этого года новый король созывает свой первый парламент.

1626 — у Кромвеля родился сын Ричард. В том же году, в феврале — июне, Карл I созывает второй парламент.

1628 — Кромвеля избирают в парламент от Хантингдоншира. В марте он едет в Лондон, участвует в заседаниях парламента, знакомится с Гемпденом, Пимом, Элиотом и другими вождями оппозиции. 7 июня парламент подает королю «Петицию о праве»; 17 июля Карл утверждает ее. 23 августа Фелтон убивает королевского фаворита герцога Бекингема. Кромвель болеет. В сентябре он консультируется в Лондоне с доктором Теодором Майерном. В этом же году у него родился сын Генри.

1629, 11 февраля — первое выступление Кромвеля в парламенте, направленное в защиту пуританских проповедников. В марте Карл I распускает парламент и заключает в тюрьму вождей парламентской оппозиции, в том числе Элиота.

1629 (9 марта) — 1640 (13 апреля) — беспарламентское правление Карла I. Кромвель возвращается в Хантингдон. У него рождается дочь Элизабет (Бетти Клейпол).

1630 — возобновление старого закона о посвящении в рыцари каждого землевладельца с доходом не ниже 40 фунтов стерлингов. Ноябрь — подписание в Мадриде договора о мире и союзе между Англией и Испанией.

1631 — Кромвель продает свой дом и владения в Хантингдоне и переезжает в Сент-Айвз, где арендует пастбища и разводит скот.

1633 — Карл I назначает Томаса Уэнтворта (впоследствии — граф Страффорд) лордом-наместником (вице-королем) Ирландии. Уильям Лод становится архиепископом Кентерберийским.

1635 — восстановление Карлом I древнего налога — «корабельной подати».

1636 — Кромвель получает наследство после смерти своего дяди Томаса Стюарда и переезжает с семьей в Или (графство Кембридж).

1636—1638 — народное движение в Восточной Англии против осушителей болот, в защиту общинных прав крестьян. Кромвель принимает участие в этом движении.

1637 — Звездная палата выносит приговор пресвитерианским богословам: Принну, Бертону и Баствику (приговорены к пожизненному тюремному заключению, бичеванию, клеймению и штрафам). В июле этого года началось восстание в Шотландии, повлекшее за собой войну Шотландии против Карла I. В ноябре Джон Гемпден, кузен Кромвеля, возбудил в суде казначейства дело о незаконности взимания «корабельных денег». В декабре того же года арестован Джон Лилберн по обвинению в печатании и распространении пуританской литературы. У Кромвеля

родилась дочь Мэри.

1638 — народные выступления против «корабельных денег». В марте — движение за подписание национального Ковенанта в Шотландии. 18 апреля приведен в исполнение приговор Звездной палаты над Джоном Лилберном, присужденным к бичеванию, выставлению у позорного столба, штрафу в 500 фунтов стерлингов, и тюремному заключению. В ноябре того же года шотландцы созвали Генеральную ассамблею в Глазго с участием кальвинистского духовенства, представителей дворянства, горожан и частично крестьян. В этом году у Кромвелей родилась дочь Фрэнсис.

1639, февраль — шотландская армия перешла английскую границу и вторглась в северные графства. После краткой и неудачной для Англии войны Карл I в июне того же года заключил Бервикский мир с Шотландией. У Кромвеля умер старший сын Роберт.

1640, 13 апреля — 5 мая — Короткий парламент. Кромвель участвует в нем в качестве депутата от Кембриджа. В августе шотландцы возобновляют военные действия и наносят английским войскам поражение при Иьюберне. В ноябре созывается новый парламент, получивший название Долгого. Кромвель — снова депутат от Кембриджа. 3 ноября — открытие парламента; 11 ноября — арест Страффорда; в декабре — арест архиепископа Лода и других вдохновителей абсолютистской политики. 11 декабря в парламент подается петиция о полном уничтожении епископата «с корнем и ветвями», подписанная 15 тысячами человек. Создается комитет по делам религии, в котором активно участвует Кромвель.

1641 — 19 января в парламент внесен билль о ежегодном созыве парламента; 15 февраля принят «Трехгодичный акт». В марте — апреле идет суд над Страффордом, в мае в Лондоне происходят народные волнения, под их давлением король подписывает смертный приговор Страффорду. Казнь происходит 12 мая, Кромвель выступает в парламенте по делу осужденного Лилберна, и в мае его выпускают из тюрьмы. В июле по требованию парламента упраздняются суды Звездной палаты и Высокой комиссии. В августе отменены лесные законы и «корабельные деньги». В октябре начинается восстание в Ирландии. 22 ноября парламент принимает Великую ремонстрацию.

1642 — в январе король пытается арестовать 5 вождей парламентской оппозиции, но терпит неудачу и бежит на север. В феврале парламент принимает акт о конфискации у ирландцев 2,5 миллиона акров удобных земель для обеспечения займа в 1

миллион фунтов стерлингов, полученного правительством для подавления ирландского восстания. Кромвель участвует в этом займе. 2 июня парламент принимает «Девятнадцать предложений» королю. 12 июня издано постановление об организации парламентской армии под командованием графа Эссекса. 22 августа король объявляет войну парламенту — поднимает свое знамя в Ноттингеме. 23 октября — первое крупное сражение между парламентскими и королевскими войсками при Эджхилле. Кромвель участвует в нем в чине капитана.

1643 — в январе парламент издает акт об уничтожении епископата. В феврале Кромвеля назначают полковником войск Восточной ассоциации графств. 13 мая — битва при Грэнтеме. В июне умирает от раны Джон Гемпден. Летом и осенью Кромвель создает первые отряды Армии нового образца. 28 июля — битва при Гейнсборо. 10 августа главнокомандующим войск Восточной ассоциации назначен граф Манчестер, его заместителем — Кромвель. В сентябре парламент принимает шотландскую «Священную Лигу и Ковенант». 20 сентября — битва при Ньюбери. 10 октября кромвелевские отряды наносят поражение роялистам при Уинсби.

1644 — союзница английского парламента шотландская армия вступает на территорию Северной Англии. Кромвеля назначают лейтенант-генералом. Умирает его второй сын Оливер. 2 июля происходит битва при Марстон-Муре, где войска парламента одерживают решительную победу. 27 октября — вторая битва при Ньюбери. В ноябре разыгрывается конфликт между Кромвелем и графом Манчестером по вопросу об усилении борьбы с королем. 25 ноября он публично обвиняет Манчестера на заседании парламента. 9 декабря Кромвель выступает в парламенте с речью о необходимости коренной реформы армии. Он предлагает палате билль о самоотречении.

1645 — в середине февраля парламент принимает акт о создании Армии нового образца. Кромвель формирует и обучает армейские отряды. 14 июня происходит битва при Нэсби — крупнейшая победа парламентской армии. В сентябре Кромвель берет Бристоль.

1646 — 24 февраля парламент издает указ об упразднении Палаты по делам опеки — происходит отмена феодального «рыцарского держания». В конце апреля Карл I бежит на север и сдается в плен шотландцам. 24 июня парламентские войска взяли Оксфорд.

1647 — в феврале шотландцы передали короля английским уполномоченным. Кромвель болен. Парламент решает распустить

армию. Левеллеры поднимают протест, Лилберн публикует разоблачительные памфлеты. В армии возникают советы агитаторов. Солдаты отказываются от похода в Ирландию. Пресвитериане создают в Лондоне Комитет безопасности. 2—4 июня корнет Джойс захватывает короля в замке Холмби и увозит его в ставку армии. В это же время Кромвель покидает Лондон и прибывает в ставку армии. По его предложению создается Всеобщий совет армии. 1 августа индепенденты публикуют свою конституцию — «Главы предложений». 6 августа армия во главе с Кромвелем и Фэрфаксом вступает в Лондон.

В сентябре Кромвель начинает переговоры с королем. Левеллеры объявляют его предателем. 28 октября — 11 ноября происходит расширенное заседание совета армии в Пэтни, где обсуждается левеллерская конституция — «Народное соглашение». 11 ноября король бежит из Гемптон-Корта на остров Уайт. 15 ноября Кромвель подавляет выступление левеллеров в Уэре. Казнь солдата Ричарда Арнольда. В декабре Карл I подписывает с шотландцами тайное соглашение.

1648 — 3 января палата общин принимает решение о прекращении переговоров с королем. Весной начинается вторая гражданская война. 29 апреля происходит совещание офицеров армии — индепендентов и левеллеров — в Виндзоре; принято решение о привлечении Карла I к суду как виновника бедствий нации. 3 мая Кромвель выезжает из Лондона в Уэльс. В июле он осаждает Пемброк. После его падения идет с войсками на север. 17—19 августа он одерживает победу над роялистами при Престоне. В сентябре — октябре Кромвель воюет с шотландскими роялистами на севере, в начале октября вступает в Эдинбург и заключает мир с Аргайлом. Затем идет к югу и осаждает Понтефракт.

В начале декабря Карла I перевозят в замок Херст. 2 декабря армия вступает в Лондон, 6 декабря полковник Прайд и солдаты производят чистку парламента от пресвитериан. В тот же вечер Кромвель возвращается в Лондон.

1649 — 20 января начинается суд над королем. 30 января — казнь Карла I. 6 февраля парламент издает билль об упразднении палаты лордов. В феврале выходит памфлет Лилберна «Разоблачение новых цепей Англии». В марте выходит левеллерский памфлет «Охота на лисиц…» и памфлет Лилберна «Вторая часть разоблачения новых цепей Англии». Парламент объявляет этот памфлет мятежным и заключает в Тауэр вождей левеллерской оппозиции. Ранней весной начинается выступление «истинных левеллеров» — диггеров. Волнения в полках. 27 апреля — казнь Роберта Локиера. В начале мая Кромвель

подавляет восстание левеллеров в Бэрфорде. 19 мая в Англии официально провозглашается республика.

15 августа Кромвель во главе английских войск высаживается в Ирландии. 11 сентября — штурм Дрогеды и зверское избиение жителей и гарнизона. 11 октября Кромвель берет штурмом Уэксфорд.

1650 — в апреле — мае Кромвель осаждает крепость Клонмель и терпит ряд поражений. 26 мая он покидает Ирландию. 8 июня после краткого пребывания в Лондоне он едет на север и в июле вторгается с армией в Шотландию. 3 сентября при Денбаре он одерживает крупную победу над шотландскими войсками.

1651 — февраль, апрель, май — Кромвель в Эдинбурге серьезно болеет. В начале августа он захватывает Перт, после чего вслед за шотландской армией Карла Стюарта спешит в Англию. 3 сентября происходит битва при Вустере, где Кромвель наносит сокрушительное поражение войскам Карла Стюарта и шотландцев.

9 октября парламент выпускает «Навигационный акт», направленный против голландского торгового преобладания. В декабре Кромвель обсуждает с Уайтлоком вопрос об «устроении нации».

1652 — в апреле начинается первая англо-голландская война (закончилась в апреле 1654 года). В августе издается «Акт об устроении Ирландии». В августе же офицеры армии подают петицию с требованием реформ. В ноябре Кромвель снова обсуждает с Уайтлоком конституционный вопрос.

1653 — 19 апреля Кромвель совещается с офицерами армии и некоторыми членами Долгого парламента в Уайтхолле, 20 апреля он разгоняет Долгий парламент и Государственный совет. 4 июля начинаются заседания Малого парламента. В августе происходит суд над Лилберном; присяжные оправдывают его. 12 декабря Малый парламент складывает с себя полномочия. 16 декабря Кромвель становится лордом-протектором Англии. Принимается новая конституций — «Орудие управления».

1654 — в апреле Англия заключает мир с Голландией и подписывает торговый договор со Швецией. 3 сентября открывается первый парламент протектората. В сентябре у Кромвеля умирает мать. В декабре отправляется экспедиция в Вест-Индию.

1655 — 22 января Кромвель распускает парламент. В апреле английский флот атакует Эспаньолу, но терпит неудачу. 17 мая — захват англичанами Ямайки. 9 августа Кромвель разделяет Англию и Уэльс на 11 военно-административных округов во главе

с майор-генералами. 3 ноября Англия заключает союзный и торговый договор с Францией. Начинается война с Испанией.

1656 — 17 сентября открывает заседания второй парламент протектората. 27 ноября издан акт, подтверждающий ордонанс 1646 года об упразднении палаты по делам опеки.

1657 — в феврале в парламент вносится «Смиренная петиция и совет» — Кромвелю предлагают королевский титул. 23 марта подписан договор с Францией о совместных военных действиях против испанских Нидерландов. 8 мая Кромвель под нажимом офицеров отказывается от королевского титула. 25 мая парламент принимает «Смиренную петицию и совет». 26 июня происходит торжественное утверждение новой конституции и интронизация Кромвеля — вторичное провозглашение его лордом-протектором. Кромвель составляет списки палаты лордов.

1658 — 4 февраля Кромвель распускает парламент. 4 июня происходит сражение за Дюнкерк, англо-французские войска одерживают победу. Дюнкерк переходит к Англии. 6 августа умирает Элизабет Клейпол. 3 сентября умирает Оливер Кромвель.

1660 — 29 мая происходит реставрация Стюартов.

1661 — 30 января прах Кромвеля, Айртона и Брэдшоу извлечен из могил и предан надруганию.

notes

1

От греческого «presbyteros» — старец, старейший. Пресвитериане отвергали епископскую власть и признавали служителями культа избранных церковной общиной пресвитеров — старейшин.

2

Диамант (франц.) — алмаз, бриллиант.

3

Все переводы библейских текстов даются по изданию: Библия. Изд. Московской патриархии. М., 1968.

4

Новыми дворянами, или джентри, в Англии называли тех представителей феодального сословия, которые в отличие от старой землевладельческой аристократии перестраивали свое хозяйство на новый, буржуазный лад: они огораживали общинные земли и разводили на них овец, широко применяли в своих поместьях наемный труд, сдавали землю в аренду, вводили агротехнические улучшения. Их хозяйство было тесно связано с рынком, а сами они зачастую являлись и собственниками капиталистических предприятий в городах.

5

Бейлиф (англ.) — представитель короля, осуществляющий административную и судебную власть.

6

Один акр равен примерно 0,4 гектара.

7

Eel — по-английски — угорь.

8

К парламентской решетке, или барьеру, которым отделялось кресло спикера от мест для депутатов, вызывали людей для вынесения им обвинения или для снятия показаний.

9

В Англии того времени милицией называли войска местного ополчения.

10

Граф Ньюкасл — главнокомандующий королевской армии.

11

Иоанн Лейденский (1509—1536) — вождь нидерландских анабаптистов, бунтарь, уравнитель, глава Мюнстерской коммуны.